ДБ
58
Г-74
Готье, Ю.
Очерки по истор
лит. культ...

оторвана
последняя
страница 3.10.06
[illegible]

Ч 3. 7 43 / 40
DБ 58 / Г74
902.6:91:9/47 / Г74
72

Проф. Ю. В. ГОТЬЕ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ДО ОСНОВАНИЯ ПЕРВОГО РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

I

Каменный век.—Бронзовый век.
Железный век на юге России

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО БРОКГАУЗ-ЕФРОН
1925

Типография имени Володарского, аренд. „Красной Газетой“.
Ленинград, Фонтанка, 57.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 19 г.
5501-1927г М
№ 5501
3-VI-1927

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТР.

ВВЕДЕНИЕ 7

Глава I. **Русская равнина со времени великого оледенения** 19

Оледенение и междуледниковые периоды. — Ледник в восточно-европейской равнине в различные периоды своего развития. — Восточная Европа в послеледниковый период. — Север. — Центр и юг. — Климатические условия. — Последние моменты образования русской равнины.

Глава II. **Появление человека. Древнейший каменный век в России** 26

Стоянка в Гонцах. — Карачарово. — Кривой Рог. — Костенки. — Крым. — Долина Днестра. — Киев. — Канев. — Ильская. — Стенино. — Мезино. — Искорость. — Пятигорск. — Общий очерк русского палеолита.

Глава III. **Неолитическая эпоха. Общие понятия** 46

Что такое неолит? — Классификация неолита. — Продолжительность неолита. — Распространение неолитической культуры в России. — Степень исследованности.

Глава IV. **Человек неолитической эпохи. Его жилища и погребения** 53

Человек неолита. — Жилища. — Пещеры. — Пещеры искусственные. — Землянки. — Плотинные жилища. — Городища. — Погребения. — Могилы без насыпи. — Курганы. — Каменные ящики. — Дольмены. — Погребальные площадки.

Глава V. **Быт неолитической эпохи** 69

Каменные орудия. — Дерево, кость, рог. — Керамика. — Украшения. — Занятия. — Духовная жизнь. — Верования и погребальные обычаи. — Трупосожжение, его смысл. — Трепанация черепов. — Храмы. — Изображение божеств. — Социальная жизнь. — Культурные наслоения. — Культура погребальных площадок (Трипольская культура). — Ее значение. — Торговые пути.

стр.

Глава VI. **Открытие обработки металлов** 85

Значение этого явления. — Бронза. — Место и время возникновения бронзовой культуры. — Бронзовая культура в Европе.

Глава VII. **Бронзовый век в южной России** 90

Общие замечания.—Южно-русская бронзовая культура.— Курганы и погребения. — Предметы утвари. — Майкопский курган.— Курганы в станице Царской.—Клады.—Разработка руды в южной России. — Земледелие и скотоводство. — Хронология южно-русской бронзовой культуры. — Культурные влияния Эгейского и Яфетического миров.

Глава VIII. **Бронзовый век на северном склоне Кавказа** . . 101

Область распространения. — Кобанский могильник как представитель памятников этой культуры. — Описание могил. — Бронзовая утварь. — Керамика. — Антропологические данные. — Хронология древнейших кавказских могильников. — Отношение Кобанской культуры к Ассиро-Вавилонии и Ванскому царству. — Вопрос о носителях Кобанской культуры.

Глава IX. **Бронзовый век в средней России** 110

Бронзовая Фатьяновская культура. — Сейминская культура. — Ее открытие. — Младший Волосовский могильник.— Общая характеристика Сейминской культуры. — Бессарабский клад. — Выводы.

Глава X. **Бронзовый век в восточной России** 119

Общие сведения. — Ананьинский могильник. — Другие могильники. — Погребальные обычаи. — Костеносные городища. — Инвентарь Ананьинской культуры. — Быт ее представителей. — Хронология Ананьинской культуры.
Бронзовый век в западной России.

Глава XI. **Происхождение и распространение обработки железа** 134

Происхождение железной промышленности. — Появление железа в цивилизованных странах древнего Востока. — Распространение железной культуры в западной Европе. — Общий взгляд на распространение железной культуры в восточной Европе.

Глава XII. **Греческая колонизация северных берегов Черного моря** 141

Общие замечания. — Причина расселения греков. — Фактический процесс расселения по Черному морю.— Отношение греческих колоний к метрополиям. — Отношения к туземцам. — Торговля. — Краткий перечень греческих поселений на северном и восточном берегу Черного моря.

стр.

Глава XIII. **Ольвия** 150

Исследование развалин Ольвии. — Источники истории Ольвии. — История Ольвии. — Древнейший период. — Протоген. — Гетский погром. — Ольвия при Дионе. — Позднейшая Ольвия. — Внутренний строй Ольвии. — Культурное взаимодействие Ольвии и степных варваров. — Влияние степей на Ольвию. — Материальное влияние Ольвии на туземцев. — Духовное влияние. — Анахарсис и Скил.

Глава XIV. **Херсонес Таврический** 169

Исследование развалин Херсонеса. — Источники истории Херсонеса. — История Херсонеса. — Древнейший период. — Присяга херсонесцев. — Диофант. — Римский период. — Византийский период. — Упадок Херсонеса. — Внутренний строй Херсонеса. — Влияние Херсонеса на туземцев и влияние туземцев на Херсонес.

Глава XV. **Босфорское царство**. 186

Территория. — Исследование памятников Босфорского царства. — Развалины городов. — Некрополи. — Источники Босфорской истории. — История Босфора. — Археанактиды. — Спартокиды. — Митрадат. — Вторая династия. — Внутренний строй. — Общий характер Босфорской культуры. — Влияние степи и востока.

Глава XVI. **Ранний железный век на юге России. — Источники изучения туземной культуры** 212

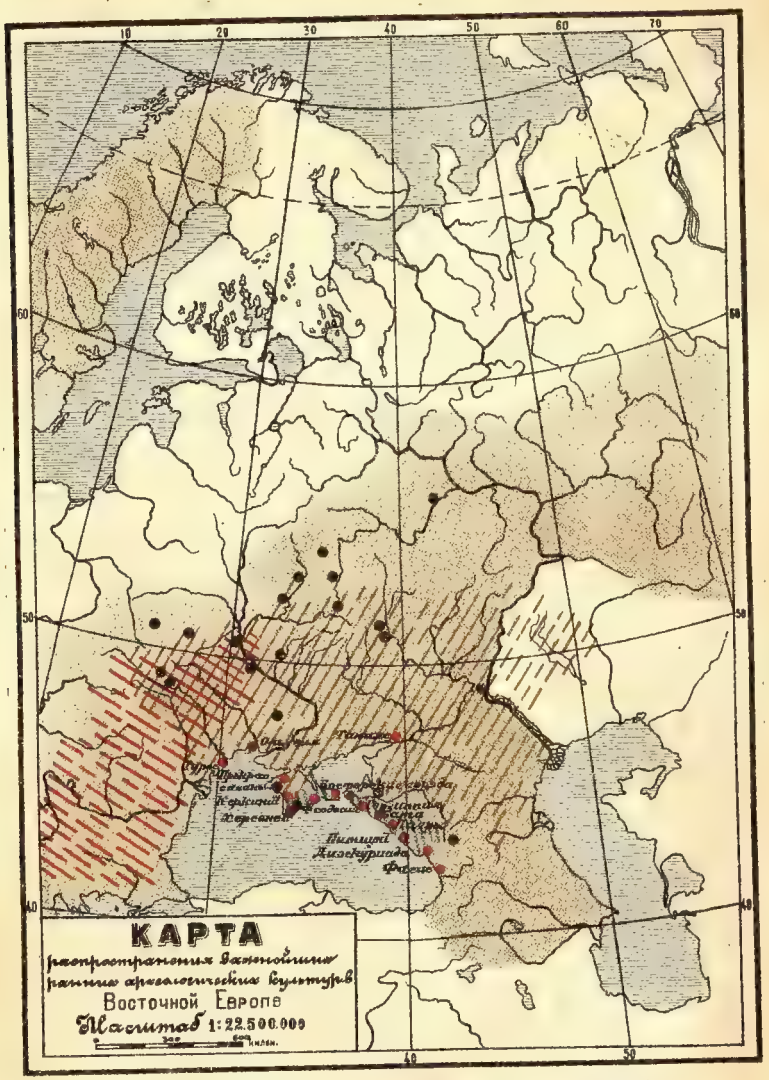
Курганы. — Ранние раскопки. — Луговая могила. — Чертомлык. — Семибратная могила. — Карагодеушах. — Зубовский курган. — Келермесс. — Солоха. — Общий обзор курганов с богатыми погребениями. — Общий обзор курганов других типов. — Крымские погребения в каменных ящиках. — Городища. — Клады. — Письменные источники.

Глава XVII. **Ранний железный век на юге России. — Туземные племена** 237

Киммерийцы. — Тавры. — Скифы. — Их появление на восточно-европейской равнине. — Происхождение скифов. — Страна. — Подразделение скифов по Геродоту. — Скифская держава. — Савроматы, Мэоты, Синды и др. племена. — Сарматы. — Геты.

Глава XVIII. **Ранний железный век на юге России. — Быт туземцев**. 254

Общие замечания. — Жилища. — Занятия. — Вооружение. — Одежда. — Внешний вид скифов. — Погребальные обряды. — Религия. — Влияние греко-римской цивилизации на варваров.



Условные знаки

- Мезолитические стоянки
- Неолитическая культура Вельмонов
- Трипольская культура
- Бронзовая культура
- Греческие колонии
- Скифско-сарматская культура

Тираж 2000 эк. Ленинградский Гублит. №10627

1 Гос. лит. Ленинград.

ВВЕДЕНИЕ.

Русская археология и русская история в их взаимных отношениях.

Под русской историей обычно подразумевается совокупность явлений, имевших место с того времени, когда на Восточно-Европейской равнине впервые сложилось славяно-норманское государство, которое затем с неизбежными, сменяющими друг друга периодами процветания и упадка существует до наших дней. В этом государстве от его образования и до сих пор действовали и имели значение не одни только славяне, не одни только русские. В самом появлении его принимали участие скандинавы и финны. Тем не менее, с самого начала его общим и государственным языком был язык восточной ветви славян, которые в этом государстве об'единились и в нем обрели свое общее имя, хотя имя это и не местного и не славянского происхождения. Государственный узел начал наматываться в IX веке, об'единение восточных славян закончилось в X веке; древнейшие памятники русского языка, несколько искаженного юго-славянскими литературными влияниями, дошли до нас от XI века. Преемство государственного об'единения, хотя и нарушаемого нередко в своем целом, и преемство государственного и литературного языка определило собой хронологический период, к которому до сих пор обычно прилагалось понятие «русская история». Все, что было в нашей стране до этого момента, отметалось вовсе или же с трудом и неохотой и притом чисто внешним порядком пристегивалось к привычной схеме. Оглянемся на общие сочинения по русской истории. Карамзин посвящает событиям до IX века десяток страниц. Соловьев не более того. Ключевский едва-ли не меньше. Лишь в самых последних опытах общего обзора древне-русской истории—времени до возникновения русского государства—уделяется несколько боль-

ше внимания; упомяну о «Русской Истории» проф. Багалея, о «Лекциях по древней русской истории» проф. Любавского. И все же в обоих названных трудах события до IX века рассматриваются, как введение в деяния русского народа и в историю русского государства. Я не хочу сказать, чтобы не было исключений. Они есть, но они только подтверждают правило. Самым блестящим и своеобразным из таких исключений я считаю «Разыскания о начале Руси» Д. И. Иловайского, но ведь эта оригинальная работа, которую сам автор рассматривает, как необходимый перед изложением русской истории экскурс в «скифские и сарматские дебри» была предпринята с предвзятою целью найти настоящую Русь вдали от норманнов, где-то на юге и в очень глубокой древности. Кроме того, она опирается, главным образом, на свидетельства древних писателей, т.-е. на обычные исторические первоисточники и на лингвистические выводы автора, с которыми лингвисты профессиональные никогда не будут в состоянии согласиться. Правда, Д. И. Иловайский опирается и на некоторые археологические данные; но когда он писал свою книгу, их было, сравнительно с теперешним временем, еще довольно мало.

В этом обстоятельстве и надо, кажется, искать одну из причин, почему русские историки так упорно ограничивали свое поле зрения IX веком. Когда жили и работали наши старые историки, науки русской археологии еще не существовало; следующие поколения встречались с недостаточным археологическим материалом и осторожно его обходили. Их преемники продолжали держаться приемов, сделавшихся традиционными, и, как я уже отметил, понемногу, с некоторым трудом и только в самое последнее время стали заходить далее вглубь, привлекая археологические материалы или пользуясь частными выводами, которые успели сделать представители археологической науки. Для пояснения приведу один пример блестящего, хотя отчасти и парадоксального изображения «древнейших судеб русского племени», сделанного А. А. Шахматовым в его последнем предсмертном труде [1]), где он широко пользовался и материалом и частными выводами археологов. Так недостаток археологического материала,—нашего главного источника по истории нашей страны до образования русского государства,—а затем некоторая оторванность русской исторической науки от археологии, были со стороны историков причиною, почему до сих пор представление об истории нашей страны обычно ограничивалось IX веком по Р. Х. и не шло дальше вглубь веков.

Русская археология, как наука, гораздо моложе русской истории. Графа Уварова отделяет от Татищева и князя Щербатова целое столетие. Очень естественно, что молодая археологиче-

[1]) Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени, Птрг. 1919 г.

ская наука должна была пройти через период накопления своего научного материала. Но период этот теперь несомненно миновал; однако, русская археологическая наука и до сих пор не склонна к сближению с наукой русской истории; она неохотно согласует с ней свои действия, не всегда идет к ней навстречу и не ищет ее содействия даже и в тех вопросах, где их интересы совпадают, а методы дополняют друг друга. Для раннего времени ее научного существования такое отношение было вполне понятным. Оно соответствовало требованиям осторожности, к которым неоднократно призывал и ее основатель. «Мы положительно знаем», пишет гр. А. С. Уваров, «что доселе археологическими раскопками недостаточно обследованы местности, заселенные славянскими и неславянскими народами, и даже большая часть местностей так мало обследована, что мы не имеем сведений о могилах, в них сохранившихся. Погребальные обряды каждого народа оставили в могилах следы местных обычаев: когда эти обычаи будут раз'яснены, тогда раз'яснится и народность наших могил» [1]). Ведь слова эти не что иное, как увещание не увлекаться до времени, осторожно исследовать сырой материал курганных погребений, копить его, воздерживаясь от преждевременных, а потому недостаточно обоснованных выводов.

Русская археологическая наука так и шла по этим заветам. Перебирая теперь собранные ею материалы, поражаешься, с одной стороны, их богатством, а, с другой — их неразработанностью. Приходится удивляться и тем мыслям, которые мне самому приходилось слышать от археологов-специалистов, уверявших, что и в наши дни еще не настало время обобщать археологические материалы и даже вообще сомневавшихся в возможности это сделать.

Накопление и воздержание от обобщений стало в нашей археологической науке такой же традицией, какой в науке исторической сделалось ограничение себя IX веком. Быть может, нигде это не бросается так сильно в глаза, как в богатейшей и интереснейшей археологии русского юга. Только в самое последнее время делается попытка на основании археологического материала построить обобщения в этой области. Но большой труд, задуманный академиком М. И. Ростовцевым, остается до сих пор незаконченным и о высокой степени его интереса и достоинства мы можем пока судить лишь по популярному очерку того же автора «Эллинство и иранство на юге России» (Пг. 1918). Та же археология русского юга может нам показать, как мало до сих пор было стараний подойти к открываемым ею явлениям с точки зрения русской истории. Нужно признать, конечно, что

---

[1]) О признаках народности могильных насыпей. Древн. Тр. М. А. О. III. М. 1873.

первые и наиболее яркие впечатления, даваемые ею, действительно заставляют думать об эллинстве, об иранстве, о малоазиатском влиянии, но здесь возможны и другие перспективы. Сошлюсь на того же М. И. Ростовцева, который в небольших отрывках, напечатанных недавно заграницей, подходит по данным южнорусской археологии к вопросу о заселении речных путей, ведущих от южных наших морей на север, и в наших древних русских городах, Киеве, Чернигове и других,—видит поселения, основание которым, обусловленное географическими причинами, было положено племенами, жившими здесь задолго до появления в этих местах русских славян [1]).

Уклонения от выводов и обобщений и отчужденность от русской исторической науки и вопросов ею поставленных—вот, если не болезни, то из'яны нашей археологической науки.

Взаимная разобщенность и нежелание отступать от взглядов и приемов, успевших стать традиционными, одинаково свойственны, по моему мнению, обеим близким и братским отраслям русской науки—исторической и археологической, в тех, по крайней мере, областях, где они соприкасаются одна с другой. Нормально ли такое явление? Можно ли с этим безропотно и беспрекословно согласиться? Я думаю—нет. Пора пересмотреть взаимные отношения обеих наук, пора установить между ними ту теснейшую связь, которая всеми чувствуется, но не достаточно сознается, пора установить их очередные задачи при разрешении вопросов, одинаково интересных и для историка и для археолога.

Мне думается, что богатый материал, собранный при помощи чисто археологических методов, оживится и озарится совершенно новым светом, если историческая наука разобьет искусственно созданную ею плотину IX века по Р. Х., включит в сферу своих интересов и древнейшие судьбы русского племени и древнейшие судьбы других народов, живших в той же стране в одинаковых с русскими географических и климатических условиях и отчасти влиявших на русских славян в раннюю эпоху их существования и, сделав это, подойдет к тому, что сделано археологами при помощи их методов и запросов.

Теоретическую схему постараюсь оживить несколькими примерами.

Во главу русской истории ставят обыкновенно географический обзор страны и извлекают из него определенные последствия для судьбы населявших страну народов. Несомненно, самой оригинальной чертой географии нашей страны, из тех, которые имеют значение для ее истории, является ее речная сеть, представляющая целую систему первобытных путей, по которым сообщались

[1]) «Современные Записки». 1921, кн. 2; Revue des Etudes Slaves, t. II, P. 1922; Iranians and Ghuns in southern Russia, Oxford, 1922, последняя глава.

люди, когда других путей сообщения они не знали. Мы знаем очень хорошо, какое значение имеют эти пути даже в наше время; знаем мы и то, что среди других речных путей путь Волжский имеет преимущественное перед всеми другими значение. Не новостью будет, если я напомню, что в IX веке русские речные пути имели громадное значение для образования русского государства, при чем путь Днепро-Волховской для истории образования русского государства значил больше, нежели путь Волжский. Было ли это явление исконное или временное? Имели ли вообще в так называемую доисторическую эпоху речные пути такое же значение, какое они имели при свете истории? Русская археология при теперешнем уровне ее знаний даст нам на эти вопросы поучительные и интересные ответы. Оказывается, что во втором тысячелетии до Р. Х. на рубеже каменного и бронзового веков на Верхней Волге, в пределах нынешней Ярославской губ., были в ходу прекрасно отшлифованные оригинальные каменные топоры, молоты и орнаментированные круглодонные глиняные сосуды. И те и другие были совершенно тождественны по формам с топориками и горшками того же времени, находимыми на Северном Кавказе, с тою лишь разницею, что кавказские топорики сделаны из бронзы. Как об'яснить это совпадение, если не предположить, что предметы с Северного Кавказа путем меновой торговли доходили, по крайней мере в образцах, до Верхней Волги, где местное население по этим образцам выделывало из многочисленных местных валунов каменные топорики и копировало формы и орнаменты кавказских глиняных сосудов? А если так, то это прямое доказательство, что люди того времени уже пользовались Волжским путем, что он уже имел торговое значение. Между тем, по крайней мере при настоящем запасе наших знаний, мы не можем сказать ничего аналогичного о Днепровско-Волховском пути. Тогда как речные пути более западные, Дунай—Эльба, Дунай—Висла, уже давно служили для торговли янтарем, сквозной путь по Днепру к Балтийскому морю как будто был еще закрыт и неизвестен. Волжский путь сохраняет такое же значение и в расцвет бронзового века; в этом убеждает сопоставление бронзовых находок на той же верхней Волге с бронзовыми предметами русского юга. Между тем о Днепровском пути мы начинаем узнавать лишь с того времени, когда при устье его возникает «торжище Борисфенитов», Ольвия, да и то путь этот, видимо, ведет не сквозь страны, а, быть может, только до верховья Днепра, т.-е. только вглубь, в тот глухой, пока еще для нас загадочный угол Европы, соответствующий Польше и Западной России, где не знали бронзового века, блестяще развившегося как в Средней Европе, так и в восточной половине нашей страны. Так оттеняется вековое исконное преобладание Волжского пути над Днепровско-Волховским и, наоборот, временное, хотя и очень заметное преобладание

последнего, начиная с того времени, когда норманы стали пользоваться им для походов к Царьграду.

Торжище Борсифенитов описывается Геродотом, как исходная точка далекого торгового пути, который степью, волоками, реками доводил до зауральских степей. Чем можно проверить показания, хотя и очень добросовестного, но не все описанное им видевшего лично отца истории? Только данными археологии, которые как раз открывают нам, что предметы греко-скифской культуры, современные Геродоту и близкие к его времени, были широко распространены в области, так называемой, Ананьинской бронзовой культуры, свившей свое гнездо на Средней Каме и Волге. Новое подтверждение давности пользования торговыми путями, для которых течения рек имели всегда особенное значение.

Так археологические изыскания помогают всесторонне изучать речные пути русской равнины. Думается, что русским археологам суждено совершить еще не мало открытий на этом пути.

Русскую историю обычно начинают с IX века. Но в этот момент славянские племена, составившие ядро русского народа, уже жили в тех местах, где они под именем русского обитают до наших дней. Значит, они явились сюда до основания русского государства, а отсюда вытекает, что мы совершенно вправе порвать с традицией, считающей исходной точкой русской истории образование русского государства и можем историю русского народа начинать гораздо раньше. На наших глазах А. А. Шахматов довел ее вглубь до 10-х годов VI века, когда, по его мнению, где-то в нынешней Бессарабии, Добрудже или Валахии часть славянского племени, уже оторвавшаяся от общего ствола, в свою очередь, распалась на две ветви, давшие одна юго-славян, другая—антов или русских славян. Я не вхожу здесь в оценку его остроумной гипотезы; я ограничусь лишь указанием, что к своим выводам он пришел, опираясь, кроме лингвистических соображений, также на источники исторические, письменные и, наконец, на памятники археологические, вещественные. Но, ведь, славяне, которые в VI веке обратным ходом на север из Бессарабии и Добруджи заселили, по его мнению, Поднепровье и Подонье, не родились на устьях Дуная, а пришли туда откуда-то из иных мест, и по мнению Шахматова, да и по мнению других ученых, в том числе таких авторитетных археологов, как Нидерле, откуда-то с севера, с северных склонов Карпат, из Привислинья, быть может, с берегов Немана и Западной Двины, т.-е. из того глухого угла Европы, где долго не было торговых путей, куда не заходили торговцы из благословенных южных стран, из того угла, который очень долго не имел, кажется, и до-истории. Как проверить такие предположения, когда исчерпан весь запас остроумнейших филологических выкладок и скудных письменных источников?

Только путем тщательного критического допроса памятников археологических. Этого еще до сих пор не сделано, хотя нельзя сказать, чтобы материал для исследования не был накоплен, ибо археологические исследования в западной России велись, быть может, даже интенсивнее, чем в других местностях нашей страны.

Другой вопрос, ответит ли имеющийся у нас материал на поставленный вопрос и как он решит его, если он будет в состоянии на него ответить. Сказать это можно будет только тогда, когда соответственный материал будет разобран, критически изучен и обобщен, что я и считаю одной из очередных задач нашей археологической науки.

Древнейшие судьбы славян вообще и русских славян в частности тесно переплетаются с судьбами других племен, им родственных и не родственных. Не задаваясь целью перечислить здесь все такие племена, укажу для примера на готов для более раннего и на норманнов—для более позднего времени. По отношению к готам, оставившим по себе оригинальные следы в области предметов утвари, находимых при раскопках в местах их временных остановок на юге России и в Крыму, где часть их прочно засела на долгие времена, возникает, например, интересный вопрос, хотя бы о жизни их на месте Киева, иначе сказать, уже поставленный в археологии вопрос о преемственности различных племен в насиженных местах древнейших поселений восточно-европейской равнины, т.-е. вопрос, который можно формулировать так: были ли древне-русские города основаны русскими славянами, или же это были готовые гнезда, созданные кем-то и когда-то ранее, но которыми русские славяне воспользовались, когда коловращение племен привело их на эти места? Если на этот вопрос может быть дан ответ, то дать его может только изученный и всесторонне исследованный археологический материал. По отношению к норманнам должен быть возбужден и поставлен другой вопрос: как освещает археологический материал их роль и значение в деле строительства первоначального русского государства? Материал обилен, и попытка его обработки уже сделана, но не русским, а шведским ученым Арне [1]), выводы которого у нас популяризовал А. А. Шахматов в названной мною его работе. Но книга Арне, носящая заглавие: «Швеция и Восток», в сущности говорит, что шведы, т.-е. норманны, стремясь к востоку, принесли в русскую равнину свет с запада, т.-е. из Скандинавии, и вопрос о быте и об условиях жизни племен, обитавших на этой равнине, приводит почти к той самой точке зрения, на которой стояли русско-немецкие академики XVIII столетия, т.-е., что до прихода варягов там не было никакой местной жизни и что создали эту жизнь варяги. Вряд ли с этим можно согласиться без оговорок.

---

[1]) T. Arne. La Suède et l'Orient. Upsal. 1914.

Отсюда другая очередная задача как руских археологов, так и русских историков—пересмотреть выводы Арне и об'ективно решить, насколько они справедливы.

В одном месте своего курса русской истории В. О. Ключевский говорит, что история России есть история страны, которая колонизуется. На фоне общего колонизационного процесса, как в эпоху, предшествовавшую образованию русского государства, так и в первые века его существования, особенно выступают славяно-финские отношения, выражающиеся в том, что славяне поступательным движением с юго-запада мало-по-малу оттесняли финские племена к северо-востоку. История может отметить некоторые фазы этого многовекового процесса; ее источники, например, летопись или жития преподобных Авраамия и Леонтия Ростовских, освещают отдельные его эпизоды иногда очень ярко и красочно, но все же одно только подробное и неуклонное исследование археологических памятников может дать истинный ключ к разрешению самого, может быть, важного и основного культурно-исторического процесса, развертывающегося на восточно-европейской равнине и прямым последствием которого было образование великорусской народности в ее современном виде. Некоторые шаги уже сделаны; напомню попытку А. А. Спицына, посредством допроса археологических источников, разобраться в процессе внедрения первых славянских поселенцев в Ростовском крае [1]). Вразрез с воззрениями, прочно установившимися в науке русской истории, автор настаивает на том, что уже в очень раннее время значительное число славян обитало там, где мы привыкли считать население почти чисто финским. Получается противоречие, устранить или раз'яснить которое может только дальнейшее изучение, а оно, в виду ничтожного количества памятников письменности, может состоять только в дальнейшем допросе памятников археологических, т.-е. почти исключительно курганных погребений, в бесчисленном множестве уже раскопанных научно, начиная с гр. Уварова, и едва-ли не в большем числе ожидающих очереди быть разрытыми. Собрать во-едино весь тот громадный материал, который уже имеется в наших музеях и в нашей археологической литературе и попытаться на основании его придти к каким-нибудь определенным выводам—вот задача, разрешение которой было бы одинаково полезным делом как для русской археологии, так и для русской истории.

В настоящее время очень модным является мнение, что Россия во всей совокупности истории и быта составляет самостоятельное целое, переходную ступень от Европы к Азии—«Евразию», как теперь принято говорить. Русские люди самых различных программ, взглядов и убеждений разными путями, но с одинако-

[1]) Спицын. Владимирские курганы. Изв. Арх. Ком., XV.

вым увлечением стремятся к спасительному термину Евразия, разом устанавливающему и «особенную стать» России и об'ясняющему все ее особенности, прошлые и настоящие. Обычно доказательств, что Россия существенно отличается от Европы и имеет более сродства с Азией, ищут в Русской истории, т.-е. с IX века.

Я думаю, что если к делу привлечь факты и явления за более долгий хронологический период, то мнение о России, как Евразии, получит для многих, может быть, неожиданное, но веское подтверждение. Археология учит нас, что цивилизация, по крайней мере начиная с неолитической эпохи, проникала в нашу страну несколько иными путями, нежели в Западную Европу. Свет, шедший с востока, с того востока, который мы теперь называем ближним, направлялся в Западную Европу Средиземным морем; в Восточную Европу он шел через Кавказ и Черное море. Только об одной из существовавших в России культур, культуре погребальных площадок или трипольской, можно думать, что она была занесена под прямым влиянием средиземно-морской Эгейской цивилизации, но, ведь, Трипольские погребальные площадки и расписные сосуды захватывают нашу равнину только одним уголком. Распространяясь на земли Нижнего Дуная и на Балканский полуостров, культура погребальных площадок, быть может, принадлежит более Западной Европе, нежели России. Да, кроме того, и для Трипольской культуры некоторые черты аналогии были найдены далеко на юго-востоке в Эламе.

Гораздо более, чем Средиземно-морские страны оказывали на Россию влияние Малая Азия, Армянское нагорье и лежащая за ними Месопотамия—царство хетов, Митанни, Наири, а через них Ассирия и Вавилон.

Оттуда, с Ближнего Востока должна была придти мегалитическая культура, оставившая так много памятников на Черноморском побережье Кавказа. Она была более древней даже, чем соперничавшая с ней на юго-западе России культура погребальных площадок. Несомненное, доказанное Хетское влияние господствует над южно-руской бронзовой культурой, давшей большое количество погребальных памятников—курганов, рассыпанных от Днепра до Нижней Волги, от Кавказских гор до Верхнего Дона. Как мелкие бронзовые предметы, находимые в курганах со срубами и катакомбами, так в особенности поразительные по своей художественности предметы, найденные в некоторых богатых погребениях, например, в Майкопском кургане или кургане в станице Царской,—золотые украшения с звериными изображениями, напоминающими зверей на барельефах Богаз-Киоя, длиннорогие быки, драгоценные вазы со зверями и горными ландшафтами,— красноречивее письменного рассказа говорят, что вся южная и добрая половина средней России испытывали во втором тысячелетии до Р. Х. длительное и постоянное влияние мало-азиатского ци-

вилизованного мира. Отраженными лучами оно доходило даже до верхнего Поволжья. Не случайно отмеченное уже мною выше сходство глиняных сосудов и молотков на Северном Кавказе и в окрестностях Ярославля.

В начале первого тысячелетия до Р. Х. на смену отжившего хетского влияния приходит влияние Ванского царства — народов Урарту или Наири, в свою очередь испытавших длительное влияние Ассиро-Вавилонии.

Доказательством этого служит богатая и оригинальная Кобанская культура, свившая себе гнездо на северных склонах Кавказа и устойчиво державшаяся там еще во времена Римской Империи. Ближний Восток с его старыми цивилизациями непрерывно излучал свое влияние на Восточную Европу.

Даже греческий мир явился у нас с определенным восточным налетом.

Колонизаторами северных берегов явились по преимуществу мало-азиатские греки-милетцы. В главном, наиболее значительном из греческих поселений на северном берегу Евксинского Понта—в Пантикапее, восточное влияние дает себя чувствовать с самого начала существования греческих Босфорских поселений.

С течением времени оно неуклонно крепнет и Босфорское царство времен Римской империи с его восточными культами, с его бытовыми связями, которые тянули не к греко-римскому миру, а к миру элинностическо-восточному, с его многочисленным восточным, в частности еврейским, населением, нередко заставляет забывать, что в основе его лежали колонии свободных эллинов.

Не малое значение в проведении восточного влияния в южную Россию имели степи с их вечно волнующимся и изменяющимся, как степная трава, населением.

Отмечено и доказано иранское влияние не только в Босфоре но и в гораздо лучше сохранявшей свой греческий облик, более западной Ольвии. Знакомые нам по надписям имена граждан Босфорских городов первых веков после Р. Х. не оставляют никакого сомнения в их постепенной варваризации, притом шедшей под определенным иранским уклоном. Сменявшие одна другую волны кочевников-степняков, скифы, сарматы, еще более, чем за тысячу лет до основания русского государства, несли в нашу страну никогда не иссякавшую струю восточного влияния. Она особенно заметна в сложившемся в VI веке по Р. Х. на юго-востоке России хазарском царстве, археологические памятники которого все же, к сожалению, нельзя признать достаточно изученными. Представители востока, сами по себе, хазары как-то необыкновенно умело собрали в одно русло различные восточные влияния, господствовавшие до них в юго-восточной России. Они усвоили еврейскую религию, они овладели территорией все еще существовавшей Северо-Кавказской Кобанской культуры и, как показали рас-

копки одного из городов в северных пределах их державы, близ местечка Верхнего Сальтова в нынешней Харьковской губ., сумели элементы этой культуры охранить в глубине России. Наконец, они приобрели политическое господство и над частью славянских племен, что, конечно, не могло не способствовать дальнейшему проникновению восточного влияния на север и запад.

Они же, став оседлыми, сделались проводниками на Русь арабского культурного влияния, шедшего из тех же мест, которые тысячелетием ранее были вместилищем Ассиро-Вавилонской цивилизации.

Если оглянуться назад вглубь веков, то окажется, что прямые и непосредственные связи России с Востоком задолго предшествовали водворению в ней русских и основанию русского государства. А если вдуматься в это, то какой реальный смысл, какое важное значение получит то непосредственное, частью отрицательное частью положительное влияние Востока, какое всегда испытывала Русь с первых моментов своего существования. Не случайностью и не новостью была борьба Киевских князей со степью, с Хазарами, Уграми, Печенегами, Половцами. Не случайностью было существование на Волге Болгарского царства с ясно выраженным восточным, частью мусульманским обликом.

Не случайностью было и появление татар и татарского ига, а следовательно, и татарского влияния на Русь.

Далекое прошлое нашей страны учит нас, что восточное влияние было почти предвечным. Оно учит нас также, что оно было двояким. Степняки приносили чаще всего беспокойство и разрушения. Цивилизованные страны древнего Востока неизменно приносили в нашу землю семена культуры. Но, ведь, и степные кочевники были не только разрушителями. Элементы своеобразной цивилизации были у Скифов; культуру распространяли хозары и болгары. Известная культурность была и у наших поработителей татар. Возможно отметить, пожалуй, еще одну черту, присущую некоторым, по крайней мере, из кочевников: они иногда приносили к нам усвоеные ими элементы цивилизации не ближне-, а средне- и дальне-восточной. Впрочем, — и об этом напоследок упомянуть необходимо,—дальне-восточная культура имела свой собственный, не слишком сильный, но очень устойчивый путь проникновения в восточную Европу: он шел из Средней Азии, через Сибирь к Уралу. Финская культура, сменившая Ананьинскую, глубоко проникнута восточными мотивами, непосредственно проникавшими из Азии. Отражением этих мотивов в материальных памятниках являются бесчисленные медные и бронзовые изображения зверей и особенно птиц, не только чрезвычайно распространенные на востоке и севере России в бронзовом веке, но устойчиво державшиеся и при железной культуре. Прообразов этих изображений приходится искать в Центральной Азии и даже

Индии. Таковы уроки нашего далекого прошлого. Чем больше мы его изучаем, тем ярче и яснее выступает постоянная и тесная связь России с Востоком, более постоянная и тесная, чем связь между Востоком и западной Европой. И здесь дальнейшие археологические исследования обещают много новых открытий и много существенных данных, необходимых для уразумения и осмысления культурно-исторического облика России.

Какие же выводы можно сделать из сказанного? Какие задачи должны себе ставить русская история и русская археология в деле изучения русской культуры? Каковы должны быть взаимные отношения этих двух отраслей русской науки? Мне кажется, что ответ может быть такой. Русская историческая наука должна расширить рамки своих интересов, она должна принять в область своего прямого и непосредственного изучения тот длинный период времени, который она до последнего времени считала по отношению к истории собственной России доисторическим, и не отмежевываться от него, так как, если в этот период нельзя говорить об истории русских государств, то на значительном протяжении его можно говорить об истории русского народа, а еще раньше — об истории предшественников, а, может быть, и предков русского народа в нашей стране.

Русская археологическая наука должна со своей стороны подходить к той же цели, отрешившись от того накапливания материала, которым она почти исключительно занималась до сего времени. В деле накапливания она успела сделать так много, что для опытов сводных исследований и обобщений уже давно наступила пора. Случайные современные обстоятельства могут облегчить археологам эту задачу. Если мы и ранее не без основания жаловались на малую интенсивность действительно научных исследований и раскопок, то переживаемое нами время замедлило их, и, не надо скрывать этого от себя, — замедлило надолго. Создавшуюся «по независящим» от науки обстоятельствам задержку было бы возможно использовать для подведения итогов тому, что совершено за 75 лет существования русской археологии, как науки. Конечно, чаемые опыты историко-археологического, точнее историко-культурного синтеза будут неполными и осуждены заранее на скорое устарение. Тем не менее, они настоятельно необходимы, хотя бы потому, что до сих пор таких опытов не делали. Неизбежные поправки будут вносимы впоследствии.

Один из последних опытов читатель найдет в предлагаемой книге.

ГЛАВА I.

Русская равнина со времени великого оледенения.

При теперешнем состоянии геологической науки, можно считать установленным, что развитие ледников в Европе, наступившее после третичного периода, распадается на 4 отдельных фазы, отделенных одна от другой более или менее продолжительными «межледниковыми» периодами. Эпоха, сменившая последнее, четвертое, оледенение, непосредственно сливается с современной эпохой жизни земли и населяющих ее существ. Степень длительности времени, протекшего от начала плейстоценовой эпохи до начала периода исторического, оценивалось различными учеными далеко не одинаково. Не будет преувеличением, если мы скажем, что в трудах наиболее известных антропологов, геологов и археологов второй половины XIX и начала XX столетий, это время определяется в среднем приблизительно в полмиллиона лет [1]). В самое последнее время, впрочем, в среде археологов, были высказываемы некоторые сомнения в столь большой продолжительности времени, протекшего от первого оледенения до зари истории. «Нет никаких серьезных соображений, которые подтвердили бы высокие цифры, смело принятые учеными прошлого века; в настоящее время существует склонность признавать правильным более умеренное решение этой хронологической проблемы». Таково мнение одного из наиболее блестящих представителей современной археологической науки Дешелетта [2]).

Восточно-Европейская равнина, Русская равнина, как ее часто называют по имени народа, который занимает ее в настоящее время, подвергалась влиянию ледников в неменьшей степени, чем Западная Европа. Уже в первую фазу ледник покрыл более половины теперешней Европейской России. Громадный ледяной щит,

---

[1]) Сводку этих данных см. у Osborn. The man of the old stone age. London. 1916 p. 22, 23.

[2]) Déchelette, Manuel d'Archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine. I, 332.

совершенно подобный внутреннему льду, который сковывает в наше время большую часть Гренландии, распространялся из Скандинавии и Финляндии на юг и юго-восток, покрывая собою пространство до Днепра, Волги и Камы. После длительного периода отступления, ледник вновь получил поступательное движение и во время второй фазы оледенения достиг наибольшего своего распространения. Остатки морен и гранитные валуны, принесенные на спине ледяного щита с далекого севера, позволяют довольно точно определить границы второй, величайшей, фазы оледенения. Этого нельзя сказать о первом оледенении, границы которого лишь в немногих местах выдаются за пределы вторичного ледника. Граница последнего от склонов Карпат, оставляя подо льдом всю западную Галицию, изогнутой линией пересекала Волынь. Недалеко от Киева она поворачивала на юго-восток и шла параллельно нынешнему течению Днепра, приблизительно до Кременчуга, где переходила на восточный его берег, поднимаясь к северу, так что вне границ ледника оставалась юго-восточная часть нынешней Полтавской губернии с г. Полтавой, вся Харьковская губерния, почти вся Курская, за исключением Путивльского уезда, и средняя часть Орловской губернии. Теперешними городами Житомиром, Кременчугом и Орлом определялись очертания первого большого языка, которым ледник вдавался к югу по обе стороны среднего Днепра. К северу от Орла, приблизительно вблизи границы Орловской, Калужской и Тульской губерний, ледник вновь поворачивал к юго-востоку, направляясь к Дону, которого он достигал близ нынешнего Воронежа.Отсюда намечался второй язык его, занимавший бо́льшую часть пространства между Доном и Волгой, и почти достигавший местности, где обе реки сближаются. Здесь граница ледника во второй раз поворачивала на северо-восток. Не переходя Волги, она поднималась вдоль ее нынешнего течения, примерно, до устья р. Камы; где-то неподалеку от Казани ледник переходил, наконец, на левый берег и по междуречью Камы и Вятки поднимался к верхнему течению последней из этих рек. Далее он шел к верховьям Печоры, и от них попрежнему на северо-восток через Урал к низовьям р. Оби. Сибирь не была покрыта льдом, за исключением северо-восточной части, но ее сухой континентальный климат, тем не менее, оставался очень холодным.

В то самое время, когда великий ледник занимал около ¾ пространства нынешней Европейской России, другая, меньшая ее часть на юге была занята большим полупресноводным средиземным бассейном, который включал не только теперешние Каспийское и Аральское моря, соединявшиеся широкими проливами, но протягивался также далеко на север, доходя, быть может, до устья Камы, и продолжаясь вдоль по долине этой реки и ее притока Белой, почти до г. Бирска (нынешней Уфимской губ.). Бассейн этот в свою

очередь сообщался с Азовским и Черным морями посредством проливов, направление которых намечается в настоящее время течением реки Маныча. Большая часть вод, стекавших на юг из ледника по широким протокам, следами которых являются нынешние большие южно-русские реки, поддерживали высокий уровень южно-русского водного бассейна. Что же оставалось на долю суши из всей обширной территории Европейской России? Переводя ответ на административный язык недавнего прошлого, это были небольшие части Волынской и Киевской, Полтавской, Саратовской и Казанской губерний, более значительные доли губерний: Орловской, Воронежской и Симбирской, почти полностью территории Курской губернии и Области Войска Донского, все среднее Приуралье, в полном об'еме губернии: Подольская, Херсонская, Харьковская, Екатеринославская и Таврическая, и довольно значительная часть Северного Кавказа [1]).

За время второй межледниковой эпохи ледник постепенно отступил далеко на север. Возможно, что он вовсе растаял; нельзя, однако, считать совсем невозможным предположение, что он лишь отступил, и на долгое время застыл в новых более узких границах, в которых удерживала его усилившаяся мощность Финно-Скандинавского ледяного щита. Границы ледника в эпоху третьей фазы оледенения намечаются столь же почти ясно, как и границы его наибольшего распространения в более раннее время. Он захватывал попрежнему весь бассейн Балтийского моря, всю Финляндию и всю Скандинавию. К югу от нынешнего Балтийского моря, он обнимал нынешнюю северную Германию. Его южная оконечность достигала верховьев Одера и Вислы. Отсюда граница ледника поворачивала на северо-восток через Полесье к верхнему течению Десны и Оки, которую она переходила неподалеку от Калуги. В дальнейшем своем протяжении она проходила мимо Москвы, шла вдоль Московско-Ярославской жел. дор., и через Заволжские леса достигала Северной Двины около места образования ее из Сухоны и Вычегды. Далее она шла прямо на север, упираясь в Северный Ледовитый океан неподалеку от Чесской губы [2]). Несмотря на отступление ледника, он все еще был достаточно велик, чтобы питать своими водами расширенный Арало-Каспийско-Черноморский бассейн. Впрочем возможно, что при третьей фазе оледенения, северная граница водного бассейна отошла до южной части нынешней Самарской губернии.

После нового межледникового периода, лед еще раз произвел натиск на восточную и среднюю Европу. Попрежнему покрывая

[1]) Карты второй фазы оледенения см. у Osborn., op. cit. 65, у Карпинского, Очерки геологического прошлого русской равнины, карта XII, и у J. Geikie. The antiquity of man in Europa. Map. A.

[2]) Карта 3-й фазы оледенения см. у J. Geikie, op. cit., Map C.

северную Германию, лед переходил на прежнюю территорию русской империи в области к югу от Мазурских озер и шел к востоку, оставляя в пределах ледяного покрова губернии Виленскую и Витебскую. Задев север губернии Смоленской, граница ледника рассекала пополам Тверскую губернию от Ржева и Зубцова до Весьегонска. В пределах этой губернии остатки морен при значительно большем распространении валунов, к северу-западу от моренных холмов, красноречиво свидетельствуют о долговременной устойчивости границ ледника. Переходя далее к северу-востоку в пределы Новгородской губернии, ледник тянулся через Олонецко-Архангельское пограничье, захватывал значительную часть течения Северной Двины и достигал Северного океана к востоку от Белого моря. И в эту эпоху юг и юго-восток России попрежнему оставался покрытым водным бассейном, который продолжал питаться мощными потоками, приносившими к Черному и Аралo-Каспийскому морям воды таявшего ледника. Суша заметно возросла, но все же она занимала немногим более половины территории Европейской России [1]). Пространство суши еще уменьшилось в конце ледниковой эпохи так называемой бореальной или северной морской трансгрессией, выражавшейся тем, что весь крайний северо-восток Европейской России оказался под водами Ледовитого океана, доходившими в эпоху наибольшего своего распространения почти до верхнего течения Камы.

Рассмотрим теперь главные моменты в истории восточно-европейской равнины после окончания ледниковой эпохи. На северо-западе исчезновение ледника из местностей, где лед держался особенно долго и упорно, оставило многочисленные следы, дожившие до нашего времени, в виде бесчисленных озер, от которых вся эта часть равнины получила название озерного края. Самое большое из таких озер, образовавшееся во впадине между Финляндией и Скандинавией, соединялось с водами Северного моря и образовало холодное «Иолдиево море» (от молюска Ioldia arctica, доселе живущего в Северном океане и в Белом море). На северо-востоке Иолдиево море, включая в себе Ладожское и Онежское озера, соединялось с Белым морем. Берега его были покрыты тундровой растительностью. Позднее суша поднялась и на западе и на востоке; сообщение Иолдиева моря с открытыми морями прекратилось и оно перешло в пресноводный или почти пресноводный бассейн, который геологи называют Анциловым морем (от наиболее распространенного в нем молюска ancylus fluviatilis). Климат этой эпохи был более умеренным, нежели в предыдущее время; тундры сменились березовыми и сосновыми лесами. Позднее прорыв

[1]) Карты 4-й фазы оледенения см. у Osborn, op. cit. 105; Geikie, op. cit., Map D.

суши между Данией и Швецией вновь соединил закрытый водный бассейн с открытым морем. По берегам образовавшегося теперь «Литоринового моря» (от ископаемого моллюска litorina litorea, очертания которого были уже довольно близки к очертаниям Балтийского моря, климат стал еще теплее; об этом времени напоминают следы дубовых лесов в Швеции и Финляндии. В дальнейшем климат стал вновь понижаться; постепенно озерный край и берега Балтийского моря приняли современные очертания и в них водворились современные условия природы.

История центра и особенно юга нашей равнины несравненно более длинна и сложна, чем история озерного края и севера. Не говоря уже о тех местностях, которые не были никогда подо льдом, все то, что ледник обнажал при своем медленном отступлении к северу, оживало под лучами солнца гораздо ранее, нежели прибалтийские земли, освободившиеся ото льда, только когда великий ледник окончально умер, исчез. Гораздо более долгая история южно-русской суши подтверждается долинами рек. Широкие мутные потоки, несшие талые воды ледника в Черное и Каспийское моря, положили начало современным большим южно-русским рекам. Постепенно уменьшаясь в об'еме, по мере того, как ледник уходил далее, потоки углубляли свое русло; широкие террасы, соответствующие первоначальным долинам, сменялись более глубокими и более узкими долинами, которые в свою очередь уступали место долинам, еще более углубленным и тесным. В долинах северно-русских рек нет таких долгих следов работы вод; они менее разработаны, менее углублены, они менее успели разрыть берега, в которых протекают.

Есть основания думать, что вслед за отступлением ледника в местностях, освобождавшихся от льда, стал господствовать климат подполярных стран или климат альпийских местностей, лежащих непосредственно под снеговой линией. Прямые доказательства этого мы найдем, однако, только в торфяниках Прибалтийского края и прилегающей к нему Витебской губернии. Однако, такое предположение косвенно доказывается несомненными следами широкого распространения у нас в послеледниковое время мамонта (Elephas Trogontherii), и его неизменного спутника мохнатого носорога. В 1896 году около Ярославля были найдены останки мамонта, которые много позднее смерти животного были покрыты вновь надвинувшимся ледником [1]). Несколько времени спустя, в 1903 году скелет мамонта был найден близ Нижнего Новгорода в ледниковой щебенке, т.-е. в остатках ледниковой морены [2]). Оба случая с

[1]) М. Павлова. О мамонте, найденном вблизи гор. Ярославля в 1896 г. Ежегодник геологии и минералогии России. Т. II в. 3—4 1897 г.
[2]) И. Толмачев. Раскопки остатков Elephas trogontherii в Нижегородской губернии. Извест. Академии Наук, 1903, т. XVIII, № 5

полной несомненностью доказывают, что мамонт обитал у самых границ великого ледника. Если сопоставить с этим хорошо нам известные условия существования мамонта в Северной Сибири, то можно с полным правом сказать, что в то время, когда в Европейской России обитал мамонт, климат в ней был климатом приполярных стран, столь же холодный, как климат Сибири, но отличавшийся от него большой влажностью. Находки остатков мамонта в России встречаются далеко не равномерно: их меньше на севере и северо-западе, нежели в средней полосе [1]). Ледник отступал медленно и к тому времени, как он освободил Прибалтийские земли, мамонты успели уже вымереть.

Вторая стадия эволюции климатических и почвенных условий в послеледниковое время привела к образованию и росту южнорусских степей. Постепенное потепление климата, продвигая тундровую природу на север, давало на юге место новым формам. Из под ушедшего ледника освобождался мелкий зернистый однородный мучнистый суглинок светло-желтого цвета, в значительной мере образовавшийся от работы самого ледника. Такой суглинок, широко распространенный по южной и средней России, где он мощным пластом залегает под черноземом, носит название лесса. Когда тундра высыхала, лессовая почва покрывалась травяной растительностью, которая в ту эпоху не могла быть богатой и обильной; для этого в пластах лесса слишком мало перегноя. Такое обстоятельство указывает на очень сухой климат, который должен был господствовать в южной части России, когд в лице ледника исчез долго неисчерпаемый источник влаги. Мощные потоки талых вод уже не вливались в Черноморско-Каспийский бассейн; его северные границы начали отступать в направлении, противуположном леднику: Каспийское море отделилось от Аральского и Черного; Черное море было в эту эпоху, подобно современному Каспийскому, закрытым бассейном. Таким образом, степная площадь испытала громадное увеличение с юга. Сухая, небогатая растительностью, местами солончаковая степь, распространившись на юг и на север, заняла громадное пространство, которое заходило гораздо далее, чем в современную нам историческую эпоху: степь продолжалась там, где позднее она уступила место лесу.

Последний момент в истории образования нашей суши характеризуется увеличением влажности климата. Нужно, однако, заметить, что и это изменение относится ко времени, задолго предшествовавшему исторической эпохе. Увлажнение сопровождалось

---

[1]) Гр. Уваров (Археология России Каменный период, т. I, 140—155) приводит 268 указаний на находки остатков или отдельных костей мамонтов в Европейской России. Из них к Новгородской губ. относится 1 случай, к Псковской — 1, к трем Балтийским губерниям — 8. В Финляндии и Петербургской губ. находок не отмечено.

очень важными явлениями в области образования восточно-европейской суши. Увеличение атмосферных осадков должно было вызвать размывание лесса и образование овражистых долин рек; однако, рост оврагов через известное время прекратился; поэтому вторичным явлением, вызванным увлажнением климата, был расцвет растительности, которая закрепила овраги и отвердила лесс. Следствием расцвета растительности являются перегнойные слои почвы, известные под именем чернозема. Лессовые степи и в более раннее время должны были быть покрыты травой, но травяной покров в период сухого климата был очень скудным, сравнительно с тем, который вызвали к жизни обильные атмосферные осадки более позднего времени; вот почему во многих местах мощность чернозема достигает более аршина.

Северные части равнины, где влаги было всегда значительно больше чем в степях юга, постепенно покрывались лесом, после того, как исчезли непосредственные преемницы ледников—тундры, просыхала земля и климат становился теплее. Указанные уже выше следы березовых, сосновых и даже дубовых лесов вокруг водных бассейнов, занявших место финно-скандинавского ледника, с несомненностью это доказывают. Есть основания думать, что изменение климата в степной полосе вызвало наступление леса на степь и отступание последней. Благодаря увлажнению климата, лес стал появляться там, где его ранее не было. Он содействовал дальнейшему, окончательному закреплению почвы и постепенно отвоевывал у степи новые и новые пространства. Такой процесс продолжался до наступления исторических времен и даже позднее, пока завоевание степи лесом не было остановлено лесоистребительной деятельностью человека. Сначала лес был сильнее и степи и человека, позднее человек одолел лес и этим дал перевес степям в их извечном соперничестве с лесом. Но пока человек стал чувствовать себя сильней леса, он должен был много веков прожить, ютясь под его сенью. Когда же появился человек на восточно-европейской равнине?

Важнейшая литература.

А. П. Карпинский. Очерки из геологического прошлого России. 2-е издание 1918 г.

А. П. Павлов. О геологической истории Европейского континента. Отчет Московского Университета. 1913 г. и отдельно.

В. В. Докучаев. Наши степи прежде и теперь. Спб. 1892 г.

Н. Соколов. К истории причерноморских степей с конца третичного периода. Почвоведение. 1904, № 2 и 3.

Н. А. Богословский. Недавнее прошлое русской равнины. Научное Слово, 1905 г., книги VIII — IX.

ГЛАВА II.

Появление человека.

Древнейший каменный век в России.

Весною 1873 года владелец имения при с. Гонцы, Полтавской губернии, Лубенского уезда, на р. Удае, Г. С. Кирьяков подарил Лубенской гимназии кости мамонта, найденные им несколько ранее на своей земле при копании ямы. Таков факт, который повел к обнаружению первой палеолитической стоянки в Европейской России. Летом того же года преподаватель Лубенской гимназии Ф. И. Каминский, а несколько позднее, Киевский профессор К. М. Феофилактов, произвели раскопки и исследования в усадьбе Кирьякова. Результатами их работ была находка новых костей мамонта, костей других животных и орудий из кремня и кости. Находка была сделана на глубине около 4 арш. в лессе или лессовидном иле, около склонов высот, окаймляющих долину р. Удая. По мнению проф. Феофилактова геологическая обстановка находки указывала на эпоху не слишком отдаленную от времени отхода великого ледника. Кроме нижней челюсти и зубов мамонта, в яме были найдены часть рога оленя и довольно большое количество различных костей, по большей части расколотых. Несколько выше уровня, на котором были найдены кости, был обнаружен слой в поларшина толщины, который можно назвать слоем кухонных остатков. В нем попадалось множество обугленных костей, мелкие обломки бивней, осколков кремня и костей мелких животных. Здесь же было найдено 47 кремневых ножей и наконечников стрел очень грубого типа, в большинстве случаев граненых только с одной стороны, одно костяное шило и одно костяное острие. Исследование было произведено довольно поспешно, и не вся местность, где можно было ожидать продолжения находок, была раскопана. Гонцовская стоянка еще раз была подвергнута исследованию Щербаковским в 1914—15 г.г. В общем, найденные вещи были того же типа, как и обнаруженные за сорок лет перед тем; обращают осо-

бенное внимание молот из оленьего рога и амулет из медвежьей челюсти.

Наличность грубых каменных орудий и расколотых костей показывают, что в Гонцовских находках мы, несомненно, имеем дело со следами деятельности человека; обилие осколков и отбросов заставляет думать о долговременном пребывании здесь человека, и Каминский был совершенно прав, определяя найденное им, как стоянку древнейшего каменного века. Он относил ее к эпохе Мутье. Позднейший исследователь, Щербаковский, отнес находки к Маделенской эпохе, и надо думать, был ближе к истине. К этому мнению присоединился В. А. Городцов, считающий Гонцовскую стоянку едва ли не наиболее молодой из достаточно обследованных русских палеолитических стоянок [1]). Во всяком случае, мы можем сказать, что Гонцовская стоянка есть, несомненно, стоянка палеолитическая. Отдельные находки мамонтовых костей, сделанные в других местностях по долинам рр. Удая, Оржицы и Сулы, неподалеку от с. Гонцов, наводят на мысль, что Гонцовская стоянка не была единичным явлением в данной местности [2]). В 1877 году вешним разливом были размыты берега оврагов, спускающихся в долину р. Оки с левого высокого ее берега в окрестностях г. Мурома. В одном из них, Карачаровском, примыкавшем к усадьбе графа А. С. Уварова, было обнаружено после половодья много различных костей, которые частью были доставлены графу Уварову местными крестьянами, частью подобраны им самим. Все они оказались костями мамонта. Вслед затем было произведено подробное исследование места, откуда были вымыты кости мамонта. В раскопках, кроме самого графа А. С. Уварова, приняли участие крупные авторитеты в области археологии и геологии, — проф. В. Б. Антонович, проф. В. В. Докучаев и И. С. Поляков. В противоположность тому, что было в Гонцах, исследования здесь были произведены с большою тщательностью и доведены до конца. Кроме костей мамонта, в Карачаровском овраге были найдены кости его постоянного спутника—носорога (Rhinoceros tychorhinus), первобытного быка (Bos primigenius) и оленя, и до 500 каменных ору-

---

[1]) Городцов. Археология. Т. I. — Каменный век (рукопись). 447 — 448.

[2]) Каминский. Следы древнейшей эпохи каменного века по реке Суле и ее притокам.

Феофилактов. О местонахождении кремневых орудий человека вместе с костями мамонта в с. Гонцах (обе статьи в Трудах II. Археологического С'езда, т. I, 147 — 159).

Гр. Уваров. Археология России, Каменный период, т. I, 104 — 112.

Щербаковский. Стоянка в с. Гонцах (Записки Украинского Научного Об-ва исследования и охраны памятников старины в Полтавской губ., Полтава, 1919).

Спицын. «Русский Палеолит», 151, 153.

дий, в огромном большинстве из кремня, в отдельных случаях из диорита. Это были ножи, скребки, осколки и ядрища; среди них выделялось до десяти топоров самого первобытного типа. Все находки были сделаны в слое лессовидной желтой глины на 2 фута выше более древнего пласта железистой глины темно-красноватого цвета и футов на пять ниже поверхности земли. По определению проф. Докучаева, светложелтая глина соответствовала ледниковой эпохе. Все найденные предметы лежали на одном уровне, но в полном беспорядке. Стоянка служила для первобытных людей, быть может, временным обиталищем, во всяком случае, местом, где они делили добытую пищу и поедали ее; здесь же они иногда занимались приготовлением своих грубых орудий. В окрестностях оврагов вокруг села Карачарова и г. Мурома, до Карачаровских раскопок и после них, были неоднократно находимы кости мамонта. Это обстоятельство указывает, что это животное водилось здесь в достаточно большом количестве, быть может, привлекая по своим следам и человека.

Тридцать три года спустя, в 1910 году, В. А. Городцов вновь посетил место раскопок 1877 года. «Место Уваровских раскопок», пишет он, «заметно до сих пор. Изучая естественные обнажения оврага и отыскивая какие-либо признаки палеолитической стоянки, мы нашли обнажения углистого слоя, залегавшего в горизонте палеолитической стоянки. Обнажение находилось шагах в 500 от ранее исследованной палеолитической стоянки. Темный слой, содержавший крупные угли, залегал на глубине двух аршин, в лессовидном желтом суглинке. Подстилающая уголь глина носила характерные признаки влияния на нее сильного огня. Изучая это интересное явление, можно было придти к заключению, что имеется дело с остатками палеолитического кострища, бо́льшая часть которого, однако, уже разрушена ежегодно разрастающимся вверх оврагом». Такие соображения заставили В. А. Городцова отказаться от новых исследований Карачаровского оврага,—ясное подтверждение того, что гр. А. С. Уваров исследовал местность исчерпывающе. Определяя Карачаровскую стоянку, как несомненно палеолитическую, Уваров пытался определить ее более точно по классификации Мартилье; недостаточная ясность находки заставляла основателя русской археологической науки быть очень осторожным [1]).

Повидимому около того же времени, а быть может и несколько позже, в Ковальской балке, близ Кривого Рога, в Верхнеднепровском уезде, Екатеринославской губернии, А. Н. Полем была

---

[1]) Уваров. Археология России. Каменный период, Т. I, 112 — 120. Городцов. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 году. Древности, Труды М. А. Об. XXIV, 41 — 43. Спицын. Там же, 165 — 167.

найдена на глубине в 1½ метра стоянка каменного века. Кроме расколотых и разломанных костей мамонта, здесь было обнаружено и несколько десятков каменных орудий, в том числе отбойник (percuteur), кремневые ножи, осколки и т. п. Вещи находятся в Екатеринославском музее Поля; к сожалению, раскопка не велась научным способом, а сделанная позднее попытка нового исследования Ковальской балки не могла иметь успеха, потому что вся балка, а в том числе и самое место палеолитической стоянки, оказалась загроможденной горой отбросов «пустых», т. е. не рудных пород из соседнего рудника [1]). При таком положении дела, Криворожская стоянка может считаться только вехой, которая показывает, что в данной местности есть следы палеолитической культуры.

Летом 1879 года, И. С. Поляков, незадолго перед тем исследовавший с гр. А. С. Уваровым Карачаровскую стоянку, посетил с. Костенки, Воронежской губ., где находки мамонтовых костей были отмечены еще в XVIII столетии академиком Гмелином. С. Костенки расположено на правом берегу р. Дона, в нескольких оврагах, которыми прорезан здесь берег, и на береговой террасе при выходе из оврагов. Поляковым были раскопаны два места, площадью около тридцати кв. аршин. Два года спустя, в том же селе вел раскопки А. И. Кельсиев, исследовавший площадь втрое большую, нежели Поляков. Однако, полного исследования всей местности, где можно предполагать наличность следов человека, не было произведено в Костенках до нашего времени. Результаты экспедиции, работавшей в Костенках во время мировой войны, остаются до сего неопубликованными.

Кости мамонта и сопровождающие их культурные остатки залегают здесь неглубоко под толщей жирного чернозема, в желто-бурой лессовидной глине в расстоянии около 3 аршин от поверхности земли. Общий характер культурного слоя Костенковской стоянки близок к другим, ранее описанным русским палеолитическим стоянкам; стоянка очень богата костями, часто собранными в груды; некоторые из костей расколоты для добывания мозга, которым кости мамонта особенно обильны; много следов огня, много кремневых орудий, осколков и камней, служивших, вероятно, для разбивания костей. Костей со следами обработки в Костенках не было найдено, но большое число резцов (burin) специальных орудий, сопровождающих в верхнем палеолите костяные изделия, указывают, что и здесь кость уже служила для

[1]) К. Мельник. Каталог коллекции древностей А. Н. Поль в Екатеринославе. Вып. I, стр. 4 — 6.
Н. И. Криштафович. О геологическом исследовании палеолитических стоянок в Европейской России летом 1904 г. Древности. Труды М. А. О-ва XXI, вып. II. Протоколы, стр. 176 — 178.

различных поделок. Каменные орудия, найденные в с. Костенках, сделаны из тёмноватого кремня; рядом с орудиями встречалось много осколков, указывающих, что стоянка была в то же время и мастерской. И в этом отношении Костенковская стоянка очень типична для русского палеолита. Среди орудий встречаются отбойники, скребки, пластинки, служившие в качестве пилок или ножей; особенно характерны заостренные пластинки с выемкой, напоминающие гарпуны. В доисторических памятниках Франции эти орудия (pointes à cran rabattu) признаются типичными для эпохи Солютре. Именно к эпохе Солютре, а также к предшествовавшей ей эпохе Ориньяк, и относили исследователи Костенковскую стоянку [1]).

В том же 1879 г. К. С. Мережковским было произведено исследование некоторых пещер Крыма. Оно привело к установлению существования там человека в поздне-палеолитическую эпоху. Ценные находки были сделаны в пещерах близ дер. Сюрень, расположенной в долине реки Бельбека. В одной из пещер, в земле, покрывавшей ее пол, было обнаружено два культурных слоя, причем более древний оказался наиболее мощным. В обеих пещерах были найдены кости животных, кремневые ножи, стрелки, один скребок и костяные шила. Кости животных указывают на время, значительно более позднее, чем эпоха носорога и мамонта; что же касается кремневых вещей, то они носят скорее палеолитический характер. Неподалеку от Сюренских пещер, в долине р. Качи, по дороге из Бахчисарая в дер. Пыхчи, под навесом или в убежище под скалою (Abri sous roche), Мережковский, кроме костей животных и каменных орудий, нашел также части человеческого костяка, принадлежавшего ребенку лет 8—10. Он относит их к неолитической эпохе. Знаменитые пещеры Чатыр-Дага дали немного археологического материала. Исследования около дер. Кизиль-Коба в окрестностях Алушты сопровождались особенно богатыми находками орудий, кремневых ядрищ, стрелок, скребков, ножей, всего более тысячи предметов, не считая осколков; здесь исследователь напал на следы стоянки под открытым небом, на отрогах Яйлы, густо заросших буковым и ореховым лесами. Общие черты найденных орудий,—их большая грубость и примитивность, и очень маленькие размеры. В Сюренских пещерах были также

---

[1]) И. С. Поляков. Антропологическая поездка в центральную и восточную Россию. Записки Академии Наук, т. XXXVII, прил. I.

А. И. Кельсиев. Палеолитические остатки в с. Костенках, Воронежского уезда. Древности, Труды Моск. Арх. О-ва, т. IX, вып. 2 — 3, 154 — 180.

П. П. Ефименко. Костенковская палеолитическая стоянка. Ежегодник Антроп. О-ва при Петрогр. у., вып. V.

А. А. Спицын. Там-же, 159 — 164.

найдены камешки, окрашенные красной охрой,—явление, издали напоминающее верхний палеолит в Юго-Западной Европе. Раскопки, веденные Мережковским в следующем 1880 г., дали результаты более определенные. В пещере близ дер. Мазанки, в 14 верстах от Симферополя по Карасубазарской дор., были найдены зубы мамонта и орудия несомненно древнейшего каменного века. Находка зубов мамонта, несомненно, доказала глубокую древность следов человека в Крыму [1]).

Уже в 70-х годах В. Б. Антоновичу были известны находки палеолитических орудий и костей древних животных в пещерах по берегам р. Днестра, в пределах Подольской губернии. В 1883 году он произвел подробное обследование этой местности и убедился в существовании, по крайней мере, двух палеолитических стоянок—одной в пещерах у с. Нечина на р. Смотриче, левом притоке Днестра, другой в пещерах близ впадения в Днестр реки Студеницы, у местечка того же имени. В Нечинских пещерах Антонович нашел несколько орудий, а также человеческие кости. «На многих из них,—говорит он,—можно было заметить характеристические черты, относимые обыкновенно антропологами к признакам скелета первобытного человека». К сожалению, черепов при костях не было; по рассказам местных жителей, они были унесены и погребены за несколько лет до того. В Студенице Антонович обследовал 5 пещер, открывающихся в третичном известняке, который образует здесь высокий, до 70 саж. левый берег Днестра. «При раскопке мягкого дна пещер, а также при осмотре ската горы у их выходов найдено было несколько десятков ядрищ, отбивных кремневых орудий, ножей, острий, скребков и топоров. Орудия были отбиты большими отбоинами, они отличаются грубыми формами, и края большей части их подправлены рядом мелких ударов, расположенных по краям орудия». На дне расположенного рядом сухого оврага были обнаружены кости мамонта; «в весьма плотной почве, окружавшей кости мамонта, замечено было множество отбивных кремневых орудий и отбитых осколков кремня различной формы и величины». В 1904 году группа пещер у Студеницы вместе с окружающей их местностью была вновь исследована Н. И. Криштафовичем. «Не остается никакого сомнения,—говорит он,—что Белая гора (в которой расположены пещеры) была седлищем палеолитического человека: он жил на ее вершине и, повидимому, в ее пещерах. В овраге, в толще лесса сохранились преимущественно только кухонные остатки, сбрасывавшиеся по

---

[1]) К. С. Мережковский. Отчет о предварительных исследованиях каменного века в Крыму. Известия И. Р. Географ. Общ. XVI, 106—146; XVII, 105—115

Спицын. Там же, 167.

крутым склонам сверху горы. Гора, возвышающаяся над уровнем Днестра до 70 сажен, представляла большие удобства для седлища первобытного человека. Плоская вершина ее с пещерами представляла прекрасные условия для жизни, крутые обрывистые склоны горы, делающие ее с трех сторон почти неприступной, облегчали защиту от нападений врага; местоположение же горы, командующей над всей окрестностью, обеспечивало насельников горы от случайных и скрытых нападений». Интересная Студеницкая стоянка требует, однако, еще новых, детальных исследований [1]).

В течение последнего десятилетия минувшего века энергичными и настойчивыми раскопками В. В. Хвойко была исследована, несомненно, одна из наиболее интересных палеолитических стоянок России, найденная в самом Киеве в северной части Подола, на Кирилловской ул. В августе 1893 года, внимание В. В. Хвойко было привлечено геологическим строением находящейся здесь горы. С этого времени началось долголетнее исследование, законченное только в 1899 году. Гора, в которой производились раскопки, составляет часть нагорного правого берега Днепра и выступает в виде отдельного мыса по направлению к Кирилловской улице, находящейся на Подоле; верхний ее слой, до 10 метров, составляет лесс, далее идут суглинок, слоистые пески, железистый песчаник, валуны и, наконец, серо-зеленоватые пески. В последних, на глубине от 19½ до 21 метров ниже поверхности земли, были найдены культурные слои, состоявшие из угля, золы, костей и бивней мамонта, пережженных и разбитых костей других животных, обугленных и обожженных кусков дерева, и небольшое количество кремневых орудий. Часть культурного слоя имела облик огромного кострища; в нем было найдено очень много костей мамонта, кости некоторых других, современных мамонту, животных, в том числе пещерного льва, пещерного медведя и пещерной гиены, а также части окаменевших стволов каких-то смолистых деревьев, вероятно, сосен или кедров. Кроме большого кострища, культурный слой обнаруживался еще в виде отдельных гнезд, расположенных независимо от большого кострища. Таких гнезд было найдено до 20; они состояли из круглых или овальных площадок, наполненных слоем золы, пережженных костей, небольшого количества угля, и заключали в себе множество мелких кремневых орудий, осколков отбойников и целых кремней. Общая площадь раскопок занимала более 9.000 кв. метров, но кроме этой площади, тщательно обследованной, одиночные находки ко-

[1]) Антонович. О скальных пещерах на бер. Днестра в Подольской губ. Труды VI Арх. С'езда, I, 86 — 102.
Криштафович. О геологическом исследовании стоянок в Европ. России. 1904 г. Др., XXI, Протоколы, 178 — 181.
Спицын. Там же, 140 – 142.

стей и бивней мамонта, случались во многих местах в окрестностях площади, исследованной Хвойко. Как раз по окончании раскопок в 120 метрах от раскопанной площади на глубине 21 метра ниже поверхности были найдены еще несколько предметов, которые придали особенно большой интерес Кирилловской стоянке. Это были—череп носорога (Rhinoceros tychorhinus) с зубами в верхней челюсти, бивень молодого мамонта в 1 метр 70 сантиметров длины, на всем протяжении которого выдолблен желобок с краями, покрытыми бесчисленным множеством зарубок от сильных ударов кремневым орудием и, наконец, часть бивня мамонта с глубоко врезанными, довольно сложными изображениями, между которыми можно различить какое-то животное, вроде черепахи, птичью голову и нечто вроде лодьи. Рисунок обличает автора, обладавшего чутьем природы и настоящим талантом; по своему характеру он очень близок к резным предметам Маделенского искусства. Этим обстоятельством вероятнее всего определяется и эпоха Кирилловской стоянки [1]).

Место, где много позднее основался Киев, мать городов русских, было излюбленным местом человека в палеолитические времена. Об этом свидетельствует вторая стоянка, найденная скоро после Кирилловской, на территории современного Киева. Стоянка в Протасовом Яре находится также недалеко от Днепра, но в южной окраине города [2]). Она, также как и Кирилловская, была открыта В. В. Хвойко. К сожалению до сих пор результаты исследования остаются неопубликованными. По свидетельству лиц, имевших случай ознакомиться с Киево-Протасовской стоянкой, ее общий облик, равно как характер добытых там предметов, весьма близки к Киево-Кирилловской стоянке, что, впрочем, не должно возбуждать удивления. Стоянку в Протасовом Яре следует, таким образом, считать подтверждающей и укрепляющей общее впечатление, оставляемое Кирилловской стоянкой. Есть сведения, что уже в самые последние годы, годы смут и полного подчас разобщения между отдельными частями России, в окрестностях Киева была открыта еще третья стоянка. Не имея о ней сколько-нибудь достоверных сведений, я упоминаю о ней здесь мимоходом и не принимаю ее в расчет при общем перечислении палеолитических русских стоянок [3]).

---

[1]) В. В. Хвойко. Каменный век среднего Поднепровья. Труды XI Арх. Съезда в Киеве. Т. I, 736—754.
Спицын. Там же, 144—151.

[2]) Криштафович, О геологическом исследовании палеолитических стоянок в Европейской России летом 1904 г. Древности XXI, Протоколы, 182
Спицын. Там же, 151.

[3]) Устное сообщение от П. П. Ефименко.

Местности по берегам Днепра к югу от Киева также были обитаемы первобытным человеком. В 1900 году Н. И. Криштафович открыл палеолитическую стоянку близ села Селища в Каневском уезде, Киевской губернии. Исследования Селищенской стоянки, по словам открывшего ее, увенчались хорошими результатами. Удалось найти несколько озерных и торфяных отложений этой эпохи, заключающих в себе разнообразные растительные и животные остатки, которые дадут прекрасный материал для восстановления флоры и фауны, удалось выяснить топографию и вообще физико-географические условия этой местности в ту же эпоху. О найденных вещах, исследователь, к сожалению, не говорит ничего [1]).

В 1898 году бароном де-Бай была открыта палеолитическая стоянка при станице Ильской, Кубанской области. При пробивании буровых скважин для исследований нефтеносных почв были найдены каменные орудия, между прочим, хорошее скребло и острие, много осколков и костей мамонта, первобытного быка и т. д. Орудия подходили по мнению Ф. К. Волкова к типу Мутье, указывая таким образом на особую древность стоянки. С особым сожалением приходится по этому отметить, что Ильская стоянка не была исследована исчерпающе ни в этот раз, ни позднее, в 1903 г., когда ее посетил проф. Криштафович [2]).

В 1900 году председатель Калужской Архивной Комиссии И. Д. Четыркин произвел пробные раскопки близ деревни Стенино, Козельского уезда. Поводом к этому была случайная находка здесь бивня мамонта и нескольких костей животных. Раскопки были продолжены в 1902 году и дали ощутительные результаты: найдено было значительное количество раздробленных костей, части бивней мамонта, части рогов лося, зуб бизона (зубра), а также десятка два грубых поделок из кости, кремня и камня. К сожалению одна из костей, на которой остались следы значительно углубленного надреза, а также части рога были, при перевозке в Калугу, затеряны. Орудия, как костяные и роговые, так и каменные отличались большой грубостью. По большей части это были наконечники стрел; одно из них могло быть чем-то вроде каменного кинжала. Исследователь затруднялся отнести к определенному типу сделанные им находки, но признавал, что каменные и кремне-

---

[1]) Криштафович. О геологическом исследовании палеолитических стоянок в Европейской России летом 1904 г. Древности XXI. Протоколы, 178 Изв. Имп. Археолог. Ком. Приб. к вып. 9, стр. 40. Дневник XI Съезда русских естествоиспытателей и врачей. Спб., 1902 г., стр. 133.
Спицын. Там же, 151.

[2]) Волков. Палеолитическая стоянка в Черноморье. Арх. Летопись Южн России, 1899 г., 74 — 75; Археолог. Хроника в Прибавл. к вып. 10, Изв. И. Арх. Ком., стр. 23 — 24.
Спицын. Там же. 167 — 168.

вые поделки напоминали орудия, добытые из пещеры Шипка в северо-восточной Моравии [1]).

Следующей по времени найденной в России палеолитической стоянкой, является стоянка при с. Мезине по реке Десне, Черниговской губернии, Кролевецкого уезда. Она оказалась и одной из наиболее интересных. Весною 1908 г. при устройстве погреба у одного из местных крестьян в толще желтой лессовой глины начали попадаться в довольно большом количестве кости мамонта. Летом того же года в селе Мезине были произведены раскопки Ф. К. Волковым. На следующий год раскопки были повторены в большем масштабе тем же Ф. К. Волковым и П. П. Ефименко. Река Десна в этой части своего течения проходит долиной, которая с востока ограничена высоким, крутым, часто обрывистым берегом, в толще и в основании которого нередко обнажаются выходы мела, тогда как левый берег—низменный. У села Мезина возвышенное плато, выше 20 сажен над уровнем Десны, слабо склоняется к реке и затем круто обрывается. Береговые обнажения близ Мезина дают следующую картину геологического строения приречного плато. В основании залегают меловые толщи, изрытые водами третичной эпохи и потоками ледникового периода, на толще мела лежат местами зеленовато-серые третичные пески. Затем идет мощный пласт валунного суглинка, над ним лессовый покров различной мощности и, наконец, растительный слой незначительной толщины. В лессе, на глубине от 3½ до 4 метров и были найдены ясные следы стоянки. Можно предполагать, что по отступлении ледника, когда лесс отлагался на скатах долины, первобытный человек выбрал здесь себе место для становища. Присутствие в Мезинской стоянке костей песца, северного оленя (servus tarandus), который, кстати, впервые обнаружен был в России, тогда как он является обычным спутником палеолитического человека в юго-западной Европе, и, наконец, мускусного овцебыка, заставляют думать, что время существования стоянки не было слишком удалено от того времени, когда великий ледник отступил на север. Культурный слой Мезинской стоянки не везде носил одинаковый характер: местами среди массы осколков преобладают законченные орудия тех или иных форм, местами кости животных собраны в кучи; при этом, наилучшие орудия почти всегда сопровождают кости животных, тогда как вдали от костей встречаются лишь отбросы и кремневые осколки. Такое явление наблюдается впрочем и в других русских палеолитических стоянках.

---

[1]) Четыркин. Открытие в Козельском уезде, Калужской губ., близ деревни Стенино, остатков палеолитической стоянки. Известия Калужск. Уч. Арх. Комиссии, вып. 1902 г. 3 — 5.
Кристафович. Там же, 175 — 176.
Спицын. Там же, 164.

Находки в Мезине по составу своему не отличаются от палеолитических находок в других местностях России. Они состоят из костей животных, служивших пищей для человека, из костей, отделанных рукою человека и каменных орудий. Костей человека в Мезине не было обнаружено, равно как не найдено никаких данных, которые бы свидетельствовали о флоре данной местности. В последнем отношении Мезинская стоянка беднее, чем, например, Киево-Кирилловская. Из костей животных в Мезине были найдены принадлежащие следующим животным—мамонту (Elephas primigenius), носорогу (Rhinoceros tichorhinus), северному оленю (Cervus tarandus), мускусному овцебыку (Ovibos moschatus), зубру (Bos priscus), ископаемой лошади (Equus caballus fossilis), и кроме того, кости медведя, волка и зайца. Мамонт, олень, овцебык и лошадь представлены в наибольшем количестве. Как и в других стоянках, кости животных, частью обожженные и расколотые, носят явные следы того, что животные, которым они принадлежали, служили для пищи человека. Каменные орудия сделаны по большей части из кремня, который добывался здесь же в окрестностях. Количество орудий, вполне законченных, превышает тысячу, т. е. больше чем во всех других русских стоянках. Общий облик мезинских кремневых изделий, способ обработки, небольшая величина предметов, их типы и формы сближают, по мнению обоих исследователей, Мезинскую стоянку с Маделенскими стоянками юго-западной Европы. По своему назначению они составляют нуклеусы—ядрища, из которых выделывались более мелкие специальные предметы,—отбойники, пластинки, скребки, пластинки с обитым концом, вогнутые скребла, служившие для обработки кости, в частности для придания цилиндрической формы многим костяным поделкам, проколки, клювообразные резцы (Becs de perroquet) резцы—острия. Кроме орудий законченных, при раскопках в Мезине было обнаружено множество самых разнообразных осколков и орудий незаконченных. Рядом с каменными орудиями Мезинская стоянка дала значительное количество других предметов—раковин и костяных орудий. Найденные в числе свыше 60 экземпляров изящные третичные морские раковинки служили, вероятно, как украшения: на это указывают просверленные отверстия, через которые пропускалась нитка или веревочка, быть может тонкий кожаный ремешок. «Но Мезинская стоянка,—говорит А. А. Спицын,—важна не своими кремневыми поделками, а изделиями из кости, преимущественно мамонтовой; таковы оригинальнейшие птички, украшенные зигзаговидным орнаментом, широкие, тонкие браслеты с узором, фигурные палочки, острия, поделки в виде жезлов». Костяные орудия Мезинской стоянки представляют особенно большой интерес. Среди них есть часть тонко обработанного из мамонтового бивня браслета. Он имеет вид широкой пла-

стинки, украшенной меандровым и зигзагообразным орнаментом, сплошь покрывающим его лицевую сторону. Изображений птиц, вырезанных из кости, найдено четыре, из них две отличной сохранности. Резьба носит несколько стилизованный характер; все птицы покрыты геометрическим узором. Самой замечательной чертой рисунка Мезинских птичек является великолепно изображенный знак свастики, показывающий, что резчик был отлично знаком с этим знаком. Свастика в своей наиболее простой форме есть крест с отогнутыми в одну сторону концами. Давно уже определен с полной несомненностью символический характер этого изображения. По наиболее авторитетным предположениям последнего времени, свастика — символ солнца, как предмета поклонения и обожествления [1]). Что знак свастики был широко распространен во всем доисторическом мире, это было хорошо известно. Но Мезинские находки впервые показали, что существование этого знака восходит к палеолитической эпохе, тогда как до сих пор было принято думать, что он не старше ранней культуры металлов. В этом отношении Мезинская стоянка составляет эпоху в изучении европейского палеолита. Она показывает, что у людей, обитавших, как указывает окружавшая их фауна, в арктическом климате, который близко еще напоминал о великом леднике, не только существовало развитое искусство, но что им были известны символические изображения, имевшие религиозное значение. Удивительные по степени возбуждаемого ими интереса Мезинские предметы из кости подобно Мезинским кремневым орудиям настойчиво указывают на близость самой интересной из палеолитических стоянок Поднепровья к французским стоянкам Маделенской эпохи.

Следующая палеолитическая стоянка, открытая в России, была обнаружена в м. Искорости, Волынской губ., Овручского у. Честь ее открытия принадлежит также В. В. Хвойко. Здесь на глубине полуметра, в слое нерушенной материковой земли были найдены разнообразные кремневые осколки и орудия. Еще глубже оказалось несколько кострищ от 1 до 2 метров в диаметре. Они были окружены горизонтальными прослойками культурного слоя, образовавшегося от пищевых остатков. Кострища были окружены многочисленными кремневыми орудиями, среди которых попадались образцы не совсем обычной формы [2]).

---

[1]) Déchelette. Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et romaine. II, 1-re partie, 453 — 464.
Слово «свастика» индийского происхождения, его общий смысл — доброе пожелание.

[2]) Хвойко. Древние обитатели среднего Приднепровья, К. 1913 6 — 7.
Спицын. Там же, 142 — 144.

Осенью 1918 г. в Пятигорске производились земляные работы для проведения канализации. На спуске Базарной улицы, ниже Армянской церкви был вырыт глиняный сосуд, разбитый лопатой, и полированное каменное орудие в форме толстого кружка с отверстием посредине.

Эти находки были сделаны на глубине 2—3 сажен. Глубже были вырыты остатки человеческого скелета, очень ломкие и хрупкие, которые были подобраны лицом, случайно наблюдавшим за раскопками. Кости нет никакого основания об'единять в исследовании с черепками и каменным орудием, найденным выше. В числе костей были опознаны и подвергнуты исследованию часть черепной кости, обломок нижней челюсти с 5 зубами, два обломка обеих височных костей, обломок левой плечевой кости и несколько мелких обломков других костей. Все кости были покрыты песком и беловатым налетом извести и отличались чрезвычайной хрупкостью. При исследовании как самых останков человека, так и тех пластов почвы, в которых они были найдены, оказалось, что они принадлежат человеку неандертальской расы, жившему во время последнего большого оледенения и умершему в возрасте между 55 и 65 годами. Так в самые последние годы были найдены первые и пока единственные в России кости палеолитического человека и притом именно неандертальского человека ледникового периода [1].

Кроме стоянок установленных и если не вполне исследованных, то во всяком случае достаточно определенных, в южной и средней России были сделаны отдельные находки мамонтовых костей и нередко сопутствовавших им каменных орудий. Находки дают повод подозревать в этих местах палеолитические стоянки, но отрывочность имеющихся о них сведений не позволяют считать эти стоянки положительным приобретением археологической науки. Так мамонтовые кости и несколько орудий были найдены в конце 70 годов XIX века близ Каменец-Подольска [2]). Не исследованная до сих пор стоянка существует у села Городка, Ровенского уезда, Волынской губернии [3]). В окрестностях с. Гонцов по бассейну р. Сулы, в частности около г. Лубен были делаемы, как я уже указывал выше, отдельные находки костей мамонта и каменных орудий [4]). Близ с. Шаповаловки, Конотопского уезда, Черниговской губернии, на глубине $3\frac{1}{2}$ аршин в конце 70 годов XIX века были найдены кости мамонта

---

[1]) М. А. Гремяцкий. Подкумская черепная крышка и ее морфологические особенности; В. П. Ренгартен. О возрасте отложений, заключающих остатки Подкумского человека. (Обе статьи в Русск. Антрополог. журнале т. 12, кн. 1—2. М. 1922).

[2]) Уваров. Каменный период, I., 111.

[3]) Грушевский. Киевская Русь, 18.

[4]) См. выше Гонцовскую стоянку.

и кремневый нож[1]). Несколько севернее в с. Дехтяреве, Новгород-Северского уезда обнаружена около полувека назад куча костей мамонта, большей частью расколотых[2]). На р. Рогозе близ деревни Умрихино, Курской губернии и уезда в 1906—1907 г.г. были произведены раскопки, давшие бивни и кости мамонта, обломок кости с явными следами обделки и кремневый осколок, напоминавший орудие[3]). В с. Боршеве на Дону в нескольких верстах ниже с. Костенок А. А. Спицын открыл в 1905 г. кости мамонта. «При костях найдены осколки неправильной формы из кремня, несомненно оббитые рукой человека. Почти несомненно, что здесь при дальнейших раскопках будут найдены совершенно такие же остатки палеолита, как в известном с. Костенках, находящемся в нескольких верстах отсюда». Таково мнение, вынесенное исследователем при первом ознакомлении с древнейшими археологическими остатками в с. Боршеве[4]). В 1895 г. В. А. Городцов «летучей рекогносцировкой» наметил следы палеолитической стоянки близ деревни Мелтинова и у с. Новые Дольцы, недалеко от верхнего течения Оки в Белевском уезде, Тульской губернии[5]).

Материал, дающий понятие о русском палеолите, изложен. Он очень не велик, особенно, если его сопоставить с богатейшими палеолитическими остатками, найденными в юго-западной Европе. Тем ценнее каждая его крупица; вот почему я изложил по возможности все результаты исследования палеолитических стоянок в России. Теперь пора приступить к выводам. Всего до сих пор на территории, населенной теперь русским народом, найдено 17 палеолитических стоянок, если не считать третьей Киевской стоянки, по слухам найденной в последние годы, и семь мест, где также, с большим или меньшим вероятием, можно предполагать палеолитические стоянки. Все стоянки—открытые; исключение составляют две в Крыму—пещерные, и две на Днестре—смешанного типа. Для такой большой страны, как Россия, занимающей всю восточную половину Европы, это очень немного. Конечно, есть полное основание думать, что современем число стоянок, известное современной науке, увеличится. Тем не менее, Россия в этом отношении едва ли нагонит Францию или даже среднюю Европу. Сравнительная малочисленность следов древнейшего каменного века—вот

---

[1]) Антропологическая выставка. III, 338.
[2]) Антропологическая выставка. III, 338.
[3]) Чтения в Об-ве Нестора Летописца. XX, вып. 2, 45 — 46.
[4]) Отчет Археолог. Комиссии за 1905 г., 84.
[5]) Городцов. Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки. Труды XII Арх. Съезда в Харькове. I, 536 — 537. 540 — 542.
Обо всех упомянутых сейчас 8-ми местах возможных палеолитических стоянок, см. также Спицына, Русский палеолит, Зап. отд. русск. и слав. Археологии И. Русск. Археологическ. Об-ва, т. XI, 133 — 172.

первая основная черта, которую позволяет отметить рассмотренный материал. Если обратить внимание на распределение стоянок, то сразу бросается в глаза то обстоятельство, что очень большое число их, а именно 12, считая 3-ю Киевскую и все вероятные стоянки, приходятся на бассейн Днепра, и что все эти 12 стоянок расположены по среднему течению Днепра или по притокам, впадающим в Днепр в средней его части. Из остальных—две, точнее возможная группа стоянок расположены по среднему течению Днестра, две—по среднему течению Дона, три—в Крыму, две на Северном Кавказе и три в бассейне Оки—две в верхней части бассейна (д. Стенино близ р. Жиздры в Калужской губ. и д. Мельтиново в Белевском уезде, Тульской губ.) и одна (Карачарово) на нижней Оке. На всей громадной территории к северу от Оки до сих пор не обнаружено никаких следов палеолитического человека. Такое же отсутствие их на всем Востоке. В Поволжьи нет ни одной стоянки. Ближайший к Волге является Карачаровская стоянка, сама по себе почти одинокая. Между Подкумской, Ильской и Крымскими стоянками (Сюрень, Алушта) с одной стороны и остальными русскими стоянками с другой, лежит довольно большой промежуток, соответствующий нынешнему степному краю, в котором до сего времени найдена только одна стоянка — Криворожская. Итак, южные окраины, более теплые и более гористые и область к северу от современных нам степей—вот места обитания древнейшего человека в России, как они рисуются в свете современных наших знаний.

Не менее важной отличительной чертой русского палеолита, притом весьма неблагоприятной с точки зрения научного исследования, надо признать почти полное отсутствие останков самого палеолитического человека. Достоверными представляются только кости Подкумского или Пятигорского человека. Кости, найденные в Сюренских пещерах, сам исследователь признал относящимися к более позднему времени; человеческие кости в пещерах Поднестровья были обнаружены в таком состоянии, что по ним нельзя было делать никаких прочных выводов; осторожность, особенно необходимая при обращении с археологическим материалом, препятствует принимать в рассчет и те и другие человеческие останки. Этот ценнейший материал, благодаря которому современная наука могла узнать древнейшие расы, обитавшие в западной Европе, при изучении восточно-европейского палеолита, пока представлена только единичной находкой, сделанной притом на окраине русской равнины. Одной из причин почти полного отсутствия человеческих останков в русских стоянках следует, конечно, считать то обстоятельство, что в России найдены только открытые стоянки, где человек жил или, точнее, временно пребывал, но где едва ли его хоронили. Для похорон гораздо удобней были пещеры; но

во внутренней России их очень мало, и к несчастью, те костяки, которые в них обнаружены, или относятся к более поздней эпохе, или не поддаются определению. Можно, кажется, еще уловить, что орудия, добытые в двух наиболее северных стоянках, Карачаровской и Стенинской, как будто несколько грубей, чем орудия более южных стоянок, особенно стоянок Днепровского бассейна. Есть определенное мнение, относящее Карачаровскую стоянку к очень раннему времени [1]), соответствующему последней межледниковой эпохе. Думается, что доказать такое мнение—дело нелегкое, так как всегда останется сомнение, не следует ли об'яснять относительную грубость Карачаровских и сходных с ними орудий тем, что на северном рубеже обитаемых пространств человек в каждую эпоху жил в наиболее тяжелых и первобытных условиях. Нет ни одного исследователя, который бы относил русские палеолитические стоянки ко времени древнее Ориньякского. Наиболее богатые и наилучше исследованные стоянки—Гонцовская, Киево-Кирилловская, Мезинская,—приурочиваются по преимуществу к эпохе Маделен и отчасти к эпохе Солютре; к последней обычно относят и Костенковскую стоянку. Таким образом, если в отдельных случаях возможны разногласия и сомнения, то в одном согласны все—древнейшие следы человеческой жизни в восточной Европе, за исключением Пятигорского костяка относятся к верхнему палеолиту, т. е. к позднейшей, наиболее близкой к нам части древнейшего каменного века. Никаких намеков на индустрию типа Шелль, Saint Acheul и Мутье, предшествовавшую последнему натиску льдов и сопровождавшую его, во внутренней России не найдено. Это дает возможность предположить, что в восточной Европе человек появился значительно позднее, нежели в западной ее части и странах средиземноморских. Фазы развития человека от предполагаемых Пильтдоунской и Гейдельбергской рас до хорошо в настоящее время известной Неандертальской расы, современной последнему длительному оледенению,—протекали главным образом в Западной Европе. В восточно-европейскую равнину, кроме разве ее южных окраин, человек проник лишь значительно позднее, когда климат Европы стал постепенно теплеть и если подвергался колебаниям, то несравнимо менее резким, чем ранее. Поселившись прежде всего в местностях между южным морем и южной границей последнего оледенения, человек, вероятно, редкий и малочисленный, медленно потянулся на север вслед за отступавшими льдами. Древнейшие следы его на севере—в Стенине, Мельтинове и Карачарове,—найдены как раз недалеко от тех мест, где начинались льды в эпоху последнего царства холода.

Редкий и малочисленный человек обитал здесь под открытым небом, не имея естественных жилищ и убежищ, подобных тем,

[1]) Городцов. Археология. I. Каменный Век. 310—312. (рукоп.)

какие находятся в Крыму и на юге Франции. И в эти далекие века обитатель русской равнины, вероятно, отставал от своего южного и западного собрата. О его образе жизни можно себе составить понятие только по сохранившимся следам его стоянок. Материал, находящийся в нашем распоряжении, не велик и скуден. Постараемся все же его использовать. Результат изучения известных нам русских палеолитических стоянок не позволяет считать их непременно только жильем. Палеолитический человек был здесь прежде всего звероловом и охотником. Как происходила охота, сказать наверное нельзя. Не исключена возможность, что человек поедал мясо павших крупных животных, например, мамонтов. Он мог также и охотиться на них посредством волчьих ям и ловушек, способ, и теперь практикуемый некоторыми дикими племенами при охоте на слонов. Для охоты за более мелкими животными употреблялись сделанные рукой человека орудия—дротики, гарпуны. Стоянки расположены у берегов рек, которые снабжали человека рыбой. На место стоянки человек приносил части туш с лучшим мясом, длинные кости конечностей, из которых брал мозг, служивший ему не только лакомством, но средством для достижения некоторых технических целей—для размягчения шкур, ремней и сухожилий при обработке их для своих нужд. Сюда же приносили и те кости, которые служили для поделок, а также бивни и оленьи рога. Кострища, неизменно находимые на стоянках, указывают на разведение огня; обугленные кости—на пользование огнем для приготовления пищи. Огромные кучи костей, находимые на стоянках, постоянно сопровождаются скоплениями орудий, законченных и недоделанных, кремневых ядрищ, из которых делали орудия, и кремневых осколков. Сопоставляя все это, выходит, судя по находимым остаткам, что стоянка — это место потребления пищи и мастерская, где изготовлялись орудия. Отсюда неизбежен вторичный вывод: где человек питался и работал, там он и жил. Но что служило ему домом? Он обитал в землянках, давно завалившихся, в легких хижинках под навесом из ветвей, или просто укрываясь на земле под шкурами, или же жил, в теплое по крайней мере время, на деревьях. На этот вопрос наши стоянки точного ответа не дают. О быте восточно-европейского палеолитического человека наши археологические памятники сообщают гораздо меньше, чем пещеры и убежища под скалами Франции. Тем не менее, орнаментированные кости Киевской и Мезинской стоянок показывают, что и в восточно-европейской равнине существовало искусство, которое так пышно расцвело на юго-западе в Маделенскую эпоху, а находка резных птиц со свастикой уже несомненно убеждают в наличии религиозных представлений у людей русского палеолита. Состав фауны, определяемой костями животных на стоянках, говорит о холодном

климате: однако могучие стволы хвойных деревьев, найденные в Киевской стоянке, во всяком случае говорят о том, что кое-где уже существовали леса не арктического вида и характера. Разница в климатических условиях некоторых русских палеолитических стоянок может помочь в определении времени, к которому они относятся. Так Киевская-Кирилловская стоянка, с зачатками искусства и с более теплым климатом, должна быть старше Мезинской и, быть может, Гонцовской стоянок, соответствующих времени развития Маделенской эпохи, ибо мы знаем, что в эпоху Маделен климат Европы вновь испытал временное охлаждение.

Значение новейшей Пятигорской находки заключается в определенном указании на то, что на крайнем юге нашей равнины, в местах, свободных от льда и удобных для жилья, человек неандертальской расы обитал в разгар ледниковой эпохи, т. е. в нижнем или древнейшем палеолите.

Раз в стоянках внутренней России нет человеческих останков, то следовательно нет никакой возможности не только решать, но и ставить вопросы о расах, к которым принадлежал верхне-палеолитический человек восточной Европы. Здесь возможны лишь предположения и соображения, которые, указывая на некоторые явления аналогии в быте и обстановке, могут косвенно навести и на вопросы о расе восточно-европейских людей. Люди эти, мы уже знаем, жили на открытых стоянках, расположенных на лессовой почве. В Западной Европе более всего палеолитических остатков найдено к западу от Рейна и отчасти в северной Испании и южной Англии. Линия Рейна и Дуная ограничивает главные места обитания древнейшего человека в Европе, как она когда-то, много позднее ограничивала римскую империю. К северо-востоку от этой линии палеолитических остатков немного, и все они, вероятно, принадлежат самым поздним эпохам древнейшего каменного века. На севере Германии, где ледник удерживался даже далее, чем в соответственных широтах России, следов палеолита и вовсе нет. Следы палеолитического человека к северу от течения Дуная более заметны, по крайней мере, по состоянию теперешних наших знаний, в Моравии и отчасти в Польше: в Скаржице, в верховьях р. Варты (в б. Петроковской губернии) были в 1910 году найдены орудия типа, даже близкого к Ашель и Мустье [1]). Правда, это пока единственный намек на первые стадии палеолита в восточной половине Европы.

Стоянки палеолитического человека в Западной Европе двоякого вида—в пещерах, или под скалами, и открытые. В общем,

---

[1]) Demetrykewicz i Kúzniar. Naistarszy paleolit na ziemiach Polskich. Materyaly antr.-archeol. Ak. Um. XIII, 10 — 43.
Спицын. Русский палеолит. Там же. 135 — 136.

это то же, что и в России, с той только разницей, что чем далее к западу, тем более пещерных и подскальных стоянок; открытые—наоборот, преобладают к востоку начиная со среднего течения Дуная. Пещерные стоянки лучше сохранили следы древнейшего человека; это понятно, потому, во-первых, что чаще всего нижнепалеолитический человек обитал в пещерах, во-вторых—пещеры создавали лучшие условия сохранения следов древней жизни. Под открытое небо, в легкие хижины, он вышел позднее, когда климат Европы стал теплее. Как раз именно в эту эпоху человек стал распространяться в восточных областях Европы; это обстоятельство с одной стороны, с другой—сравнительно малое количество пещер, годных для обитания в восточной Европе, создали преобладание в последней открытых стоянок.

Ближе всего русские палеолитические открытые стоянки напоминают открытые лессовые стоянки по течению Дуная, в нижней Австрии и такие же стоянки в Моравии, тот же состав и характер орудий, то же приблизительно фаунистическое общество, сопровождавшее человека и пожиравшееся им [1]). Как раз в Брне, главном городе Моравии, и неподалеку от него в местечке Пшедмосте были обнаружены открытые лессовые стоянки и в них костяки в цельном или фрагментарном виде, признанные за представителей особой расы, отличавшихся от двух наиболее известных рас палеолита, Кроманьонской и Неандертальской. Раса эта, названная Брюннской, известна нам по нескольким своим представителям, которые, главным образом, найдены, именно, в Моравий и Венгрии. Кто знает, может быть эта раса долихоцефалов с узким лицом без признаков прогнатизма, повидимому, тяготевшая к открытым лессовым стоянкам и приурочиваемая к верхнему палеолиту, примерно к эпохе Солютре и Маделен [2]) и была расой, обитавшей во всей восточной Европе, и что именно она оставила свой след в палеолитических стоянках внутренней России. Впрочем это лишь простая мысль, подтверждение или опровержение которой окажется возможным только, если когда нибудь найдут внутри России останки палеолитического человека. Для создания одинаковых внешних условий жизни не требовалось непременно, чтобы и на Дунае и на Днепре жила одна и та же раса; одинаковые внешние условия могли происходить от сходных климатических и природных условий.

Время, протекшее от последнего оледенения до нашего времени, примерно определяется в 20—25.000 лет. Две трети этого времени бесспорно должны быть отведены на верхнюю палеотическую эпоху, на эпохи Ориньяк, Солютре, Маделен. Таковы при-

[1]) Hoernes. Der diluviale Mensch in Europa. 111 — 148.
[2]) Hoernes. Der diluviale Mensch in Europa, 137 — 146.
Osborn. The Man of the old stone age. (London, 1916), 334 — 338.

близительные цифры, которыми, до получения более твердых данных, могут быть датированы и русские палеолитические стоянки.

Как ни беден русский палеолит, он тем не менее ясно говорит о существовании Неандертальского человека на Кавказе в ледниковую эпоху, и о существовании человека внутри равнины в V эпоху, соответствующую верхнему палеолиту в западной Европе. Мнение, отрицавшее русский палеолит, высказанное некогда некоторыми археологическими авторитетами Европы, например Ворсо, теперь должно быть безвозвратно оставлено. Однако, в палеолите восточной Европы еще слишком много неясного; а главное в процессе развития человеческой жизни в нашей стране, палеолитическая эпоха пока стоит совершенно одиноко. Находки в пещере Mas d'Azil покончили для западной Европы с долго державшимся мнением Мортилье, будто бы между древнейшим и поздним каменным веком западной Европы нет прямой преемственности. Вопрос, снятый с очереди и разрешенный для западной Европы, можно теперь поставить для русской равнины. Решение его стоит в зависимости от будущих находок, но при теперешнем состоянии наших знаний мы еще не видим никакой связи между одинокими бедными стоянками палеолитического восточного европейца и несравненно более богатыми памятниками русского неолита.

Дополнения к главе II.

В обзор русского палеолита не могли быть введены следующие открытия самого последнего времени:

1. Ф. В. Баллодом при исследовании местностей по нижней Волге были в окрестностях Царицына найдены в нескольких местах кости мамонта и других современных ему животных с обычными следами того, что они были в руках человека (см. его книгу «Приволжские Помпеи». М. 1923). Этим открытием впервые обнаружено присутствие палеолитическаго человека на Волге. Оно обозначено соответственным образом на прилагаемой карте важнейших археологических культур каменного и бронзового веков.

2. В 1923 г. П. П. Ефименко, один из исследователей Мезинской стоянки, еще раз исследовал Костенковскую стоянку Воронежской губ. и, кроме того, открыл в окрестностях с. Костенок новые палеолитические стоянки. Подробный отчет о его открытиях еще не опубликован, но его раскопки дали очень богатые результаты. О ценности его находок можно судить хотя бы по статуетке женщины из мамонтовой кости, которая до сих пор не имела аналогий в предметах русского палеолита.

Литература.

Кроме указанных выше специальных статей:

Обермайер. Доисторический человек, в переводе под редакц. проф. Мензбира 1913—1915 г.

Спицын. Русский палеолит (Зап. Отд. Русск. и Слав. Археологии И. Р. Арх. О-ва, т. XI, 132—172).

Городцов. Первобытная Археология (1908).

Глава III.

Неолитическая эпоха.

Общие понятия.

Последнее время бесконечно долгого каменного века носит название неолитической или новокаменной эпохи. Грани палеолита и неолита условны и вместе с тем неясны, потому что перемены, которые мы представляем себе схематически совершенно определенными, на самом деле наступали очень медленно и развивались в течение очень долгого времени. Наиболее яркими из новых явлений внешней жизни человека в неолитическую эпоху надо считать умение шлифовать каменные орудия и изобретение гончарного искусства. Шлифовка камней, заступая место обычных для палеолитической эпохи приемов отбивания или оббивания камней, придает каменным орудиям совершенно неизвестную в палеолитическое время тонкость, изящество и красоту. Знакомство с более совершенными приемами отделки камней дает возможность подвергать обработке не только кремень, но и другие более твердые породы камней, с которыми палеолитический человек совершенно не умел обращаться. Гончарные изделия, первоначально грубые, сделанные от руки, тем не менее открывают новое поле для развития техники и прикладного искусства в направлениях, которые в палеолитическую эпоху не были известны.

Отмеченные сейчас усовершенствования в культуре и технике неолитического человека восходят, вероятно, к гениальным находкам и изобретениям, авторы которых для нас навсегда останутся неизвестными. Первые шаги керамики как будто отмечены в некоторых местностях Бельгии, где местные археологи склонны отодвигать начало керамики довольно далеко вглубь веков [1]). Грубые опыты шлифовки камней также прослежены во Франции до первых шагов, сделанных человеком в этом направлении. Археология Западной Европы в этом вопросе находится в значительно лучшем положении, нежели археология Восточной Европы; для

[1]) См. Déchelette. I, 171.

Франции и Бельгии при современном уровне знаний оказывается почти возможным сомкнуть палеолит и неолит. Для России это совершенно невозможно. Неолитические находки ставят нас лицом к лицу с керамикой и со шлифованными орудиями, как уже существующими в некоторый момент развития неолитической культуры.

Однако, неолитический период отличается и другими особенностями как во внешних условиях жизни человека, так и во внутреннем ее укладе. В эту более близкую и сравнительно короткую эпоху климат Европы уже не подвергался таким большим и резким колебаниям, как это было на заре человечества, и не много отличался от современного; благодаря этому и фауна и флора Европы приобрели современный характер. Таковы внешние рамки человеческой жизни, которая сама приобретает более твердые основы и делает шаги вперед. Охота и рыболовство уже не являются единственным родом занятий известным человеку. Зверолов и рыбак, не бросая еще прежних занятий, становится скотоводом и земледельцем. Беспорядочные палеолитические стоянки заменяются более правильно организованными селениями. Оставленные неолитическим человеком памятники, безразлично, рассказывают ли они нам о его жизни, или знакомят с обрядами его погребения, свидетельствуют о более широких культурных влияниях, создавших какое то общение между очень отдаленными одна от другой областями, общение, которое кажется на первый взгляд даже каким то загадочным. Еще нельзя назвать по имени тех народов, которые жили в то время в Европе и в прилегающих к ней областях Азии и Африки, но уже чувствуется, как более передовые влияют на более отсталых, и как торговые пути прокладывают дорогу цивилизации.

Вопрос о классификации неолита принадлежит к числу очень трудных и запутанных археологических вопросов, вследствие несовершенства методов исследования, что чрезвычайно ярко сказывается как раз именно для этой эпохи. Земные пласты, дающие так много для определения отдельных эпох палеолита, говорят все меньше и меньше по мере того, как мы приближаемся к современности и для неолита почти вовсе теряют свою ясность. Позднее для бронзового и железного веков смена отдельных эпох и вообще все хронологические рамки устанавливаются главным образом при помощи предметов, ввезенных из стран с более развитой культурой, как, напр., из Египта, Ассиро-Вавилонии, или Крита, для которых хронологическая последовательность установлена гораздо лучше. Таким образом, об'ективных признаков, устанавливающих смену эпох неолита,—мало; для мало мальски удовлетворительного их определения остается только один, выработанный археологической наукой, так называемый, типологический

способ, состоящий в определении типов отдельных предметов, отделанных рукою человека, и в изучении последовательного развития этих типов от самых простых до более богатых форм. Но при невозможности привлекать какие нибудь средства на помощь типологическому методу, общие выводы о подробностях неолита и классификации отдельных эпох, на которые он распадается, получаются неясные. С другой стороны в неолитическую эпоху разнообразие предметов и культурной обстановки по отдельным странам гораздо значительнее, нежели в палеолитическую эпоху; оттого почти в каждой стране Европы была предлагаема своя классификация неолита, иногда сильно отличающаяся от классификации, принятой в стране соседней или близкой. Приведем несколько примеров и постараемся уловить хотя бы некоторые общие черты, свойственные тем или иным из них, исходя из находок Западной Европы, главным образом, Франции, Бельгии и Швейцарии. Мортилье предлагал деление неолита на две эпохи—Тарденуазскую или Кампинийскую с зачатками новой обработки орудий при господстве орудий очень мелких размеров (микролитических) и с культурой, похожей на культуру сорных куч Северной Европы, и Рюбенгаузенскую, характеризуемую расцветом шлифованных орудий. Позднее, в связи с открытием промежуточных стадий культуры, сблизивших неолит с палеолитом, смежные моменты обеих эпох были выделены в особую эпоху—мезолитическую; развитие же собственно неолита французским археологам стало представляться в формах, схожих с опытами классификации неолита, выработанными скандинавскими археологами. Общий характер этих опытов таков. Типичной для первых стадий неолита признается культура особенно распространенных в Скандинавии сорных куч (Kjökkenmöding), в которых шлифованные орудия попадаются наряду с еще господствующими тесанными орудиями; дальнейшие стадии неолита характеризуются мегалитическими сооружениями, главным образом, дольменами, широко распространенными по всей почти Европе; конец неолита составляет уже переход к культуре металлов и носит теперь обычно название энеолитического или меднокаменного века. Многочисленные свайные постройки Швейцарии с их богатой культурой дали ученым этой страны возможность предложить новый опыт классификации неолита; три последовательных его момента выражаются: а) появлением грубо шлифованных маленьких каменных орудий и грубой керамики, б) развитием техники шлифования и появлением прекрасных по исполнению предметов из твердых и ценных пород камня, в) переходом к бронзовому веку [1]). Русский ученый В. А. Городцов предложил также класси-

[1]) V. Gross. Les Protohelvètes (1883).
Heierli. Urgeschichte der Schweiz (1901).

фикацию неолита, разделяемого им на три отдельных эпохи: 1) микролитическую, для которой типичной является Тарденуазская культура, 2) макролитическую с господством крупных каменных орудий и 3) время безусловного господства орудий шлифованных. Обе последних эпохи установлены Городцовым по русским находкам каменного века. Если уловить общие черты всех различных классификаций, то можно, думается, установить следующее. В начале неолитической эпохи имеют распространение орудия малых размеров; тесанные орудия количественно господствуют над шлифованными, которые только начинают входить в употребление. Позднее наступает очень широкое распространение по Европе мегалитических сооружений; шлифованные орудия вытесняют тесанные; их формы и виды становятся более разнообразными: материалом для каменных поделок служат твердые каменные породы—нефрит, диорит и т. п. В конце неолита шлифованные орудия вытесняют тесанные окончательно; наряду с каменными орудиями начинают попадаться кое где металлические предметы, однако, не в виде орудий, служащих для практических целей, а только в виде украшений.

В тех случаях, когда находки неолитической эпохи можно датировать, исчисляя время по наростанию пластов земли или образованию слоев почвы, обычно получается цифра от 10 до 3—4 тысяч лет, редко выше или ниже. С другой стороны нам известно, что начало культуры металлов, по крайней мере в очагах древнейших цивилизаций, относится, примерно, к четвертому тысячелетию по нашей эре. Такими датами определяется в общих чертах неолитическая эпоха во всей Европе; она очень коротка сравнительно с продолжительностью древнейшего каменного века, но она все-же довольно долго тянулась, если сопоставить ее с последующими стадиями жизни человечества. Возвращаясь к обзору и исследованию археологического материала России, мы должны с самого начала сделать одно очень важное наблюдение. В то время, как следы палеолитической культуры сосредоточены в очень ограниченной части восточно-европейской равнины, где их находили до сих пор только в юго-западной ее части, главным образом по среднему течению больших рек, текущих к югу, неолитическая культура была распространена по всей стране, от Урала до Балтийского моря, от Белого моря до морей Черного и Каспийского. Бассейна Ледовитого океана не знал палеолитический человек; не знал он, поскольку можно судить, и Поволжья. В неолитическую эпоху человек обитал повсюду; нет русской губернии, в которой не было бы неолитических памятников; если это не стоянки, не пещеры, не мастерские, то это отдельные предметы—шлифованные топоры, молоты, прекрасно отделанные стрелы и т. п. Их находят на Северной Двине, у Северного Урала, по верхней и нижней Волге, в Литве и Прибалтике, я не говорю уже о тех

местностях России, в которых человек жил и при палеолите. Конечно, если брать более ограниченные площади, то картина может получиться иная. Человек все еще держится речных долин и речных берегов. Почти идеальная водная сеть восточной Европы и тогда уже служила свою известную службу: она была проводником человека по необозримым и непроходимым дебрям громадной страны. Пробираясь по рекам и держась водных путей, человек мало и редко заходил в лесные пустыни, покрывавшие внутренность страны. И теперь, если взглянуть на современную подробную карту северной России, нередко можно видеть большие пространства, все еще покрытые лесом и отделяющие одну от другой группы селений, жмущихся к рекам. Несколько тысяч лет назад такое явление можно было наблюдать везде. Находки позднего каменного века, очень частые вблизи рек, вдруг резко обрываются, как только от них отходят. Такие черты очень резко бросаются в глаза, например, в Вятской губернии, где в неолитическое время люди жили только по течению Вятки и Камы и некоторых их больших притоков; покрытая непроходимыми лесами местность между левым берегом Вятки и средним течением Камы была недоступна для людей каменного века [1]).

Широко распространенные памятники неолитической культуры еще далеко не достаточно обследованы. Первые крупные исследования русского неолита относятся к 70-м годам XIX века; научное знакомство с неолитом началось у нас одновременно с открытиями в области палеолита. В половине 70-х годов начинаются исследования графа А. С. Уварова в средней части долины Оки к верху и к низу от города Мурома, которые приводят к обнаружению одной из интереснейших русских неолитических стоянок близ деревни Волосово на правом берегу р. Оки; дальнейшие изыскания убеждают в существовании здесь же неподалеку и других стоянок не менее интересных, чем Волосовская; для исследователей стало ясно, что за несколько тысяч лет все среднее течение Оки было обитаемо человеком. Почти одновременно, при проведении Ярославско-Вологодской жел. дор. близ ст. Уткино неподалеку от Ярославля, было найдено много каменных предметов. Раскопки, произведенные при случайных обстоятельствах в 1874 году, были повторены по всем правилам археологической науки в 1875 году графом Уваровым и проф. Антоновичем, и в 1878 году И. С. Поляковым. Находки были сделаны главным образом в ямах, из которых добывали песок; ямы расположены были вблизи от деревни Фатьянова, которая и дала свое название находке. Фатьяновские находки едва ли не впервые убедили в том,

[1]) А. А. Спицын. Приуральский Край. Матер. по арх. вост. губерн. России. I, 24.

что доисторический человек действительно жил к северу от Волги. Фатьяновская стоянка—в то же время и могильник. Обитавший здесь человек устроил неподалеку от своих жилищ кладбище, в котором хоронил своих покойников. И древние обиталища и могилы расположены на высоком и длинном песчаном холме, расположенном на границе тогдашней очень широкой долины р. Волги. На холме было удобно и безопасно жить, вблизи была река—источник пищи и средство сообщения. Еще несколько позднее, в 1877—82 годах проф. Иностранцев, изучавший с палеолитической точки зрения долину реки Невы и берега Ладожского озера принял участие в исследованиях на местах проведения новых обходных каналов вокруг Ладожского озера (Сясского и Свирского). Наиболее замечательные находки культурных остатков были сделаны в западной части нового Сясского канала, неподалеку от выхода его в Волхов. Здесь были найдены кости и черепа людей, кости животных, множество каменных и костяных орудий. Благодаря торфу, в котором были найдены предметы, и тому обстоятельству, что торф был долго под водой, все остатки сохранились очень хорошо и дали богатейший материал для наблюдений и выводов. Таковы три важнейших находки, которые положили начало исследованию русского неолита. С этого времени исследование это не прекращалось. Нам нет нужды подробно описывать все крупнейшие неолитические находки. Отметим лишь некоторые для того, чтобы дать себе отчет о теперешнем состоянии исследования русского неолита. В 90-х годах В. А. Городцов исследовал течение р. Оки в Тульской и Рязанской губерниях; его работы дали возможность установить, что все течение р. Оки было обитаемо в неолитическую эпоху; в начале 20-го века тот-же В. А. Городцов в ряду других своих работ исследовал и неолитические памятники Харьковской и Екатеринославской губерний. Оказалось при этом, что характер Донецких стоянок совершенно аналогичен с характером стоянок средней России. Они также группируются близ воды и преимущественно на дюнах. Множество кремневых осколков, нуклеусов и поломанных поделок характеризуют широкое развитие местной кремневой индустрии. Преобладают пластинчатые кремневые ножи и скребки, реже встречаются копья и стрелы и еще реже шлифованные кремневые топоры.[1]). В юго-западной России ценнейшие исследования были произведены проф. Антоновичем, Н. Ф. Беляшевским, В. В. Хвойко и проф. Э. Р. фон-Штерном. В. В. Хвойко, открывшему и исследовавшему Киево-Кирилловскую палеолитическую стоянку выпало на долю открыть и обследовать совершенно новую и дотоле неизвестную на территории России позднюю неолитическую культуру, ознакомле-

[1]) Городцов. Результаты арх. иссл. в Изюмском уезде. Труды XII Арх. Съезда. Т. I, стр. 175 — 177.

ние с которой составило эпоху не только в археологии России, но и в археологии европейской. Одновременно производился ряд других исследований, результаты которых постоянно обогащали новыми сведениями наши познания о неолитической культуре в Восточной Европе. Нельзя однако сказать, чтобы русский неолит был освещен достаточно; до этого еще очень далеко. Если отдельные местности России подвергались настойчивым, подчас повторным исследованиям, то о других можно сказать, что по ним еще не сделано почти ничего. И в этом вопросе югу и юго-западу России посчастливилось более всего. Специальные исследования, ставившие себе целью именно памятники каменного века, имели место в Киевской, Волынской, Подольской и Гродненской губ. с одной стороны, с Харьковской, Полтавской, Воронежской—с другой; не менее интересные исследования были произведены в Бессарабии. Очень хорошо исследовано течение Оки; маяками светят заволжские стоянки в Фатьянове и в некоторых местах Костромской губернии; у нас есть удовлетворительные сведения о позднем каменном веке в Тверской, Новгородской и отчасти Московской губ., в Западном крае и Прибалтике. Исследования А. А. Спицына дали богатые сведения о Вятском крае, однако нижнее Поволжье остается до сих пор очень мало обследованным. Очень много остается еще сделать и в средней России, в частности в местностях вокруг Москвы и в черноземной полосе; как и для палеолита запас наших знаний и сведений о неолитической культуре находится еще в состоянии накопления и пройдет еще не мало времени, пока русские археологи в состоянии будут сказать, что поздний каменный век в России исследован исчерпывающим образом. Это необходимо знать, приступая к подробному ознакомлению с русским неолитом при теперешнем состоянии наших знаний. Впрочем есть одно обстоятельство, которое косвенно затрудняет исследования русского неолита. Если материал по этой эпохе значительно богаче, нежели материал, относящийся к палеолиту, то он гораздо беднее чем то, чем мы располагаем для более позднего времени культуры металлов. Отсюда вытекает то последствие, что при археологических исследованиях в России, древности самых поздних доисторических эпох заслоняют собою древности каменного века. На своем пути русский археолог чаще встречает курганы и городища железного века и могильники бронзового века нежели стоянки и мастерские каменного века; оттого в результатах русских археологических экспедиций памятники каменного века почти всегда стоят на втором плане и занимают скромное место сравнительно с памятниками эпохи металлической. Несколько блестящих исключений вроде исследований Хвойко и Штерна лишь подтверждают общее правило.

Литературу неолита см. в конце 5-й главы.

ГЛАВА IV.

Человек неолитической эпохи. Его жилища и погребения.

Продолжавшаяся всего несколько тысячелетий неолитическая эпоха не могла испытывать столь значительных климатических колебаний, как бесконечно длинная палеолитическая ступень жизни человечества. Общие климатические условия неолита стоят близко к нашим; раз был одинаков климат, то следовательно мало чем отличались от нашего времени и фауна и флора неолита. Есть одно лишь явление, которое выходит из рамок этой картины. В средине неолита на севере Европы, в частности в бассейне теперешнего Балтийского моря, климат был много теплее, чем теперь. Это ясно установлено исследованием культуры кухонных остатков в Дании. Кабаны и косули водились в то время в лиственных лесах, состоявших из дуба, клена и ясеня: такая природа, повидимому, была современницей Литоринового моря [1]), непосредственно предшествовавшего современному Балтийскому бассейну. Исследования Иностранцева на южном берегу Ладожского озера и некоторые наблюдения, сделанные в Прибалтийском крае, ставят нас лицом к лицу с теми же явлениями и на русской территории.

Была ли или нет какая-нибудь связь между жизнью в восточной Европе в палеолитическую и неолитическую эпохи, мы во всяком случае располагаем лучшими сведениями о самом человеке неолита, нежели о его палеолитическом предшественнике. Это об'ясняется тем, что в памятниках нового каменного века находят останки людей того времени. Таких находок было сделано до сего времени не мало. Вот некоторые из них. При исследовании Голосовской стоянки, относимой к среднему неолиту, под Муромом, гр. Уваров натолкнулся на могильник. В одной из могил был

[1]) Обермайер. Доист. человек. 546—548.

найден хорошо сохранившийся брахикефалический череп (указатель 80) и некоторые части костяка; в других могилах были найдены части двух других черепов и нескольких костей. Все черепа не высоки. Два из найденных черепов, мужские, имели очень сильно развитые надбровные дуги: один женский, наоборот, почти не имел лобных бугров. Прогнатизмом черепа не отличаются и в них нет ничего, напоминающего такие типичные формы первобытного человека, какие дает неандертальская раса [1]). Фатьяновская стоянка Ярославской губернии, принадлежащая к очень позднему неолиту, дала пять черепов. Три из них мужские, два женские. Все они имеют признаки длинноголовых, и большинство из них настоящие долихокефалы. Они принадлежат к значительно развитым по величине, не отличаясь, однако, особо большой высотой; по большей части — это узколобые и узконосые люди. Во всяком случае все признаки заставляют относить Фатьяновских людей к типам современного человечества [2]). Десять черепов, дающие представление о человеке древнего Приладожья, также принадлежат все долихокефалам, но долихокефалы эти, жившие как и Фатьяновские, повидимому, в конце неолитической эпохи, отличались от последних очень многими признаками: приладожане люди очень малоголовые, с узким покатым лбом и сильно развитыми надбровными дугами [3]). В Волынской губернии раскопки погребений дали исключительно длинноголовый тип (указатель 68—74), еще более ясно выраженный, чем у неолитических людей русского севера [4]). Люди русского юга, населявшие Херсонскую губернию, были субдолихокефалами (указатель 75,5) сравнительно очень небольшого роста, не превышавшего 2 арш. 6 вершков [5]). В Киеве были, наоборот, обнаружены кости очень высокорослых людей (до 185 см) [6]).

Примеры, приведенные сейчас, не исчерпывают всех антропологических данных о русском неолите, но они достаточны, чтобы решить категорически и бесповоротно, что в неолитический период в России обитали не одна, а несколько отдельных рас, существовавших одна рядом с другой, скрещиваясь повидимому очень мало, а может быть и не смешиваясь одна с другой. Судя по сохранившимся черепам, которые являются главным нашим критерием о расах неолита, тогдашние насельники, существенно отли-

---

[1]) Уваров. Каменный период. I, 302 и сл.
[2]) Уваров. Каменный период. I, 412, 415.
[3]) Иностранцев. Доисторич. человек побережья Ладож. озера. 91 — 125.
[4]) Антонович. Кам. век в зап. Волыни. Труды XI с'езда. 1, 47.
[5]) Эварницкий. Курганы Херсонской губ. Труды XI арх. с'езда, 1, 729.
[6]) Хвойко. Кам. век средн. Приднепровья. Труды XI арх. с'езда. 1, 762.

чаясь одни от других своими расовыми признаками, все приближались по своему типу к современному человечеству, отличаясь от него некоторыми чертами—менее развитой высотой черепа, некоторой малоголовостью и заметной кое-где наклонностью к прогнатизму. Черты эти показывают, что расы неолита, приближаясь к современным, отличались от них несколько меньшей общей развитостью. Если можно, таким образом, установить отношение неолитических рас к современному человечеству, то нет никакой возможности решить, имеют ли они какое-нибудь отношение к людям более древнего времени—людям Костенковской, Мезинской или Карачаровской стоянок: независимо от того, что у нас нет останков палеолитического человека, самый хронологический промежуток между человеком, питавшимся мясом мамонта в Карачаровском овраге на левом берегу Оки, и человеком, обитавшим почти напротив, на правом берегу Оки в Волосове — остается огромным и не поддается сколько-нибудь точному определению.

Жизнь неолитического человека, как и сам он, рисуется нам в более определенных красках, нежели жизнь палеолитического обитателя теперешней России. Начнем с его жилья. Там, где существовали природные пещеры, они попрежнему служили, как и ранее, обиталищем человека. В пещере на реке Каче, на 4 аршинной глубине, под двумя нетронутыми слоями, рядом с каменными орудиями найдены две половины человеческой челюсти и одна лопатка. С ними вместе найдены кости животных не вымерших пород—буйвола (bos bubalus), кабана (sus scrofa) и домашней собаки. Все это ясные следы неолитического человека в Крымских горах[1]). Такие же ясные следы пещерного жилья неолитической эпохи сохранились и в известковых скалах Поднестровья: у села Нагорян (Подольской губ., Могилевского уезда) «скалы у входа в пещеры покрыты большим количеством резов и рисунков, между которыми преобладают изображения креста, составленного из точек, крылатой человеческой фигуры и четыреугольника, разделенного двумя диагоналями и выполненного десятью кружками. Сверх того у входа в одну из этих пещер на скале выкованы 7 чашечных углублений—каждая величиной в полапельсина. На склоне горы, в виде неправильного полукружья—15 больших камней. Три камня расположены так, что образуют небольшой грот, напоминающий мегалитические сооружения. Все эти камни покрыты значительным количеством резов и рисунков, аналогичных с рисунками на стенах пещер, но представляющих гораздо более многочисленные и разнообразные начертания. Среди

---

[1]) К. Мережковский. Отчет об исследованиях каменного века в Крыму. Изв. И. Р. Г. О., XVI, 106—146.

всевозможных комбинаций прямых линий, точек и кружков чаще всего замечаются начертания различной формы креста, сочетаний, составленные из пернатых частей стрел, более или менее неуклюжие изображения человеческих фигур, знаки, похожие на свастику и особенно тщательно выкованные чашечные углубления различной величины. Во всех этих пещерах найдены кремневые отбивные орудия, которые принадлежат к неолитическому типу и в некоторых случаях встречаются уже со следами полировки» [1]). Здесь, видимо, неолитический человек не только жил в пещерах, но даже умел своеобразно украшать их. «По реке Уфе в пещерах», пишет Ф. Д. Нефедов, «случайно попадали на человеческие костяки, при которых лежали истлевшие луки и колчаны с каменными и костяными стрелами» [2]). Возможно, что костяки эти и не принадлежали людям каменного века, но нахождение их в пещерах уральских предгорий не оставляет никакого сомнения в том, что пещеры эти были известны издавна и, вероятно, прежде чем стать местом погребения, служили жилищем живых людей.

Жилье в земле представляло много удобств и преимуществ: оно могло обеспечить и тепло и безопасность лучше всякого надземного жилища. Естественно, поэтому, что там, где человек не находил природных пещер, он старался устроить себе подземное обиталище. Особенно удобные условия для этого давал лесс. Мы уже знаем как рано появился человек на месте современного Киева. Открытые стоянки палеолита сменились в более позднее время пещерами, выкопанными в лессе. «Вдоль всего среднего течения Днепра от устья Припяти до устья Тясмина правый берег этой реки состоит из ряда круто обрывающихся холмов, возвышающихся на 40 саж. над уровнем Днепра. Возвышенность состоит из пластов третичной формации, поверх которых лежат слои диллювиального наноса и, наконец, сверху, непосредственно под черноземом слой лесса. Лесс составляет слой толщиною в 2—2½ саж., но по местам достигает толщины четырех сажен и более. Лесс представляет два особенных физических свойства: он не пропускает сквозь себя воды и устойчив, так что если в нем вырыть неширокий ход, сводообразно закругленный в верхней части, то свод этот не обрушивается и представляет сухой и безопасный для прохода корридор. Этими свойствами лесса воспользовались в первобытное время, и, где края нагорного берега представляли обнаженный пласт лесса, они вырыли первые жилища в виде узких длинных с сводообразным потолком пещер. Возможность отыскать и исследовать пещеру представляется по пре-

---

[1]) Антонович. О скальных пещерах на берегу Днестра. Труды VI арх. с'езда, I, 96 — 97.

[2]) Нефедов. Отчет об арх. исследованиях в южном Приуралье. Мат. по арх. вост. губ. III, 2.

муществу весною, когда после таяния снегов части прибрежных холмов обваливаются; при этом случается, что на стороне обрыва замечается в разрезе отверстие пещеры, передняя часть которой свалилась вниз, продолжение же углубляется в гору, представляя ход, ясно очерченный в лессе, обыкновенно до $^2/_3$ высоты своей занесенный черноватым землистым наносом. Некоторые из первобытных пещер в историческое время получили новое назначение, заслонившее от внимания исследователей первоначальное их назначение. В XI столетии иноки, посвятившие себя отшельнической жизни, искали в пещерах приюта для пустынного жительства. В летописном сказании об основании Печерского монастыря указано, что Св. Антоний поселился в готовой пещере. Не отрицая, что многие пещеры приобрели в христианское время религиозное значение, что были расширены монахами и обращены в монастырские кельи, я полагаю, что происхождение пещерных сооружений относится к другой, гораздо более древней эпохе» [1]). Так заканчивает проф. Антонович описание исследованных им киевских доисторических пещер.

Техника устройства пещер другим исследователем описывается так: «Пещеры устраивались следующим образом: в крае горы на ее скате выкапывалось в лессе, смотря по надобности, продолговатое или четвероугольное отверстие со сводом наверху, доходившим до поверхности земли и с суженным отверстием наружу, или же просто выдалбливалась там же, начиная от поверхности земли, разной глубины и величины яма подобной же формы, которая сверху покрывалась бревнами и хворостом, а поверх их присыпалась и притаптывалась землею» [2]).

Однако, сооружение искусственных пещер было делом все-таки трудным, требовавшим много сил и настойчивости. Достаточное количество тепла можно было обеспечить, не уходя совсем в землю, но углубляясь в нее хотя бы наполовину. Землянка—третий вид жилья неолитической эпохи. Их также много на месте современного Киева и в его окрестностях, и самое количество землянок указывает, что соединение их в большое поселение было средством усилить защиту таких малообеспеченных и незащищенных жилищ. Предоставим слово опять исследователю доисторических древностей Киева. «Для устройства землянок в верхнем пласте земли до глубины 30—40 сантиметров вырезывалась площадка в виде продолговатого четырехугольника или круга от 3 до 5 метров в длину или в диаметре, посреди ее раскапывалась соответственной формы яма, глубиной от ¾ до 1½ метра и от

---

[1]) Антонович. Кирилловские пещеры. Чтения в общ. Нестора летописца. I 244.

[2]) Хвойко. Каменный век средн. Приднепровья. Труды XI арх. с'езда. I, 799.

2 до 2½ метров в ширину и в длину, в которую с одной стороны оставлялся ход по мере надобности уступами. В противоположной от него стене на небольшой высоте от пола выдалбливалась печь в виде сводчатой пещеры с небольшим отверстием для выхода дыма наружу, или же вместо нее делался при той же стене круглый очаг, часть которого помещалась в яме, а часть заходила в выдолбленную под ним стенку, где пробивалось такое же отверстие для дыма, как в печах. Затем наружный край первой площадки огораживался вбитыми в землю кольями в виде частокола или плетня, обмазанного глиной и образовавшего невысокие стенки, на которых покоилась соответствующая форме постройки крыша; она, вероятно, поддерживалась извнутри одним или несколькими столбами, покрыта хворостом и сверх него присыпана землею и обложена дерном» [1]). Землянка, как жилище неолитического человека, распространена по всему широкому лицу восточной европейской равнины. В Волосове на Оке места землянок обозначались интенсивно черным углистым культурным слоем. «Вскрытая землянка имела форму овальной ямы 7 аршин в диаметре и 2½ аршин глубины, считая от поверхности всего культурного слоя. На дне землянки в черном жирном слое были найдены кремневые орудия, обломки глиняной посуды и немного костей животных» [2]). В 1894 г. Ф. Д. Нефедов открыл на р. Ветлуге жилища человека каменной поры. На верху возвышения, на глубине до 10 футов найден был ряд из пяти очагов со следами угля, дерева, кремневыми поделками, сожженными костями, черепками сосудов. Очаги имели в диаметре от 8 до 2½ футов. Вблизи от них находились ямы. Кажется, что очаги были расположены по одной линии по краю возвышения на скате. Такие же типы жилищ были обнаружены и в других местах по рекам Ветлуге и Унже. Из костей животных при описанных сейчас землянках находили кости лося, бобра, медведя, лисицы, собаки, свиньи, быка и лошади [3]).

Совершенно своеобразным и довольно редким видом неолитического жилья надо считать плотинное жилище. Вот как описывается одно такое поселение на средней Оке, в нынешней Рязанской губ. Плотинные жилища находятся на холме, называемом «Черепками», у окраины песчаной дюны. «Черепки» представляют вид островка, насыпанного из песка, снаружи обложенного толстой облицовкой, сложенной в виде грубого подобия стены из небольших кусков серого известняка без всякой искусственной

---

[1]) Хвойко. Там же, 799.

[2]) Городцов Археол. исследования в окрестностях гор. Мурома в 1910 г. Древности. т. XXIV, 43 — 44.

[3]) Нефедов. О каменном веке в Приветлужье. Труды Антрополог. отд., т. IX, вып. 3, 493 — 500.

обработки их и цемента. На этом холме бывало прежде находимо большое количество кремневых осколков орудий и глиняных черепков, откуда и произошло самое название местности [1]). Плотинные жилища найдены были еще в Балтийском крае, а также в некоторых других местностях России. По своему характеру плотинное жилище напоминает ирландский краннодж, итальянскую террамару или альпийские свайные постройки: человек пользуется водой, чтобы усилить защиту своего жилья, укрепить его. Однако, вместо дерева, материалом для усиления естественной позиции берется прибрежный камень, а укрепляется такая часть суши, которая со всех сторон или отчасти омывается водой, но в то же время не заливается половодьем.

Плотинное жилище есть жилище укрепленное. Нобходимость защиты от внешних нападений, соединенная с более определенной склонностью к совместной, общественной жизни уже приводила в неолитическую эпоху к устройству целых укрепленных городков, следами которых остались сохранившиеся на юго-западе России городища особого типа—круглые или овальные.

Такие городища «всегда лежат на возвышенности над берегом реки и состоят из циркулярного или овального вала; почти всегда часть городища окружена другим параллельным валом, но всегда неполным»; (он составляет дополнительную защиту городища со стороны суши, где нет естественной защиты в виде реки или оврага). «Городища эти достигают иногда громадных размеров: так например, круглое городище у села Будеража (Волынск. губ., Дубенского у.) имеет в диаметре 40 шагов, овальное городище у м. Вересовичи имеет 215 шагов по длинному диаметру. Сверх того, постоянный признак городищ состоит в том, что внутренняя их площадка представляет поверхность не ровную, а выпуклую посредине и принижающуюся к окружающему ее валу. Присутствие этих городищ в близком соседстве с мастерскими и стоянками каменного века как бы указывает на некоторую связь между ними. Связь эту гораздо более наглядно удалось установить в трех случаях: у села Радзимина, Васьковец и Будеража на поверхности городищ найдены стоянки каменного века, представляющие значительное обилие предметов, так что присутствие их не может быть об'яснено случайностью [2]).

Стоянки и мастерские неолитической эпохи также надо считать памятниками, указывающими на человеческое общежитие, хотя, быть может, только косвенно. Последним они отличаются от мастерских и стоянок палеолитических, которые для своего

---

[1]) Городцов. Материалы для арх. карты долины и берегов р. Оки. Труды XII с'езда. I, 623.

[2]) Антонович. О каменном веке западной Волыни. Труды XI арх. съезда, I, 143 — 145.

времени являются единственными следами человеческих поселений. Относительное развитие человека в неолитическую эпоху уже позволяет отделить мастерскую и стоянку от постоянного жилища, если, конечно, мастерская или стоянка не заключает в себе определенных доказательств того, что при них человек имел постоянное жительство. Такими доказательствами могут служить кухонные отбросы и сорные кучи, которых не мало найдено и в России. Их много близ стоянок по средней и нижней Оке [1]), они существуют и на юге. Так, вблизи Райгородка (Изюмского у., Харьковской губ.) обнаружено было много костей свиных, лошадиных, рогатого скота и овечьих, которые в некоторых местах представляют целые кухонные кучи, перемешанные с ломанными кремневыми орудиями [2]). Характерной чертой некоторых других Донецких стоянок являются массовые скопления отбросов, содержащих кости рыб и диких животных [3]).

Вокруг только что описанных Волынских городищ рассыпано очень много мастерских без заметных остатков пищи и жилья. Возможно, что они служили местом временного жилья для человека, который в минуты опасности укрывался в городищах. Примером стоянок временного характера, именно стоянок, где люди останавливались на короткий срок с тем, чтобы потом двигаться дальше, могут служить многочисленные неолитические стоянки, которыми усеяны берега Западного Буга в его среднем течении. Стоянок здесь так много, что может создаться впечатление очень густого населения этой местности в каменном веке. Такое предположение, конечно, недопустимо. С другой стороны, очень тонкий культурный слой этих стоянок как бы подтверждает мысль, что рыболовы и охотники любили останавливаться на привычных местах во время своих промысловых походов [4]).

От жилья неолитического человека естественно перейти к его погребениям. Между жильем живого и могилой мертвого человека в то время была тесная связь. Загробное существование представлялось продолжением земного; поэтому в обстановке могилы можно нередко встретить черты, характерные для быта живых людей. Так не мало отмечено случаев, когда земное жилище непосредственно становилось местом погребения умершего хозяина. Более всего такое явление было наблюдаемо в пещерах, которые по свойству своей природы лучше всего сохраняют следы быта далекого прошлого. Находка Хаузером ритуального погре-

---

[1]) Гр. Уваров. Каменный период. I, 328.
[2]) Спесивцев. Находки в Райгородке. Труды XII с'езда. I, 153—159.
[3]) Городцов. Результаты археолог. исслед в. в Изюм. у. Труды XII арх. с'езда. I, 175—177.
[4]) Беляшевский. Дюнные стоянки неолитич эпохи на берегах Зап. Буга. Труды XI арх с'езда, I, 702 - 703.

бения палеолитического человека в пещере в Мутье лучше всего иллюстрирует этот обычай, существовавший в Западной Европе в незапамятную древность. Неолитическая эпоха Восточной Европы дает нам те же явления: вспомним еще раз следы погребений в пещерах берегов Днестра, Крыма или южного Урала. Западная Европа знает и другие случаи, когда могилой хозяина делалась та самая землянка или хижина, в которой он жил. Можно с полным вероятием предположить, что аналогичные явления имели место и в Восточной Европе.

Древнейшие известные нам погребения в Средней России — это погребения неолитических людей, живших по реке Оке, которых хоронили в неглубоких ямах без могильной насыпи, что делает находку подобных погребений нередко затруднительной. Близ Волосовского поселения «могилы (числом 5) были расположены под обширными корнями срубленных сосен, так что корни защищали их от размыва дождей. Все остовы протянуты были по направлению от в-в-юга к з-з-северу и лежали так, что голова была повернута на левую щеку, а правая рука, загнутая, подпирала ладонью левую щеку. Могилы были вырыты в величину остова и в том же направлении на в-в-юг. В глубину они имели от 120 до 135 см. и дно их кончалось там, где кончался слой белого глинистого песка. На протяжении всего костяка лежал слой древесного угля до 35 см. толщины и шириною в 90 см. во всю ширину вырытой могилы. Над этим слоем угля, над местом, где находилась голова, поставлен был глиняный сосуд, наполненный до-верху сожженными костями. На сожженных костях в сосуде на самой средине положен был кремневый наконечник стрелы изящной отделки» [1]). В поселках Фатьяновского типа, принадлежащих к значительно более позднему времени, хоронили на слое угля, головою, повидимому, к юго-западу и юго-востоку. В самом Фатьянове при костяках не было найдено орудий, но ближе к голове или ближе к ногам ставились сосуды в опрокинутом положении; иногда в сосуд большего размера был вставлен сосуд меньшего размера [2]). В то время, как в Средней России господствовали, повидимому, могилы без насыпи, на юге, в степях, и в пограничьи леса и степи появляются курганы, т.-е. могилы с насыпью различной высоты в форме полушария. На Волыни курганы совпадают «с местностью, на которой указано присутствие неолитических стоянок и мастерских, а также круглых и овальных городищ. Курганы незначительны по величине и редко превосходят 1 метр высоты. Похороны находятся неглубоко и находимые здесь скелеты — скорченные, лежащие на боку, но не окрашенные, головою, по

---

[1]) Уваров. Каменный период. I, 298 — 230.
[2]) Уваров. Каменный период. I, 405.

большей части, положены к востоку. При этих скелетах всегда есть каменные орудия—полированные молоты, топоры, отбивные ножи и кинжалы, а также глиняные сосуды, по большей части круглодонные, вылепленные руками, весьма грубого изделия» [1]). Другой тип курганов был обнаружен в пределах Екатеринославской губернии, в правобережной ее части. В них «лежали скелеты каменного века частью в насыпном слое, но непременно с самой беднейшей культурой, большей же частью в яме, ниже линии горизонта, в материке, с культурой несколько побогаче, но в том и другом случае по одному скелету. Сверху эти скелеты покрыты какими-то плетеными покрышками, укрепленными на четырех толстых бревнах, вбитых в углы ямы горизонтально, по всем четырем углам; сверх покрышек и бревен обычно положены очень большие плоские камни, заходившие дальше краев ямы и прикрывавшие скелеты от земли. Положение скелетов различно: господствующий тип — на боку в скорченном виде, скелет как бы втиснут в небольшое помещение, но есть и варианты — или с широко раздвинутыми дугообразно ногами или же в так называемом утробном положении. Головы, руки, ступни ног и грудь у скелетов обычно окрашены сухой минеральной краской, некоторые же скелеты покрыты краской сплошь от головы до ног. Культура отличается замечательною бедностью. Из орудий были находимы только точильные камни, кремневые копья, известковые пращи, кремневые скребки, какие-то костяные кружки с дырочкой посредине и с отворотом по окраине, при этом не было ни одного молотка и долота или долбила. Также бедны курганы эти и посудой. В одном только кургане попалась она в значительном количестве и при этом самого различного дела и отделки: от горшка самого примитивного изделия до сосуда, покрытого рисунком замечательной сложности и затейливости [2]).

Рядом с курганами на русском юге встречается еще другая форма погребения неолитической эпохи; это погребение в каменном ящике, притом без насыпи, но с совершенно особым, впервые встречающимся ритуалом с трупосожжением. Такие погребения были встречены на юго-западе, в Волынской губ. Каменные ящики представляют прямоугольник из каменных плит, выделанных из гранита, песчаника, плитняка или известняка. «Плиты эти поставлены таким образом: по 3—4 плиты составляют длинные боковые стены, затем одна плита составляет короткую стену, с каждой стороны и сверху ящик также покрыт плитами. Общее правило насчет содержимого состоит в том, что внутри ящика

---

[1]) Антонович. О каменном веке в Зап. Волыни. Труды XI арх. с'езда, I, 146 — 147.

[2]) Эварницкий. Раскопки курганов Херсонской губернии. Труды XI арх. с'езда, I, 729.

мы находим несколько сосудов первобытной работы, часто круглодонных, наполненных золой, углем и пережженными костями, и среди сосудов лежат каменные полированные орудия—топоры, молоты и другие предметы» [1]). К несчастью ящики не могут быть исследованы систематически потому, что они не обозначены сверху никаким признаком. Их находят лишь случайно, вследствие чего нельзя точно определить ни района их расположения, ни их количества.

Каменный ящик—упрощенное, стилизованное уподобление дому: это домовина в самом настоящем значении этого слова. Каменный ящик поэтому можно рассматривать, как первый эскиз настоящего каменного дома, воздвигаемого для мертвеца. Таким каменным домом, нарочито выстроенным для мертвого, является дольмен—сооружение из грубого камня, рассчитанное на то, чтобы стоять незыблемо, пока будет продолжаться бесконечная жизнь покойника за гробом. Название дольмен происходит от бретонских слов dol—стол и men—камень, дольмены—один из видов т. наз. мегалитических сооружений, золотым веком для которых была неолитическая пора. Дольмен, характерною особенностью которого является крыша из одного или нескольких больших плоских камней, поддерживаемых вертикально стоящими стенками, может быть покрыт земляной насыпью, или же быть совершенно открытым. Долгое время существование дольменов связывалось исключительно с Францией и, в частности, с Бретанью, но затем, в течение XIX столетия аналогичные сооружения, дольмены или их остатки, были постепенно обнаружены в Англии, Ирландии, Испании, Португалии, Нидерландах, Дании, сев. Германии и южной Швеции, т.-е. по всей почти прибрежной линии западной и северо-западной Европы. С другой стороны такие же памятники оказались в южной Италии, по всему северному берегу Африки—в Алжире, Тунисе, Триполи, в Верхнем Египте и даже Судане. Одновременно дольмены были найдены в Сирии, Малой Азии, Индии и, наконец, по берегам Черного моря. Таким образом дольмены оказались памятниками, имеющими очень широкое распространение. Наблюдения над ними показали, что все они очень близки между собою, даже в своих отдельных разновидностях. Это обстоятельство еще усилило значение изучаемых памятников. В России дольмены распространены на северном Кавказе и, отчасти, в Крыму. На Кавказе их особенно много по обеим сторонам главного хребта в Кубанской области и в смежной с нею Черноморской губернии [2]).

---

[1]) Антонович. О каменном веке в Зап. Волыни. Труды XI арх. с'езда, I, 145 — 146.

[2]) Исследования Е. Д. Фелицына и В. М. Сысоева о кавказских дольменах в «Материалах по археологии Кавказа», вып. IX, и

Кроме дольменов обычной формы здесь встречаются дольмены круглые в виде домика и даже дольмены, высеченные из монолитов; дно их обычно имеет пол из каменных плит или из плотно убитого щебня, образовавшего с течением времени плотную массу. В передней плите кавказских дольменов, обычно в нижней ее половине, находится отверстие в виде правильного круга; иногда форма круга переходит в овал, полукруг или же представляет собою сводчатое окошко. Отверстия закрывались каменными втулками, которые частью сохранились. Среди дольменов Кубанской области и Черноморья не редкость встретить и такие, которые прикрыты земляною насыпью. Подобно тому, что мы видим в Западной Европе, на Кавказе есть дольмены, впереди которых имеется два ряда вкопанных в землю камней в виде корридорного хода, и дольмены, окруженные поясом менгиров [1]). Один из дольменов последнего типа был расположен на кургане, он погружен в курганную насыпь на $^2/_3$ своей высоты и в плане имеет форму прямоугольника. «С передней стороны, снабженной, как всегда, отверстием по длине боковых плит, располагаются два ряда камней различной величины, напоминающих корридорный ход, который, по мере понижения к подошве кургана, на протяжении 6,24 метра расширяется до 4,20 метр., имея в начале не более 1,60 метр.; в краях этого корридорного хода по обе стороны примыкают близко стоящие одна к другой тонкие каменные плиты, вертикально врытые в землю, образуя собою на ровной площадке, расстилающейся перед курганом, довольно правильный полукруг; другая половина круга отмечается едва выдающимися на поверхности земли кусками камней различной формы и величины» [2]). Подобные дольмены с сопровождающими их камнями менгирами, составляют полную аналогию с такими же памятниками на Западе носящими название кромлехов [3]). С внешней стороны кавказские дольмены «не имеют никаких наружных украшений, орнаментов и надписей. Но зато внутри у некоторых из них на продольных и поперечных плитах существуют неразгаданные начертания или орнаменты в виде зигзагообразных линий в несколько рядов, врезанных каким-то острым орудием» [4]). Дольмены большею частью ставились группами, что заставляет исследователей предполагать, что такие группы принадлежали отдельным родам, составляя как бы фамильную усыпальницу.

гр. Уварова — о крымских дольменах в статье «Мегалитические памятники России», в т. VI Древностей Моск. Арх. О-ва.

[1]) От бретонского men — камень и hir — большой; одинокий, обыкновенно вертикально стоящий камень.

[2]) Фелицын. Кожжохская группа дольменов. Матер. по арх. Кавказа, IX, 46.

[3]) Cromlech от crom — круг и lech — камень.

[4]) Фелицын. Западно-Кавказские дольмены. Там же, 31.

Как уже выше сказано, дольмены—это вечные загробные дома. «Несмотря на беспорядочное расположение костей, находимых в кавказских дольменах, все-таки можно заметить, что погребенные в дольменах размещались по углам в сидячем положении или с вытянутыми вперед (преимущественно по диагонали дольменов) ногами или же с согнутыми в коленях, или же, наконец, в скорченном виде. Особенно интересным представляется один дольмен Кожжохской группы. Суб'ект, погребенный в этом дольмене, был посажен в левом переднем углу с протянутыми вперед ногами, параллельно передней плите и несколько ниже круглого отверстия. В дольменах станицы Баговской заключалось по нескольку человеческих костяков вместе, причем расположение костей показывало, что покойники были погребены в разных положениях, но преимущественно в сидячем с согнутыми коленями и некоторые в скорченном виде. Подобный же способ погребения был обнаружен в Алжирских дольменах и во Франции. Кажется, что способ погребения в западно-кавказских дольменах обусловливался, главным образом, числом погребаемых в них людей. Так, в дольменах средней величины, в которых приходилось погребать 2, 3 и 4 человек, очевидно, самым удобным способом являлось размещение покойников в сидячем положении по углам. Там же, где позволяло место, ноги погребенного были протянуты вперед параллельно передней плите. Вообще раскопки дольменов приводят к заключению, что сидячее положение было как бы обязательным правилом обряда погребения. Постоянно повторявшийся факт совместного нахождения нескольких костяков в одном дольмене свидетельствует также, что западно-кавказские дольмены были семейными гробницами. Обряд погребения доисторического человека, оставившего нам дольмены, представляется в следующем виде: каждый род или семья заблаговременно строила себе гробницу, на что, конечно, требовалось много времени и труда. Можно предполагать, что, когда умирал один из членов фамилии, его помещали в углу дольмена в сидячем положении с согнутыми или протянутыми вперед ногами, ставили около него обычную домашнюю утварь, засыпали труп слегка землею или гравием и затем покрывали дольмен сверху плитой. При погребении другого члена фамилии крышка, вероятно, сдвигалась с места и нового покойника помещали в другом углу таким же обычно образом, как первого» [1]).

Черепа носят следы трепанации, обычая широко распространенного в доисторической Европе. Вещи состоят из грубой керамики, из каменных и бризовых орудий. Последние несомненно свидетельствуют, что культура дольменов, появившись в неолити-

[1]) Ф е л и ц ы н. Западно-кавказские дольмены. Матер. по арх. Кавказа. IX, 32 — 33.

ческую эпоху, пережила грань, отделяющую каменный век от века металлов.

Широкое распространение дольменов в Европе, Азии и Африке не могло не обратить на себя внимания и должно было вызвать различные попытки об'яснения. Последние можно свести к двум основным. Или культура дольменов, распространяясь с ближнего Востока, охватила мало-по-малу все страны Средиземного моря, перешла на север вдоль берегов Европы и одновременно появилась у берегов Черного моря, или же, как думают некоторые, культура эта зародилась на дальнем Западе и уже оттуда, распространяясь в обратном направлении, проникла на Восток. В среде представителей обоих мнений, в свою очередь, есть два течения. Одно склонно видеть в мегалической культуре настоящую культурную волну, которая захватывала много отдельных племен и народностей, заимствовавших быт, воззрения, погребальные обряды и надгробные сооружения одни от других. Другое течение хочет видеть в носителях культуры дольменов определенный народ, который, распространяясь и захватывая влияние, приносил с собою в разные страны свои обычаи и верования. Насколько фантастические мнения при этом высказывались, можно судить по взглядам некоторых германских археологов, которые в народе дольменов хотели видеть предков германцев [1]).

Которое из двух основных мнений вернее? Я не сомневаюсь, что истинным является то, которое выводит культуру дольменов с Востока. С Востока шел свет цивилизации. Все дальнейшие успехи человеческого знания до Римской империи шли неизменно с Востока на Запад. Так шла и мегалитическая культура, предшественница культуры египетской, халдейской и эгейской. Она тянулась вдоль северо-африканского берега, по тому пути, где когда-то, за много тысячелетий до нее, направлялись в Западную Европу более современные человеческие расы кроманьонцев на смену уродливым неандертальцам; по тому же пути распространялись позднее финикияне, а еще позднее шли мусульманские завоеватели в VII в. по Р. Х. Не должно нас удивлять и проникновение мегалитической культуры на берега Черного моря. Не раз еще нам придется отмечать постоянное и длительное культурное влияние передней Азии на юг России, передаваемое через Кавказ; если же мы бросим взгляд на морской путь через существовавшие уже в неолитическую эпоху Дарданеллы и Босфор, то мы увидим, что этот путь был тот, которым следовали греческие колонисты, принесшие в

---

[1]) См. напр. Reinhardt. Der Mensch zur Eiszeit in Europa und seine Kulturentwickelung bis zum Ende der Steinzeit, p. 555 — 660, III. Die Germanen als Träger der neolitischen Kultur.

Черноморье греческую культуру за несколько тысяч лет после появления дольменов.

В то самое время, когда культура дольменов осаживалась на северо-восточном побережье Черного моря, на землях, прилегавших к его северо-западным берегам, развивалась другая культура, наиболее характерным признаком которой являются, как и в культуре дольменов, места и формы погребений. Глазам археолога эти усыпальницы людей, живших в юго-западном углу русской равнины в конце неолитической эпохи, представляются в виде площадок различной величины (от 5×6 м. до 18×13 метров), расположенных большими группами, чаще всего в виде круга на возвышенных полях, вероятно, вблизи селений. В центре круга расположена одна или две площадки более значительных размеров. Площадки, находящиеся на глубине от полуметра до 1 метра под землею, состоят из нескольких слоев обожженной глины, иногда окрашенной белой, желтой или красной краской. Слои эти, надо думать, представляют собою остатки обрушившихся стен и потолков каких-то глинобитных построек, расписанных и разукрашенных. Среди обломков и комков глины встречается множество глиняных сосудов, оригинально и очень красиво расписанных. Некоторые из них содержат пережженные человеческие кости и золу. Кроме глиняных сосудов, на площадках находят глиняные человеческие фигурки, кости животных, некоторые предметы утвари, остатки пищевых продуктов, напр., зерен, и в некоторых местах, где площадки отличаются особым богатством типов находимых в них предметов, предметы из бронзы. Чрезвычайно широкое распространение площадок, тянущихся от Киева к Карпатам и дальше в Придунайские страны, в Седмиградье и на Балканский полуостров, причем металлические предметы были находимы только в некоторых площадках, несомненно наиболее поздних по времени, убеждает, что изучаемые погребальные сооружения воздвигались в течение очень долгого времени, захватившего неолитическую эпоху и перешедшего в бронзовый век. Насколько можно судить по сохранившимся остаткам, площадки должны были в своем первоначальном виде представлять что-то вроде навесов или помещений, имевших, кроме крыши, еще одну или две стены. «Строились они следующим образом: прежде всего для каждого отдельного сооружения делалась более или менее глубокая выемка земли, затем возводились с помощью укреплений из деревянных столбиков и прутьев самые стенки, часть которых находилась в земле. После просушки стены сглаживались и подвергались выжиганию, а потом иногда побелке и окраске. Некоторые из построек имели глиняный пол. Каждая из таких усыпальниц принадлежит одному семейству; к одному первоначальному сооружению, служившему местом погребения первого покойника, пристраивались постепенно другие, образуя, таким образом, отдельную площадку.

Погребение совершалось посредством сожжения, которое могло производиться или на месте или где-либо в отдельном, специально предназначенном для этого помещении, находившемся в том же некрополе, быть может, в его центре. Оставшиеся кости клались в сосуд или оставлялись на поле той же площадки. Могильные памятники, повидимому, часто реставрировались путем обмазки и окраски, а также периодически посещались; сюда приносились сосуды ритуального характера, специально изготовляемые для погребальных обрядов, и пищевые вещества, как это показывают куски костей домашних и других животных. Все приносимые предметы ставились обыкновенно или снаружи у стен или в верхней части сооружения» [1]). Уже самое описание погребального сооружения убеждает в сложности погребального ритуала, а, следовательно, в сравнительно высоком развитии духовного мира носителей культуры погребальных площадок. Судя по обстановке погребений, это, несомненно, самая высокая из культур, нами до сих пор отмеченных.

Литературу неолита см. в конце 5-й главы.

---

[1]) Хвойко. Каменный век среднего Приднепровья. Труды XI архезда. I, стр. 809.

ГЛАВА V.

Быт неолитической эпохи.

Основные черты, которые обусловливают переход от древнейшего каменного века к новейшему,—это появление полированных орудий и гончарного искусства. С этой стороны и приходится прежде всего исследовать русский неолит. Изменения в технике каменных орудий происходили медленно и постепенно. Изобретение полировки орудий далеко не сразу вытеснило старую технику оббивки, предметом которой служил почти исключительно кремень. «В виду того, что кремень все еще оставался наиболее удобоприменимым материалом для изготовления острых режущих или заостренных на конце инструментов, жители неолитического периода остались ему верны и приготовляли из него преимущественно мелкие орудия и инструменты, которые на этой стадии культуры встречаются еще в очень большом количестве» [1]). Небольшие кремневые орудия, характерные во всей Европе для ранней неолитической поры, существуют до самого конца ее, обнаруживая наклонность к увеличению размеров и к дальнейшему совершенствованию техники оббивки, которая в расцвет неолита достигает наивысшего своего развития. Примером могут служить художественной работы наконечники копий и ножи, найденные в Волосовской стоянке графиней П. С. Уваровой, хранящиеся в Историческом Музее. Наряду с орудиями прежних типов, но неизмеримо лучшего изготовления, появляются в оббитых орудиях также новые типы—например, наконечники стрел с зубцами и рукояткой для прикрепления. Шлифовка камня производилась посредством трения уже оббитого и получившего в грубых очертаниях желаемую форму орудия о другой камень, преимущественно твердой породы. Его терли или сухим, или же употребляя

[1]) Обермайер. Доистор. человек. 556.

при этом мелкий и мокрый песок. Шлифовальные камни неолитической поры сохранились до нашего времени [1]). Работа требовала большого терпения, которое и было главным средством достижения совершенства в шлифовке. Шлифовка прежде всего коснулась каменных топоров и молотов, постепенно развившихся из первоначальных палеолитических ударников (coup de poing). Искусство шлифования дало возможность подвергать обработке, кроме кремня, также и более твердые породы камня—напр., гранит, кварц, нефрит, диорит и другие. Особенной красотой, твердостью и прекрасным зеленым цветом отличаются топоры-молоты из нефрита и близкого к нему ядеита или жадеита; месторождения этих пород найдены в Силезии и в различных местах Альп. Насколько попадающиеся в России орудия из таких камней были предметом ввоза из средней Европы, судить все же затруднительно: бесчисленные валуны, усеявшие восточно-европейскую равнину, содержат много разновидных каменных пород; валуны твердых пород постепенно с усовершенствованием неолитической техники сделались предметом обработки, причем обилием и красотой выделяются предметы, происходящие из северо-западных областей России, из Озерного края и местностей, граничащих с Финляндией [2]).

Рядом со шлифовкой следует поставить сверление. При помощи мокрого песка и деревянной палки, приводимой в движение веревочными пружинами, а главное при помощи большого запаса терпения, в камнях самых твердых пород оказывалось возможным просверливать отверстия. Для топоров и молотов это дало возможность гораздо лучше и тверже прикреплять их к деревянным древкам. О способах такого прикрепления можно судить по тому, как это практиковалось у отсталых племен новейшего времени. Дерево, рог и кость служили, как и ранее, материалами для изготовления орудий, необходимых для незатейливых потребностей людей того времени. По своему составу орудия из кости и рога, в обилии сохранившиеся от неолитической поры, немногим отличаются от орудий более древнего времени, зато они существенно отличаются от них сохранностью и совершенством работы. Особенно интересны отдельные предметы, напр., прекрасной работы роговой гарпун, найденный в Московской губернии [3]). Одной из лучших поделок из дерева, которые сохранились до нашего времени от неолитической поры, и которая в то же время может служить показателем уровня техники, является дубовый челнок,

---

[1]) Исторический Музей.
[2]) Исторический Музей.
[3]) Исторический Музей, см. также Иностранцева. Доисторич. человек кам. века побережья Ладожск. озера, 144 — 167.

найденный на южном побережье Ладожского канала при проведении второго Свирского канала, к сожалению, добытый не в целом виде вследствие неумелости рабочих. Длина его достигала, вероятно, 3,50 метров, ширина у кормы—55 см., в середине—65 см.; челнок сработан без киля, но в сохранившейся части очень прочен и устойчив [1]).

Гончарные изделия русского неолита можно для удобства разделить, при рассмотрении, на три группы, хотя такое разделение будет, может быть, несколько схематичным. К первой группе отойдут гончарные изделия раннего и среднего неолита, предметы приокских стоянок, Ладожского побережья и других местностей, близких по типам к только что упомянутым. Здесь, прежде всего, керамика сохранилась только в обломках, и обломки эти принадлежат исключительно только горшкам, сделанным от руки. Горшки или совсем без орнамента, или украшены самым простым орнаментом из вдавленных заостренной костью точек и из вдавленных ногтями линий. Орнамент, однако, по крайней мере в горшках Окских и Донецких стоянок, не чужд симметрии. Очень немногие горшки, которые при находке удалось восстановить из черепков, представляют собою совсем грубые, круглодонные сосуды неправильной формы и очень небольших размеров.

Вторую группу составляют глиняные сосуды Фатьяновской стоянки и других стоянок, родственных Фатьяновской по типу и расположенных в верхне-волжском крае. Находка следов медной окиси около некоторых костей в Фатьянове убеждает, что Фатьяновская культура должна быть относима к концу неолитической эпохи. Сосуды Фатьяновские—также только горшки, и также сделаны ручным способом: все они круглодонные, без подставок, так что ставить их было затруднительно; отсутствие ушков заставляет предполагать, что их могли подвешивать на веревках за ободок, очень резко обозначенный у большинства горшков. Горшки вообще имеют двоякую форму: почти шарообразные, с высоким ободком, и почти прямые, имеющие довольно заметное расширение только в нижней своей части. Орнаментированы почти исключительно сосуды первой из описанных сейчас форм. Орнамент вдавлен, вероятнее всего или ногтем, или острой палочкой, но рисунок этого орнамента уже более сложен и даже местами напоминает что-то вроде меандра.

Наконец, третью группу сосудов дают оригинальные и интересные погребальные площадки юго-западной России и прилегающих к ней стран по Дунаю и на Балканском полуострове. Находка отдельных медных предметов среди неолитического инвен-

[1]) Иностранцев. Доисторич. челов. побережья Ладожск. озера. 171 — 175.

таря погребальных площадок заставляет и эту культуру, или, по крайней мере, конечные ее моменты относить к последнему времени каменного века. Подобно сосудам Фатьяновского типа, богатые и разнообразные по форме сосуды культуры погребальных площадок приготовлены от руки. В этом их сходство с первыми двумя группами; во всем остальном они коренным образом от них отличаются. Они очень разнообразны по форме и по размерам, но главная их особенность—орнаментировка вдавленным орнаментом и еще чаще росписью. Орнамент состоит из спиралей и неправильно переплетающихся линий, напоминающих орнаментировку греческих ваз или более ранних Крито-Микенских ваз. Роспись или белая, или темная, что одинаково выявляется на светлой обожженной глине. Среди узоров орнамента не редкость животные—лошади, собаки, козы; еще чаще встречаются стилизованные изображения человеческого лица — большей частью глаз и носа,—столь хорошо известное по Гиссарликским раскопкам и по находкам на всем юге Европы [1]). Горшки снабжены часто ушками, что указывает на то, что их подвешивали. Среди сосудов погребальных площадок обращают на себя внимание особого рода биноклевидные сосуды—нередко без росписи и орнаментики, и всегда без дна; вероятнее всего, они служили для каких-нибудь ритуальных целей. Впрочем, о сосудах погребальных площадок надо вообще заметить, что те, которые до нас дошли, были по большей частью сосуды с особым назначением: это были погребальные урны. По форме своей они напоминали сосуды житейского обихода; но едва ли горшки, употреблявшиеся в то время в домашнем обиходе, отделывались с такой тщательностью, как сосуды, предназначенные для того, чтобы стать вместилищем праха дорогих покойников. Урна была предметом особых забот, ей старались придать красоту и изящество, достойные ее важного назначения; отсюда богатство их росписи и орнаментации.

Керамика погребальных площадок ясно показывает, что чувство красоты и изящества не было чуждо людям неолитической поры. Мы имеем не мало доказательств того, что они были склонны украшать не только урны для пепла умерших, но и самих себя, живых людей; в этом они следовали примеру своих палеолитических предков. Способы украшения были отчасти прежние—ожерелья, амулеты, привески из раковин и из зубов животных; образцы таких украшений можно встретить в любом собрании археологических предметов. Кроме, однако, старых традиционных способов, люди позднего неолита любили себя украшать мелкими металлическими предметами; об этой склон-

---

[1]) См. Déchelette, Manuel, I, 594 и сл.

ности свидетельствуют отдельные предметы из бронзы и меди, иногда попадающиеся среди чисто каменной культуры восточной Европы. Наконец, у нас есть убедительные доказательства того, что люди того времени украшали себя посредством татуирования и росписи. Уже в приокских неолитических погребениях попадаются куски красной краски, охры или сурика, лежащие вместе с костяком. В неолитических погребениях южной России такое явление распространено еще более. Об'яснить присутствие краски в могиле покойника иным путем едва ли возможно; между тем, если покойнику клали в могилу предметы житейского обихода и пищу в глиняном горшечке, то естественно было снабдить его и теми средствами сделать себя красивым, к каким он привык, живя на земле.

Глиняные фигурки, находимые в погребальных площадках, кажется, позволяют наглядно представить себе некоторые из видов татуировки или росписи неолитических людей. Среди предметов, найденных при раскопке погребальных площадок в м. Петренах, оказался бюст женской фигурки, весь покрытый косыми линиями, которые, подобно спирали, обвивают эту фигурку [1]). Совершенно аналогичные явления представляют глиняные фигурки, добытые в различных местах широкой площади распространения культуры погребальных площадок: вдавленные косые линии пестрят тело этих фигурок в различных направлениях, и оставляемые ими тени дают понятие о характере росписи, которой украшали свое тело их живые оригиналы. Такие фигурки были найдены и под Киевом, и в Молдавии [2]).

Вопрос о занятиях и образе жизни доисторических людей решается в зависимости от орудий, которые от них остались, и от остатков того, что они употребляли в пищу. Орудия неолитической эпохи и многочисленные кости животных, мясо которых было с'едено человеком того времени, не оставляют никакого сомнения, что он был попрежнему главным образом охотником и рыболовом. В этом убеждают стрелы, копья, гарпуны, рыболовные сети, отпечаток которых сохранился в находках Окских и Донецких стоянок [3]), с одной стороны, с другой— кости и раковины, находимые в кухонных отбросах, которые открыты в различных местах России. Однако, неолитическая эпоха дает возможность сделать и новые наблюдения, как чело-

---

[1]) Штерн. Доисторич. греческая культура на юге России. Труды XIII арх. с'езда, табл. VI.

[2]) Ист. Музей. См. Congrès internat. d'Anthropologie et d'Archéologie préhistorique Compte rendu de la X Session. Paris, 1899. Butzureano Note sur Coucouteni, p. 306.

[3]) Историч. Музей.

век, не переставая охотиться и заниматься рыбным промыслом, делал первые робкие шаги в области скотоводства и земледелия. И в этом случае культура погребальных площадок, господствовавшая на юго-западе России во вторую половину неолита, дает самый ценный материал, тогда как Окские и Донецкие стоянки и Ладожская и Фатьяновская культуры одинаково молчат и о земледелии, и о скотоводстве. Среди находок по Оке удалось обнаружить только кости домашних птиц—утки и гуся [1]). В Приладожье найдены лишь следы орехов, малины и морошки. Изображения лошадей, коз и собак, находимые на расписных вазах, не могут не убедить в том, что человек не только знал этих животных, но что они были его близкими спутниками; аналогичные находки изображений животных под Киевом и в Бессарабии указывают, что мы имеем здесь дело не с единичным явлением [2]). В Петренах (Бессарабия) Э. Р. ф.-Штерн нашел кроме того грубоватые скульптурные изображения быков с широко расходящимися рогами; такие же изображения лошади и быка были найдены в Кукутенах в Молдавии [3]). Наконец, в тех же Петренах были найдены и кости овцы, козы, свиньи и быка. Там же «в одном разбитом сосуде найдена была куча зерен, наполнявшая сосуд до половины. Все эти зернышки настолько были инкрустированы углекислой известью, что органическое вещество в них окончательно окислилось. Вполне определенно установить вид злака не было возможности, но, по мнению специалистов, злак этот — просо или сорго» [4]).

В Киевских землянках, относящихся к гораздо более раннему времени неолитической эпохи, нежели Петренская или Кукутенская культура, «были находимы части глиняной обмазки, покрывавшей некогда деревянные ступки; в глине часто можно было заметить примесь мякины, отпечатки зерен или даже целиком сохранившиеся зерна пшеницы или ячменя. Кроме того, в нескольких случаях было обнаружено, что на донышках и стенках сосудов находится приставший к ним слой из спекшейся массы зерен и пшена; иногда обугленные зерна сохранились в виде крупы, но их концы настолько стерты, что это мешает определить, пшеница ли это или ячмень. В тех же Киевских землянках нередко были находимы зернотерки; иногда в золе попадались лепешки из какой-то тестовидной смеси, сильно подсушенные, отчасти даже обуглившиеся. Не лишним будет добавить, что

---

[1]) Городцов. Арх. иссл. в окрестн. г. Мурома в 1910 г. Древности XXIV, 45.

[2]) Историч. Музей. Штерн. Доист. греч. культ. на юге России. Раскопки в Петренах. Труды XIII арх. с'езда, I, 299.

[3]) Butzureano, 305. Штерн, там же 31.

[4]) Штерн, там же, 32.

строители площадок и землянок каменного века уже были знакомы с некоторыми домашними животными; в их сооружениях мы находим кости, зубы или рога коровы, овцы, козы, лошади, свиньи» [1]). Так устанавливается наличность ясных следов и скотоводства и земледелия для всего юго-запада русской равнины не только в конце неолита, но и в гораздо более раннюю эпоху, когда только еще обозначались ранние ступени культуры погребальных площадок. Эта культура, таким образом, как будто выделяется из ряда других, более или менее ей современных. Как будто выходит, что ни средняя Россия, ни ее юго-восток, где господствовала культура дольменов, не знали земледелия и скотоводства в то время, как оно уже хорошо было известно людям, сооружавшим погребальные площадки. Можно ли этот вопрос ставить так резко, и нельзя ли здесь ввести некоторые поправки и смягчения, это должны решить дальнейшие исследования.

Материал, с которым мы познакомились, изучая материальный быт неолитического человека и его постройки, уже дает некоторую почву для ответа на вопрос о духовной культуре жителей русской равнины в неолитическую эпоху.

Изобразительное искусство, несомненно, является показателем духовного развития человека. Классическим примером этого явления можно считать живопись и скульптуру доисторического человека Ориньякской и Маделенской эпох в юго-западной Франции. Русский неолит, хотя и очень далек от интересных и своеобразных форм Маделенского искусства, однако, он все же дает возможность сделать некоторые наблюдения. Уже наиболее ранние и наименее развитые неолитические культуры севера России, вроде Окской или Приладожской, дают некоторые зачатки изобразительного искусства; грубые силуэты животных на предметах Ладожской стоянки, не менее грубые фигурки из кремня, напоминающие человеческие изваяния, найденные Уваровым в Волосове и окрестных стоянках, и еще более изящный обломок птичьей головки, вытесанный из кремневой пластинки, найденный там же в Волосове В. А. Городцовым, могут служить примерами первых ступеней неолитического искусства русской равнины. К этой же сфере явлений относятся грубые каменные фигурки животных, найденные в Архангельской и Олонецкой губерниях. Среди украшений, относящихся к неолитической эпохе средней России, немного можно найти предметов, которые можно с достаточным основанием относить к области искусства:—схематические изображения людей Ладожской стоянки да некоторые аналогические предметы Окских стоянок—вот почти все, что стоит упо-

[1]) Хвойко. Начало земледелия и бронзовый век в среднем Приднепровьи. Труды XIII арх. с'езда. I, 2 — 3

мянуть. Гораздо более дают культуры юга России. На первом месте здесь, конечно, приходится поставить гончарное искусство и скульптурные опыты культуры погребальных площадок. Богатые и разнообразные формы, а главное своеобразная и, вне всяких сомнений, очень красивая роспись сосудов, находимых на погребальных площадках, от Киева до Карпат и далее, свидетельствует о высокоразвитом художественном чутье и вкусе тех, кто занимался производством этих сосудов. Находимые на некоторых сосудах изображения людей показывают, что и формы человеческого тела они уже умели трактовать довольно свободно. Гораздо менее удовлетворительны маленькие глиняные фигурки животных и людей, находимые на погребальных площадках. Они интересны, так как дают понятие о быте и воззрениях людей той отдаленной эпохи и даже об их внешнем виде. Но с чисто художественной точки зрения эти глиняные обрубки, непропорциональные, сделанные неискусной рукой, не представляют большого интереса: это скорее свидетельства о потугах неолитического человека, чем доказательство его достижений в области искусства. Несколько более интересны резные скульптурные изображения, найденные Антоновичем в Днестровских пещерах, и относимые им к неолитической эпохе. Очень возможно, однако, что происхождение этих скульптур надо относить ко времени, несколько более позднему. Если к отмеченным сейчас явлениям прибавить немногочисленные орнаменты, находимые на Кавказских дольменах, да, может быть, еще, так называемые, чашечные камни, с углублениями, сделанными посредством сверления или долбления и расположенными в симметрическом порядке (они найдены на Днестре, в Виленской губ., и на Кавказе, но назначение их остается до сих под не вполне выясненным), то общая картина неолитического искусства в Русской равнине будет более или менее полной. Керамика культуры погребальных площадок, относящаяся ко второй половине неолита и заходящая в бронзовый век, далеко выдается над другими явлениями; все остальное едва ли можно поставить на один уровень с резными бивнями Киево-Кирилловской стоянки или с Мезинскими птичками, не говоря уже о фресках французских и испанских пещер.

Если в области искусства развитие человека идет не слишком быстрыми шагами, то его отношение к окружающим явлениям, к миру видимых и невидимых явлений и к своему земному существованию носит признаки, несомненно, большего развития, нежели в палеолитическую эпоху. Религиозные обычаи и верования преломляются, если смотреть на них сквозь археологическую призму, в погребальных обрядах. Обряды эти, насколько мы их знаем и можем сравнить с более древним временем—значительно сложнее, глубже и потому интереснее, по крайней мере, по-

сколько дело касается обеих культур русского юга. Дольмен— вечный дом умершего, устроенный, вероятно, по образцу дома живых, еще соответствует, вероятно, представлениям о загробной жизни, как о точной копии жизни земной, но устройство вечного каменного жилища не показывает ли, что у людей мегалитической культуры загробная жизнь уже рисовалась именно, как жизнь вечная, в противоположность временной жизни на земле. В этом отношении людей, воздвигавших дольмены и снабжавших покойника в его фамильной усыпальнице всем необходимым в потустороннем мире, можно сравнить с египтянами древнего царства, усеявших окрестности Мемфиса своими мастабами, на стенах которых они символически изображали главнейшие явления земной жизни и судьбу человека за гробом, где он получит заслуженное воздаяние за все содеянное им при жизни. Здесь представление о загробной жизни, как продолжении жизни земной, уже осложнилось верой во вмешательство высших сил, праведно судящих покойника. Прежний анимизм сменился сознательной верой в загробную жизнь. Вечные дома-дольмены не показывают ли, что и в мегалитической культуре Черноморского побережья мы уже встречаемся не с простым первобытным анимизмом, а с другой, более высшей точкой зрения на загробную жизнь, отводящей этой последней преобладающее центральное место в имеющим бесконечно продолжаться существовании человеческой души?

Еще более интересны наблюдения и выводы, которые можно сделать из погребальных обычаев, господствовавших в неолитическую эпоху в юго-западной части русской равнины. Я имею в виду, во-первых, погребальные площадки и, во-вторых, отмеченные выше каменные ящики, найденные на Волыни. И тут, и там, мы встречаем не погребение в тесном смысле этого понятия, а трупосожигание. Сожигание покойников ставит нас лицом к лицу с совершенно новыми воззрениями на загробную жизнь, коренным образом отличающимися от более древних воззрений. Душа покойника, ведущая в могиле свой привычный образ жизни, продолжает сохранять определенные отношения к оставшимся в живых родственникам и потомкам; она может покровительствовать им, если они чтут покойника и заботятся о нем, и вредить им, если они о нем забывают. Погребенный родич или предок остается навсегда покровителем, попечителем или гонителем своих близких. Напротив, тот, чей труп предан сожжению, уже не может выйти из своей могилы, не может принимать постоянного участия в делах своих близких. Его загробное существование резко и бесповоротно отделяется от места его земной жизни; душа его вырывается в пламени из сожигаемого тела, и на крыльях ветра переносится куда-то далеко в блаженную страну, где продолжает

жить вне прямой и постоянной связи как с местом, где она жила на земле, так и с людьми, среди которых она вращалась; из реальной силы, вмешивающейся в жизнь живых существ, душа умершего, прах которого предан сожжению, становится отвлеченным понятием, и если она продолжает оставаться силой, то сила эта действует издали, откуда-то с небес, и самое влияние ее носит также как бы несколько отвлеченный характер. Исходную точку обычая сжигать трупы, вместо того, чтобы предавать их земле, можно об'яснять различно: это или следствие желания уничтожить прах, душа которого, будучи привязана к месту его погребения, сохраняет постоянные, неустранимые и не всегда удобные отношения к живым, или же это способ облегчить покойнику его земные узы и средство направить его путь в далекую блаженную страну, где дальнейшая жизнь его потечет без печали и горя. Во всяком случае, и это особенно важно отметить, обряд сожжения нельзя об'яснить без представления о загробном мире, как о чем-то совершенно отдельном от могилы, как последнего жилья покойника. А самое представление о таком далеком, отвлеченном, большей частью небесном, загробном мире есть уже крупный шаг вперед в развитии верований и в старании человека определить смысл своего существования на земле.

Неолитическая эпоха оставила на территории России не мало следов явления, которое имело очень широкое распространение по всей Европе и сохранилось кое-где до нашего времени,—например, у берберов северной Африки. Я имею в виду трепанацию черепов, встречаемую в некоторых погребениях. Наиболее интересным является вывод, который в таких случаях вытекает из исследования черепных костей; оказывается, что трепанация в большинстве случаев производилась на живых людях. Такой обычай часто толкуется, как средство борьбы с болезнями, как прием лечебного искусства, что не может не указывать также на сравнительно высокую степень развития неолитических людей.

Исследователи погребальных площадок не без основания указывают на некоторые неизменно повторяющиеся черты этих сооружений; они по большей части расположены на возвышенностях кольцом вокруг одной—двух площадок большего размера, составляющих центр кольца; все сооружение вызывает впечатление не только кладбища, но кладбища, соединенного со святилищем. Урны с пеплом умерших помещались в святых местах, где отправлялось служение божеству. То обстоятельство, что для площадок избиралось обычно место на открытых возвышенностях, позволяет предположить, что предметом обожания было небесное светило—солнце. Такое же значение святилищ, соединенных с усыпальницей, могли иметь и некоторые кавказские

дольмены, окруженные расположенными в правильном порядке менгирами, подобные кромлехам Бретани, Англии и Ирландии. Так, в некоторых памятниках неолитической эпохи мы уже можем видеть следы святилищ, где поклонялись не только душам умерших, но, вероятно, и божествам высшего порядка.

Культура погребальных площадок, как мы уже знаем, сохранила не мало глиняных статуеток, которые уже рассмотрены нами с разных сторон. Но каково было их прямое назначение? Каков смысл этих грубых изображений людей и животных? Исследователи совершенно единогласно дают таким глиняным фигуркам одно определенное об'яснение: это идолы, изображения божеств, служившие предметом поклонения. Если стать на эту точку зрения, то весьма интересно отметить среди фигурок изображения быков и сблизить их с культом солнца, олицетворяемого быком, культом, распространенным во всей восточной части бассейна Средиземного моря и нашедшим особенно яркое воплощение в Эгейских культурах. Среди сосудов, находимых на погребальных площадках, особенно среди относящихся ко времени перехода к бронзовому веку, обращают на себя внимание такие, на которых посредством грубой лепки или же посредством росписи изображены стилизованные глаз и нос. Такого рода стилизованное изображение человеческого лица встречается решительно во всех странах, прилегающих к Средиземному морю. Такие изображения также, повидимому, «восходят к одному общему Эгейскому прототипу, распространение которого можно проследить через Пиренейский полуостров до Британских островов» [1]), с одной стороны, и до стран к северу от Черного моря—с другой. То обстоятельство, что подобного рода изображения были распространены столь широко, возможно об'яснить занесением их в отдаленные от Эгейского мира страны, как предметов вывоза и мены. Но против этого выдвигается другое соображение. Стилизованное человеческое лицо встречается на предметах, несомненно, сделанных на месте, где процветала культура погребальных площадок; это уже местное явление, которое лишь первообразом своим может восходить к иной более высокой культуре. В то же время едва ли изображение глаз и носа можно считать явлением случайным, простым украшением, не имеющим глубокого смысла; его нахождение на погребальных урнах с одной стороны, наличность других изображений божества в виде глиняных фигурок, все это заставляет видеть в описанных сейчас стилизованных изображениях человеческого лица символ какого-то особого божества, в котором, вслед за Дешелеттом, может быть, следует видеть божество, охраняющее усыпальницы.

[1]) Déchelette. Manuel. I, 584.

Все наблюдения, сделанные сейчас, не оставляют сомнений в том, что духовный мир неолитической эпохи довольно богат содержанием и поддается гораздо более основательному изучению, нежели духовный мир палеолитического человека. Что же касается наиболее развитых неолитических культур, господствовавших на русском юге, то изучение следов их религиозных образов и верований приводит к заключению, что страна культуры погребальных площадок, как и страна дольменов, могли составлять звенья культурной цепи, простиравшейся далеко за пределы земли, доисторическую жизнь которой мы изучаем.

Гораздо меньше, чем о религиозных верованиях, можем мы сказать о социальной жизни неолитической эпохи. Здесь придется ограничиться одними общими соображениями: правильно расположенные селения предполагают человеческие общежития, более или менее правильно устроенные. Ритуальные погребения наименее развитых культур средней и отчасти северной России предполагают культ мертвых, культ предков, поклонение родоначальникам, умершим родовладыкам. Эти соображения наводят на мысль о родовых соединениях, где власть принадлежала вождям, которые становились таковыми в силу рождения или в силу захваченной власти. В местах господства более высоких культур на юге России такие соединения от первобытных форм могли возвышаться до более высоких видов родовых и племенных соединений. Однако, следов государственности еще вовсе нельзя подметить.

Оглянемся еще раз на неолитическую эпоху, которая длилась в Восточной Европе несколько тысячелетий. Рассматривая ее общие очертания, не трудно заметить, что ее нельзя рассматривать, как единое целое. Все предыдущее исследование указывает на несколько групп или культур. Из них некоторые можно расположить в хронологическом порядке, другие существовали параллельно одна другой, относясь, приблизительно, к одному и тому же времени. Ранее всех выступают Окские и Донецкие стоянки с их культурной обстановкой, где отсутствуют или почти отсутствуют указания на скотоводство и земледелие. Прекрасно оббитые орудия, еще господствующие над шлифованными, очень грубое гончарное производство с грубым и очень простым орнаментом или даже вовсе без него, характеризуют эту культуру. Ока была только одним из ее центров; она далеко простиралась на юг; большое сходство, точнее, почти полное тождество окской культуры с неолитической культурой по Северскому Донцу указывает на широкую площадь, ею охваченную. Есть вероятие думать, что и на запад она распространялась довольно далеко.

Начало этой культуры теряется в туманной дали; развитие технической оббивки камней, ее преобладание над шлифовкой и грубая керамика, заставляют относить развитие этой культуры

ко времени, около средины неолитической эпохи. Она сохранилась, однако, и до конца неолитической эпохи, при чем все время сохранялась близкая связь Окских поселений с Донецкими [1]).

Вероятнее всего, одновременно с ней существовала и развивалась на севере России культура, характерными представителями которой являются стоянки южного берега Ладожского озера. Здесь многое указывает на позднюю пору неолита, особенно каменные орудия, среди которых значительное преобладание имеют полированные орудия из твердых пород и большое разнообразие очень хорошо сделанных костяных и роговых орудий. Совершенство каменной, костяной и роговой техники внушает мысль, что Ладожская культура должна быть относима к границам бронзового века. Однако, есть некоторые обстоятельства, которые говорят против подобного предположения: нет никаких следов перехода к земледельческой культуре, керамические изделия сохраняют грубость форм, присущую очень раннему времени, а, главное, решительно против отнесения Ладожской культуры к поздней поре говорит тот несомненно теплый климат, который господствовал в то время в Приладожье. Климат этот, по свидетельству археологических памятников Ютландии [2]), существовал в среднюю пору неолита.

Рядом с ранней неолитической средне-русской культурой, как можно определить Окскую и Донецкую культуры, под конец неолита появилась другая, типичным представителем которой следует считать Фатьяновское поселение. Новейшие исследования [3]) убеждают, что Фатьяновская культура распространена была очень широко в пределах нынешних Ярославской, Костромской, Нижегородской, Владимирской, Московской и Тверской губерний. Характерными чертами ее являются прекрасно отшлифованные каменные топоры-молоты, орнаментированные круглодонные сосуды и, главное, следы металлических предметов, которые в Фатьянове являются только в виде зеленой окиси, а в других стоянках этого типа представлены несколькими отдельными небольшими предметами. Последнее обстоятельство вполне точно определяет время Фатьяновской культуры. Есть, однако, еще одно обстоятельство, придающее Фатьяновской или поздней неолитической средне-русской культуре особенный интерес: форма сосудов и оригинальная форма шлифованных топоров чрезвычайно близка, вернее, тождественна с такими же формами, найденными на северном Кавказе,

---

[1]) Городцов. Результаты арх. иссл. в Изюм. уезде. Труды XII арх. с'езда, I, 175 — 177.

[2]) Обермайер Доисторический человек. 546 и сл.

[3]) Городцов. Отчет Ист. Музея за 1914 г. Бронзовые культуры в средней России.

с тою лишь разницею, что там топоры этой формы, несомненно занесенной из-за Кавказских гор, уже сделаны из бронзы...

Таким образом является возможность подметить очень интересное и очень раннее культурное влияние, которое с Кавказа, вероятно, Волжским путем доходило до междуречия Оки и верхней Волги, где много веков спустя основалось Московское царство. Влияние это существовало тогда, когда Предкавказье уже перешло в бронзовый век, а средняя Россия еще жила в неолитической поре. Так впервые намечается значение Волжского торгового и культурного пути, который потом имел столь большое значение в истории русского государства. Остается пожелать, чтобы открытия в мало еще исследованном среднем и нижнем Поволжье позволили установить новые вехи этого пути. Мы знаем, что, на рубеже каменного и бронзового веков, на юге России существовали две культуры—одна восточная, характеризуемая дольменами, другая западная, характеризуемая погребальными площадками. Я не буду более останавливаться на первой; отмечу лишь, что мегалитические сооружения, несомненно, занесены были к нам из Азии, что показывает, что и дольмены—также вехи, знаменующие культурное влияние передней Азии на восточно-европейскую равнину. Это второе указание на то, что ближний восток был источником, откуда в позднюю неолитическую эпоху уже заносились в нашу страну семена цивилизации.

Несомненно, что из всех культур неолита наиболее интереса и значения имеет культура погребальных площадок по составу своих памятников, по степени их совершенства и по уровню развития своих носителей—скотоводов и земледельцев, строивших святилища и, вероятно, поклонявшихся небесным богам. Культура эта, также заходящая в бронзовый век, оставляет далеко позади все остальные русские неолитические культуры. Громадный интерес представляет и площадь ее распространения. Современную Россию она задевает только крылом. Памятники, сходные с найденными под Киевом, в Подолии, в Бессарабии, были открыты в Галиции, Седмиградии, Молдавии, Фракии и даже Фессалии, причем в Фессалии памятники, схожие с русской культурой погребальных площадок, обнаружены под культурными слоями, соответствующими более поздней Эллинской культуре. Сходство расписных сосудов погребальных площадок с ранними греческими уже достаточно отмечено выше. Такие открытия дали основания проф. Штерну [1]) высказать остроумную гипотезу о том, что культура погребальных площадок есть не что иное, как культура предков эллинского народа, в своем поступательном

[1]) Доисторическая греческая культура на юге России. Труды XIII арх. с'езда, I.

движении к югу последовательно живших в различных областях к северу от Греции.

Однако, при всем своем остроумии, гипотеза Штерна оставляет многие явления без об'яснения. В частности, она не дает удовлетворительного ответа на вопросы о том, как занесено было влияние Эгейской культуры в среду тех, кто, двигаясь постепенно к югу, в конце концов поглотили Эгейские государства. Исследования, предметом которых не переставала быть Эгейская или Крито-Микенская культура в годы, протекшие после открытия культуры погребальных площадок, еще более должны были подчеркнуть мысль об обратном влиянии, которое шло с юга, из Эгейских стран, и широкой волной распространялось по всему Балканскому полуострову и к северу от него. Народ, воздвигавший погребальные площадки, испытывал длительное эгейское влияние, продолжавшееся, быть может, не одно тысячелетие и кончившееся только, когда изучаемые нами области, в начале второго тысячелетия до Р. Хр., приняли бронзовую культуру. Из Эгейского мира народ этот воспринял свое искусство, может быть, и солнечный культ, который существовал в Эгейском мире и которому, повидимому, посвящены были погребальные площадки. Был ли это один народ или же несколько племен, которые от Черного до Адриатического моря в разной степени испытывали это влияние? Это вопрос, который пока остается открытым, точно так же, как и имя или имена этих племен и народов. Несомненная даровитость носителей культуры погребальных площадок и их превосходство над окрестными жителями об'ясняют, думается, и делают понятной мысль, высказанную Штерном, считающим их за представителей индо-европейского племени, постепенно стремившихся занимать страны южной Европы и побережья Средиземного моря; однако, считать эту мысль доказанной нельзя, за недостатком точных и положительных фактов.

Наблюдения над жизнью западной и центральной Европы в неолитическую эпоху показывают, что в конце каменного века намечались торговые пути, по которым драгоценный янтарь направлялся в Египет и Эгейский мир. Это были пути по Роне и Рейну, по Дунаю и Одеру и, несколько позднее других, как можно думать, проложенный путь по Дунаю и Висле. В восточной Европейской равнине соответственных путей еще не заметно. Влияние цивилизованных стран не идет далее северных границ культуры погребальных площадок и культуры Фатьяновской. Во всяком случае, если есть намеки на Волжский культурный путь, то на существование другого пути, впоследствии проложенного через Русскую равнину, пути Днепровско-Волховского, нет еще ни одного указания.

Говоря о культурных путях того времени, по которым должны

были совершаться первые опыты обмена товарами, мне остается сказать несколько слов о том, откуда заносились в восточную Европу каменные орудия из дорогих пород, напр., из обсидиана или ядеита [1]), которые не могли быть изготовлены на месте из многочисленных и разнопородных валунов, покрывавших места прежнего ледника. Небольшое число найденных орудий такого рода не позволяет точно установить пути, по которому они приходили. Вернее всего думать, что отдельные экземпляры обсидиановых и ядеитовых орудий привозились случайно, как с востока, так и с запада, из центральной Европы, где месторождения этих пород обнаружены в недавнее время. Определенных следов каких-нибудь постоянных сношений западной половины Европы с ее восточной половиной еще незаметно; то, что пока можно наметить, сводится к первым признакам установившегося на долгие века влияния цивилизованного юго-востока, точнее, по отношению к русской равнине—юга, на культурно отсталый север.

Важнейшая литература.

Гр. Уваров. Археология России. Каменный период. М. 1881, 2 тома.
А. Иностранцев. Доисторический человек побережья Ладожского озера.
В. В. Хвойко. Каменный век среднего Поднепровья. Труды XI археолог. с'езда, I, 1901.
В. А. Городцов. Первобытная археология. М. 1908.
В. А. Городцов. Бытовая археология. М. 1909.
Л. Нидерле. Человечество в первобытные времена.
M. Ebert. Südrussland im Altertum. Bonn—Leipzig 1921.

[1]) Обсидиан — вулканическое стекло; ядеит — минерал, близкий по составу к нефриту; цвет его — от яблочного до изумрудно-зеленого.

ГЛАВА VI.

Открытие обработки металлов.

Значение открытия обработки металлов громадно. Его нельзя переоценить, несмотря на бесконечный ряд веков, отделяющий нас от этого события. Достаточно сказать, что обработка металла привела в хозяйственной технике к изобретению серпа и сохи, а в военной вызвала к жизни более усовершенствованное орудие—меч. Нужно, однако, прежде всего условиться, что следует понимать под открытием обработки металлов. Еще глубоко в каменном веке можно встретить кусочки блестящих металлов, иногда чуть-чуть обработанные или оправленные рукой человека и служившие ему украшениями. В западной Европе, в свайных постройках Швейцарии, в могильниках Испании, находили грубые маленькие куски меди и золота в качестве привесок, украшавших незатейливый костюм неолитического человека. Надо думать, что крупинки и небольшие куски этих блестящих металлов привлекли внимание человека, находившего их на поверхности земли или в речном песке; пораженный их блеском, он очень рано стал пользоваться ими, как украшениями. Но такое пользование еще нельзя ставить в связь с обработкой металла; последняя явилась гораздо позднее, когда человек научился путем плавления металла и его ковки и литья придавать ему формы по своему желанию и стал делать из него различные орудия и полезные предметы. К этому моменту и надо приурочивать то, что мы называем открытием обработки металлов. Золото и медь были, повидимому, первыми металлами, которые стали известны человеку; но первое, по своей редкости и ценности, навсегда осталось материалом для предметов роскоши, тогда как медь стали употреблять для самых разнообразных изделий, пользуясь ее мягкостью и сравнительной с другими металлами легкостью для обработки первобытными средствами. В первое время медь служила почти исключительным материалом для изделий; отсюда явилось и название «медный

век», обычно присвояемое первоначальной стадии металлической культуры. Лишь значительно позднее стало входить в употребление серебро, которое, впрочем, обычно, даже в эпоху классической древности, употреблялось не в чистом виде, а в виде сплава с золотом, носившего у греков название «электрон» [1]). Вероятно, одновременно с серебром сделалось известным также и употребление свинца, месторождения которого по большей части связаны с месторождениями серебра. Позднее всего, человек научился обрабатывать самый твердый металл—железо.

Большая часть первого века металлов, до начала обработки железа, носит название «бронзового века», сменившего «медный». Бронза есть сплав меди с несколькими процентами олова. При охлаждении сплав меди и олова обнаруживает два свойства, делающие его гораздо более выгодным, чем чистая медь: он легче и тверже ее. Термин «бронза» в приложении к этому сплаву появился только в XV столетии нашей эры; до того в одной рукописи XI века отмечено слово brentesion, в еще более ранних источниках можно встретить название brandusium, brundus. По принятому в настоящее время мнению, которое впервые было высказано в 80-х годах прошлого столетия знаменитым французским химиком Бертело, название brandusium, brundus, позднее видоизменившееся в «бронза», происходит от имени южноитальянского города Брундузиума или Брундизиума, нынешнего Бриндизи, где в римскую эпоху существовали большие фабрики бронзовых изделий. Чтобы выяснить по возможности, где и когда возникла бронзовая культура, надо прежде всего посмотреть, где добывались медь и олово. Месторождения того и другого металлов были известны и в передней Азии, и в Европе, в очень отдаленной древности. Медью и оловом богаты горные местности к югу от Кавказского хребта; олово добывали в Малой Азии, близ Синопа, и на Иранском плоскогории. Медные руды острова Кипра приобрели самую широкую известность в древнем мире; самое имя Кипра сделалось нарицательным для обозначения меди (латинское cuprum, откуда немецкое kupfer и французское cuivre). Медные руды Синайского полуострова были уже истощены при Рамзесе III, т.-е. за 12 веков до Р. Х. В Европе медные рудники уже в доисторическое время разрабатывались в южной Испании (в окрестностях Севильи), на Миттерберге, близ Зальцбурга, и в горе Кельхальпе, в Тироле. В этих местностях были найдены остатки древних копей с первобытными орудиями, с остатками дров и орудий добывания. На Миттерберге была даже открыта штольня, залитая водою, в которой прекрасно сохрани-

[1]) У Гомера слово «электрон», кроме того, употребляется в значении янтарь.

лись древние деревянные подпорки, обломки деревянных, каменных и медных орудий, остатки факелов и шлаки, сваленные около плавильных печей. Найденные тут же остатки керамики обличают близкое сходство с керамикой поздних свайных построек. «Оловянный камень», находимый в настоящее время в различных местах Европы в связи с гранитными породами, не был известен в древнее время; однако, как раз в Европе, на северо-западной ее окраине, существовали месторождения олова, которые были хорошо знакомы древнему миру в лице финикиян и греков: это были Касситеридские острова, под которыми следует подразумевать юго-западное побережье Англии—Девоншир и Корнуол, остров Уайт или острова Ссилли. Самое название Касситеридские происходит от греческого касситерос—олово. Наличность медных и оловянных месторождений, разрабатывавшихся в глубокой древности на ближнем востоке с одной стороны, в Европе с другой, породила различные и противоречивые мнения о месте, где была впервые открыта обработка металлов. Однако, все взгляды сходятся на том, что культура металлов должна была ранее всего появиться где-нибудь вблизи древнейших очагов цивилизации, т.-е. в передней Азии, и оттуда постепенно проникнуть в Европу. Это подтверждается и тем, что европейские разработки моложе азиатских.

Современное наше знакомство с Египтом, Ассиро-Вавилонией и Эгейским миром позволяет довольно точно определить начало медного века в этих странах.

В Египте строго неолитической эпохой можно считать время, неизмеримо более древнее, чем царя Менеса, основателя первой династии за 3.400 лет до Р. Х. Уже в могилах самого древнего нижне-египетского царства, которое, по теперешним научным взглядам, предшествовало первой династии, «находят случайные находки медных орудий и украшений из золота, хотя в течение всего этого долгого периода и даже при первых династиях металл занимает второстепенное место» [1]). Таким образом, начало века металлов приходится относить в Египте ко времени приблизительно за 4.000 лет до Р. Х. Постепенно развиваясь, ранняя металлическая культура, сначала медная, потом бронзовая, сделалась общераспространенной ко времени среднего царства, примерно, за 20 веков до нашей эры.

Раскопки, произведенные на месте древнейших халдейских городов, например, на месте Лагаша, обнаружили статуэтки из чистой меди с именем царя Гудеа, а равно и другие современные этим статуэткам медные предметы. Время царя Гудеа относят к

---

[1]) E. Meyer. Geschichte des Altertums. 2-e Auflage, I. B. 2-e Hälfte, 58. Déchelette, Manuel d'Archéologie, II, 48 — 50.

четвертому тысячелетию до Р. Х. Погребения близ Ура и Эреха, из коих древнейшие восходят к 25 векам до Р. Х., уже ставят исследователя лицом к лицу с развитым бронзовым веком. Медный век в соседнем Эламе можно думать наступил не позднее, чем в Халдее [1]). Современное состояние наших знаний о древнейшей жизни в Малой Азии, Сирии и Палестине не позволяет установить хотя бы с приблизительной точностью время появления там культуры металлов. Еще очень много неясного остается во всем, что касается древностей Ханаана, страны Хетов, особенно в той ее части, которая обнимала Малую Азию. Однако и здесь за две тысячи лет бронзовая культура, во всяком случае, была уже не новостью.

Для определения времени и условий распространения металлической культуры в Европе, весьма важны те сведения, какими современная наука располагает об Эгейском мире.

Ранняя эпоха Крито-Микенской цивилизации, датируемая, примерно, третьим тысячелетием до Р. Х., дает лишь медные иглы и маленькие кинжалы. Средняя эпоха (2.000—1.600 г.г.), время постройки больших критских дворцов, была временем развивающейся бронзовой культуры, которая достигла полного своего расцвета в позднюю эпоху, продолжавшуюся до падения Эгейской цивилизации, примерно, за 12 веков до нашей эры. Так, сравнение хронологии первых металлических культур в Египте и Месопотамии с одной стороны, на Крите с другой, приводит к мысли, что в первых двух—наиболее древних очагах человеческой цивилизации, медный и сменивший его бронзовый век наступали ранее, чем в Эгейском мире. Обработка металлов была открыта где-нибудь на материке передней Азии; оттуда и стало распространяться искусство ковать металлы на север и на запад, причем островной Эгейский мир служил естественным посредником между Азией и большей частью европейских стран.

Лишь только мы переходим в Европу, мы видим сразу, что первые признаки металлической культуры обнаруживаются здесь несравненно позднее, чем в Азии или на островах восточной части Средиземного моря. Так в Греции быт, воспеваемый гомеровскими поэмами и относимый ко второму тысячелетию до Р. Х., как раз и является веком медно-бронзовым. В Италии и Испании мы видим картину, схожую с Грецией: предметы бронзового века носят явные следы Эгейского влияния и несомненно относятся еще к позднему Эгейскому времени, т.-е. к тому же второму тысячелетию до Р. Х. В свою очередь, страны южной Европы проводили металлическую культуру вглубь страны; сначала металлические

---

[1]) Déchelette, Manuel, II, 52, 54.

орудия, служа предметом ввоза, оставались большой редкостью; потом начинали ввозить руду в слитках, обычно в форме двусторонних топоров, столь излюбленных у эгейцев; наконец, наступал черед разработки местных медных и оловянных руд и бронзовая культура окончательно пускала корни в данной местности. Все эти процессы в средней Европе происходили также во втором тысячелетии до нашей эры, которое и можно поэтому считать классической порой бронзового века, и которое, следовательно, является самой короткой из археологических эпох.

Простое хронологическое сопоставление убеждает в том, откуда и когда распространилась металлическая культура и какое значение при этом имели различные центры цивилизации.

Однако, влияние Эгейского мира, очень понятное для западной Европы, далеко не удовлетворительно об'ясняет появление бронзовой культуры в Европе восточной, отделенной от Эгейского мира узкими проливами и негостеприимным Эвксинским Понтом. Конечно, некоторая доля влияния Крито-Микенской цивилизации могла здесь сказать свое слово, но из древнейшего цивилизованного мира в восточную Европу вели иные пути через Малоазиатское и Армянское нагорья и Кавказский хребет, пути, хотя и не легкие, но более короткие и ведшие как раз через страны, обладавшие медными и оловянными месторождениями. Вопрос о культурных влияниях, вводивших в нашей стране медно-бронзовый век, приобретает некоторую сложность, разрешать которую придется более подробным и пристальным исследованием фактов. Наперед можно сказать лишь, что лучи металлической культуры должны были придти к нам оттуда же, с ближнего востока, а время появления ее у нас не могло слишком отличаться от времени ее распространения в западной Европе.

Важнейшая литература.

Л. Нидерле. Человечество в доисторические времена (р. пер. под ред. проф. Анучина 1898 г.). Гл. V, VI.

M. Hoernes. Natur.-und Urgeschichte des Menschen 2 B. Wien. 1909.

J. Déchelette. Manuel d'Archéologie préhistorique, celtique et romaine t. II. 1 Partie, Age du bronse. P. 1909.

Г. Обермайер. Доисторический человек (р. пер. под ред. проф. Мензбира). М. 1915.

ГЛАВА VII.

Бронзовый век в южной России.

Памятники бронзового века, найденные на территории России, позволяют разделить его на четыре отдельных области. Южная Россия, примерно, в об'еме губерний Киевской, Черниговской, Харьковской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической, Областей Войска Донского и Кубанской, Саратовской губернии, а также отчасти Курской и даже Орловской губерний, составляет первую из этих областей. Вторая область, тесно примыкая к первой с юго-востока, охватывает северные предгория Кавказа и преимущественно сосредоточивается в горной Осетии. Третья проявлялась в средней полосе России, главным образом, вдоль нижней Оки и средней Волги, т.-е. в губерниях Владимирской, Нижегородской, Костромской и Ярославской. Наконец, памятники четвертой области были найдены по среднему течению Камы и ее притокам, в Вятской, Пермской и Казанской губерниях.

Современное состояние русской археологической науки не позволяет сказать, что отмеченными сейчас четырьмя областями безусловно исчерпываются памятники бронзового века в России. Достаточно сказать, что бронзовая культура в бассейне Оки и Волги обнаружена только очень недавно. Весьма возможно, что дальнейшие и притом систематические исследования обнаружат существование бронзовой культуры в таких местах, где следы ее нам до сих пор неизвестны, в частности, например, в западной России, составляющей как бы громадный пробел, большое пустое место в европейской карте бронзового века. Однако, пока в нашем распоряжении нет новых данных, мы должны ограничиться указанными выше четырьмя областями, которые нам придется рассмотреть в том самом порядке, в каком они перечислены, так как это до некоторой степени соответствует и их хронологическому взаимоотношению.

Первую из этих областей я назвал южно-русской, что вполне соответствует ее распространению. Ее памятники, начинаясь у северных склонов Кавказа, доходят до Елецкого уезда, Орловской губернии [1]), не поднимаясь дальше на север. С востока на запад она обнимает обширное пространство между нижней Волгой и нижним Днепром, местами заходя на правый берег последнего.

Памятниками этой культуры являются почти исключительно погребения и, притом, погребения курганные. Однако, эти курганы очень многочисленны и дают обильный и богатый для научных выводов материал. Обычно курганы расположены по высоким хребтам и водоразделам, вдоль рек, около которых, вероятно, и в то время располагались поселения живых людей; высота их от 2 до 7 аршин, впрочем, более низкие по размерам преобладают. По их формам, курганы можно разделить на три типа—с круглым основанием и вершиною над северным краем, продолговатые и круглые с вершиной над центром; первый тип наиболее древний и является господствующим. Курганы обычно окружены заплывшими рвами, из которых когда-то брали землю для насыпей. В южно-русских курганах бронзового века усыпальница всегда сооружалась ниже поверхности земли, в яме-катакомбе, точнее, пещерке, с боковым ходом, заставленным вертикально стоявшими бревнами, или же в деревянном срубе. Пол могилы и ее стенки мазали известью. Когда сооружали особенно высокие курганы, то, не доводя их до вершины, сожигали иногда костры или клали бревенчатую или же камышевую подстилку. Изредка можно встретить следы облицовки кургана камнями. В Поднепровье, повидимому, встречаются следы более сложных обрядов, соединенных с насыпанием курганов. Графом А. А. Бобринским в Киевской губ. были «разрыты могильные ямы, в которые опущены покойники. Над одним из мертвых построен деревянный склеп, потом ямы засыпаны землею, и над могилами зажжено кострище и принесены жертвы, судя по следам обожженой земли и жженых костей. После сего насыпан курган, высотою в 3½ аршина, и обложен весь остроконечной крышей, состоящей из толстых бревен и цельных деревьев. Над этой кровлею снова зажигается кострище и приносятся обильные жертвоприношения, судя по большому количеству подобранных обгорелых костей. Обгорают и доски крыши. Затем, в то же ли время или в позднейшую эпоху, насыпь поднята еще выше. Здесь весь курган обкладывается второю крышею, из мате-

[1]) В 1897 году было раскопано типичное для этой культуры погребение близ с. Новоселицкого, Елецкаго у., Орловск. губ. Это наиболее северное из доселе известных местонахождений памятников этой культуры.

Спицын. Курганы с окрашенными костяками. Зап. Русск. Арх. Об. XI, I.

риала гораздо толще первого, и над этой последней кровлею приносится большое жертвоприношение. О размерах его свидетельствует толстый слой костей и пепла. Вся крыша загорается и обращается в массу угля. Пламя этого кострища должно было быть видимо во всей окрестности» [1]). Можно думать, что одновременно были в ходу 3 способа погребения—трупоположение, наиболее простое и распространенное, сожжение, всегда неполное, и расчленение. Последнее состояло в том, что от трупа отнимались некоторые части, преимущественно конечности, и полагались отдельно: чаще всего встречаются костяки с отнятой головой и рукой, которые положены в ногах. Для расчлененных погребений выполнялся весь погребальный обряд полностью; в этом отношении между погребениями обыкновенными и расчлененными нет никакой разницы. Положение трупа, лежащего в могиле, почти всегда скорченное на правом боку; изредка встречаются иные довольно разнообразные положения, например, сидячее и вытянутое. Окраска костяков—явление очень распространенное; куски красной охры или сурика нередко попадаются рядом с костяками. Погребения в курганах исследуемого вида бывают и одиночные и коллективные. Рядом с главным, центральным костяком, нередко положены другие; иногда в ногах двух костяков, положенных одновременно, лежит третий; встречаются костяки детей рядом с костяками взрослых; наконец, у основной могилы, расположенной в катакомбе, были находимы детские костяки вместе с остатками весьма обильной тризны. Такого рода явления указывают на существование обычая убивать подчиненных членов семьи в случае смерти ее главы. Нужно отметить, что более всего таких следов приходится наблюдать в курганах с катакомбами. Что касается ориентировки покойников, то в изучаемых курганах она очень разнообразная и невыдержанная. Однако, в ямных погребениях покойники лежат головами на север и северо-восток; в катакомбных погребениях как будто господствует ориентировка на юг и запад; в срубных, господствующее положение—головой на запад.

Перехожу к предметам, которые были находимы в южнорусских курганах исследуемого типа. Прежде всего, основным и наиболее важным явлением надо считать то, что здесь встречаются предметы как металлические, так и каменные. Последние довольно разнообразны; это—топоры, стрелы, дротики, обычно очень хорошей выделки; они свидетельствуют о том, что каменная культура еще далеко не отжила свой век, что, наоборот,

---

1) Гр. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. I, стр. 22.

металлическая промышленность находится еще на первых ступенях своего развития. Таким образом, мы присутствуем при переходной эпохе, первые отзвуки которой мы уже отмечали, говоря о процветавших в позднем неолите культурах погребальных площадок. Можно думать, что курганная культура русского юга не была отделена очень большим промежутком времени от несколько более старшей культуры погребальных площадок, территория которой тянулась непосредственно к западу от территории той культуры, которая нами теперь изучается. Очень характерно то обстоятельство, что на правом берегу Днепра, у Смелы, встречались такие курганы, в которых основное материковое погребение было неолитическим, тогда как более поздние погребения курганной насыпи носили явные следы своей принадлежности к бронзовому веку [1]). Из металлических предметов южно-русских курганов изучаемого типа следует прежде всего отметить медные иглы, как раз то орудие, которое можно считать, вследствие его простоты и несложности, едва ли не самым древним металлическим орудием, сознательно сделанным рукой человека. Вместе с иглами находят и каменные формы, служившие для их отливки. Далее встречаются бронзовые привески в виде кольца с очень толстым плоским ободков, бронзовые булавки довольно больших размеров, с ветвями, напоминающие издали современные телеграфные столбы; гораздо реже встречаются кинжальчики азиатской формы, короткие, с лезвиями в виде треугольника. Другой вид оружия—топорики—совершенно определенного месопотамского типа. Попадаются также орудия хозяйственного назначения, в виде вил и серпов, так называемого, лигурийского типа.

Чрезвычайно интересна керамика южно-русских курганов бронзового века. Не вдаваясь в большие подробности, представляется возможным разделить ее на три основных типа: западный-приднепровский, предкавказский-кубанский и средний, екатеринославско-харьковско-азовский, который является наиболее интересным из трех; все сосуды, конечно, ручной работы. Первый представлен сосудами разнообразной формы—высокими горшками, кринками с широким горлом, кувшинчиками с ручкой, низкими сосудами—плошками, но все они отличаются очень грубой работой и очень бедным орнаментом, выступающим даже не на всех сосудах. Сосуды Предкавказья имеют большое сходство с сосудами неолитической Фатьяновской культуры [2]). Сосуды, находимые в местности, которую можно назвать срединной, поражают своей законченностью и красотой, несмотря на то, что и они

---

[1]) Гр. Бобринский. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. I, 29.

[2]) См. выше, гл. V.

ручной работы. Все они покрыты вдавленным орнаментом, большею частью в виде кружков, которые образуют ленты, круги, и своеобразными, но всегда симметричными изгибами покрывают весь сосуд. Такими сосудами особенно богаты погребения в катакомбах.

Оглядываясь на бронзовую культуру Юго-России можно сказать с полным правом, что погребения, относящиеся к ней, в общем, небогаты вещами. Видимо, носители ее не располагали слишком богатым инвентарем и не были склонны с чрезмерной роскошью снаряжать своих покойников в дальний путь. Исключение составляют некоторые погребения Кубанского края, в особенности, замечательные курганы, разрытые проф. Н. И. Веселовским в 1897 году в г. Майкопе и в следующем году в станице Царской.

Майкопский курган достигал высоты 10,65 метров. Под насыпью по материку обнаружено было кольцеобразное ограждение из ломанного камня, а в самом центре, на глубине 1 м. 42 с., в материке—очень большая могильная яма, в виде прямоугольника со стенками, обложенными деревом, и дном, выложенным речным булыжником. По углам стояли деревянные столбы, столь же сгнившие, как обшивка стенок. Сверху могила была покрыта деревянным помостом, также сгнившим и провалившимся в могилу. Могила была разделена деревянными перегородками на 3 части, а именно: поперечной перегородкой она делилась пополам на две части, южную и северную, а последняя в свою очередь разделялась второй перегородкой опять-таки на две равные части, восточную и западную. Южная часть могилы была занята одним покойником, лежавшим посредине, головой на юг, с легким отклонением на восток, в утробном положении, с согнутыми ногами и поднятыми к голове руками. Костяк был густо залит ярко-красной краской, оказавшейся суриком. Кости этого скелета, в буквальном смысле, были усеяны золотыми украшениями, повидимому, нашивавшимися на платье. Тут было 68 штампованных пластинок, изображающих львов, 19 таких же пластинок с изображением бычков, 38 штампованных же колец, 10 двойных пятилепестных розеток. Но особенно много оказалось здесь золотых бус разной формы и величины, а также золотых и серебряных пронизей в виде плоских кружков разной величины. Тут же, наконец, собрано множество бирюзовых и сердоликовых бус разных форм и размеров. У пояса найдено пять крупных золотых бус. Под черепом лежали две узкие золотые ленты, а близ него 5 золотых ободков неизвестного назначения, две золотые гладкие проволочные серьги и золотые же кнопки.

Наибольшего внимания, однако, заслуживает находка, сделанная рядом с остовом между его головой и коленями. Здесь оказалось шесть трубочек, длиною в 0,03 метра, лежавших вместе,

параллельно друг другу. Две из них были сплошь серебряные, тогда как у четырех нижний конец был золотой. Верхние части этих трубочек заканчиваются полым стержнем с винтообразной насечкой и прорезями, а на нижних концах двух серебряных трубочек было надето по одному массивному серебряному быку с просверленным насквозь туловищем, на двух золотых концах—по золотому, также массивному, быку. Концы с насаженными быками были обращены к голове. Недалеко от этих трубочек находились 3 золотых и 2 серебряных колпачка в виде полых полушарий. Около колен скелета лежали кремневые наконечники стрел двух типов. Параллельно трубочкам у восточной стены могилы лежали в ряд 17 сосудов различных размеров и форм: два золотых, каменный с накладным золотом горлышком и такою же крышечкой, и 14 серебряных. Из числа последних особенно замечательны два, украшенные богатыми гравированными рисунками. На первом изображен сложный ландшафт с горами, очертания которых напоминают общий вид Кавказской горной цепи; ландшафт оживляется многочисленными животными. Не так сложна орнаментация второго сосуда; средняя полоса занята пятью идущими друг за другом животными; дно сосуда украшено розеткой, образующей как бы двенадцати-лепестковый цветок. В юго-восточном углу могилы лежали: большая каменная точилка серповидной формы, небольшая точилка из зеленоватого камня, каменный топор и 10 предметов из чистой меди, как-то: кирка, топор, плоский нож, два долота. В этой же части могилы, у западной стены, оказалось 8 сосудов из желтой, черной и красной глины, лишенные орнаментации. Остается заметить, что по всему дну этого отделения могилы попадались тонкие полоски серебра. Они попадались в менее значительном количестве и в двух меньших отделениях могилы. В каждом из этих отделений лежало по одному костяку, в согнутом положении, головою на юг. В восточном, судя по серьгам, была похоронена женщина. Серьги сделаны из толстой золотой проволоки, как те, которые находились при главном покойнике; они лишь меньшего размера и на них надеты сердоликовые бусы. Около рук костяка собраны разнообразные золотые и сердоликовые бусы тех же типов, как при главном костяке, но в значительно меньшем количестве. У третьего скелета, занимавшего западное отделение, были такие же бусы. Оба скелета были залиты красной краской, но гораздо слабее, чем первый. Вдоль восточной стены восточного отделения были расположены медные сосуды, в том числе два котла [1]).

Два кургана станицы Царской, расположенные в лесных предгорьях, были прежде всего замечательны тем, что в обоих под

[1]) Отчет Археолог. Ком. 1897, стр. 2—11.

насыпью были отрыты настоящие дольмены, отличавшиеся один от другого своей формой, но оба состоявшие из двух отделений. Уже это обстоятельство, сближающее описываемые погребения с неолитической эпохой, указывает на их большую относительную древность. Направление первого дольмена с севера на юг. В большом отделении лежал костяк в согнутом положении головою на юг, густо обсыпанный красной краскою (суриком). У головы лежали две пары золотых серег, два кольца — одно массивное толстое, другое тонкое, бусы золотые, серебряные, хрустальные, сердоликовые, золотая игла с отверстием, две серебряные иглы, пять серебряных пронизей в виде серебряных трубочек. Около груди найдены 3 долота из красной меди, медный нож, медные наконечники копий, 3 медных наконечника, в виде рогатины с загнутыми концами, медная чашечка и четыре топора. В меньшем отделении найдены 6 кремневых зубчатых наконечников копий, глиняные сосуды, два каменных точильных бруска.

В другом дольмене покойник также лежал в согнутом положении и также был посыпан суриком. «На погребенном было обнаружено одеяние на черном меху шерстью наружу. Под мехом была пуховая ткань верблюжьего цвета, а под нею—остатки холщевой ткани, ярко выкрашенной в пурпуровый цвет и покрытой красными же нитями в виде кистей. У ворота этого одеяния лежал тонкий ободок из низкопробного серебра, служивший или ожерельем, или принадлежностью меховой шубы. У головы лежали — кремневые наконечники стрел, 2 серебряные шпильки, медный топор, клин, нож, кинжал и несколько других металлических предметов. У стенки стояли в ряд 4 горшка, из коих два покрыты красной краской, другие два—черные. На всех орнамент в виде елочек, точек, горошинок» [1]).

Отличаясь разнообразием и богатством находок, описанные курганы дают все основные черты изучаемой сейчас культуры— наличность каменных орудий, преобладание медных вещей, что одинаково указывает на очень раннюю ступень металлической культуры, как указывают на нее и погребения в дольменах; наряду с этим, здесь очень обильные и богатые предметы из драгоценных металлов, отличающиеся кроме того очень высокой техникой. Сопоставление тех и других предметов наводит на мысль, что при погребении знатных лиц, какими были покойники курганов Майкопского и Царских, в могилу клали и предметы местного производства и гораздо более совершенные предметы привозные.

В той же Кубанской области было найдено несколько кладов, современных, повидимому, изучаемой культуре. Некоторые из них усиливают впечатление, что местная культура пополнялась

[1]) Отчет Им. Арх. Комиссии. 1898, 33 — 37.

ввозом откуда-то извне. Особенно замечательна находка в Старомышастовской станице «с ее интересными низками золотых колец разных размеров и веса, может быть, служивших не только украшением, но и единицами обмена, с ее богатыми ожерельями из бус, напоминающими старейшие слои Трои, наконец, с диадемой, вполне аналогичной Майкопской, и статуеткой быка, аналогичного с Майкопским назначения, но иного стиля»[1]). Нельзя не упомянуть еще об одном кладе, который ближе всего связывается именно с этой же южно-русской бронзовой культурой. В Московском Историческом Музее хранится найденный в Саратовской губернии клад, целиком состоящий из бронзовых серпов одинакового ножеобразного типа. Маленькие отверстия, сделанные в одном и том же месте серпа, могли, с одной стороны, служить для прикрепления деревянной рукоятки; с другой стороны, они наводят на мысль, что отдельные куски бронзы, приготовленные литейщиком в виде серпа, связывались вместе и перевозились как слитки, как материал, точно так же, как медь в слитках в виде двухстороннего топора, которые неоднократно были находимы в западной Европе. Во всяком случае слитки эти, как и большая часть металла, должны были быть привозными; медь и бронза не добывались на месте, но служили предметами ввоза.

Так должно было во всяком случае быть в начальный и довольно долгий, вероятно, период существования изучаемой культуры Позднее, дело, можно думать, изменилось. По крайней мере, теперь в нашем распоряжении есть прямые указания на разработку медной руды на месте, в южной России. «При разработке рудных богатств в пределах Бахмутского уезда, в нескольких пунктах бывали находимы шахты древнейших разработок медной руды. Один из таких пунктов, в окрестностях д. Калиновской, был осмотрен нами. По общему уверению местных жителей, в окрестностях д. Калиновской не раз нападали на древние шахты и карьеры, сооруженные в глубокой древности для добывания медной руды, причем, будто бы, древние рудокопы настолько успели истощить рудоносные жилы, что продолжение разработки, даже при современных средствах, сделалось невыгодным предприятием». Разработку Калиновских руд вели в конце XIX столетия; «в то время и были открыты древние шахты, достигавшие 10—15 саженей глубины. По отзывам видевших эти шахты опытных лиц, древняя разработка велась с удивительным искусством и силой. В одной шахте были найдены череп и кости человека, совершенно проникнутые медной окисью и получившие густо зеленый цвет. В другой шахте отысканы каменные орудия, бронзовые топоры. Эти вещи возбудили общее внимание жителей. Впоследствии они

[1]) Ростовцев. Эллинство и иранство на юге России. 24.

будто бы были сданы в Музей Горного Института». При осмотре рудника замечено, что шахты, разрабатывавшиеся в 90-х годах XIX века, засыпаны и залиты водой; сохранилась только одна: «она вырублена в тонкоплитчатом песчанике, глубина ее достигает аршин десяти, но виден боковой ход, засыпанный землею. Во всяком случае, добытые сведения не оставляют сомнения в существовании в д. Калиновской древнейших разработок медных руд при помощи каменных и бронзовых орудий» [1]). Что некоторые металлургические работы производились на месте, доказывается нередко находимыми при погребении литейными формами. «Это те примитивные цилиндрические и бочковидные формы, которые служили для отливки небольших металлических прутиков, необходимых для выработки мелких бытовых вещей, вроде ножей, шил, украшений и т. п.» [2]).

Для характеристики изучаемой культуры надо отметить еще, что в горшках при покойниках были находимы зерна проса, а рядом кости крупной породы коров, кости овец и даже кости лошадей. Носители этой культуры были уже и скотоводами и земледельцами.

Приблизительное установление хронологии южно-русской бронзовой культуры поможет установить еще некоторые черты, ей свойственные. В ней нет черт, общих с культурой погребальных площадок, завершившейся, повидимому, в первые моменты перехода к металлической культуре, примерно, за 2.000 лет до Р. Х.; но много ясных черт заставляют в ней самой улавливать начинающийся и развивающийся переход от каменного века к медно-бронзовому; каменные орудия встречаются почти во всех погребениях; чем древнее могилы, тем более в них предметов каменного века. Сами металлические вещи делятся на медные и бронзовые; медных очень много, и, принимая во внимание вполне точно установленное отношение между медной и бронзовой эпохой, мы должны за ней признать определенный энеолитический характер, т. е. принадлежность ее переходному от каменного века времени. Таким образом, все обличает в южно-русской бронзовой культуре раннее время ее развития; ее можно в грубых чертах определить, как культуру второго тысячелетия до нашей эры.

Мы видели сейчас, что есть признаки того, что некоторые металлические орудия выделывались на месте; но это были, вероятно, наиболее простые и несложные. Отдельные вещи, добываемые

---

[1]) Городцов. Результаты археол. исследований в Бахмутском уезде 1903 г. Труды XIII арх. с'езда, I, 245 — 246.

[2]) Городцов. Культура бронзовой эпохи в средней России. Отчет Ист. Музея за 1914 г., стр. 175.

из курганов с катакомбными и срубными погребениями, например, кинжалы, кольцеобразные привески, булавки, указывают на очень высокую технику, которая едва ли могла развиться на месте; эти вещи ввозились в готовом виде. Еще более убеждают в наличности ввоза такие высокохудожественные и совершенные предметы, как те, которые найдены были в курганах Майкопском и станицы Царской или в Старомышастовском кладе. Эти вещи должны были быть привезены издалека, во всяком случае из страны с неизмеримо более высокой культурой. Что же это была за страна?

Наиболее близкими очагами высшей культуры к южной России были Эгейский мир и государства Малой Азии, так называемые, Яфетические или Алародийские царства — царство Митании на верхнем Ефрате, царство Хетов, занимавшее восточную половину Малой Азии, и царство Урарту, раскинувшееся вокруг Ванского озера, по Армянскому нагорью. Путь из Эгейского мира шел через проливы; путь из Малой Азии и Армянского нагорья пролегал через Кавказ и вдоль восточных берегов Черного моря. Эгейский мир пал за 12 веков до Р. Х.; расцвет Хетского царства падает на вторую половину второго тысячелетия; царство Урарту дожило до VIII века до нашей эры, когда оно было расшатано и ослаблено походами царя Саргона. Оба центра, и Эгейский и Яфетический, могли оказывать влияние на Южную Русь. Отдельные предметы из Южной Руси находят несомненную аналогию с Эгейскими. В одном Кубанском погребении были найдены глиняные и алебастровые человеческие статуэтки, очень близкие к статуэткам Эгейских островов. Особенно это приходится утверждать о копьях и топорах из богатого клада, найденного в 1912 году в Бессарабии.

Но в восточных областях, в частности, в Кубанской области, влияние Яфетической культуры дает себя чувствовать заметно сильнее, нежели влияние Эгейское. Нет и следов столь типичного для Эгейской цивилизации двустороннего топора; зато если сопоставить водруженные на спинах быков жезлы из Майкопского кургана, вероятно, служившие подпорками для какого-нибудь царского балдахина с изображениями Хетских божеств, попирающих ногами животных, то мысль о сходстве напрашивается сама собой. Если вглядеться в золотые штампованные изображения львов, или в изображения животных на сосудах, найденные в том же Майкопском кургане, то поразишься их сходством с скульптурными изображениями львов в Кархемыше и Богаз-Киое. Труднее говорить о том, откуда приходили мелкие предметы чисто прикладного характера. Таких предметов, добытых из страны Хетов, мы пока знаем очень мало; кроме того, можно думать, что промышленная техника Яфетических стран имела много общего с такой же техникой стран Эгейских. Взаимные отношения обоих миров еще недостаточно выяснены, но мы и теперь уже знаем, что общение между ними существовало и общие черты в технике

могли иметь отзвук и в предметах, заносимых путем вывоза в северные, за Черным морем лежавшие, земли. Во всяком случае, лучи эгейской и малоазиатской цивилизаций проникали до южной России; они принесли сюда и первые металлические предметы; под их влиянием зародились здесь первые проблески местного металлического производства; они же, наконец, доставляли сюда художественые предметы, служившие для обихода местных вельмож и властителей, как при их жизни, так и после их смерти. И это влияние не было новым явлением. Припомним, что еще гораздо ранее в неолитическую эпоху с того же передне-азиатского юга тянулась на черноморское побережье более древняя культура, оставившая по себе память в виде дольменов. Так и много позднее греческая цивилизация оказывала свое могущественное влияние на скифов. Остается лишь загадкой, кто был народ, который хоронил своих мертвецов в курганах с катакомбами и срубами и испытывал на себе развивающее воздействие Эгейцев и Хетов.

Важнейшая литература.

Гр. А. А. Бобринский. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. 3 т.

А. А. Спицын. Курганы с окрашенными костяками.

В. А. Городцов. Результаты исследования в Бахмутском уезде 1903 г. (Труды XIII Арх. С'езда, т. I).

В. А. Городцов. Культура бронзовой эпохи в средней России. (Отчет Ист. Музея за 1914 г.).

A. M. Tallgren. Die Kupfer-und Bronzezeit in Nord-und Ostrussland. (Finska Fornminnesföreningenstidskrift. B. XXV. Helsingfors. 1911).

М. И. Ростовцев. Эллинство и иранство на юге России.

ГЛАВА VIII.

Бронзовый век на северном склоне Кавказа.

Вторая область распространения бронзовой культуры в России занимает весьма незначительную местность сравнительно с бронзовой культурой южно-русских степей.

Область ее распространения—небольшая часть северного склона Кавказских гор, простирающаяся на несколько десятков верст на запад от Военно-Грузинской дороги и почти совпадающая с современной Осетией; лишь сравнительно слабо представлены памятники этой культуры в смежных местностях Сванетии, по южным склонам Кавказского хребта [1]). Как и первая южно-русская металлическая культура, культура кавказская представлена только могильными памятниками. Быть может наиболее типичным кавказским могильником бронзового века является могильник, расположенный около аула Кобани, в 30 верстах от Владикавказа, на северо-восток от горы Казбек, в Дергавском ущелии, на реке Гизел-дон. Место, занимаемое могильником, находится между аулами Верхней и Нижней Кобанью и размещается между уступами предгорья, врезывающегося острым углом между Гизел-доном и его притоком Кобан-доном. Гора, постепенно повышаясь к верхнему аулу, образует четыре террасы и состоит из

---

[1]) Подробности см. в след. работах: Филимонов. Протоколы Заседаний Комитета по устройству антропол. выставки № 20. М. 1878. Его же. О доисторической культуре в Осетии.

Антонович. Дневник раскопок на Кавказе осенью 1879 (Прот. подгот. комитета V Арх. С'езда, 242).

Гр. Уварова. Могильники северн. Кавказа. Материалы по археологии Кавказа. VIII. М. 1900.

R. Virchow. Die Gräbefelder von Koban im Lande der Osseten. Berlin. 1883.

Его же. Die Kulturgeschichtliche Stelle des Kaukasus (Abhand. d. Kgl. Preuss. Akademie der Wissenschaften. 1895).

E. Chantre. Recherches anthropologiques dans le Caucase. 5 vols. P. 1886.

могучей древней морены, прикрытой лессовым отложением. Террасы эти служат местному населению пахотным полем и вместе с тем местом последнего упокоения. Местные осетины, обрабатывая террасы, долго не догадывались о присутствии древнего могильника, но лет шестьдесят тому назад весенние воды оторвали берег, края второй террасы обвалились и жители скоро заметили, что в обвале торчат человеческие кости и бронзовые предметы. В 1869 г. местный житель Хабош Кануков «собрал некоторые из этих предметов и представил их в Тифлисский музей, где их в первый раз изучил и описал Г. Д. Филимонов, посетивший Кавказ в 1877 году по случаю подготовительных работ к антропологической выставке в Москве». Им же произведены в том же году первые систематические раскопки в Кобани. В 1879 г. В. Б. Антонович вскрыл пять могил. В 1880 г. Кобань исследовали иностранные ученые Байерн, Шантр и Вирхов. С тех пор Кобань стала известна всей Европе.

«Древний могильник занимает около полуторы десятины и расположен ниже аула Верхней Кобани на террасах, имеющих уклон с запада на восток. Слой земли, в котором находились кости,—лесс, прикрытый значительным слоем чернозема; в слое этом много булыжников и валунов разной величины и разной формации; валуны и булыжники эти, проникая в могилы и налегая на кости, раздавили их почти совершенно. Могильник представляет безусловно одни погребенные костяки, и следов сожжения нигде не встречается. Костяки большею частью положены на каменные ящики, сложенные из неотесанных плит местного песчаника. Могилы расположены очень близко одна от другой и средним числом имеют в ширину 1 м. 20 с. и в длину 1 м. 70 см. Могилы не ориентированы и расположены в несколько рядов друг над другом. Костяки весьма плохо сохранились, что об'ясняет и редкость хорошо сохранившихся черепов из этого могильника. Костяки все лежат на правом боку; руки согнуты в локтях под острым углом; кисти рук на уровне с головой, но в некотором от нее расстоянии; ноги согнуты в тазовом сочленении под прямым углом. В земле, окружающей скелет, встречается часто уголь; под костями тонкий слой глины, под ним опять чернозем. Могилы, сохранившиеся в целости, были всегда прикрыты сверху такими же плитами, как те, которые составляли и стенки их». Инвентарь Кобанских могил очень богат и может быть восстановлен по двум могилам, взятым за образец. «В могиле мужчины около головы большие бляшки из тонкого бронзового листа, на руке бронзовый тяжелый браслет с завитками на концах; на грудных костях дугообразная фибула и пара длинных бронзовых пластинчатых булавок с завернутыми в дужку вершинами; у талии обломки широкого пояса из листовой бронзы и тяжелая прямоугольная значительных размеров пряжка; у тазовых костей

изящный бронзовый топорик изогнутой формы, покрытый орнаментом, и бронзовый кинжал с такою же рукояткой; у колен бронзовый топор почти одинаковой формы с предыдущим; на ножных костях тяжелые литые, бронзовые, глухие без спаев кольца; у пальцев ног крестообразные, с загнутыми концами бронзовые бляшки; в верхней части гробницы, вправо, около оконечностей рук—овечьи лодыжки, влево—черный глиняный сосуд в виде горшка, покрытый нарезным вглубь орнаментом, затертым белою краскою, со следами разных органических в нем веществ. Женская могила представляет костяк в том же положении как и первый; под черепом сложены крестообразно две бронзовые булавки с плоскими широкими верхушками, изогнутыми в трубку в верхней своей части; вокруг головы чашкообразные бляшки из бронзового листа, которые у лобных костей тянулись над бровными дугами (кости сохраняли зеленую окраску). У шеи монисто, состоящее из сердоликовых бус, чередующихся с бронзовыми трубочками; тут же бронзовые спирали. На руках витые бронзовые браслеты и такой же—литой, как у мужского костяка. На груди две фибулы, две бронзовые булавки, как у мужчины, еще одна меньших размеров бронзовая привеска в виде оленя и вторая в виде бараньей головы с могучими рогами, у талии обломки пояса и пряжка; в ногах—тяжелые кольца» [1]). Описанные сейчас могилы не исчерпывают всего погребального инвентаря, который необыкновенно богат и разнообразен; они могут, однако, считаться типичными для ранних ступеней местной культуры, для которой Кобань была одним из самых древних очагов. По типам древнейших предметов к Кобани довольно близко подходят еще некоторые могильники Осетии—Суаргом или «воровская балка» по Военно-Грузинской дороге в 20 верстах от Владикавказа и Кумбулта на р. Урухе к западу от Владикавказа. Остальные многочисленные могильники Осетии моложе; совокупность добытых из них древностей позволяет думать, что местная бронзовая культура существовала очень долгое время, пережила длинную эволюцию и отразила много влияний. Древнейшая Кобань и сходные с ней могильники дают возможность установить только исходные хронологические и типологические моменты ее развития.

Как уже отмечено выше, инвентарь Кобанских могил очень богат и разнообразен; если к Кобани прибавить то, что дают другие могильники, то разнообразие и богатство еще увеличатся. В своей совокупности бронзовые вещи осетинских могильников дают картину единственную по своеобразию и оригинальности. Наиболее, может быть, интересными орудиями из найденных в могильниках Осетии надо считать бронзовые топоры единствен-

[1]) Материалы по арх. Кавказа VIII. Гр. Уварова. Могильники сев Кавказа, 8 — 11.

ные в своем роде по типу. Их отличительные формы—узкая, длинная изящно загнутая форма, овальное отверстие; молоточная часть—весьма небольшая, ограненная; соединение молоточной части с собственно топором изогнутое иногда очень резко; лезвие также выпуклое и изогнутое в передней части. Топоры эти очень тяжелы по весу, хорошо заострены и почти не носят следов употребления. Большинство топоров покрыто орнаментами линейным и звериным: в последнем встречаются изображения рыб, змей, оленей, тигров и разных фантастических животных. Другой характерный для Кобани и иных осетинских могильников предмет—это бронзовый кинжал. Кинжалы отливались в общей форме с рукояткой, или отдельно от нее, или же, наконец, состоят из одних лезвий, на которые насаживались деревянные или костяные рукоятки. Лезвие широкое, обоюдоострое, типа, обычно употреблявшегося у цивилизованных народов древней Месопотамии; особенно характерны рукоятки; очень больших, сравнительно, размеров, они снабжены украшениями в виде звериных морд, нередко очень сложного характера. Не менее оригинальны бронзовые пояса очень широкой формы, также напоминающие те, которые можно видеть на изображениях Ассирийских или Вавилонских божеств и царей. Впрочем сплошные пояса из листовой бронзы—большая редкость; обычно пояс был из материи и украшался пряжками; таких пряжек очень много в осетинских могильниках; они очень разнообразны и очень часто покрыты орнаментом, состоящим из линий или из животных. Самой, может быть, оригинальной чертой поясных пряжек надо считать орнамент из железа по бронзе. Такой орнамент врезывался на один, приблизительно, миллиметр вглубь бронзовой пластины-пряжки; эта работа, вероятно, производилась резцом; выемка вычищалась и выковывалась с обратной стороны; в образовавшейся пустоте проделывались круглые отверстия для закрепы вставок; пустое пространство заполнялось еще не вполне остывшей и ковкой железной массой. Я отмечаю именно этот вид орнаментации поясных пряжек древнейшего Кобанского и сходных с ним могильников, потому что он указывает на очень важное и интересное культурное явление. Железо еще не вытесняет бронзы и не употребляется для целей пользы: оно служит, несколько неожиданно, может быть, для нас, в качестве украшения: значит оно было еще редким и им пользовались только в исключительных случаях. А так как подобные пряжки встречаются лишь в древнейших Кобанских погребениях, то они дают возможность утверждать с большим основанием, что начало Кобанской культуры относится к тому времени, когда употребление железа делало свои первые шаги: ранняя Кобанская культура совпадает с расцветом бронзы и с первым проблеском грядущего ей на смену железа. Ниже мы увидим, к какому времени можно хронологически относить это явление.

Не менее достопримечательными надо считать громадные булавки, которые лишь с большим усилием воображения можно себе представить как украшения для головы; между тем, именно булавки больших размеров были находимы под головой костяков. Обычно эти булавки имеют круглый стержень и заканчиваются вершиной лопатообразной или же в виде огромных расплюснутых бараньих рогов, изогнутых на обе стороны. Самые большие булавки, особенно часто попадающиеся в могильниках близ аула Кумбулты, достигают до 55 сант длины; размеры их таковы, что трудно даже и представить себе их назначение. Не редкость встретить подобную булавку изломанной и починенной еще в древности; в таком починенном виде ее клали с покойником. Булавки меньших размеров с витым или гладким стержнем, с гвоздеобразной головкой или с вершиной, загнутой в трубку, были находимы при грудных и тазовых костях и служили, вероятно, для закалывания тяжелых шерстяных тканей, носимых до сих пор кавказскими горцами. Все булавки, головные, употреблявшиеся для одежды и, наконец, громадные булавки неизвестного назначения, отличаются необыкновенным разнообразием своих вершин и головок; кроме отмеченных выше лопатовидных и имеющих форму бараньих рогов, встречаются головки в виде решетки, веера, треугольника, плоской лопасти—перекладины; они бывают резные, со штампованным орнаментом в виде пунктира, кружков и т. п. Богатство и разнообразие булавок указывают на какую-то особую склонность и любовь к ним древних жителей Предкавказья, что делает булавки, наряду с топорами и поясными пряжками, типичной особенностью кавказской бронзовой культуры.

Я не буду останавливаться слишком долго на других предметах погребального инвентаря осетинских могильников; достаточно отметить конские бронзовые удила, разнообразные украшения—шейные обручи, фибулы, браслеты, привески, принадлежности головного убора. Все они очень многочисленны, очень богаты по формам. Среди древнейших предметов очень часто встречаются изображения зверей и довольно грубые подражания человеческим фигурам.

Керамика в Кобани бедна в сравнении с богатством и разнообразием бронзового инвентаря. При этом сосуды древнейшей эпохи Кобанского могильника значительно отличаются от сосудов других более поздних могильников Осетии как по составу своему, так и по своей форме, и, наконец, по орнаменту. Сосуды лепились от руки из черной глины, имеющей некоторую примесь мелкого песку или мелкоистолченных раковин. Все сосуды—черного цвета, усиливавшегося при обжиге, производившемся на простом костре, так как печей не существовало; при подобном обжиге сосуд скорее коптился нежели обжигался, что и придавало ему особый своеобразный цвет, свойственный Кобанским сосудам. Кобанские со-

суды все снабжены орнаментом, который обыкновенно покрывает не только лицевые стенки, но в плоских мисках также и дно. Орнамент состоит из линейных рисунков, довольно неправильно врезанных в глубь и затертых белой известковой массой; среди Кобанских сосудов особенно много попадается помянутых выше плоских мисок. В более молодых могильниках Осетии сосуды становятся гораздо более разнообразными и по материалу и по формам; нельзя однако сказать, чтобы с течением времени гончарное производство Осетии совершенствовалось; так напр., одни из самых поздних осетинских могильников—Комунта, известный богатством металлических предметов, относящихся к христианской эре, дал сосуды очень грубые по своему изготовлению.

Остановлюсь вкратце на костяках древнейшего Кобанского могильника, хотя общее состояние добытых останков было неудовлетворительным и плохая сохранность мешала их точному исследованию. По своему внешнему виду это были мезокефалы среднего или даже малого роста. В Кобанских костяках нет каких-нибудь резких расовых черт или особенностей, которые позволяли бы высказать о них какую-нибудь определенную догадку. В Комунте найдены наоборот черепа долихокефалические.

Бронзовая культура северного Кавказа жила долго и продолжала существовать тогда, когда вокруг нее железный век уже в полной мере господствовал. Поздние Осетинские могильники, относящиеся ко времени Римской империи, датируют довольно точно, благодаря встречным в них монетам и драгоценной утвари. Дело обстоит совсем иначе для старейших могильников Осетии, могильников того типа, к которому принадлежат самые древние могилы Кобани. О возрасте Кобанского могильника были высказываемы самые противоречивые мнения. В специальной литературе не установилось единства в воззрениях на время, когда и при каких условиях возникла и начала развиваться интереснейшая бронзовая культура северного склона Кавказа. Между тем как одни исследователи, напр. Шантр, стремились отодвинуть ее корни за XV веков до Р. Х., другие, как Вирхов, относили ее возникновение к XI—X столетиям до нашей эры; гр. Уваров считал ее еще моложе и думал, что древнейшие насельники Кобани жили не ранее IX века; наконец гр. Толстой и Кондаков полагали, что Кобанская культура появилась только в начале нашей эры. При таких разногласиях приходится для решения вопроса подвергнуть исследованию самый инвентарь Кобанских находок. Почти полное отсутствие в них каменных орудий дает полное основание отмежевать Кобанскую культуру от каменного века: она стала развиваться много спустя после того, как каменный век был изжит в интересующей нас местности. Бронзовые пряжки с железными инкрустациями в качестве украшений показывают, как я уже отмечал выше, что древнейшие погребения Кобани надо относить к тому

времени, когда железо только что появилось в качестве металла, подвергаемого обработке и не успело еще приобрести того господства, которое оно потом завоевало повсеместно. Кобанская культура зародилась в тот момент, когда бронзовый век достиг полного развития и уже даже начинал склоняться к упадку. Позднейшие осетинские могильники дают уже много железных предметов наряду с бронзовыми, что указывает лишь, что здесь вытеснение бронзы железом обняло очень долгий срок и протекало чрезвычайно медленно.

Указанные сейчас особенности металлической культуры древнейших могил Кобани позволяют с достаточным основанием установить ее отношение к исследованной выше южно-русской бронзовой курганной культуре, близкой по времени к каменному веку: древнейшая кавказская бронзовая культура много моложе бронзовой культуры южно-русских степей. Последняя уходит корнями в каменный век, тогда как вторая началась и развивалась, когда железо уже было известно; значит ее исходная точка должна совпадать со временем начала распространения железа на северном склоне Кавказских гор; с этого момента она укоренилась здесь на долгое время, ибо она очень устойчиво сохранялась в горных ущельях едва ли не до конца первого тысячелетия нашей эры. Такой размах Кобанской культуры, одинаково современной и Ассирийскому царству и Римской империи, наряду с постоянством форм ее инвентаря и должен был внести разногласие в оценку времени ее возникновения.

Несколько наблюдений и соображений детального характера помогут нам, быть может, ближе уяснить время и обстоятельства ее происхождения. Некоторые из предметов инвентаря Кобанских могил представляют несомненное и большое сходство с предметами ассиро-вавилонского обихода. Стоит сравнить например пояса ассирийских или вавилонских богов, героев и воинов и кинжалы, воткнутые в эти пояса, с соответственными предметами из Кобани; сходство тех и других не подлежит сомнению; более того, оно бросается в глаза; не менее значительно сходство, замечаемое в форме конских удил и наконечников стрел, со втулкою, проходящею через всю поверхность. Тяжелые бронзовые серьги, которые носит фигура богини, хранящаяся в Британском музее, представляют не менее разительное сходство с серьгой, добытой в древнейшем Кобанском могильнике. Однако древнейшая Кобань находилась не под одним только ассиро-вавилонским влиянием или же оно не действовало в Предкавказье прямо и непосредственно. Богатство звериных изображений и их разнообразие оставляют далеко за собой то, что можно найти на предметах Двуречья, а некоторые изображения зверей, например, на бронзовых поясах носят несомненное сходство со зверями на сосудах Майкопского кургана, об'яснить которые приходилось хетско-алародийским

влиянием. Итак перед нами ясное и определенное явление: культурное влияние Месопотамии заметно на могильниках северного склона Кавказа, но оно приходило туда, смешавшись с иными веяниями, напоминавшими хетскую малоазиатскую цивилизацию. Между тем Хетское царство в его первоначальном виде уже было в упадке в моменты перехода от бронзы к железу. Надо искать какого-то иного проводника хетского влияния, который бы в то же время сам испытывал на себе культурное влияние Месопотамии. Таким проводником могла быть только страна, населенная народом Халдов или Виайна, центром которой было Ванское озеро и которую ассирийцы называли Наири или Урарту [1]). Ванское царство, вероятно родственное в племенном отношении хетам, занимало северо-восточную часть прежней Хетской империи. Страна Наири представляла довольно большую политическую силу, когда она впервые столкнулась с Ассирией в царствование Тиглатпаласара I в XII веке до Р. Х. Все позднейшее время полно кровавых столкновений между страной Наири, об'единившейся в одно могущественное царство Урарту, и Ассирией. Войны эти, о которых мы пока знаем главным образом из ассирийских источников, стали особенно упорны при Салманассаре III (885—860), продолжались при всех его преемниках, пока, наконец, после громадных усилий Тиглатпалассару II (745—727) и Саргону (722—705), удалось сломить могущество Ванского царства, хотя самостоятельность его и не была вполне уничтожена. Внутреняя история Урарту только теперь начинает открывать исследователям свои страницы; не располагая точными и подробными знаниями, мы все же можем сказать, что с XI по VII век это была сильная и крепкая держава, которая, защищая себя от южных завоевателей, восприняла многое из их культуры, начиная от клинообразных письмен, и в то же время сумела сохранить очень богатое наследие Хетского мира. Сочетание хетского и ассиро-вавилонского влияний составляет, повидимому, самую сильную и характерную особенность Ванской культуры; в этом именно виде Ванское царство продвинуло культуру на север до Кавказской горной цепи и даже далее к северу от нее. Через долину Куры и горные проходы Кавказских гор ванское влияние перешло и в долины современной Осетии. На влияние Ванского царства в области теперешнего русского Закавказья красноречиво указывают сохранившиеся на скалах клинообразные надписи ванских царей. Не менее существенным подтверждением ванского влияния на севере служит керамика древнейшей Кобани с ее характерным затертым белой краской орнаментом: именно таким орнаментом отличается и керамика могильников Закавказья. Ванцы славились, как великие искусники

[1]) Название сохранилось в названии горы Арарат.

ковать металлы; пока еще не слишком богатые металлические находки в области Урарту ставят нас с очень развитым бронзовым веком. Но много данных говорят в пользу очень раннего развития там и железной культуры. Ниже мы увидим, однако, что именно в промежутке между XII и IX веком железная культура стала распространяться из Месопотамии к северу. В таком именно виде застаем мы культуру древнейшей Кобани: бронза с первыми проблесками употребления железа.

Кто были носители культуры, открывающейся нам в древнейших могилах Кобани, сходных с ними могилах других мест Осетии, мы пока сказать не можем. Мы вправе сказать только, что ее элементы прицли с юга, через Кавказский хребет, быть может теми же самыми путями, которыми оно шло ранее, в эпоху курганов со скорченными и окрашенными костяками, когда оно принесло на Кубанские предгорья драгоценности, найденные в Майкопе. Теперь, в среднем за 1000 лет до Р. Х., новая культурная струя, шедшая из Ванского царства, проникла на северный склон Кавказа не без участия, быть может, индо-европейских племен, следы существования которых как в юго-восточной Европе, так и в передней Азии намечаются для этого времени некоторыми данными, а особенно многочисленными именами с индо-европейскими корнями, упоминаемыми ассирийскими и египетскими источниками, когда они говорят о хетах, ванцах, мидянах и других народах Малой Азии и плоскогорий Иранского и Армянского. Возможно, что к числу таких почти неведомых нам индо-европейцев надо относить и древнейших жителей Осетии. Более вероятно, впрочем, другое предположение, что носители Кобанской культуры входили в состав яфетической группы народов, которая безусловно господствовала тогда в примыкавших к Кавказу странах. Новые культурные веяния, приводившие отблески Урартской культуры на северный Кавказ, может быть, замели собою следы еще более ранних влияний, шедших тем же материковым путем от Хетской державы к более древним, чем Кобанские могильники южно-русским курганам с бронзовой утварью.

Важнейшая литература:

R. Virchow. Die Gräbefelder von Koban im Lande der Osseten. Berlin, 1883.

E. Chantre. Recherches anthropologiques dans le Caucase 5 vols. P. 1886.

Гр. П. С. Уварова. Могильники северного Кавказа (мат. по арх. Кавказа Т. VIII. М. 1900).

A. M. Tallgren. Die Kupfer-und Bronzezeit in Nord und Ostrussland (Finska fornminnesföreningen tidskrift, B. XXV. Helsingf. 1911).

ГЛАВА IX.

Бронзовый век в средней России.

Как бронзовая культура южно-русских курганов, так и бронзовая культура северных предгорий Кавказа распространялись в местностях, которые по отношению и ко всей восточной Европе и к современной России можно назвать окраинными. Совсем на другой окраине восточной Европы уже издавна была известна иная, гораздо более поздняя бронзовая культура, которую ниже, в своем месте мы будем исследовать. Но громадное пространство, обнимающее всю среднюю Россию до самого последнего времени считалось страною, не имевшей бронзовой культуры. Полагали, что здесь каменный век дожил до появления железа, и таким образом, каменная культура, минуя раннюю стадию металлической культуры, непосредственно перешла в железный век. Открытия, бросившие новый и яркий свет на историю бронзовой культуры в средней России, были сделаны очень недавно. Только в 1908 г. при производстве земельных работ на площади уже хорошо известного нам Фатьяновского могильника была сделана находка, в которой вместе с сверленым топором из порфира, другим топором из кремня и пластинчатым кремневым ножом был найден топор с вислым обухом из чистой меди, длиною в 13—13,5 сантим. Находка эта нетолько подтвердила установившееся ранее мнение, что Фатьяновский могильник следует относить к самому позднему неолитическому веку, но показала, что могильник этот продолжал служить местом погребения и позднее и, наконец, и это самое главное, что верхнее поволжье имело свой медный век, т. е. прошло и эту стадию общего культурного развития человечества. За этой находкой последовали другие, правда, доселе не особенно еще многочисленные, но которые позволяют установить, что прежнее мнение о том, что средняя Россия вовсе не знала медной и бронзовой культуры, должно быть совершенно оставлено. Можно с полной уверенностью сказать, что еще далеко не исчерпаны возможности и новых открытий в области медной и бронзовой культуры во внутренних областях русской равнины; весьма

вероятно, что будут сделаны новые находки и не только в пределах распространения собственно Фатьяновской культуры, но и далее на запад и север. Если это на самом деле произойдет, то можно будет надеяться, что богатейшая бронзовая культура средней Европы и Скандинавии соединится культурными нитями с Поволжьем и Югом России и что, таким образом, будет заполнен громадный пробел в распространении ранней металлической культуры, который в своем теперешнем виде представляется очень трудно об'яснимым.

Если мы бросим взгляд на прошлое восточно-европейской равнины, как оно представляется по отношению ко второму тысячелетию до Р. Х.—ко времени смены в Европе каменного века бронзовым, то мы встретимся с широко распространенной неолитической Фатьяновской культурой, раскинувшейся в нынешних Ярославской, Костромской, Нижегородской, Владимирской и, может быть, Московской губерниях. Еще в чисто неолитической стадии Фатьяновская культура находилась под влиянием самой ранней из южно-русских бронзовых культур—курганной, которая с Черномория и Каспия занесла на верхнюю Волгу некоторые своеобразные формы топоров и глиняных сосудов. Южно-русская бронзовая курганная культура сама тянулась с юга к Фатьяновской культуре, достигая пределов нынешней Орловской губ. И прямо, и через посредство водных путей южные более передовые энеолитические и бронзовые культуры распространяли свое влияние на север. Сначала «население средней России оставалось при старых неолитических формах быта, осложнившихся только появлением новых типов каменных орудий, иногда ясно подражавших металлическим образцам, начавшим проникать из других областей» [1]). Потом неолитические формулы быта уступали место первым стадиям медного и бронзового веков, приходившим из тех же более передовых областей, культурно влиявших на более отсталые. Так именно и случилось с Фатьяновской культурой, которая из неолитической превратилась в медно-бронзовую.

Наиболее интересными явлениями в области бронзового века средней России до сих пор надо считать позднюю бронзовую Фатьяновскую культуру и близкую ей географически, открытую еще позднее культуру Сейминскую. К этим двум центральным явлениям присоединяются некоторые второстепенные, дополняющие их, находки. О возможности существования медных или бронзовых орудий в Фатьянове догадывались уже давно; на это наводила зеленая патина на некоторых найденных там костяках, свидетельствовавшая о мелких и тонких орудиях, подвергшихся полному химическому разложению. Однако, только описанная

[1]) Городцов. Культура бронзовой эпохи в средней России.— Отч. Росс. Ист. Музея. 1914 г., 125.

выше находка 1908 г. ясно обнаружила наличность в Фатьянове медного века. За Фатьяновским топором последовали и другие находки, однако, пока все очень немногочисленные. Прежде всего сюда надо отнести около десятка медных и бронзовых топоров, найденных в северном поволжье, в местах распространения Фатьяновской культуры. Все топоры очень похожи один на другой; их существенным признаком служит обух, имеющий трубчатую форму. Прототипы таких топоров находимы были в области Месопотамского и Эгейского бронзового века. К небольшому количеству топоров следует прибавить еще несколько предметов из меди, бронзы и серебра. Это—долото, бусы, височные кольца, шило, серпы, найденные в Ярославской, Владимирской и Нижегородской губ. Впрочем относительно серпов В. А. Городцовым высказано сомнение в том, что они принадлежат к местной бронзовой культуре: он склонен приписывать им более позднее происхождение [1]). Малочисленность бронзовых предметов Фатьяновской культуры приходится об'яснять или отсутствием обычая класть металлические вещи с покойниками, или же большой редкостью металлических вещей, которые были едва-ли не исключительно привозными. Думается, что второе об'яснение ближе к истине; страна только что выходила из каменного быта, металлические предметы ввозились сюда из стран более передовых. Здесь же на месте умели лить из меди и бронзы только иголки и прутики, как показывают найденные в Тверской, Калужской, Тульской и Рязанской губ. 4 литейные формы, совершенно схожие с литейными формами, столь часто попадающимися в южно-русских курганных погребениях бронзовой эпохи. По своим формам и все другие Фатьяновские металлические вещи, не исключая топоров, вполне схожи с южно-русскими курганными вещами бронзовой эпохи. Керамика Фатьяновской культуры уже в последние времена каменного века носила сходство, как было указано выше, с керамикой южно-русских бронзовых курганов. Для бронзового периода Фатьяновской культуры такое сходство сохраняет всю свою силу.

Приведенные сейчас наблюдения могут помочь нам, в мере возможности, определить время существования бронзовой Фатьяновской культуры. Она питается влиянием южно-русской курганной бронзовой культуры, которая старше и сильнее ее; Фатьяновская бронзовая культура должна была существовать и развиваться, как и культура южно-русская, во втором тысячелетии до Р. Х., примерно, около его половины; однако, медь и бронза проникли в северное поволжье, несомненно, позднее, чем на юг

---

[1]) Городцов. Культуры бронзовой эпохи в средн. России. Отч. Р. Ист. Муз. 1914 г. стр. 167.

России и едва-ли не через посредство курганной южно-русской культуры. Об антропологических данных я здесь говорить не буду, так как по всем данным люди бронзового века в области Фатьяновской культуры были прямыми наследниками своих предков каменного века. Однако, сказать о них что-либо более определенное невозможно.

Очень скоро после обнаружения бронзовой Фатьяновской культуры в той же почти местности была открыта вторая средне-русская бронзовая культура, самый факт существования которой уже представляет огромный интерес. 23-го июня 1912 года офицеры 37-го пехотного Екатеринбургского полка А. М. Конев и А. А. Гринько, занимаясь саперными работами близ станции Сейма, Москов.-Нижегородской ж. д., в пределах Нижегородской губ. и вблизи от Оки в ее нижнем течении, нашли бронзовый или медный топор. «Эта находка обнаружилась в случайном обвале края окопа на глубине 1¼ арш. На расстоянии 3 арш. от этого места, при раскопке, направленной уже специально к отысканию старинных предметов, найдено еще два топора, копье и два ножа, сделанные также из меди или бронзы». 4 июля того же года членами Нижегородской Архивной Комиссии был произведен осмотр местности, показавший, что место находки расположено вблизи одного из старых русл Оки среди песчаных холмов, покрытых бедной растительностью. При осмотре места саперных работ «найдено еще несколько кремневых наконечников стрел, скребков и одна тщательно оббитая пилка. В одной яме найдено несколько угольков и глиняных черепков с орнаментом в виде точек, черточек и углов и без орнамента, а в другой несколько культурных слоев, содержащих угли и обломки глиняной посуды; многие из них были орнаментированы разнообразными узорами». Дальнейшие раскопки велись под наблюдением того же капитана Конева. «В своем описании, доставленном в Нижегородскую Архивную Комиссию, он говорит, что при раскопках 5-го, 6-го и 9-го июля нашли 6 кремневых наконечников стрел разной величины и формы, 2 кремневых ножа, 3 плоских кольца с внутренним диаметром около 1¼ дм., 2 кольца из бледно-зеленого нефритового камня и один из серо-коричневого, кусок круглой кости и два коренных зуба». Затем с 16 по 22 июля Коневым было «найдено при раскопках из бронзовых предметов: топор с хорошо сохранившейся орнаментировкой, два копья: одно длиной 5½, другое 8½ вершков, два ножа с остатками костяных черенков, пилка-нож, у которого с вогнутой стороны—зубья пилы, а выпуклая сторона — лезвие ножа». Кроме металлических предметов тут же были несколько вещей из кремня и «кроме того остатки человеческой челюсти с 5 коренными зубами». Все предметы найдены на глубине 1½ аршин.

Раскопки возобновились в 1914 г. и велись в очень большом масштабе, но едва-ли с соблюдением всех требований археологической науки. Раскопки велись в июне и в июле; раскопана была значительная площадь, причем найдены были человеческие черепа и другие кости, бронзовые и каменные орудия, а также большое количество обломков глиняных сосудов. В числе бронзовых орудий оказались: топоры, копья, кинжалы, ножи и шило. В общем, однако, качество раскопок 1914 года было очень невысоким. «Даже не выяснено с какого рода коллективным памятником имеем дело: с могильником или со стоянкой; остается даже неустановленным, в чем именно заключаются памятники, в кургане или в естественном дюнном холмовидном образовании» [1]). Однако, автор научного исследования о Сейминских древностях, В. А. Городцов, склонен видеть в Сейминских памятниках именно могильник, опираясь на то, что человеческие кости в нем сопровождались группами предметов более всего характерными именно для погребального обряда. К сожалению, война, начавшаяся в 1914 г., прервала начатое исследование Сейминского могильника. Позднее там неоднократно производились новые частичные разведки. Наконец, в 1922 году в Сейминском могильнике было предпринято систематическое исследование под руководством Б. С. Жукова. Оно обогатило науку большим количеством новых предметов и окончательно установлено, что это был действительно могильник, устроенный в приречных дюнах.

Для понимания особенностей Сейминского могильника довольно много дает сравнение добытых в нем вещей с предметами из младшего Волосовского могильника, который был исследован В. А. Городцовым в 1910 г. [2]). Младший Волосовский могильник моложе Сейминского, так как в нем были найдены вместе с бронзовыми и каменными орудиями также и железные предметы. Но предметы бронзовые, главным образом, кельты и копье, представляют полное сходство с вещами, добытыми в Сейме. Отсюда возможен некоторый вывод: культура обоих могильников, может быть и не вполне одновременных, относится к позднему бронзовому веку, точнее к рубежу бронзового и железного веков. Это в свою очередь определяет хронологическое отношение обеих бронзовых культур, существовавших в данной местности. Фатьяновская медно-бронзовая, энеолитическая, отмечающая границу каменной и металлической эпохи, много старше Сейминской. Едва-ли можно ошибиться, если между

---

[1]) Городцов. Культуры бронзовой эпохи в сред. России, 179 — 185 (Отчет Ист. Музея за 1914 г.).

[2]) Могильник расположен на дюне, близ г. Мурома, вблизи места, где были открыты отмеченные выше стоянка и могильник каменного века. Отсюда и название: «младший».

расцветом той и другой мы положим промежуток в несколько столетий. В таком случае существование Сейминской бронзовой культуры надо относить, приблизительно, к времени за X—XII веков до Р. Х. Среди Сейминских предметов останавливает внимание один бронзовый или медный (это обстоятельство остается невыясненным) топор с вислым обухом, близко напоминающим такие же топоры Фатьяновского типа. Быть может в этом можно усматривать указание на связь, соединяющую обе культуры. Явления Фатьяновской культуры непрерывно существовали до появления новых влияний, создавших то, что мы теперь называем Сейминской культурой, и отчасти продолжали бытовать и в этой последней. Волосовский могильник дает ясное представление о погребальном обряде. «Покойники лежали вытянутыми на спине, за исключением одного, склоненного на левый бок, головами—в разные стороны, но чаще к востоку. При костяках были найдены многочисленные обломки, очевидно, преднамеренно разбитых глиняных сосудов» [1]).

Для нас эти люди, носители поздне-бронзовой Сейминской культуры, такие же неизвестные анонимы. Слабый луч света бросает лишь то обстоятельство, что на детском черепе одного погребения найдены остатки венка, составленного из бронзовых цилиндрических трубочек, да зеленая окись меди на другом черепе, свидетельствующая о подобном же вполне истлевшем венке. Такие венчики составляют постоянную принадлежность культуры финских могильников более позднего времени. Самый однако, интересный вопрос, который порождает знакомство с бронзовыми предметами Сейминского типа—это вопрос о новых влияниях, под которым сложилась Сейминская бронзовая культура. Наиболее интересными из найденных предметов являются, так называемые, «кельты»—топорики, приделывавшиеся или надевавшиеся на деревянное древко и служившие иногда в качестве долот, и копья определенного типа в виде пера, снабженного утолщенным стержнем, имеющим в некоторых случаях в нижней своей части форму вилы. Кроме того, Сейминский могильник дал некоторое количество очень оригинальных и интересных кинжалов.

Специальное изучение всех этих предметов с типологической точки зрения не привело до сих пор к какому либо единогласному мнению. С одной стороны все копья, кельты и кинжалы, как найденные в Волосовском и Сейминском могильниках, так и обнаруженные в других находках, давшие вещи той же культуры, представляют очень много аналогии с подобными же предметами,

---

[1]) Городцов. Арх. исследования в г. Муроме. 1910 г. Древности. XXIV 49.

открытыми далее к востоку и особенно в Западной Сибири, в бассейне Оби, и около Минусинска на Енисее. Изучение Сибирской археологии не дает нам права думать, что интереснейшие находки этой обширной страны подразумевают очень раннюю оригинальную культуру: Сибирь жила влияниями, шедшими из южной и восточной Азии с ее древними очагами цивилизации. Сибирь обозначает лишь направление пути, каким далекое южное азиатское влияние добралось до России, хотя на этом пути и были значительные вехи в виде развитой бронзовой культуры Минусинского края. Для несколько более позднего времени культурные влияния, шедшие в Прикамье и Поволжье из далеких стран Азии, именно через Сибирь, а следовательно и существование культурных, точнее торговых, путей, по которым эти влияния направлялись, не подлежит никакому сомнению. Но для эпохи Сейминского могильника этот вопрос не решается так просто, хотя сходство типов орудий и наличность влияний в более позднюю эпоху можно считать установленным.

Дело в том, что и в бронзовых находках европейских стран можно усмотреть немало черт сходства с кельтами, копьями и кинжалами Сейминского могильника: есть такое сходство между последними, с одной стороны, и предметами Эгейской культуры, с другой. Очень важным обстоятельством является здесь случайная, но очень богатая находка, сделанная в 1912 г. близ немецкой колонии Бородино, в Бессарабии, при добыче камня в холмистых окрестностях села. Бородинский клад, теперь хранящийся в Московском Историческом музее, заключал в себе небольшое число предметов, которые, однако, все выделяются своим превосходным качеством. В него входили несколько каменных топоров из нефрита и серпентина очень тонкой и тщательной отделки, по формам своим напоминающие соответственные предметы из Ютландии и Средней Европы, Трои, Кавказа и Фатьяновской бронзовой культуры; к каменным орудиям принадлежат еще три каменных набалдашника из известняка, быть может, когда-то соединенные вместе; один из них с четырьмя шишками находит аналогию только в кавказских находках. Остальные предметы были из серебра. Среди них выделяются, прежде всего, два прекрасно сохранившихся копья с трубочками для втыкания древка, совершенно той же формы, как и копья Сейминской культуры; одно из них имеет подобное некоторым из Сейминских вильчатое украшение в нижней части копейного острия. Имея мало аналогий в Эгейском мире, такие копья встречались нередко в находках бронзового века Венгрии и средней Европы. Такое же сходство с Сейминской культурой имеет и лезвие серебряного ножа, найденного без рукоятки; этот же кинжал, равно как и булавки, находят аналогию в раскопках Трои. Таким образом,

вещи Бородинского клада, относимые специальными исследованиями, приблизительно, к половине второго тысячелетия до Р. Х., содержат в себе предметы, схожие с многими едновременными культурами Европы, в том числе и с Сейминской.[1]). Что же может дать Бородинский клад для об'яснения происхождения Сейминской культуры? Бессарабский клад — узел, стягивающий и отражающий культурные влияния почти всех стран Европы и передней Азии. Но дает ли он основания предполагать совсем иной культурный путь, нежели тот, который я отметил выше? Если в Бородинском кладе нет кельтов, то кельты, похожие на Сейминские, имеются в бронзовых древностях Европы. Не питалась ли поздняя бронзовая культура, процветавшая в среднем Поволжье во 2-й половине 2-го тысячелетия, влияниями, шедшими с юга?

В свое время мы отметили, что такие именно влияния чувствуются уже в неолитической Фатьяновской культуре, не говоря о более поздних южно-русской и кавказской бронзовых культурах. Сторонники Сибирского происхождения Сейминской культуры выдвигают еще одно соображение—наличность в Сейминских находках каменных колец из нефрита, добывавшегося в средней Азии. Однако, нефритовые вещи есть и в Бородинском кладе, а как нам теперь известно, нефрит в виде валунов существует в Альпах и в виде горной породы залегает в Южной Силезии. Положение вопроса о Сейминской культуре в современной археологической науке не дает еще возможности вполне определенно разрешить вопрос о тех влияниях, под которыми она сложилась. Есть соображения, говорящие за Сибирь; есть другие, указывающие на влияние, шедшее с юга и даже с юго-запада. Но ведь и то и другое, по существу, обозначает только путь, по которому цивилизующее и поднимавшее варварские страны влияние проникало в них из культурных очагов. Шло ли оно через равнины северной Азии и Уральские горы или же через Черное море, Кавказ или Балканский полуостров, чтобы затем подниматься вверх по рекам южной России, это имеет второстепенное значение. Важно, что очаги цивилизации, стоявшие в то время во главе мира, давали себя чувствовать в далеких пределах, населенных варварами, едва выходившими из младенчества. Что пути, проводившие такое влияние и проводившие его, несомненно, посредством каких-то торговых сношений, уже тянулись во втором тысячелетии до Р. Х. вдоль больших русских

---

[1]) О Бородинском кладе, см. работы Е. Р. Штерна. «Бессарабская находка древностей». 1912. (Мат. по Арх. России, вып. 34); А. А. Спицына. Бородинский клад. (Сборник статей в чест. графини П. С. Уваровой) и A. M. Tallgren «Den äldsta östryska bronsåldern» (Studier Tillagnade Oscar Allmgren. 1919 — 1920).

рек, мы уже знаем. Сейминская культура дает основание думать, что во время ее развития наметился уже и иной путь, ведший из Месопотамии и быть может из Индии через среднюю Азию в Сибирь и оттуда в восточную Европу. Нам предстоит теперь убедиться, что такой путь, несомненно, существовал несколько позднее в эпоху развития последней и самой молодой из известных нам доселе самостоятельных бронзовых культур России.

Важнейшая литература:

В. А. Городцов. Культура бронзовой эпохи в средней России (Отчет Росс. Истор. Музея. 1914 г.).

А. А. Спицын. Медный век в верхнем Поволжье (Записки отд. русск. и славянск. археологии Имп. Русс. Арх. Об-ва, т. V, вып. I. 1903 г.).

A. M. Tallgren. Die Kupfer und Bronzezeit in Nord-und Ostrussland (Finska fornminnesföreningenstidskrift. t. XXV. Hels. 1911).

ГЛАВА X.

Бронзовый век в восточной России.

В противоположность средне и даже южно-русским бронзовым культурам, бронзовый век в восточной России, точнее в бассейне р. Камы, был открыт очень давно. Но раннее открытие не способствовало планомерному и успешному его изучению. Сначала все дело ограничивалось одним очень богатым и интересным могильником; но могильник был исследован неправильно и в разброд. Он долго оставался явлением совершенно одиноким и уже потому казался загадочным. Только в конце XIX столетия были сделаны новые находки, которые показали, что приходится считаться не с каким-нибудь одиноким явлением, а с самостоятельной и цельной культурой. Однако, и под этим углом зрения бронзовые древности востока России все еще не поддавались удовлетворительному об'яснению. Слишком необыкновенным казалось присутствие бронзового века в Прикамье, когда продолжали думать, что в средней России его не было вовсе. Только открытие бронзового века в средней России, что, как мы видели, произошло в сравнительно очень недавнее время, в 1908—1912 гг., покончило с изолированностью восточно-русской бронзовой культуры. Однако, и теперь остается еще не вполне ясным многое, касающееся связи этой культуры с другими бронзовыми культурами России и при теперешнем состоянии наших сведений едва-ли открывается возможность дать удовлетворительные ответы на все вопросы, которые могут возникнуть в этой области.

Открытие первого памятника восточно-русской бронзовой культуры, Ананьинского могильника Вятской губ. Елабужского уезда, относится к 50-м годам XIX столетия. Известный русский археограф и археолог К. И. Невоструев, местный Елабужский уроженец, заинтересовался известиями о могилах мусульманских святых, будто-бы существовавших в эпоху Тамерлана при впадении р. Тоймы в Каму.

Известия эти сообщает средневековый персидский историк Шериф-еддин.

При помощи Елабужского купца Шишкина он стал разыскивать такие могилы, но вместо них наткнулся на Ананьинский могильник, представлявший один сплошной холм-курган на дюнных отложениях речной долины. Первые попытки Невоструева и Шишкина устроить раскопки Ананьинского могильника долго не могли увенчаться успехом, и только четыре года спустя, в 1858 году, удельное ведомство, которому принадлежала деревня Ананьино, разрешило исследование могильника своему чиновнику, П. В. Алабину, человеку умному и образованному, но, что, впрочем, для того времени и не удивительно, не имевшему никакой специальной подготовки. Исследование могильника было произведено Алабиным в один день и не могло быть поэтому ни особенно внимательным, ни достаточно осторожным. Алабин снял большую часть насыпи и только много времени спустя обнаружилось, что небольшая часть могильника, по которой оказалось возможным составить представление о могильнике в его целом, была оставлена Алабиным в неприкосновенности.

По описанию Алабина «могильник расположен вблизи г. Елабуги, за околицей подгородней деревни Ананьино, на краю второй терассы р. Камы, близ устья р. Тоймы. Внешний вид его представлял продолговатое в виде небольшой гривы возвышение, не носившее никаких следов деятельности человека. Высота насыпи доходит до сажени, но при длине ее окружности в 100 саж. высота эта остается совершенно незаметною». По мнению Алабина, могильник был покрыт каменной одеждой, но теперь мы имеем основание утверждать, что найденные им при раскопке плиты были поставлены над костяками в виде гробниц, как думал еще Шишкин, присутствовавший при раскопке в качестве зрителя. Найденную внутри кургана землю Алабин называет черноземом, но чаще признает ее пережженною землею и глиною и говорит, что в насыпи можно было отметить два неравномерных по массивности слоя такой земли. В настоящее время выброшенная из могильников земля составляет однообразную смесь чернозема, угля, золы и обыкновенной земли, может быть, действительно пережженной [1]). Алабин вскрыл до 50 костяков. Вот описание одного из погребений, исследованных Алабиным (№ 20): «Когда от места, где должен был кончаться скелет (№ 19), мы пошли севернее, показался уголь и чем дальше мы рылись, тем в большем количестве он обнаруживался. Вскоре открыт как бы одр,

[1]) А. А. Спицын. Арх. розыск. о древн. обит. Вятск. губ. (Мат. по археол. вост. губ. России, 1, 26).

сложенный из угля сгоревших бревен и больших кусков дерева, из которых многие стояли торчмя. Этот угольный помост толщиною до ¾ арш. был сверху хорошо выравнен и покрыт тонким слоем земли или пепла, толщиною не более вершка. На этом одре оказался костяк, лежавший лицом на север, совершенно истлевший: голова его развалилась при прикосновении. В самом одре и на поверхности его найдены различные вещи, а именно: под самою головою три больших горшка, один в другом, наполненные иссера-черною сухою землею; в них нашлось также несколько обугленных маленьких костей: все три горшка были совершенно раздавлены. Далее у левой щеки скелета оказались еще три маленькие горшечка, один в другом, совершенно сохранившиеся, с рельефной отделкой по краям; все они были наполнены рыхлою землею; медный жгут, лежавший у кисти левой руки под толстым слоем угля. 39 глиняных кружочков, покрытых бирюзоватого цвета глазурью, лежали у правой руки скелета. Эти кружочки как будто составляли браслет или часть ожерелья; горшечек у правого бока, на четверть ниже другой, раздавленный, у правого и левого колена еще по горшку. Медная, из'еденная временем тарелочка у левого бедра; горшечек у ступни левой ноги. Медное ожерелье, или другое украшение, лежавшее в два ряда, повидимому, в футляре, совершенно, впрочем, обратившемся в прах. Ожерелье это положено у ступни правой ноги скелета и состоит из 60 штук и медного толстого конца, видно заменявшего застежку. Медная бляшка, лежавшая близ описанного ожерелья, другая бляшка меньше и тут же обломок третьей. На всех видны маленькие дыры для прикрепления к какому-то предмету; надписей; на них не видать, а потому трудно предположить, чтобы это были амулеты: вернее, что это головное украшение в виде обруча. Два куска железной палочки, видимо, обломки рукоятки ножа, какой-то медный рожок и круглая медная крышечка с ушком» [1]). В числе находок, сделанных Алабиным, было довольно много бронзовых кельтов, бронзовое копье, стрела и кинжалы, ножи и копья из железа. После раскопки 1858 г. Ананьинский могильник неоднократно подвергался раскопкам и исследованиям. Так, в 1865 г. там работал, весьма, впрочем, поверхностно, член археологической комиссии Лерх. В 1871 г. там еще раз побывал Невоструев. В 1870-х годах Ананьино неоднократно посещал финский археолог Аспелин. Посещали могильник также казанские ученые. Кроме того, местные крестьяне копали могильник сами и сбывали находимые предметы посетителям. В 1881 году Ананьинский могильник в последний

[1]) Невоструев. О Городищах древнего Волжско-болгарского и Казанского царств. Труды I Арх. С'езда, II, 604 — 605. П. Алабин. Ананьинский могильник. Вест. И. Р. Геогр. О. 1860, XXIX. отд. II.

раз подвергся систематическому научному исследованию, которое было ведено членом Казанского общества истории, археологии и этнографии, П. А. Пономаревым. Раскопки Пономарева можно считать исчерпывающими, однако и позднее этот знаменитый могильник все еще привлекал к себе интерес ученых; я назову Ф. Д. Нефедова, исследовавшего его в 90-х годах и, наконец, современного финского ученого А. М. Тальгрена, бывшего в Ананьине в 10-х годах XX века.

Из приведенного неполного перечня исследований Ананьинского могильника можно видеть, как он был богат и как привлекал он к себе внимание ученых. Ананьинские находки до сих пор составляют основной материал для изучения бронзовой культуры восточной России. Многочисленные предметы Ананьинского могильника разошлись по музеям Петрограда, Москвы, Гельсингфорса, куда их доставляли Аспелин и Тальгрен, Казани, Вятки и Перми. Как уже мною отмечено выше, Ананьинский могильник был совершенно одиноким явлением, что и заставляло смотреть на него, как на что-то загадочное. Только в 90-х годах XIX столетия были открыты другие могильники одинакового с Ананьинским типа и обнаружены другие памятники, относящиеся к одинаковой с Ананьинским могильником культур. В 1893 и 1894 г.г. Ф. Д. Нефедов исследовал Котловской могильник, расположенный около деревни этого имени на берегу Камы в том же Елабужском уезде. Могильник расположен в самом селе Котловке, без признаков курганных насыпей и обнаружен был лишь потому, что размывом берега обнажены были кости и металлические предметы. Здесь было открыто 27 погребений с вещами, подобными Ананьинским. Другой могильник около с. Пьяного Бора расположен также на Каме и также в пределах Елабужского уезда. Интересующая нас группа могил занимает выступ правого, высокого берега Камы, несколько осыпавшийся или точнее обособившийся от общей линии берега. Выступ местные жители называют «релкой». Здесь были исследованы 7 погребений с костяками, вытянутыми и обращенными головами на север. Характер вещей тот же, что и в Котловке и Ананьине. Аналогичные погребения были открыты также в урочище Клест или Хлест на границах Елабужского и Сарапульского уездов. В 1898 г. А. А. Спицын открыл и исследовал Зуевский могильник в Сарапульском уезде близ границы Елабужского. Внешних признаков в виде курганных насыпей здесь не было никаких. Несмотря на то, что могильник уже ранее подвергался разрушению, Спицын обнаружил 218 погребений, частью одиночных, частью сложенных в общих могилах. Костяки вытянуты и обращены головой на W. N. W.; признаков трупосожжения не было вовсе; некоторые костяки лежали на каменных плитах. Кроме названных выше, мо-

гильники Ананьинского типа существуют в Казанской губернии (Полянка или Маклашевка, Спасского у., Пустая Марквашка, близ г. Свияжска). Есть основание думать, что могильники Ананьинского типа существуют на гораздо более широкой территории—по бассейну р. Белой, в северной части Самарской губ., а на запад—до нижнего течения Оки. Таким образом можно сказать, что нижнее течение Камы было центром особой археологической культуры, которая распространялась довольно далеко и занимала очень обширную территорию.

Главным памятником этой культуры являются описанные только что могильники. Они имеют довольно определенный и оригинальный вид: это или могильники бескурганные (Котловка, Пьяный Бор, Зуевское), или могильники с курганами очень низкими (Полянка, Марквашка), или могильники с одним сплошным курганом, как Ананьино. Подробные исследования Ананьинского могильника привели к убеждению, что здесь мы также первоначально имеем дело с низкими и небольшими курганами, расположенными на весьма ограниченной площади могильника, расположенного на длинном холме, омываемом весенними водами. Именно за недостатком места позднейших покойников начали хоронить между курганами и в боках курганных насыпей, вследствие чего постепенно могильник превратился в один сплошной курган, где погребения расположены в несколько рядов. Могилы здесь, как отчасти и в других могильниках, частично обкладывались каменными плитами, или же плиты служили основанием для погребения.

Я указывал выше, что в могильниках, исследованных Нефедовым и Спицыным, был отмечен только обряд погребения, причем покойники полагались в вытянутом виде с обращением головы по направлению к северу, и тылом к ближайшей реке. Во всех могильниках встречаются как погребения одиночные, так и погребения коллективного характера, в общих могилах. Обряд похорон Ананьинского могильника значительно отличается от обряда в других могильниках. Здесь погребения составляют меньшинство; большинство покойников предварительно сожигались на костре, откуда потом брали главные, не вполне сгоревшие кости и погребали их, стараясь расположить в естественном порядке. В Ананьинском могильнике наблюдаются также случаи частичного погребения: отдельно от туловища погребались головы, расположенные на одной, иногда на двух плитах. Вместе с покойниками полагались вещи наиболее употребительные при жизни,—ясный намек на представление о загробной жизни как о продолжении жизни земной. У мужчин—у левого бока нож, у правого—кельт, на груди стрелы, у женщин—ожерелье, бусы и другие украшения. У мужских костяков украшения попадаются реже. В смысле бо-

татства могильного инвентаря существует большая разница как между отдельными погребениями того же могильника, так и между различными могильниками. Так напр. Зуевский могильник гораздо беднее всех остальных, а в Ананьинском есть очень бедные погребения наряду с чрезвычайно богатыми и интересными. И при погребении и при трупосожжении покойнику ставились глиняные горшки, иногда их встречается несколько при одном костяке; возможно, что при трупосожжении в эти горшки складывался пепел. Черепа некоторых костяков Ананьинского могильника пробиты молотом или кельтом. Некоторые из найденных при костяках вещей Ананьинского могильника носят следы огня, из чего, повидимому, следует, что покойники сжигались в одежде, с украшениями и в оружии. В Ананьинском могильнике были найдены семена некоторых южно-европейских растений. Антропологические наблюдения над костяками Камских могильников, к сожалению, до сих пор недостаточно полные, указывают на долихокефалический тип. Не вдаваясь в подробный анализ инвентаря восточно-русских бронзовых могильников, я пока отмечу, что в них уже попадаются отдельные железные предметы, напр. ножи. Это определяет Ананьинскую культуру, как поздне-бронзовую, ставя ее на одно из самых младших мест в ряду других русских бронзовых культур.

Другой памятник той же самой культуры, к которой принадлежит Ананьинский и сходные с ним могильники—это довольно многочисленные городища, отличающиеся особенным обилием находимых в них костей и изделий из кости, почему им и усвоено название «костеносных городищ». Они обыкновенно невелики; они расположены обыкновенно на устьях ручьев и речек, на откосах, по возможности окруженных обрывами; их незащищенная сторона усиливается и укрепляется рвом и валом. Больше всего их по берегам Вятки и Камы но они попадаются и далее на восток к Уральским горам, не выходя, впрочем, за приблизительно намечаемые пределы распространения Ананьинской бронзовой культуры. Главная находка в них, как я уже сказал, — кости; их настолько много, что они служат предметом сбыта для окрестных жителей. Чаще всего встречаются кости оленя, лося, лошади, медведя, бобра, барана, собаки; костей диких животных попадается больше, чем костей животных домашних: ясное указание на продолжающееся господство звероловства. Металлических орудий очень мало: боевые молоты, стрелы, ножи, ложки, удочки, игрушки, шилья, иглы, гребни, бусы—все делалось из кости, иногда очень красивой и всегда крепкой. Кроме костей встречается довольно много черепков сосудов из серой крепкой глины с орнаментами, сделанными по краям горшков шнуром или острием.

Культурный слой городищ иногда достигает нескольких аршин.

Костеносные городища резко отличаются по своему характеру и по находимым в них вещам от очень многочисленных восточно-русских городищ более поздней эпохи, напр., времени Болгарского царства. Наоборот, немало черт, сближающих их как раз с культурой Ананьинского и сродных ему могильников. Как уже сказано, металлических предметов в костеносных городищах было находимо немного, но это почти исключительно бронзовые предметы—кельты, стрелы, поясные украшения тех же типов, какие встречаются в могильниках. Многие из костяных орудий, добытых в городищах, по типу своему напоминают бронзовые орудия могильников: таково, напр., несомненное сходство между бронзовыми и костяными ножами и между бронзовыми секирами и костяными ударными орудиями, боевыми молотами. Далее есть аналогия в орнаментации некоторых костяных орудий из городищ и металлических орудий могильников: аналогия эта заключается в изображениях зверей, большей частью стилизованных, которыми покрыты некоторые как бронзовые, так и костяные орудия. Наконец в могильниках были находимы, хотя и не в большом количестве, костяные предметы, напр. стрелы и острия тех самых типов, которые в таком изобилии встречаются в костяных городищах. Таковые соображения, которые позволяют усматривать в бронзовых могильниках Ананьинского типа с одной стороны и в костеносных городищах с другой—памятники, принадлежащие к одному времени и к одной культуре. Разница в инвентаре об'ясняется тем, что в могильники клали вещи, выбираемые из наиболее ценного имущества умершего, а в костеносных городищах, служивших, быть может, для религиозно-обрядовых целей, или же как военные лагери или становища, забывали или оставляли предметы малоценные или же поломанные и потому уже ненужные. Возможно также, что могильники, до сих пор нам известные, служили, главным образом, усыпальницами для богатых людей и этим надо об'яснить разницу в материале находимого в них и городищах инвентаря. Как бы то ни было, сходство между тем и другим установлено вполне прочно и его вполне достаточно, чтобы считать могильники и городища памятниками одной эпохи и одной культуры.

Перехожу к более подробному анализу форм и типов богатого инвентаря Ананьинской культуры, который позволит нам установить отношение оригинальной бронзовой культуры восточной России к другим бронзовым культурам нашей страны, уже очерченным в предыдущем изложении. При этом нам, конечно, придется иметь дело, главным образом, с инвентарем могильников, представляющим наиболее богатые и развитые формы. Более простые и грубые формы костяного инвентаря городищ, частью представляющие подражание бронзовым предметам могильников, имеют

в таком анализе только подсобное значение. Напомню еще раз, что среди металлических предметов Ананьинской культуры уже попадаются отдельные вещи из железа и что среди них вовсе нет медных орудий, занимающих заметное место не только в Фатьяновской, но и в Сейминской культуре.

Кельты, находимые в Ананьинском и в сходных с ними могильниках, совершенно особого вида—широкие, тупые, безухие, очень часто шестигранные снизу, с довольно простым и грубоватым линейным, отчасти геометрическим орнаментом, который получался вместе с отливкой. Орнамент этих кельтов может дать некоторые указания на эпоху расцвета Ананьинской культуры: он, повидимому, происходит от орнаментации соответственных бронзовых орудий, распространенных в средней Швеции, около оз. Мелара, где он исчезает ранее VIII века до Р. Х. Если действительно существует связь между восточно-русскими и скандинавскими бронзовыми орудиями, то она не может не указывать на какое-то реальное культурное влияние Скандинавии, где бронзовая культура была чрезвычайно развита, на восточную Россию. С другой стороны и по форме и по орнаменту Ананьинские кельты довольно сильно роднятся от кельтов Сейминских с одной стороны, Сибирских—с другой. Ананьинские ножи, из которых бо́льшая часть сделаны из железа, также указывает на сравнительно молодой возраст Ананьинской культуры. Ножи бронзовые по своим формам близки к Минусинской бронзовой культуре, наоборот—ножи железные сближаются с ножами Кобани. Еще более интересные материалы для наблюдения дают Ананьинские кинжалы. Они также делались как из бронзы, так и из железа. Все они отражают определенные типы, встречаемые в скифских курганах: рукоятка и прямое лезвие вылиты из одного куска; рукоятка иногда ажурная довольно красивой работы. Очень характерны Ананьинские бронзовые и железные секиры, совершенно сходные с Минусинскими. Довольно распространены в инвентаре Ананьинского и родственных ему могильников копья и стрелы, точно также как и другие металлические орудия, делавшиеся одновременно из бронзы и из железа. Их внешний вид с плоским острием, сравнительно небольших размеров, с очень развитым отверстием для деревянного древка; они не имеют никакого сходства с Сейминскими. Их плоская форма наводит на мысль, не развилась ли она здесь на месте из костяных поделок, столь обильных на территории Ананьинской бронзовой культуры.

Бронзовые украшения представлены в Ананьинской культуре очень богато; они состоят из гривен и браслетов с звериными головами, привесок в виде колокольчиков или круглых медальонов, таких форм, которые встречаются в скифских курганах. Очень заметное место занимают в Ананьине пояса—кожаные с очень

богатым бронзовым набором, обычно из круглых блях, иногда со спиральным орнаментом. Аналогии им можно найти в Гальштадтской культуре с одной стороны, в некоторых южно-русских погребениях скифской эпохи—с другой. Нельзя, кроме того, не отметить, что кожаный пояс с обильными металлическими украшениями является непременной принадлежностью финских погребений железного века в России. Звериный орнамент часто попадается в Ананьинских украшениях: в привесках, гривнах, браслетах; фигуры птиц и животных встречаются даже на секирах. Однако звериные и птичьи изображения отнюдь не так распространены, как они сделались в той же местности и во всем Приуралье и Поволжье позднее, в последнюю доисторическую эпоху, в расцвет железного века. С другой стороны наличность таких же звериных и птичьих изображений нам уже известна для изученных нами бронзовых культур Кавказа и юга России. И здесь и там звери и птицы, как украшения, надо считать отголоском мощного культурного влияния Азиатских очагов цивилизации, хорошо разработавших те же мотивы; оно доходило до Волги и Камы, поднимаясь от Каспийского моря по рекам, преодолевая южно-русские степи и проходя через средне-азиатские и сибирские равнины.

О керамике Ананьинской культуры едва-ли можно сказать очень много. Она представлена большим количеством черепков, и сравнительно небольшим количеством ценных сосудов. Все указывает на очень первобытное состояние гончарного искусства. Гончарного круга не существовало; глина серая, твердая, иногда смешанная с обломками ракушек; сосуды или совсем гладкие или украшены грубым орнаментом, выведенным шнурком или заостренным орудием. Только форма сосудов, обычно широких и низких с круглым дном, до некоторой степени напоминает сосуды Фатьяновской неолитической и медно-бронзовой культуры, а через нее—сосуды древнейшей медно-бронзовой южно-русской курганной культуры. Единственным исключением является найденный Пономаревым в Ананьине низкий круглодонный сосуд с грубыми изображениями четвероногих животных. Отметим здесь также, что среди сосудов, найденных в Ананьинском и сходных с ним могильниках, есть несколько гладких сосудов из тонкой бронзы.

По рассказам Ананьинских жителей, на могильнике находилось до 1830 г. несколько плит с человеческими фигурами. Неволструеву удалось в 1870 г. найти и спасти одну из таких плит, уже обращенную в 7 обломков. На плите из мягкого камня, толщиною около 5 вершков и длиною 1 арш. 11 вершков, была вырезана человеческая фигура во весь рост в остроконечном колпаке с гривною на шее, с поясом, к которому привешен кинжал как раз того типа, который встречается в Ананьинских погребениях. Кинжал

этот неоспоримо свидетельствует о том, что здесь изображен представитель тех людей, которых хоронили в могильнике. Изображение дает также понятие о познаниях Ананьинских жителей в изобразительном искусстве.

Переходя к влияниям, под которыми сложилась Ананьинска культура, и смотря на этот вопрос с точки зрения типов Ананьинской утвари, мы должны прежде всего сказать, что культура эта, богатая и сильная, не дает возможности уловить какого-нибудь одного влияния, преобладающего и оттесняющего другие влияния на задний план. С сибирской бронзовой культурой есть некоторые черты сходства, но, конечно, нельзя признать Ананьинскую культуру вышедшей из Сибири. Подобные же отдельные черты сходства сближают Ананьинскую культуру с древнейшей Кобанью и с южнорусской бронзовой культурой курганов. Но черты эти столь же недостаточны, чтобы поставить изучаемую культуру в прямую зависимость от последних. Я указывал выше, что в орнаментации Ананьинских кельтов есть что-то общее со скандинавской бронзовой культурой, однако, это не более как веха, позволяющая сделать частичный вывод, а не решающее указание на происхождение культуры. Более всего черт сходства с культурой скифской, изучить которую составит нашу следующую задачу. Сюда относится форма бронзовых удил, сходство в украшениях, например в привесках-колокольчиках или в круглых резных привесках, присутствие в Ананьинских могилах зеркал, подобно находимым в скифских погребениях. Черт сходства, отмечаемых здесь, конечно, недостаточно, чтобы признать, как это хотели некоторые из первых исследователей Ананьинского могильника, что в лице носителей этой культуры, мы имеем дело ни с кем иным, как с теми же скифами до их переселения на юг; но, опираясь на них, мы можем признать, что известное влияние скифской культуры на Прикамье существовало, и попытаться поточнее определить время существования Ананьинской культуры. Все говорит за то, что в этой культуре мы имеем дело с явлением самобытным, развившимся в известное время в данной местности и лишь частично испытавшим на себе влияние других культур, близких к ней географически и хронологически. К тем же выводам приводит и сравнение Ананьинской культуры с культурой Сейминской. Последняя несомненно старше ее; это видно из соотношения меди и бронзы в Сейме и бронзы и железа в Ананьине. Но ничто не указывает на преемство между ранними металлическими культурами средней России и культурой Ананьинской за единственным исключением некоторых общих мотивов в керамике. Ананьинская культура не вытекала из Сейминской или Фатьяновской, а лишь частично, может быть, заимствовала от нее отдельные черты и то второстепенные и мало заметные.

При наличности богатого археологического материала можно в известной мере представить себе быт племени, соорудившего Ананьинский могильник и костеносные городища. Многочисленные кости диких животных на городищах неопровержимо свидетельствуют об охоте, о звероловстве, как о все еще преобладающем занятии, параллельно которому процветало рыболовство. Близость рек это подсказывает; костяные гарпуны, в изобилии встречающиеся в костеносных городищах, это подтверждают. Но люди костеносных городищ и Ананьинского могильника были уже и скотоводами и умели возделывать полезные растения: среди костей на городищах есть не мало костей домашних животных, а в Ананьинских могилах найдены семена конопли. Инвентарь могильников очень богат. Выше приходилось отмечать среди предметов много таких, которые должны были быть занесены из различных, подчас очень далеких, местностей Сибири, Кавказа, юга России. В этом нельзя не видеть прямых указаний на существование торговых сношений, оживлявших страну и приводивших ее в связь с краями, иногда очень отдаленными. На предметы торговли прямых указаний нет, но едва-ли мы ошибемся, если скажем, что она была меновой, что туземцы сбывали продукты звероловства и что взамен они получали предметы роскоши, из которых иные мы встречаем теперь в их могилах. Общая картина торговли должна была, таким образом, быть обычной, раз дело идет о народе, не перешедшем первобытной ступени цивилизации. Впрочем жители Ананьина далеко не были просто дикарями. Помимо указаний на скотоводство и отчасти земледелие, мы наверно можем сказать, что они сами умели отливать свои металлические орудия, по крайней мере самые необходимые и распространенные. Так в Ананьине и в некоторых городищах найдены формы для лития кельтов, сделанные из камня и глины, формы для лития ножей и стрел. Доказательством, что техника лития была хорошо известна Ананьинской культуре, служат ковши для литья, находимые в городищах. Они сделаны из глины и снабжены деревянной ручкой. Ковши открытые; у них носки для выливания металла в форму [1]). Руда для лития доставлялась вероятно с недалеких Уральских гор. Однако почти полное отсутствие золотых вещей (найдено до сих пор всего лишь три мелких предмета) показывает, что Уральские золотые россыпи еще не были известны. Изображение человека единственное, к сожалению, о котором мы можем сказать, что оно современно Ананьинской культуре, показывает, что им не чужды были некоторые художественные достижения и что в этом направлении они, следовательно, успели достигнуть некоторых успехов. На их погребальных обрядах едва-ли приходится задер-

[1]) Tallgren. L'Époque d'Ananino. Helsingfors. 1919 p. 165.

живаться еще раз. Они дают нам хорошо знакомую картину воззрений на загробную жизнь. Более интереса представляет то обстоятельство, что в Ананьине наряду с погребением существует и даже преобладает трупосожжение, тогда как в других сходных могильниках существует только погребение. Кроме того, и могильники не все равноценны: некоторые, напр. Зуевский, значительно беднее других и все они беднее самого богатого Ананьинского. Не указывает ли это на существование у Ананьинского племени социальной диференциации и притом уже значительной? Если согласиться с таким предположением, то в Ананьинском могильнике мы, может быть, будем вправе видеть усыпальницу высших слоев населения, практиковавших трупосожжение и снабжавших своих умерших особенно богатым инвентарем.

Сопоставляя вместе все, что мы знаем из изучения Ананьинской культуры, возможно сделать некоторые заключения о времени ее существования. Прежде всего она не знает медных орудий; далее—железные предметы в ней относительно гораздо богаче и многочисленнее, нежели в немногих нам пока известных памятниках Сейминской культуры. Отсюда мы вправе сказать, что она моложе остальных бронзовых культур средней России и что, оставаясь по существу бронзовой, она гораздо дальше, чем другие русские бронзовые культуры, заходит в железный век. Выше уже отмечались некоторые черты, указывающие на какие-то культурные связи, ведшие от Ананьина на северо-запад к Скандинавии. Эта тонкая нить подтверждается находками Ананьинских кельтов и форм для их лития в Финляндии и северной Скандинавии [1]). Изучение орнаментации Ананьинских кельтов в сравнении с кельтами скандинавскими, как опять таки выше уже указано, наводит на мысль о вырождении скандинавских мотивов, процветавших там до VIII века. Этот момент и можно считать исходным в развитии Ананьинской культуры.

Все памятники Ананьинской культуры носят следы влияния юга, в частности влияния скифской культуры. Мы скоро увидим, что последняя обнимает собой VII—II века до Р. Х. Нет никаких противопоказаний против мысли о приблизительном совпадении времени расцвета Ананьинской культуры со временем культуры скифской. В таком случае Ананьинская культура должна быть считаема настоящим бронзовым островком среди уже заливавшего ее железного моря. Не все, однако, могильники Ананьинского типа были одновременны. В частности Пьяноборский могильник, который в некоторой части своей сходен с Ананьинским, в другой своей части содержит предметы более поздней эпохи, с преобладанием железа и с наличностью более сильных куль-

[1]) Tallgren. Там же, 84.

турных влияний востока, преимущественно Сибири. Наоборот, тех слабых связей с западом, которые, как-будто заметны в Ананьине, здесь уже не существует. Между тем перерыва в истории Пьяноборского могильника, когда он временно как бы не служил кладбищем, не замечено. Начавшись в эпоху близкую к Ананьину, но моложе его, Пьянооборский могильник служил много дольше и является показателем, как Ананьинская культура, самобытно развивавшаяся в Прикамье приблизительно за 7 веков до Р. Х., продолжала существовать, то понижаясь в своем уровне, то повышаясь вновь. При этом она меняла свои оттенки, теряла прежние далекие, неясные связи с западом, слабела в своих отношениях к югу, зато развивала в себе влияния восточные и, таким образом, как бы переходила постепенно в новые фазы, из которых с некоторыми, как, напр., с Пермско-чудской культурой 1-го тысячелетия нашей эры, нам придется в свое время встретиться. Все говорит о каком-то постоянстве, какой-то преемственности культуры Прикамья и Приуралья. Как-будто здесь не было насильственных переворотов, как-будто страна не знала бурь и резкой смены племен и в ней все время, по крайней мере, с бронзового века, продолжали жить люди одного и того же происхождения.

История застает здесь финно-угорские племена. Не были-ли их предки, такие же финно-угры, носителями Ананьинской культуры? Если это так, то здесь впервые мы в состоянии вскрыть аноним, которым до сих пор были неизменно закрыты от нас первобытные насельники восточной Европы. Впрочем, оглянувшись назад и сопоставив тысячелетия, которые отделяют Ананьинскую культуру от первых проблесков жизни человека в Поволжье, с небольшим сравнительно периодом времени, отделяющим Ананьино от времени завоевания края русскими, мы поймем, как близко мы уже подошли к порогу исторической жизни.

В обзоре бронзовых культур, развивавшихся на русской почве, мне более всего приходилось останавливаться на южных и восточных областях нашей страны. Хотя ясные следы бронзовой культуры найдены и в средней России, но они здесь довольно бедны, может быть, впрочем, потому, что открытие их произошло еще очень недавно. Между известными нам до настоящего времени областями бронзовой культуры внутренней России и западными очагами бронзовой культуры установлена до сих пор только очень слабая, почти проблематическая связь. Таково нахождение нескольких предметов Ананьинских типов в Финляндии и Скандинавии или сходство между некоторыми типами орудий Фатьяновской и Сейминской культур с одной стороны, и русского юга — с другой. Если эта связь и существует, то она тонкой нитью тянется через обширные пространства, где следов бронзового века

до сих пор не обнаружено вовсе. Пространства эти покрывают собой западную Россию и Балтийский край, довольно точно совпадая с бассейнами Верхнего Днепра, Немана и Западной Двины. И это при богатейшем развитии бронзового века в средней Европе и Скандинавии. Выходит, что среднеевропейская и скандинавская бронзовая культура отделена от внутренне русской какой-то громадной пустыней или глухим тупиком, не имевшим во втором тысячелетии сообщения с соседними областями. Для восточной Европы мы могли в грубых чертах установить наличность торговых путей, а следовательно и культурных влияний, которые тянулись с юга и юго-востока вверх по Волге и, может быть, по Дону. Для нынешней Германии и Швеции наукой установлен вполне точно тот двигатель, который создал в них бронзовую культуру гораздо более богатую, чем все восточно-русские, вместе взятые. Это — торговля янтарем, столь ценимым в древнейшем цивилизованном мире ближнего Востока. Главные янтарные пути шли по Рейну, по Дунаю—Эльбе, по Дунаю—Одеру или Дунаю—Висле. Отсюда можно сказать с большой долей вероятия, что Днепровский путь, впоследствии знаменитый в ранней русской истории путь «из Варяг в Греки», для вывоза янтаря не служил вовсе; можно сказать даже более, что в бронзовую эпоху это был вообще путь малоизвестный и глухой и что по всем данным сквозной путь через восточную равнину гораздо ранее был проложен от Балтийского моря на Волгу, чем от Балтийского моря на Днепр. Днепровский край и бассейн Западной Двины и Немана были глухими углами, оставшимися далеко позади местностей, оживляемых торговлей и сношениями с цивилизованными странами.

Находки бронзовых предметов в западной России и Прибалтийском крае редки и случайны. Для наглядности приведу слова специалиста-исследователя о бронзовом веке в Эстляндии, Лифляндии и Курляндии. «Немногочисленны в нашем крае памятники бронзового века. В общем до настоящего времени в наших провинциях найдено не более 20 отдельных бронзовых предметов: спиральная игла, копье, лопатообразные и долотообразные кельты, топоры, тонкой работы бронзовая пуговица. Все это случайные отдельные находки. Только на острове Эзеле, на одном лугу найдено было значительное число бронзовых предметов. В Лифляндии до сего времени была найдена только одна могила бронзового века: в Нейгофе, в Кремонском приходе мы нашли глубоко под курганной насыпью бронзовое острие копья, лежавшего между камнями. Костяк совершенно истлел. Лифляндские находки по характеру своему очень близки к Швеции. Они доказывают связь между обеими странами во втором тысячелетии до Р. Х. Все же однако, бронзовые предметы в Лифляндии—редкие пришельцы. Возможно, что в древнее время запас бронзовых вещей был боль-

ше, чем это кажется нам теперь по редким бронзовым находкам. Вероятно позднее бронза в немалом количестве переплавлялась, когда новые вкусы требовали большого количества бронзы для более современных украшений»[1]). Так, Балтийский край был не более как бледным отражением высокоразвитой скандинавской бронзовой культуры.

Важнейшая литература:

A. M. Tallgren. L'Époque dite D'Ananino dans la Russie orientale Helsingf. 1919.

А. А. Спицын. Приуральский край. Археолог. изыскания о древнейш. обитателях Вятской губ. (Мат. по Арх. Вост. губ. I, М. 1893).

А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. (Мат. по арх. России № 25), II ч. 1901).

Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологич. исследов. в Прикамье летом 1893 г. и 1894 г. (Мат. по Арх. Вост. губ. III, М. 1899 г.).

П. Алабин. Ананьинский могильник (Вестн. И. Р. Геогр. Об. 1860, XXIX, отд. II).

А. Ф. Лихачев. Скифские элементы в чудск. древностях (Труды VI археол. с'езда. 1884 г., ч. I).

К. И. Невоструев. Ананьинский могильник (Труды I археол. с'езда. 1869).

К. И. Невоструев. Елабужские древности (Древности М. Арх. О-ва III. 1873).

П. А. Пономарев. Ананьинский могильник (Изв. Общ. арх., истор. и этнограф. при Казан. Универ. X, 1892 г.).

---

[1]) K. Hausmann. Prähistorische Archäologie von Estland, Livland, Kurland, Dorpat, 1910, 11 — 12.

ГЛАВА XI.

Происхождение и распространение обработки железа.

Появление железной промышленности не очень отдалено от зари исторической жизни. Оно или близко за ней следует или непосредственно ей предшествует; первое мы видим в Египте и Ассиро-Вавилонии; второе,—у варварских народов Европы. Знакомство с появлением и распространением обработки меди и бронзы уже показало нам, что умение превращать эти металлы в полезные для человека орудия появилось прежде всего на востоке и оттуда распространилось постепенно по Европе. Естественно ожидать, что и обработка железа должна была ранее всего стать известной в наиболее цивилизованных странах древности. Не случайно и то обстоятельство, что железо позднее других металлов стало служить для целей человека. Будучи самым распространенным металлом, железо легко подвергается окислению, ржавеет, обычно находится в соединении с другими элементами и особенно тяжело для обработки. Как и другие металлы, железо прежде чем стать общеупотребительным средством для изготовления полезных орудий, считалось редким и несмотря на тяжесть и отсутствие красоты служило для украшений. Мы видели это на примере Кобанских бронзовых поясов с железной инкрустацией.

Ранее всего, насколько позволяют судить наши современные знания, известия об обработке железа встречаются в Египте. Еще в 1837 г. кусок железа был найден в большой Гизехской пирамиде. В 1882 г. Масперо нашел несколько железных слитков в пирамиде, принадлежащей одному из царей V династии. Новейшие находки Флиндерса-Питри дали другие доказательства следов обработки железа при VI-й династии, т.-е. не ближе 3-го тысячелетия до Р. Х. В самые последние годы нашли железные бусы, т.-е. железо в виде украшения, даже в могиле, относимой к додинастическому Египту. Несмотря, однако, на заманчивое желание искать начало железного века в Египте в столь раннее время, у нас нет для этого достаточных оснований. Если с употреблением железа и были несколько

знакомы, то все же оно подвергалось обработке в очень редких и немногих случаях. Так продолжалось при среднем царстве и даже в первые времена нового царства при XVIII династии. Первое упоминание о железе в египетской письменности относится к царствованию Рамсеса II, т. е. к XIII веку до Р. Х. В росписных иероглифических надписях оружие до времен XVIII династии изображается красной или желтой краской, что соответственно указывает на медь и бронзу; только с XVIII династии, т.-е. с половины 2-го тысячелетия, оружие начинает иногда изображаться синей краской; можно не сомневаться, что перемена окраски соответствует и перемене материала. Таким образом можно считать, что только за XII—XIV веков до Р. Х. железо действительно вошло в употребление и в Египте водворился железный век. Отмечу в заключение, что если в отдельных случаях железо в Египте и появилось очень рано, то его распространение должно было задерживаться тем, что в самом Египте месторождений железа почти не было; в раннее время его привозили из Эфиопии, позднее, в расцвет египетского могущества при XVIII и XIX династиях, оно доставлялось из Азии.

История развития обработки и употребления железа в Ассиро-Вавилонии в некоторых отношениях напоминает то, что мы видели в Египте. Отдельные находки железа были сделаны в древне Халдейских погребениях и в развалинах древнейших городов южной Халдеи. Чаще всего здесь были находимы железные кольца, указывающие на то, что в эпоху, близкую по времени к древнему Египетскому царству, железо в Халдее было известно и служило по крайней мере для выделки украшений. Находки в Ассиро-Вавилонии не позволяют проследить развитие железной культуры в этой стране с той же хотя бы схематической постепенностью, как в Египте. Но можно с уверенностью говорить, что в XIII—XII веках обработка железа была там в такой же примерно степени развития, как в долине Нила. В эпоху развития и могущества второго Ассирийского царства, железная промышленность Двуречья успела достигнуть громадных успехов, далеко превзошедших Египет. В 60-х годах XIX века при раскопках дворца царя Саргона II (722—705) в одном из помещений, служивших для хозяйственных целей, был найден запасный склад железа, во-первых, в виде слитков, во-вторых, в виде кузнечных и земледельческих орудий; общий вес всего найденного здесь железа достигал 160.000 килограммов или 10.000 пудов.

Третий известный нам в настоящее время очаг древней цивилизации на ближнем востоке—Эгейская держава, дает мало данных для истории развития железной культуры. Катастрофа, постигшая ее за двенадцать веков до Р. Х., застала ее в бронзовом веке, и может быть известная отсталость ее в деле развития

культуры металлов не осталась без влияния на ее гибель. Однако, в небольшом уголке Азиатской суши у народа, который, как мы теперь знаем, был близок и Эгейцам и который под именем Филистимлян хорошо нам известен из библии, железо уже было в широком употреблении. Известно оно было с самого раннего времени и Финикиянам, принявшим с XII века культурное наследие Эгейского мира.

Остается четвертый очаг древней ближне-восточной цивилизации—страна Хетов и их ближайших родичей, т.-е. северная Сирия, Малая Азия и Армянское нагорье. Лишний раз приходится сожалеть о все еще малом и несовершенном знакомстве нашем с этой страной и населявшими ее народами. Пока по занимающему нас вопросу можно отметить два обстоятельства: царство Ванское, Наири или Урарту, унаследовавшие значение Хетов и населенное сродным им племенем халдов, было известно в X—VIII веках своей необыкновенно высокой металлической культурой. Обработка железа занимала в ней настолько почетное место, что есть даже предположение, что только-что упомянутое грандиозное собрание железных предметов, найденных во дворце Саргона, было получено из Урарту, как военная добыча [1]). С другой стороны, из греческих источников, правда, сравнительно довольно поздних, из сочинения Гекатея Милетского (VI век) и произведений Эсхила мы узнаем о существовании знаменитого своей железной промышленностью племени Халибов, обитавших где-то к югу от берегов Эвксинского Понта, т.-е. в северной или северо-восточной части Малой Азии. Эсхил называл их σιδηροτέκτονες железо-созидателями [2]). Слово χάλυψ в греческом языке сделалось нарицательным для обозначения самого трудного и вместе с тем высшего вида обработанного железа—стали. Мы еще не можем ни отожествить халибов и халдов, ни определить точно место жительства и значение первых в ряду народов Малой Азии; но перед нами один несомненный факт: в период от X по VI век металлическая и в частности железная техника народов Малой Азии, вероятно принадлежавших к так называемой Яфетической группе, славилась у народов древнего мира. Она не могла возникнуть внезапно и самопроизвольно. За ней должны стоять века и может быть долгие века постепенного развития. Если мы пойдем по загадочному и пока еще совершенно нам неизвестному пути отыскания корней этой техники, то этот путь приведет нас неминуемо к Хетам, которые за две тысячи лет до Р. Х. уже хорошо были знакомы с обработкой меди и бронзы. То немногое, что мы знаем о значении малоазиатских народов Яфетического происхо-

---

[1]) Тураев. История Древн. Востока, II, 53.
[2]) Aesch, Prom. 715.

ждения в деле развития обработки железа, позволяет думать, что дальнейшие исследования в этой стране и более глубокое знакомство с ее древней историей отведет ей одно из первых мест в истории происхождения и первых ступеней развития железной техники. Подводя итоги всему сказанному выше, можно признать, что древний цивилизованный мир уже хорошо был знаком с железом за XII веков до Р. Х., а к тысячному году успел вполне вступить в железный век.

Распространение железа по тогдашней варварской Европе было следующим этапом победоносного похода, доставившего железу господство над миром. Трудно думать, чтобы открытие, которое имело столь большое значение в промышленности древнего мира, как открытие обработки железа, могло долго оставаться достоянием одной страны. Мы видели сейчас, что примерно за 12 веков до Р. Х. железо знали и им пользовались во всех почти странах ближнего востока, какими бы горами и пустынями они ни были отделены одна от другой. Но уже в это далекое время бассейн Средиземного моря не был водной пустыней; наоборот, на нем все чаще и чаще можно было видеть гребные и парусные суда, сначала Эгейцев, потом Финикиян, наконец, Греков. Мы не знаем, успели ли принять какое-нибудь участие в распространении железа морским путем древние Эгейцы; но во всяком случае, пути с востока на запад до Испании, ими когда-то проложенные, продолжали привлекать их преемников Финикиян и уже около 1.000 лет до Р. Х. последние торговали металлами по Средиземному морю. Греческая колонизация и греческое рассеяние по берегам Средиземного моря лишь развивали далее дело, начатое Эгейцами и Финикиянами. Вот древнейшее и, быть может, самое могучее средство распространения знакомства с железом в странах южной Европы. В Европейской Греции железо становится заметным с начала последнего тысячелетия до Р. Х.; сначала оно уступает меди и бронзе; из поэм Гомера, отражающих быт как раз этого времени, железо упоминается 23 раза в Илиаде и 25 раз в Одиссее, тогда как бронза и медь соответственно 32 и 104 раза. Первый зачаточный железный век продолжается до VII столетия, когда в Греции наступает полный и настоящий железный век.

Процесс распространения железной культуры в Италии близко напоминает только-что описанный. Возможно, что железную культуру в Италию занесли еще смелые мореходы Этруски — Тирренцы, соперничавшие когда-то с Финикиянами, а может быть даже и более древние Эгейцы. В могильниках северной Италии железо можно проследить за 9—10 веков до Р. Х. Очень много для распространения в Италии железной культуры дала греческая колонизация VIII—VII веков, покрывшая весь юг Италии эллинскими поселениями. И здесь первое время бронза и медь еще боро-

лись с железом; на переходное состояние указывает известие о том, что в договоре Римлян с Этрусским царем Порсенной, заключенном в конце VI века, постановлено, чтобы Римляне употребляли железные орудия только для земледельческих целей, но отнюдь не для военных [1]).

В глубь Европейского материка от берегов Средиземного моря уже издавна вели торговые пути через Альпы и по рекам ее северного склона; по этим путям направлялись к югу караваны с янтарем, а на север везли предметы обрабатывающей промышленности из стран с высоко развитой культурой. Эти пути сослужили свою службу и для проникновения в страны средней Европы железа. Содействовало этому также развитие соляной промышленности в области восточных Альп, которое уже в первой половине последнего тысячелетия создало на громадном пространстве от верхнего Дуная до Адриатического моря блестящую и своеобразную, так называемую Гальштадскую культуру, одною из самых характерных черт которой является полужелезный характер. Миграция кельтов, начавшаяся с половины тысячелетия, предшествовавшего Р. Х., привела к появлению в средней Европе уже чисто железной культуры, связанной с кельтскими племенами; это так называемая Ла-Тенская (La Tène) культура, процветание которой относится ко времени, непосредственно предшествовавшему завоеванию Галлии Римлянами.

Как в свое время медь, железо в начале было привозным продуктом, но постепенно в европейских странах водворялась местная железная промышленность и из легко находимого бурого железняка в первобытных плавильных печах, следы которых сохранились в различных местах Европы, туземцы средней Европы начали выделывать железные орудия, подражая формам, введенным в употребление в бронзовую эпоху, или же повторяя образцы, привозимые из культурных стран.

Страны северной Европы значительно отставали от средней Европы в процессе развития железной культуры. В Британнию и Скандинавию знакомство с железом проникало главным образом под влиянием упомянутой выше Ла-Тенской культуры.

В Британнию железо стало проникать из Галлии и преимущественно чрез посредство Римлян. Цезарь застал Британнию почти на заре железного века: «в прибрежных местностях»,—говорит он, — «там добывается железо, но его очень мало», железные бруски определенного веса служат монетою [2]). Расцвет железного века в Скандинавии наступает уже только после Р. Х.

---

[1]) Ne ferro, nisi in agricultura uterentur. Plin., Hist nat., XXXIV, 39.

[2]) De bello Gallico, V, 12: Utuntur aut aere, aut nummo aureo, aut taleis ferreis ad certum pondus examinatis. Nascitur ibi in maritimis (regionibus) ferrum, sed eius exigua est copia.

Так совершается проникновение железа в страны западной Европы; оно идет постепенно, и железный век в скандинавских странах отделен от железного века в Греции и Италии почти тысячелетним периодом времени. Но как ни отдалены хронологические моменты, как ни далеки одна от другой различные страны, процесс развивается одинаково. Сначала железо ввозится, затем образуется местная промышленность; в первое время появляются украшения из железа, считаемого редкостью; потом железные орудия робко появляются наряду с медными или бронзовыми; чем далее, тем более усиливается перевес железа над бронзой, пока, наконец, бронза, в свою очередь, не остается в качестве материала для украшений и предметов роскоши и искусства. Руслами, распространяющими железную культуру, остаются все время торговые пути, которые, будучи раз проложены, устойчиво сохраняются в течение веков и даже тысячелетий.

Только-что приведенный очерк развития железной культуры в западной Европе предопределяет условия развития ее в восточной Европе. То немногое, что мы пока знаем о железе в этой обширной стране, может послужить нам в качестве примеров для подтверждения высказанной мысли. Восточная Европа, т.-е. главным образом ее южные области, все время стоит под культурным влиянием Малой Азии и Месопотамии; позднее это влияние сменяется Греческим. Уже Кобанская культура почти за 1.000 лет до Р. Х. знает железные украшения на поясах Хетского и Ассирийского образцов. Если считать младший Волосовский могильник с его железными предметами непосредственным продолжением Сейминской бронзовой культуры, то мы должны будем признать, что отдельные проблески зари железного века уже проникали в среднее Поволжье в начале последнего тысячелетия до Р. Х., т.-е. одновременно с тем, когда они проникали в Италию. Едва ли это может представиться невозможным, если вспомнить, что Волжский торговый путь намечается чуть ли не с неолитических времен. Во всяком случае Ананьинская культура VII—III веков, где присутствие железа показывает существенные успехи в распространении этого металла в Поволжьи и Прикамьи, может с полным правом свидетельствовать о постоянном и неизменном значении Волжского речного пути. Так намечается в восточной Европе значение привычных путей и первые, зачаточные ступени появления там железа. Оно появилось очень рано, не позднее, а может быть даже раньше чем в соответственных широтах западной Европы, но развитие железной культуры в нашей стране обнимает громадный период времени, продолжавшийся чуть не 1.500 лет от только-что упомянутых бронзовых культур едва-ли не до образования первого русского государства. Как было в Италии и других странах Средиземно-морского побережья, чрезвычайно большое

значение для развития железного века в нашей стране имела греческая колонизация черноморского побережья, которая, кроме того, привела к созданию интересной и своеобразной туземной культуры. Последняя, обычно называемая по имени носителей ее скифо-сарматской, является вместе с тем первым этапом на пути знакомства с археологической культурой железного века.

Важнейшая литература:

Р. Обермайер. Доисторический человек. Русск. пер. под ред. пр. Мензбира. М. 1915.

А. Нидерле. Человечество в доисторические времена, гл. VII.

M. Hoernes. Natur-und Urgeschichte des Menschen, 2 B W. 1909.

L. Beck. Geschichte des Eisens in technischer und kulturhistorischer Beziehung (1 Abteilung).

J. Déchelette. Manuel d'archéologie II. Archéologie celtique ou protohistorique, 2-e partie. Premier âge de fer ou époque de Hallstatt.

K. Beloch. Griechische Geschichte. B. 1. 2-e Aufl. Strassb. 1913. Das Eisen bei Homer.

ГЛАВА XII.

Греческая колонизация северных берегов Черного моря.

С появлением греков на северном побережье Черного моря над южным уголком восточно-европейской равнины впервые занимается заря истории. Она восходит не с востока, а с юга, откуда уже в долгие предшествующие века и даже тысячелетия, начиная с неолита, приходили в эту землю культурные влияния. Можно спросить, почему же именно к моменту греческой колонизации можно приурочить зарю исторической жизни? До сих пор мы имели дело только с вещественными памятниками, часто красноречивыми в их молчаливости, но все же немногочисленными и несовершенными. Они отрывками повествуют о самом отдаленном прошлом нашей страны, но мы не знаем ни точных хронологических дат, ни названий народов, которые оставили нам безымянные следы своей жизни. С появлением Греков дело резко меняется, ибо впервые на нашу землю является народ, имеющий письменность. Правда, в момент основания первых колоний греческая письменность была в зачаточном состоянии, но времена их расцвета, VI—IV века до Р. Х., совпали с блестящей эпохой греческой литературы и историографии. Сочинение Геродота, об'ехавшего северные берега Эвксинского Понта, и сочинения более поздних греческих, а за ними и римских авторов, дают описание не только жизни колонистов, но и жизни туземцев, живших за колониями, далее к северу от них, внутри страны. Сочинения эти знакомят нас с именами народов, обитавших в теперешней России, и описывают их нравы, обычаи и привычки. Существенным пособием для исследования как жизни колоний, так и многих явлений жизни туземцев, служат надписи, находимые среди развалин греческих городов юга России. Запас их, уже очень в настоящее время богатый, в будущем, надо думать, еще значительно увеличится. Таким образом при исследовании культур юга России в последнее тысячелетие до Р. Х. на помощь местным вещественн-

ным памятникам приходят памятники греческой письменности, богатой и разнообразной. Более цивилизованный народ селится на рубеже обширной страны, еще остающейся в состоянии варварства. В силу своего культурного превосходства он оказывает прямое влияние на отсталых туземцев и способствует возникновению оригинальной местной варварской культуры с заметным греческим налетом. Благодаря своей развитой письменности он закрепляет свои наблюдения, часть которых дошла до нас. В этом последнем обстоятельстве и заключается то новое, что приносит с собою появление на юге России греческих колоний. С этого времени вещественные памятники юга России могут быть изучаемы не только прямым исследованием и наблюдением, но и посредством письменных греческих источников, которые являются частью даже современными возникновению дошедших до нас вещественных памятников и передают нам наблюдения над местной жизнью, записанные более развитыми, более сознательными, владевшими письменностью греческими пришельцами и переселенцами. Памятники вещественные, археологические не теряют от этого своего значения. Напротив, лучше об'ясняемые посредством вспомогательных письменных источников, они становятся более яркими и выпуклыми, и сведения, которые можно из них извлечь при посредстве помогающих их об'яснению памятников письменных, выигрывают в богатстве и разносторонности.

Основание греческих колоний на Черном море относится к тому времени, когда ожерельем греческих поселений в сравнительно короткий промежуток покрылись берега Италии, Балканского полуострова, Сицилии и даже отдаленных Галлии и Испании. Расцвет греческого колонизационного движения относится к VIII веку до Р. Х. Оно далеко не было случайностью; его вызвали к жизни глубокие и разносторонние причины.

Расселение греческих племен по материковой Греции и по Пелопоннесу очень тесно связано с дальнейшим их распространением по островам Архипелага, вплоть до Крита. К этому моменту хронологически почти примыкают первые шаги греков на восточном берегу Эгейского моря. Память о ранних явлениях ближней греческой колонизации, распространившей эллинскую ветвь индоевропейского племени по странам, расположенным вокруг Геллеспонта, отчасти сохранилась в древнейших преданиях греков, отчасти восстанавливается кропотливыми трудами археологов нашего времени. Расселение Эллинов шло постепенно, но непрерывно, с того времени, когда, при обстоятельствах, нам еще очень мало известных, они начали вытеснять и сменять более древних насельников, принадлежавших к иной, не индоевропейской, а может быть, так называемой яфетической племенной группе. То, что мы называем теперь Эгейской культурой с ее раз-

валинами замков, с ее богатой бронзовой и золотой утварью и еще более богатой и оригинальной керамикой, представляет собой след этой далекой загадочной эпохи. Вытесняя Эгейцев, подчиняя их себе, а может быть смешиваясь с ними, Эллины механически заполняли пустые места, занимали прежние городища и селища, располагались в старых гаванях, излюбленных Эгейцами, такими же мореходами, какими потом стали Эллины. Раз'езды по морю и распространение эллинов по морским путям могли быть, таким образом, бессознательным наследием, полученным Эллинами от их предшественников. Заполнение пустоты, оставленной исчезнувшими Эгейцами, могло коснуться не одних только берегов Геллеспонта. Если припомнить, что культура погребальных площадок и прекрасных росписных сосудов, процветавшая на юго-западе России на рубеже каменного и бронзового века, т.-е. в 3-ем тысячелетии до Р. Х., развивалась под вероятным влиянием Эгейского мира, то и путешествия Греков по Черному морю представятся нам таким же культурным наследием Эгейцев, как и многие другие явления ранней жизни Эллинов. Самое название Πόντος Ἄξεινος, а позднее Πόντος Εὔξεινος, которое греки дали Черному морю, толкуется в настоящее время уже иначе, чем прежде. Это не «негостеприимное море», сделавшееся «гостеприимным», когда греки с ним освоились, а древнее иноязычное название, означающее, кажется, «Скифское» море, которое греки заимствовали у более древних народов и которое они несколько изменили применительно к греческой фонетике, а потом принялись со свойственной им фантазией своеобразно истолковывать.

Морские раз'езды как Эллинов, так и их предшественников, носили один общий характер и развивались более или менее однообразным путем. В основе своей это были набеги; предприимчивые мореходы ехали за добычей, которую добывали грабежом или выменивали, если нельзя было взять даром. Пират и купец—однозначущие понятия, все равно, приложим ли мы их к Эгейцам, Эллинам, Финикиянам, к позднейшим Норманнам или к испанским и английским мореходам, посещавшим острова Тихого океана в XVI—XVIII столетиях нашей эры. Воспоминаниями о морских разбойничьих набегах дышет сказание об Аргонавтах; еще более отзвуков о таких ранних скитаниях греков по морю—в Одиссее. Однако, с дальнейшим ростом и оживлением морских раз'ездов и с постепенным развитием культурной жизни и гражданственности среди самих греков беспорядочные налеты на берега, заселенные отсталыми варварами, сменялись более правильными сношениями. Разбойничьи высадки уступали место временным поселкам — факториям, а последние в более важных и в торговом отношении интересных местах постепенно уступали место оседлым поселениям—колониям. Так дело постепенно шло до VIII—

VII столетий до Р. Х., когда колонизация греков расцвела сразу пышным цветом и колонии в каких-нибудь двести лет унизали берега Средиземного, Адриатического, Мраморного и Черного морей. Два основных явления способствовали такому расцвету колонизации. Внутренние смуты среди населения греческих городов, обострявшаяся борьба между аристократами и демократами, богатыми и бедными, обидчиками и обиженными, заставляла предприимчивых людей выселяться из родных мест, искать счастья за морем и созидать новые города, где, впрочем, нередко, завязывалась такая же борьба, такие же внутренние волнения и смуты. Последние, в свою очередь, приводили к новым выселениям и к основанию колоний из городов, еще недавно бывших молодыми отпрысками своих метрополий. Не все греческие города оставили одинаковые следы в колонизационном процессе этой эпохи. Где в самой Греции хватало запаса земли, там, не смотря на внутреннее нестроение, жители устойчиво держались родных мест; Спарта вывела, например, только одну колонию — Тарант. Там же, где территорий было мало, предприимчивость и искание свободы и простора давали наиболее сильные толчки к основанию колоний: не даром такие города, как Коринф или Мегара, почти не имевшие территорий, вывели так много поселений за море. Внутренние настроения и земельная теснота и были решающими явлениями, которые на-ряду с предприимчивостью, знанием моря и старыми пиратскими привычками вызвали колонизационный поток VIII—VII веков.

В истории заселения Греками берегов Черного моря особенное значение имели греческие города Малой Азии, точнее Ионии, и в частности Милет. Здесь можно указать еще одно явление, которое не могло остаться без влияния на переселенческие стремления Ионийцев. Как раз в это время Греческие колонии малоазиатского побережья подвергались завоевательному натиску Лидийских царей, и выселение было одной из форм протеста против угнетения иноземцев.

Фактическая сторона расселения Греков по Черному морю представляется в таком виде. Первыми колонизаторами Понтийского побережья были Милетцы, которые, как говорили в древности, основали всего до 90 поселений. Как ни был богат и многолюден сам Милет, надо думать, что многочисленные колонии, им выведенные, состояли не только из уроженцев самого Милета. Вывод колоний был предприятием Милета; здесь об'являлся призыв желающих эмигрировать; здесь был сборный пункт, куда приходили люди из самых различных областей и городов Греции, чтобы затем отсюда всем вместе отправиться в тот отдаленный пункт, который был избран властями Милета для основания нового поселения. Заселение берегов Черного моря Милет вел

с начала VII века. Впрочем, может быть, процесс этот начался и ранее; на это указывает странная несогласованность даты основания Синопа, одной из главных Милетских колоний по южному берегу Эвксинского Понта, возникшей около 630 года, и Трапезунда, легендарную дату основания которого относили к половине VIII века, между тем как первые жители его были выселенцами из Синопа. По западному берегу Понта Милет основал около 656 года Истр близ устьев реки того же имени, теперь Дуная; потом следовали далее к северо-востоку Ольвия на устье Буга, Тирас на устьи Днестра, Одессос близ современной Варны и Томи на Мизийском берегу. Та же Ионийская метрополия основала Феодосию в Крыму, Пантикапей и Фанагорию по обоим берегам Керченского пролива, Танаис на устьях Дона и, наконец, Диоскуриаду на Кавказском берегу. Вслед за Милетом на поприще колонизациии берегов Эвксинского Понта выступили и некоторые другие города малоазиатского побережья, например, Ионийские Клазомены и Эолийская Митилена. Приблизительно сто лет спустя после Милета, около 550 года появляются на Черном море Дорийские поселения, исходным пунктом которых была Мегара, которая еще в начале VII века успела при входе в Эвксинский Понт положить основания Халкедону и Византию (680 г.). Основной Черноморской колонией Мегары была Гераклея (теперь Эрегли) на южном побережьи между Босфором и Синопом. Быстро разбогатев, Гераклея вывела несколько новых городов, в том числе Каллатиду на Фракийском побережье (около 520 г.) и несколько позднее Херсонес на юго-западной оконечности Крымского полуострова.

Отношения Черноморских колоний к их метрополиям едва ли отличались от отношений других колоний. Первым актом водворения нового оседлого поселения в чужой земле было основание крепостцы для защиты от нападения туземцев, храма богу-покровителю, отвод мест для жилья колонистов и нарезка участков под пашни. Гомеровская Одиссея сохранила выпуклое и яркое воспоминание об этих первых шагах нового поселения в рассказе об основании города Феаков, Навситои.

„ἄμφι δε τεῖχος ἔλασσε πόλει καὶ ἐδείματο οἴκους καὶ νηοὺς ποίησε θεῶν καὶ ἐδάσσατ ἀρούρας".

«Там он им город стенами обвел, им построил жилища. Храмы богам их воздвиг, разделил их поля на участки» [1]).

В ближайшее время колонии оставались в тесном подчинении своей метрополии; дальнейшие их судьбы направлялись уже местными условиями. Иные так и не выходили из положения подчиненных торговых факторий, другие поднимались до значения боль-

[1]) Од. VI, 9.

ших самостоятельных центров, достигая видных мест в греческом мире как своим торговым процветанием, так и расцветом духовной жизни.

Черноморские колонии, впрочем, никогда не достигли в греческом мире того под'ема духовной жизни, какой выпал на долю колоний Сицилии и Великой Греции. Расположенные в дальнем углу Эллинского мира, на границе безбрежной угрюмой и холодной страны, они не сказали нового слова в греческой цивилизации; что же касается материальной стороны, то здесь некоторым из колоний, основанным в южной России, выпала на долю блестящая будущность и крупная роль в деле снабжения Эллады нехватавшим последней продовольствием.

Насколько можно судить по отрывочным известиям, до нас дошедшим, прочные отношения между греками и туземцами Черноморского побережья установились довольно рано. За исключением отдельных, иногда продолжительных, во всяком случае заметных, периодов войн, отношения эти были, в общем, мирными. Греки, повидимому, в некоторых, по крайней мере, случаях вознаграждали туземцев за занятую территорию. Конечно, дело не обходилось без обид и обманов, вызывавших споры и вооруженные схватки, но можно думать материальные интересы брали верх; пришельцам не слишком было выгодно раздражать туземцев, крепко сидевших на родной земле; последние примирились с иноземцами, привозившими им невиданные дотоле произведения греческой промышленности. Торговля была и оставалась главным и основным двигателем греческой колонизации и, если колонисты засевали поля, прилегавшие к их городу, то все же это были купцы и промышленники, которые, захватив входы в страну, затем ее длительно эксплоатировали.

Из Черноморских стран греки вывозили хлеб, скот, рабов, рыбу, мед и воск, кожи, меха, строевой лес, т.-е. сырые необработанные продукты. Ниже, при более подробном изложении истории важнейших греческих колоний юга России, мне придется привести некоторые цифры, показывающие размеры ведшейся ими экспортной хлебной торговли; теперь я ограничусь одним общим замечанием: несмотря на то, что Черноморье вело постоянный хлебный экспорт, бывали периоды, когда вывоз хлеба сменялся ввозом. Двоякого рода причины обусловливали такую неожиданную, большей частью внезапную, но обычно на короткий срок наступавшую перемену: неурожаи и опустошения, производимые враждебными племенами, вторгавшимися в сферы влияния колоний. Рабы с северного берега Понта вывозились лишь в малом количестве. Порабощенные Скифы не были хорошими рабочими; в Афинах их в лучшем случае употребляли для полицейской службы. Рыбные продукты вывозились и в большом количестве и в очень раз-

нообразном составе: белуга, осетры, макрель; есть основание думать, что в Греции потреблялась и вывозимая из Черноморских колоний икра. О вывозе скота греческие источники говорят мало, хотя надо думать, что туземцы-скотоводы могли поставлять его в большом количестве. На мехах, меде и воске останавливаться не приходится: вспомним, что «скора, мед и воск» вывозились из Руси и в эпоху составления нашей начальной летописи. Можно, однако, думать, что в торговле мехами не только греки, но и их непосредственные контрагенты из туземцев были только посредниками: меха доставлялись из внутренних областей, степи давали только кожи, снимаемые с битого скота. Что касается соли, то ее вырабатывали на устьях Днепра и близ Перекопского перешейка, где этот промысел существует и в наши дни; есть основание думать, что соль служила также предметом внутренней торговли и вместе с греческими фабрикатами ввозилась внутрь страны; строевой лес шел главным образом с малоазиатского побережья; на северном берегу, за исключением Крыма, лесов было слишком мало.

В обмен на сырые продукты Черноморские колонии получали из Милета, Афин и других важнейших греческих центров продукты греческой обрабатывающей промышленности, предметы роскоши и искусства и, наконец, вино; виноградники появились на юге России лишь позднее. Все это доставлялось на торговых судах, непрестанно крейсировавших между Грецией и Понтийским побережьем. Некоторые места из речей Демосфена показывают, какое большое значение имела торговля вином в понтийской торговле греков и какие крупные денежные интересы в нее вкладывались.

Колонии были в некоторых случаях только исходным пунктом далекого странствия греческих фабрикатов. Золотые изделия греческого дела были найдены, например, в местечке Феттерсфельде в верхней Лужице, т.-е. в средине нынешней Германии. В области уже известной нам Ананьинской культуры найдено немало вещей, завезенных из греческих Черноморских колоний. Геродот говорит о длинной караванной дороге, которая вела из Ольвии через всю Скифию на северо-восток за Урал в центральную Азию [1]). Я не говорю уже о более близких к Эвксинскому Понту областях: в курганах нынешней Киевской губернии не редкость найти шлемы, зеркала, серьги и др. предметы греческого дела, совершенно сходные с находимыми в развалинах Ольвии.

На северном и восточном берегах Эвксинского Понта от устья Дуная до долины Риона было довольно много греческих поселений. Они не составляли такой сплошной нити, как греческие колонии

[1]) Herod, IV, 21 — 27.

в южной Италии и никогда не составили какого-нибудь одного прочного соединения, за исключением только Пантикапея, который позднее стал об'единяющим центром поселений по Меотийскому озеру (ныне Азовскому морю) и по берегам Киммерийского Босфора. Первоначально каждая колония жила отдельно и имела собственную сферу влияния, большую или малую в зависимости от значения и богатства самого города. Я перечислю их, начиная с запада, чтобы потом подробно остановиться на трех самых значительных—Ольвии, Херсонесе и колониях Киммерийского Босфора.

Первой греческой колонией к северу от устьев Дуная был г. Тирас, иначе Офиусса, на месте современного Аккермана, основанный милетцами в VII веке. Тирас никогда не достиг особого процветания, хотя существование его с некоторыми перерывами почти полного упадка продолжалось до III века нашей эры. Тирас обычно затмевался Ольвией или Борисфеном, которую выходцы из Милета заложили в 644 году на правом берегу Бугского лимана. История Ольвии составит ниже предмет более подробного изучения. Неподалеку от Ольвии, на острове Березани, найдены остатки очень древнего греческого поселения, повидимому исчезнувшего уже в V веке до Р. Х. Возможно, что поселение называлось Борисфеном или «торгом Борисфенитов», название, которое позднее иногда переносилось на соседнюю Ольвию, поглотившую рано захиревшего соседа.

Далее к востоку лежала колония Керкинит или Керкинитида. Местонахождение этой колонии доселе не определено с исчерпывающей точностью, однако, вероятнее всего, Керкинит лежит около современной Евпатории, т.-е. на западном берегу Крыма, где в недавнее время были найдены греческие развалины, еще ожидающие исследователей. Минуя Херсонес, около нынешнего Севастополя, на котором придется остановиться ниже, и несколько более мелких поселений на южном берегу Крыма, известных главным образом в поздние Римские и Византийские времена—вроде Харакса, Партенита, Лампада (Ламбата) мы найдем две древних греческих колонии в восточной части Крымского побережья—Феодосию и Нимфей. Первая была основана Милетом вероятнее всего в конце VI века; в древности она обычно была под влиянием одного из своих более сильных соседей, главным образом Босфорских колоний, а иногда Херсонеса, и вполне самостоятельного значения достигла только много позднее, в средневековой период истории. Нимфей был основан афинянами в эпоху процветания афинской морской державы при Перикле. С падением Афин Нимфей, расположенный в южной части Керченского пролива, на Крымском его берегу (ныне Эльтеген), подпал под влияние Пантикапея.

В состав Босфорской группы колоний, к которой я вернусь ниже, входили Пантикапей (ныне г. Керчь), первоначально Милетская колония, основанная в конце VII или в начале VI века. Против Пантикапея в 540 г. возникла Теосская колония Фанагория. Несколько позднее к востоку от пролива возникла колония Горгиппия (ныне Анапа), последний из греческих городов, потом об'единившихся вокруг Босфорского царства. Пространство вокруг Пантикапея, Фанагории и Горгиппии было заполнено греческими поселениями меньшего значения. Это были Корокондама, Гермонасса, Киты, Парфенион и др. Основанные первоначально выходцами из различных городов Греции, они постепенно слились в единое Босфорское государство.

Богатый природными дарами Кавказский берег Черного моря также имел греческие поселения—Бату (в Новороссийской бухте), Пагры (около Геленджика), Питиунт (ныне Пицунда), Диоскуриаду (близ нын. Сухума) и, наконец, Фасис (близ Поти). О последних двух городах мы знаем, что это были Милетские колонии. Вообще же история кавказских колоний известна нам очень мало, да и значение их меркнет перед значением Ольвии, Херсонеса и Босфора Киммерийского, к которым я теперь возвращаюсь.

Важнейшая литература:

Neumann. Die Hellenen im Skythenlande. Berlin. 1855.
E. H. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge. 1913.
Beloch. Griechische Geschichte. B. I, 1-e Abt. 2-e Aufl. 1912.
Hertzberg. Kurze Geschichte der altgriechischen Kolonisation. 1892.
Ю. А. Кулаковский. Прошлое Тавриды. Киев. 1906.
Р. Ю. Виппер. История Греции в классическую эпоху. М. 1916.
М. И. Ростовцев. Эллинство и иранство на юге России. Пг. 1918.
M. Ebert. Südrussland im Altertum. Bonn-Leipzig 1921.

ГЛАВА XIII.

Ольвия.

Милетская колония Ольвия была расположена на правом западном берегу Бугского лимана в 35—40 верстах ниже Николаева, почти в том самом месте, где Бугский лиман сливается с Днепровским. С высокого берега, где амфитеатром возвышались Ольвийские постройки, открывался вид на Днепровское устье и хотя город лежал на реке Буге или Гипанисе, но его с полным основанием можно было назвать, как это делает Геродот, торжищем или гаванью Борисфенитов [1]). Место расположения древнего города сделалось вновь известным, как только в этом месте Черноморского побережья появилось оседлое русское население. В устах окрестных жителей место бывшего города, покрытое множеством курганов, получило название «сто могил». В конце XVIII столетия древнюю Ольвию впервые посетили путешественники, среди которых можно отметить академика Палласа. Паллас и почти одновременно посетивший Ольвию русский путешественник, Павел Сумароков, первые поведали миру о существовании развалин древней Ольвии [2]). Путешественники первой половины XIX столетия, посещавшие место расположения Ольвии, не задавались целью или не имели возможности произвести научные исследования и раскопки и потому знакомство с городом и его древностями почти не подвинулось за это время. Гр. А. С. Уваров, посетивший Ольвию в начале 50-х годов, дал обстоятельное описание того, что он увидел, но сам этот пионер русской археологии самостоятельных исследований здесь не производил [3]).

---

[1]) Ἐμπόριον Βορυσθενειτῶν.

[2]) P. S. Pallas. Bemerkungen auf eine Reise in die südliche Statthalterschaft des Russischen Reiches in d. Jahren 1793 u 1794, B. II, 511 sq.; П. Сумароков. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. (М. 1801), стр. 17.

[3]) Гр. А. Уваров. Исследования о древностях южной России. СПБ. 1851, гл. II.

В 1873 году И. Е. Забелин начал было первые научные раскопки в Ольвии, но дело было оставлено. Только с 1902 года начаты были систематические раскопки на месте Ольвии. Раскопки и исследования были ведены по поручению Императорской Археологической Комиссии проф. Б. В. Фармаковским, который и продолжал их до 1916 года. Пятнадцатилетняя, из года в год продолжавшаяся работа еще далеко не довела до конца исследование Ольвии, однако, сделано было очень много, достаточно много, чтобы перед нами отчетливо восстали и общие очертания города и многие подробности быта его жителей.

Дошедшие до нас письменные памятники древнего мира, рассказывающие об Ольвии, согласно говорят о крепости ее стен и башен. Первой задачей исследователей и было определить основные очертания города, которые, прежде всего, должны были определяться линией его укрепления. Подходом к решению этой задачи было изучение местности, где древний некрополь, окружавший Ольвию, граничит с остатками собственно города. Еще раскопки 1901 г. показали, что местность, расположенная к северу от небольшой балки, перпендикулярно расположенной к лиману и тянущейся с запада на восток, сплошь занята древними могилами; старшие из них восходят к V веку до Р. Х.; младшие— к римскому императорскому периоду. Таким образом, уяснилось, что балка эта, за которой укрепилось название «Северная», должна была составлять границу города в эпоху наибольшего расширения его площади.

Расследование очертаний самого города было начато с нагорных его частей. В 1902 и 1903 годах было установлено, что территория собственно города на западе ограничивалась «Заячьей балкой», идущей с юго-востока к северо-западу под углом к Бугу и образующей вместе с берегом последнего и северной балкой довольно правильный равнобедренный треугольник, острый угол которого обращен к югу. За Заячьей балкой, к западу от нее тянется такой же некрополь, как и за «северной» балкой. Указанный сейчас треугольник и есть территория города Ольвии в годы его процветания.

Что город не всегда занимал все отмеченное выше пространство доказали раскопки тех же годов. В северной части города был раскопан склеп, который, как свидетельствует сохранившаяся на нем надпись, был воздвигнут некими Еврисивием и Аретой для самих себя еще при жизни. Склеп, прекрасный памятник поздней Ольвии, сохранился хорошо, но погребение оказалось разграбленным, причем, по всем данным, ограбление производилось постепенно, в несколько приемов. Склеп Еврисивия и Ареты был сооружен во II и III веке по Р. Х. в местности, где в более раннее время были городские постройки, впоследствии

разрушенные и сожженые, вероятнее всего, при каком-то нашествии врагов. Исследования показали, что разрушенные здания восстановлены не были и местность, где они стояли ранее, была запущена и обратилась в пустырь и кладбище. Лишь по фундаментам домов удалось восстановить план и расположение города эллинистического периода II и III веков до Р. Х.

Вслед за определением общих очертаний города началось обследование его стен. Лучше всего они сохранились в южной части города у обрыва Заячьей балки, где по условиям местности современному населению было трудно разбирать их для построек. Здесь на значительном протяжении была обнаружена стена, которая, судя по технике постройки, неоднократно перестраивалась: древнейшие части стены, восходящие к IV — III векам до Р. Х., выстроены на особых фундаментах, состоящих из правильных слоев золы и глины, замеченных, впрочем, и под стенами жилых домов внутри города. Древнейшая стена имела до 3,5 метров толщины; в римское время она была уже разрушена; вместо нее и частью на ее развалинах была выстроена новая, вдвое тоньше прежней. Во II или III столетии по Р. Х. эта новая стена была вновь перестроена и тогда же в этом месте к ней была пристроена грандиозная прямоугольная башня, свидетельствующая о том, что к этому времени Ольвия опять сделалась сильно укрепленным городом. Дальнейшие исследования, ведшиеся в 1905-6 годах, показали, что цитадель римского времени, стены которой схожи по кладке с упомянутой сейчас прямоугольной башней, занимала весь южный угол Ольвийского треугольника. За пределы цитадели город этого времени заходил сравнительно недалеко; под пустырем оставалась бо́льшая половина северной части треугольной площади города. В римскую эпоху только линия старинных стен напоминала о том, что город когда-то простирался до «северной» балки. По словам писателя I века нашей эры, Диона Хрисостома, посетившего лично Ольвию, развалины древних башен находились так далеко от городской черты, что трудно было даже поверить, что они когда-то принадлежали стенам того же города. Повидимому, уже в то время одиноко стоявшие древние северные стены разбирались на постройки; примеру людей первых веков нашей эры последовали и новые поселенцы XIX века из соседнего села Парутина. Стены разрушены настолько, что местами каменной кладки уже не существует вовсе. О направлении и расположении городских укреплений можно судить только по слоевым фундаментам из золы и глины, целью которых было создать более устойчивый и твердый грунт и противодействовать оползням земли.

С 1909 года проф. Фармаковский приступил к исследованию приречной части Ольвии, где была в течение всего времени суще-

ствования города сосредоточена его торговая жизнь и где найдены слои почвы, соответствующие восьми различными периодам. Нижняя Ольвия первоначально была расположена на плоской и ровной приречной низине, которая, как стеной, была окружена высоким крутым берегом. Здесь, защищенные от ветров, поселились первые Ольвиополиты; отсюда они пускались в плавание, здесь на песчаном берегу стояли их лодки, вытащенные из воды. Лишь позднее город стал разрастаться по нагорной местности. Гора и «подол» сообщались колесной дорогой, подымавшейся по склону лессовой возвышенности. Обвалы нагорного берега, размывы и ветер сносили порой землю сверху в приречную нижнюю часть, вследствие чего уровень почвы в нижнем городе постепенно нарастал и разница в уровне понемногу уменьшалась. В позднейшее время, когда Ольвия была покинута, и береговые здания и стены перестали поддерживаться, река, подмывая их основания, стала разрушать нижний город. С полной достоверностью можно сказать, что немало остатков нижнего города безвозвратно унесено водою. Тем не менее то, что дали раскопки приречной части Ольвии, очень значительно. Здесь, между прочим, раскопаны дома, бросающие свет на постепенную эволюцию греческого жилища. Нижний город был распланирован довольно правильно; неширокие улицы, в среднем не более 3 метров, хорошо вымощенные, были снабжены канавами, служившими для стока грязных вод из домовых двориков.

Такова общая картина города, которая открывается из систематических раскопок XX века. Но реставрацией плана и, отчасти, внешнего вида города результаты раскопок не исчерпываются. Очень много ценного дали исследования Ольвийского некрополя. Из множества сохранившихся ненарушенных погребений извлечены тысячи предметов, рисующих не только погребальные обряды, но и быт живых людей; многочисленные предметы, добытые при раскопках домов, домовых фундаментов, сорных ям и даже отбросов, дополняют эту картину. Общая картина, даваемая всей наличностью этого материала, говорит нам, прежде всего, что Ольвия была настоящим греческим городом и что ее обитатели, хотя и занесены были в один из отдаленных уголков греческого мира, на самом деле, не смотря на превратности своей судьбы, всегда оставались эллинами. В особенности в этом убеждает ритуал Ольвийских погребений, отражающий религиозный быт и верования Ольвийцев. И более ранний обычай сожжения и более поздний, развившийся на смену ему, обычай погребения свидетельствуют, что Ольвийцы до конца своего существования свято наблюдали обычаи своей первоначальной родины. Кувшин с пеплом, зарытый в могиле, украшенной стелой, говорит нам это в такой же мере, как более поздняя могила или склеп,

где усопший полагался с вещами, необходимыми ему в далеком пути в загробное царство—сосудами с едой и питьем, амулетами, охранявшими его от злых сил, и монетой, обеспечивавшей ему перевоз в подземное царство. Богатые могилы дают разнообразный и даже роскошный инвентарь, представляющий быт Ольвийцев в различные времена их истории. Над могилой обычно насыпалась небольшая курганная насыпь; только в римскую эпоху могильные насыпи получают более монументальный характер, как это мы, например, видим в кургане над склепом Еврисивия и Ареты. То, что мы узнаем о погребальных обрядах Ольвийцев из раскопок их некрополя, воскрешает в памяти погребальные обычаи, господствовавшие в самой Греции и даже воспетые в поэмах Гомера.

Систематическое исследование древней Ольвии, хотя и далеко незаконченное, уже дало, однако, настолько богатые материалы для изучения быта Ольвиополитов, что их можно в настоящее время считать основным источником для знакомства с историей Ольвии, если не фактической, то культурной. Однако, среди памятников, сделавшихся нам известными из исследований и раскопок, произведенных в Ольвии, совершенно особое место занимают многочисленные надписи, высеченные на каменных досках. Эпиграфический материал из Ольвии был уже отчасти известен по разведкам и эпизодическим раскопкам, произведенным в Ольвии до систематических работ профессора Фармаковского. То, что добыто им, еще более расширило этот документальный письменный источник, который позволяет проникнуть в думы и деяния самих Ольвийцев. Надписи можно разделить на несколько групп. Первое и самое важное место занимают постановления и декреты Ольвийского правительства, принимавшиеся по случаю тех или иных событий, но большей частью считавшиеся особо важными. Для всеобщего сведения и для увековечения памяти о таких событиях декреты высекались на каменных таблицах и выставлялись на видных местах города. Благодаря им мы получаем возможность восстановить некоторые из наиболее интересных моментов, служащих для нас вехами истории Ольвии. Далее идут надписи посвятительного характера, которыми Ольвийские магистраты и выдающиеся граждане отмечали свои дары и пожертвования богам и городу; они бросают свет как на религиозные обычаи и верования, так и на бытовые стороны проявлений власти в Ольвии. На третье место следует поставить надписи на погребальных памятниках и надписи сакрального характера.

Эпиграфический материал представляет собой чрезвычайно важный источник для изучения истории Ольвии, потому, главным образом, что мы располагаем лишь очень ограниченными письменными источниками о судьбах этого города. Надо помнить,

что Ольвия лежала у пределов эллинского мира, вдали от главных путей и узлов его жизни. Для древнейшего периода богатые сведения об Ольвии и о племенах, обитавших вокруг нее, сообщает Геродот [1]). Следующий по времени маяк, освещающий историю Ольвии, это речь греческого оратора и писателя I-го века по Р. Х. Диона Хрисостома, несомненно, лично посетившего Ольвию и передавшего нам о катастрофе, постигшей город за полтора века до него [2]). Другие писатели классического мира мало интересовались Ольвией и если говорят о ней, то только мимоходом. Так отдельные сведения об Ольвии можно найти у географов Страбона [3]) и Птоломея [4]) у Плутарха [5]) и Диогена Лаэрция [6]), сообщающих о жизни философов Сфера и Биона, уроженцев Ольвии, наконец, у некоторых поздних римских писателей, у которых попадаются отрывочные сведения о последних смутных годах существования далекого черноморского города. Подсобным материалом для изучения истории Ольвии являются также монеты этого города: единственно монеты сообщают, например, о том, что какие-то скифские царьки имели в известное время влияние на политические судьбы города.

В общем, оглядываясь на источники, которыми мы располагаем для изучения истории и быта Ольвии, мы должны сказать, что материал археологический и эпиграфический значительно преобладает над материалом литературным. Следствием этого является то, что быт Ольвии мы уже теперь знаем лучше, чем повествование о ее судьбах. Последние остаются и, вероятно, останутся для нас во многих отношениях туманными, и рассказ о них не может не содержать сбивчивых мест и досадных пробелов.

Основание Ольвии относится ко второй половине VI века до Р. Х., в эпоху высшего расцвета колонизаторской деятельности ионийцев. Первый период существования Ольвии до V века нам почти совсем неизвестен. Находки предметов того времени — обломков ваз, терракот и т. п. говорят о том, что первоначальная торговая фактория рано достигла значительного расцвета. Этому способствовали, с одной стороны, оживленные сношения сперва с Ионийской метрополией, потом с Афинами, которые с начала V века делаются главным контрагентом Ольвии, с другой, дружба с туземцами. Геродот, если и не посетивший Ольвию, то хорошо знавший о ней по рассказам лиц, побывавших в «торжище Борис-

[1]) IV, 17 и сл., 78.
[2]) Oratio XXXVI.
[3]) VII, III, 17.
[4]) Geographia, III, V, 14; VIII, X, 3.
[5]) Vita Cleomenis, II; Sph. Borysthenita.
[6]) IV, VII; Vita Bionis.

фенитов», рассказывает о дружеских отношениях, господствовавших между Ольвийцами и туземцами—скифами и о том, что один из Скифских царьков, Скил, имел даже в городе свой дворец, устроенный по гречески, где он долго живал, переодеваясь в греческое платье и ведя образ жизни настоящего грека. Во всяком случае, ни в VI, ни V веке нет основания думать о том, чтобы греческий город был в какой-нибудь зависимости от варварских племен. Мы ничего не можем сказать о том, затронута ли была Ольвия походом царя Дария против скифов. В V веке Ольвия, судя по археологическим находкам, находилась под очень сильным влиянием Афин. Входила ли она, однако, в состав Афинской морской державы, сказать наверно нельзя. От начала IV века до нас дошло постановление о порядке ввоза в Ольвию золотых и серебряных денег иных греческих городов и о торговле на эти деньги. Из постановления видно, что в'езд в Ольвию иногородних купцов был совершенно свободным, равно как и ввоз туда денег; лишь торговля этими деньгами или обмен их был подчинен определенным правилам: чеканное золото и серебро должно было продаваться на камне в экклесиастерии, т. е. месте народных собраний; был установлен и определенный курс обмена денег иных городов на Ольвийские деньги [1]). Это указывает на прочные и оживленные торговые сношения, а следовательно и на цветущее состояние самой Ольвии. Одним из первых ударов, нанесенных благосостоянию Ольвии, была осада ее Зопирионом, известия о которой сохранились у поздних римских писателей IV и V века, Павла Орозия и Макробия. Макробий говорит, что «Борисфениты, осаждаемые Зопирионом, освободили рабов, дали гражданство иностранцам, ввели новые долговые книги и таким образом могли отстоять себя от врага» [2]). Почти наверно можно сказать, что событие это произошло около 330 г. и что Зопирион был наместник Александра Великого во Фракии, который затеял поход на Гетов и Скифов и пал жертвою своего рискованного предприятия. Какое место в истории его несчастного похода занимает эпизод осады Ольвии, определить нельзя.

Каковы бы ни были прямые последствия осады Зопириона, можно наверное сказать, что в последовавшее затем столетие общее состояние Ольвии продолжало ухудшаться. Это открывает нам декрет, изданный в честь Протогена, Ольвийского гражданина, жившего в III веке до Р. Х. Декрет в честь Протогена, быть может, самый замечательный из эпиграфических памятников Ольвии как по своей обстоятельности, так и по богатству сообщаемых им

---

[1]) Inscrip. P. Eux. I, № 11.
[2]) Macrob. Saturnalia, I, XI, 33; P. Orosii, Historiarum adversus paganos libri VII.

сведений. Протоген, богатый Ольвийский гражданин, почти непрерывно в течение нескольких лет занимавший важнейшие должности в Ольвийской республике, был великим патриотом и явился спасителем Ольвии в действительно трудные минуты города. Многочисленные подвиги Протогена можно для краткости и удобства подвести под несколько определенных категорий. Во-первых, он неоднократно выручал родной город, когда надо было уплачивать дань царю Саитафарну и племени Саиев и на свой счет исправил городские укрепления, когда городу угрожал целый союз враждебных туземных племен, между тем, как «все рабы и пограничные микселлины, бывшие в предыдущую войну союзниками в городе, были совращены врагами». Когда в городе и в окрестностях настал голод, бедствие, которое и в наши дни иногда поражает южно-русские степи, Протоген «первый обещал на закупку хлеба 1.000 золотых, которые немедленно принес и дал, первый же обещал 2.500 медимнов пшеницы и, оказав снисхождение на год, получил деньги без процентов». Наконец, заняв должность казначея, Протоген «никого из откупщиков податей не выгнал из имения и ни у кого не отчуждал из имущества, но снизойдя к их стесненному положению, одним простил долги, другим дал отсрочки и не взыскивал никаких процентов». Одним словом, «когда все в городе находилось в упадке, вследствие войн и неурожаев, и средства совершенно истощились, он первый, хотя долги ему и его отцу простирались до 6.000 золотых, предложил народу располагать им как угодно и когда народ попросил его простить должникам их долги, он всем все простил»[1]... Самое важное в декрете в честь Протогена—это многочисленные указания на тяжелое состояние, из которого беспрестанно выручает Ольвию ее доблестный гражданин: внешние и внутренние враги, голод, расстройство государственных финансов, разрушение когда-то сильных укреплений, обеднение жителей,—вот что рисуется на фоне восхваления Протогена. Что Протоген не был единственным в своем роде, доказывает посвятительная надпись некоего Клеомброта, воздвигшего башню в честь Геракла и народа[2]). Надпись, приблизительно, современна декрету в честь Протогена.

Фактическая история Ольвии вновь погружается во мрак после луча света, бросаемого декретом в честь Протогена; однако, обеднение Ольвии оставалось по всем данным в полной силе и даже продолжало развиваться. Могилы III и II веков не богаты, и это обстоятельство подтверждает картину, открываемую декретом в честь Протогена. Как показывает надпись, найденная в самые

[1]) Inscr. P. Eux., I, № 16.
[2]) Inscr. P. Eux, I, № 99.

последние годы раскопок, Ольвия на рубеже II и I веков входила в состав владений царя Митрадата. К этому времени относится декрет в честь Никерата сына Папиева, погибшего доблестною смертью во время защиты города от врагов, продолжавших непрерывно теснить его со всех сторон; опять, следовательно, указание на неослабевавшую войну Ольвии с окрестными туземными племенами[1]). Брошенная на произвол судьбы с падением царства Митрадата, Ольвия скоро испытала на себе новый жестокий удар. Около 50 года до Р. Х. она подверглась полному разгрому и разорению со стороны Гетов, варварского народа, жившего в нынешних Седмиградии, Валахии и Молдавии. Как раз в это время Гетская держава возвысилась, последствием чего и были опустошительные походы Гетов на соседние области.

Гетский погром резко разделяет историю Ольвии на два отдельных периода. Дион, посетивший Ольвию 50 лет после Гетов, рассказывает, что уцелевшие жители сначала вовсе оставили старые, насиженные места. Однако, окрестные племена скоро убедились, что исчезновение привычного торгового пункта, где издавна совершался обмен туземных товаров на продукты эллинской промышленности, было для них невыгодно, и уговорили прежних жителей города возвратиться на старое пепелище. Раскопки не вполне подтверждают это сообщение Диона; они указывают, что строительная деятельность началась сейчас же после Гетов и что, следовательно, полного оставления Ольвии жителями не произошло; город не умер, а только замер и на время прекратились, быть может, посещения его торговыми судами, что и вызвало недовольство скифов и их содействие дальнейшему восстановлению Ольвии. Бедная и маленькая Ольвия после Гетского разгрома не могла быть независимой, как во время Геродота. Она не могла даже судорожно и с напряженным трудом отстаиваться от врагов, как во время Протогена и Никерата. Для собственной безопасности ей пришлось стать в прямую зависимость от окрестных царьков. Внешним образом зависимость выразилась в появлении на Ольвийских монетах имени царя, властвовавшего над городом— Скилур, Канит, Сария, Фарзой, Инисмей, — таковы имена этих царьков, о существовании которых мы и знаем только, благодаря этим монетам.

В 83 году по Р. Х., Ольвию посетил греческий оратор и писатель Дион Хрисостом или Златоуст уроженец города Прусы в Малой Азии. В речи, сказанной много лет спустя, около 100 года, он дает необыкновенно живое и интересное описание всего виденного и слышанного им в Ольвии. Речь Диона такой же маяк в смутной истории Ольвии, как рассказ Геродота или декрет в честь Прото-

[1]) Inscr. P. Eux., I, № 17.

гена. «Случилось мне, говорит Дион, летом быть в Борисфене, когда я после изгнания прибыл туда морем, имея в виду пробраться через Скифию к Гетам, чтоб посмотреть, что там делается. И вот я в рыночный час прогуливался по берегу Гипаниса. Надо знать, что хотя город и получил название от Борисфена вследствие красоты и величины этой реки, но как ныне лежит на Гипанисе, так и прежде был выстроен там же, немного выше так называемого Гипполаева мыса, на противоположном от теперешнего города берегу. Реки впадают в море близ укрепления Алектора, принадлежащего, как говорят, супруге царя Савроматов. Город Борисфенитов по величине не соответствует своей прежней славе вследствие неоднократных раззорений и войн: находясь уже так давно среди варваров и притом почти среди самых воинственных, он постоянно подвергается нападениям и несколько раз уже был взят врагами; последнее и самое сильное разорение его было не более как за 150 лет: Геты взяли и его и остальные города по левому берегу Понта почти до Аполлонии [1]). Вследствие этого дела тамошних эллинов пришли в крайний упадок: одни города совсем не были восстановлены, другие—в плохом виде и при этом нахлынула в них масса варваров. После разгрома Борисфениты снова заселили город, как мне кажется, по желанию скифов, нуждавшихся в торговле и в посещениях эллинов, которые по разрушении города перестали приезжать туда, так как не находили соплеменников, которые могли бы их принять, а сами скифы не желали и не умели устроить им торговое место по эллинскому образцу. О бывшем разорении свидетельствуют плохой вид построек и тесное расположение города на небольшом пространстве: он построен лишь в небольшой части прежней городской черты, где остается еще несколько башен, не соответствующих ни величине ни силе нынешнего города. Находящееся между ними пространство тесно застроено домишками почти без промежутков и обнесено очень низенькою и непрочною стеною. Некоторые башни стоят так далеко от заселенной ныне местности, что нельзя даже представить себе, чтобы они принадлежали одному городу. Все это служит явными признаками его разорения и затем еще то, что в храмах не осталось ни одной целой статуи, но все они изуродованы, равно как и бывшие на надгробных памятниках». Так описывает Дион внешний вид города, и его описание поразительно точно подтверждается раскопками, дающими картину разительной противоположности между ранней Ольвией, широко растянувшейся до северной балки, и Ольвией первых веков христианской эры, боязливо ютившейся у выхода к Бугу Заячьей балки и отделенной от развалин северных стен пустырем, откуда

[1]) Близ нын. г. Бургаса в Болгарии.

брали камни для новых построек и где воздвигали только погребальные склепы и курганы. Для характеристики самих ольвийцев, речь Диона дает также очень яркий материал. «Итак, я сказал, продолжает он, что мне случилось прогуливаться перед городом. Некоторые из Борисфенитов по обыкновению выходили ко мне из города; потом Каллистрат, возвращаясь верхом в город, слез с коня и очень вежливо подошел, спрятав руку под плащ. Он был опоясан большим всадническим мечом, одежду его составляли шаровары и прочее скифское убранство, на плечах был небольшой тонкий черный плащ, какой обыкновенно носят борисфениты. И другая одежда у них была по большей части черного цвета по примеру одного скифского племени, которое, как мне кажется, от этого получило у эллинов название меланхлэнов (черноризцев). Про Каллистрата говорили, что он храбр на войне и многих савроматов или убил или взял в плен; кроме того, он прилежно занимался красноречием и философией, так что даже выражал желание уехать вместе со мною. Зная, что Каллистрат почитатель Гомера, я тотчас заговорил о нем, хотя они по-гречески говорят не совсем уже чисто, благодаря тому, что живут среди варваров, но все-таки Илиаду почти все знают наизуст». В другом месте своей речи Дион приводит следующие слова, с которыми обратился к нему Иеросонт, один из самых уважаемых и старейших ольвиополитов, по поводу одной из бесед на философские темы, с которой приезжий ритор выступал в этом глухом уголке эллинского мира. «Гость, пожалуйста не сочти за невежество или варварство, что я перебил твою речь. У вас не в обычае такие поступки вследствие изобилия философских речей, для нас же твой приезд является каким-то чудом: обыкновенно сюда приезжают эллины только по имени, а на деле—варвары хуже нас, купцы и торгаши, привозящие дрянное тряпье и скверное вино и вывозящие наши товары отнюдь не лучше этих. Мы не опытны в философии, но любим, как ты знаешь, Гомера, а многие из нас и Платона; к числу последних, как видишь, принадлежу и я, постоянно изучая его произведения как могу, хотя, пожалуй, и странно, чтоб наиболее варвароподобный гражданин восхищался и занимался лучшим представителем эллинизма и мудрости, все равно как если-бы какой-нибудь полуслепой смотрел только на солнце и отворачивался от другого света. Таково наше положение. Итак, если ты хочешь всем нам угодить, отложи речь о человеческом правлении,—если только соседи на завтра оставят нас в покое и не нужно будет возиться с ними, как это обыкновенно случается,—а теперь скажи нам о божественном мироправлении, и придерживайся как можно ближе платоновой непринужденности в изложении. Если мы не понимаем в нем ничего больше, то, по крайней мере, благодаря привычке понимаем его язык, возвышен-

ный и близкий к гомеровскому» [1]). Какое яркое изображение убожества духовной жизни горсти греков, заброшенных и забытых среди постоянно теснящих их варваров! Нравы грубеют, греки воспринимают обычаи, привычки и одежду варваров; их общение с цивилизованным миром ограничивается торговыми операциями, в которых главную роль занимает беззастенчивая нажива и лишь лучшие из них с какой-то болезненной любовью хватаются за воспоминания давно отжившей архаической и классической Греции Гомера и Платона.

После Диона над Ольвией опять расстилается туман. Раскопки последних лет дали много надписей, но за надписями стоит мало событий. Надписи говорят о подвигах и заслугах граждан, но многие составлены условным языком общих мест. Город продолжал жить, как он жил раньше, ведя торговлю с туземцами и с греческими городами Понта, Пропонтиды и Греции, оставаясь до времени в стороне от больших исторических событий. Единственной крупной новостью в жизни Ольвии было распространение в ней римского влияния и приобщение ее к величайшему государству древнего мира—Римской империи. Римское влияние уже чувствуется в Ольвии при Тиберии: в его дни Абаб, сын Каллисфена, посвятил воздвигнутый им портик—Августу, Тиберию и народу ольвийскому. В 62 году легат Нижней Мизии Т. Плавций Сильван заставил скифов снять осаду Херсонеса. Едва-ли это событие осталось совсем без отзвука в Ольвии, тем более, что с присоединением к Римским владениям Тираса, что произошло около того же времени, Римская рука подбиралась к Ольвии и с другой стороны. Дион, не очень любивший Рим, говорит, что ольвийцы смеялись над своими согражданами, которые по римскому обычаю брили себе бороду. Но важно то, что такие люди, приноровлявшиеся к римским обычаям, существовали в Ольвии в конце I века. В надписях II века все чаще и чаще встречаются романизованные имена и среди ольвийцев становится много Ульпиев и Элиев, называвших себя по родовым прозвищам императоров Траяна и Адриана. Ольвия нуждалась в римской власти, которая в годы своего высшего развития стала щитом города от варваров. Открытая степь, начинавшаяся у самых ворот Ольвии, давала простор для их нападений и во II и III веках варвары также часто заставляли Ольвийцев возиться с ними как во времена Диона. Раскопки и здесь помогают освещению событий. Возможно, что уже в правление Адриана в Ольвии был постоянный гарнизон, занимавший вновь отстроенную в это время крепость в южном углу города. При императоре Антонине римляне оказали вооруженную поддержку Ольвии против Тавроскифов. Формальные отношения

[1]) Dio Chrys., oratio XXXVI.

Ольвии к империи были в это время отношениями civitas libera. Полвека спустя «неизбежное совершилось», как говорит один из новейших исследователей Ольвии [1]) и Ольвия окончательно признала власть империи. При Септимии Севере появляются ольвийские монеты с изображением этого императора, с изображением его сыновей Каракаллы и Геты и, наконец, монеты с изображением Александра Севера. Ольвия вошла в состав провинций Нижней Мезии и попала в число «Stipendiarii». Надписи начала III века все еще показывают, что Ольвия ведет обширные торговые сношения с греческими городами Черного, Мраморного и Эгейского морей; есть указания и на сношения с ближайшими греческими колониями скифского побережья—Херсонесом и городами Босфора Киммерийского. В 248 г. два воина римского легиона XI Claudia посвятили алтарь Меркурию «за здравие императоров, наших господ, в третье консульство Филиппа Августа и второе—Филиппа императора» [2]). С половины III-го века известия об Ольвии прекращаются. Признаками ее дальнейшего существования являются в настоящее время единичные монеты императоров Валериана (253—260) и Констанция (337—361), найденные на территории Ольвии, а также найденная еще гр. Уваровым монета императора Юстина II (565—578). Это последние вехи, говорящие о том, что Ольвия—все еще живой город. Последнее глухое известие об Ольвии, как о существующем городе, дает историк IV века Аммиан Марцеллин [3]). О каком-нибудь очень крупном разрушении Ольвии, о ее гибели вследствие какого-нибудь определенного удара, подобного Гетскому погрому, мы ничего не знаем. С полной вероятностью можно сказать, что великое переселение народов не могло не отозваться на одиноком, не защищенном природой городе. Вероятнее всего, что движение готов дошедших в III веке до берегов Черного моря, решило участь города. Нового восстановления города, как после гетов, не могло произойти. Степи пришли в движение, продолжавшееся не одно столетие и не Ольвии, для которой степи были постоянным источником опасности в течение всего ее тысячелетнего существования, было справиться с бурей, теперь непрерывно бушевавшей в степи. Остатки города хирели и быть может люди, обронившие монету Юстина II, были последними насельниками этого, когда-то цветущего, уголка.

Внутренний строй Ольвии оставался республиканским за все время ее существования; о тиранах и царях, как в Босфоре Ким-

---

[1]) Minns, Scythians and Greeks, 469.
[2]) Inscr. P. Eux., I (2-е изд.), № 167.
[3]) Amm. Marc., XXII, VII, 40.

мерийском, нет никаких намеков; но развитие республиканского строя и вообще история ольвийского государственного устройства едва-ли может быть написана; слишком мало мы знаем подробностей о ней. Общий облик Ольвийской республики—демократический в греческом смысле этого понятия. Все граждане обладали политическими правами; но далеко не все население обладало правами граждан. Граждане собирались в народное собрание, созываемое в определенном месте—экклесиастерии; высшим органом был совет—булэ; исполнительная власть принадлежала коллегии 5 архонтов; военная—коллегии 6 стратегов. Из других коллегий—одна из 9 человек ведала финансы; обязанности коллегии семи трудно определимы. Судя по именам выборных магистратов, фактическая власть в Ольвии находилась в руках сравнительно небольшого круга семей, составлявших аристократию в Ольвийской демократии.

Греческая языческая религия твердо держалась в Ольвии до конца ее существования; в Ольвии не заметно следов ни нарождающегося христианства, ни восточных культов, нашедших себе доступ в соседнее Босфорское царство. Особенностью религиозного быта Ольвии следует считать сильно развитой культ Ахилла Понтарха, главное святилище которого было расположено неподалеку от Ольвии на острове Белом (Λευκὴ), нынешнем Фидонизи, против устья Дуная.

В предшествующих строках, думается мне, довольно ясно вырисовывается облик Ольвии, как чисто торгового города, основным и даже единственным жизненным нервом которого была посредническая торговля между эллинским и варварским миром. В торговых колониях редко развивается духовная культура, если только к этому нет иных побудительных причин, вне торговли лежащих. В Ольвии таких причин не было и потому, если посмотреть на нее с эллинской точки зрения, она всегда была и оставалась глухим провинциальным уголком, культурная отсталость которого вызывала улыбку на устах настоящего грека как времен Перикла, так и эпохи эллинистической и имперской. За все время своего существования Ольвия выдвинула только двух людей, сколько-нибудь заметных в общей массе выдающихся людей древней Греции. Это были софист III века Бион и его младший современник, философ-стоик Сфэр Борисфенский, друг и советник спартанского царя утописта Клеомена III. И тот и другой—величины второго разбора; о последнем нельзя даже сказать наверно, был-ли он родом из Ольвии. О том, чем были ольвийцы в начале нашей эры, говорит нам совершенно ясно Дион Хрисостом, а еще яснее ольвиец Иеросонт, слова которого Дион передает. Люди с узким кругом интересов, умственный кругозор которых как-то искусственно цеплялся за величайшие литературные имена более

древнего периода, творения которых они, может быть, и не вполне понимали; я говорю это, конечно, применительно к Платону.

Причиной огрубения ольвийских нравов не были, впрочем, одни только узкие торговые интересы и отдаление от центров умственной жизни греков. Таким же источником огрубения была степь. Молодой ольвиец Каллистрат, приятель Диона, местный щеголь, мечтавший о поездке в Грецию, возвращался из степи в город, одетый в черный плащ и шаровары, т. е. в одежде для эллина неприемлемой. Образ Каллистрата, даваемый Дионом, хорошо рисует влияние варварской степи на греческий город: степь варваризовала греков и внешне и внутренне. Постоянное общение со степью, варваризуя греков, создавало особые промежуточные формы жизни; об одном из оседлых племен, живших по соседству с Ольвией, Геродот говорит, что они эллино-скифы [1]). В протогеновском декрете упоминаются „μιξέλληνες" мешанные греки, как особая часть пригородного населения, не всегда дружественно к грекам расположенного. Если к этому прибавить известия об освобождении рабов, средство, к которому ольвийцы прибегали в трудные минуты, то станет понятным, почему ольвиец Иероєонт назвал себя варвароподобным. Население степи через рабов, миксэллинов, эллиноскифов постепенно внедрялось в город, а возможный прилив эмигрантов из Греции был невелик и не мог противустоять разложению эллинизма и варваризации, бездонным источником которой были степи. Внешним выражением такой варваризации можно считать множество негреческих имен, которые чем позднее, тем чаще попадаются в ольвийских надписях [2]).

Такова была Ольвия с точки зрения греческой и греко-римской культуры. Совсем иной она представляется, если смотреть на нее с точки зрения степных варваров. Для последних она была многовековым проводником цивилизации. Сама по себе Ольвия стояла одиноко. Возможно, что поселение существовало около Гиполаева (теперь Станиславова) мыса на противуположном берегу Буга, в том месте, где сходятся два лимана. Геродот говорит, что там стоял храм Деметры; Дион утверждает, что там, именно, возникла первоначально сама Ольвия; кое-какие остатки развалин, повидимому, существовали там в наше время. В минуты опасности, как видно из декрета в честь Никерата, сына Папия, жители Ольвии спасались в Гилею (Ὑλαία), т. е. лесистую местность по нижнему течению Днепра (остатки лесов сохранялись там еще в начале XIX века). «Отражая постоянно устремляющихся на город врагов, говорится в декрете, он обезопасил поло-

---

[1]) Ἀπὸ τούτου πρῶτοι Καλλιπίδαι νέμονται ἐόντες Ἕλληνες Σκύθαι (Herod., IV, 16).

[2]) См. об этом Mommsen. Römische Geschichte, V, 286.

жение города. Наконец, когда граждане переправились в Гилею, он не просил город позаботиться об их безопасности и, явившись туда, оберегал граждан; увидев же нашествие врагов, он отправил всех граждан в город, а сам остался, чтобы отразить их [1])». Этим, кажется, ограничивались греческие поселения вокруг Ольвии; за полями и хуторами Ольвийцев начинались пашни и селения Микс-эллинов и оседлых скифов, а за ними тянулась бесконечная степь.

Однако, там в степи еще далеко чувствовалось влияние приморской греческой колонии. Свое описание населения внутренней Скифии Геродот начинает с народов, окружающих Ольвию [2]), и затем, углубляясь к северу и востоку, доводит его, как можно думать, до Уральских гор и даже до степей Западной Сибири, так что создается впечатление, будто, именно, от Ольвии шли внутрь страны торговые пути. Что такие пути были в действительности, показывают находки греческих изделий в очень далеких от Ольвии местностях. Так, в с. Пруссах, Киевской губ., Черкасского уезда, найдено было бронзовое зеркало с изображением Афродиты и Сфинкса, совершенно одинаковое с зеркалом, ручка которого была найдена в Ольвии. Из тех же Прусс происходит зеркало, верхняя часть ручки которого украшена ионийскими волютами. Этот мотив украшения, встречающийся неоднократно в Скифии, мы видим также в Ольвии. Графом Бобринским близ местечка Смелы найдено было бронзовое ситечко, совершенно подобное ситечку, которое найдено было в Ольвии. Из Емчехи, Киевской губ., происходят золотые серьги совершенно подобные ольвийским. Серьги представляют, очевидно, импорт из Ольвии. С этими серьгами был найден серебряный браслет с золотыми львиными головками и остродонная амфора. Такая же амфора найдена была близ местечка Смелы в одном кургане с рядом литых украшений из бронзы скифского типа. Амфоры такой же формы в большом количестве найдены в Ольвии. В курганах Киевской губернии находимы были, далее, чернофигурные и краснофигурные аттические вазы и чернолаковая греческая посуда. Очевидно, все это — предметы, завезенные из Ольвии [3]). Примеры можно было бы увеличить бесконечно. Но греческие колонии продавали туземцам не только греческие вещи, они работали для них вещи по их варварскому вкусу. С этими предметами мы встретимся и будем подробно их изучать, когда очередь дойдет до быта самих туземцев. Теперь достаточно напомнить два уже приведенные выше примера, которые показывают, как далеко заносились вещи, сра-

---

[1]) Inscr. P. Euxini, I, № 17.
[2]) Herod., IV, 16 — 27.
[3]) Фармаковский. Архаический период России (Мат. по Арх. России № 34, стр. 31 — 32).

ботанные мастерами черноморских греческих колоний. В 1882 г. в Феттерсфельде, в Верхней Лужице, т.-е. в средней Германии, были найдены доспехи скифского типа греческой работы. С другой стороны, не мало подобных предметов находимы были в стране уже известной нам Ананьинской культуры. Отметим еще, что как раз близ течения Днепра, главного русла, по которому вверх, в Скифию, текла греческая культура из Ольвии, расположены знаменитые скифские курганы: — Никопольский, Чертомлыцкий и Солоха и другие, давшие особенно богатые находки художественных вещей греческого происхождения.

Не одной материальной стороной влияли греческие города на туземную жизнь. Греческая цивилизация, ослепляя и привлекая варваров, не раз приводила к глубоким трагедиям. Геродот дает нам примеры таких трагедий в истории Анахарсиса и Скила. Царевич Анахарсис, обозрев много стран и «приобретя в путешествии много мудрости, на возвратном пути в родную Скифию, проезжая через Геллеспонт, пристал в Кизике; застав жителей города совершающими с большой торжественностью праздник в честь матери богов, он дал обет матери, если возвратится на родину здоровым и невредимым, совершить ей жертвоприношение таким же образом. По возвращении в Скифию, он отправился в так называемое Полесье (Гилею) и совершил в честь богини полное празднество с тимпаном в руках и увешанный изображениями богини. Кто-то из скифов, подметив действия Анахарсиса, донес об этом царю Савлию; последний, прибыв туда лично и увидев, что Анахарсис совершает это празднество, убил его стрелой из лука. И теперь, если спросить об Анахарсисе, скифы говорят, что не знают его, и это потому, что он путешествовал в Элладу и принял чужеземные обычаи» [1]). Так погиб Анахарсис за сочувствие иноземным обычаям и за сношения с эллинами. Много лет спустя, подобная же участь постигла Скила, сына скифского царя Ариапифа. По смерти отца, «Скил получил царскую власть. Царствуя над скифами, Скил вовсе не любил скифского образа жизни, так как вследствие полученного им воспитания, питал гораздо более склонности к эллинским обычаям, и потому поступал следующим образом: когда ему случалось приходить с большою свитой скифов в город Борисфенитов (т.-е. Ольвию), он оставлял свиту в предградии, а сам входил в город, приказывал запирать ворота, затем, снимал с себя скифское платье и надевал эллинское; в этом платье он ходил по площади, не сопровождаемый ни телохранителями, ни кем-либо другим (а ворота охраняла стража, чтобы кто-либо из скифов не увидал его в такой одежде), во всем жил по-эллински и приносил жертвы богам по эллинскому

[1]) Herod., IV, 76.

обычаю. Пробыв в городе месяц или более, он снова надевал скифское платье и удалялся. Такие посещения повторялись очень часто; он даже выстроил себе дом в Борисфене и поселил в нем жену—туземку». Анахарсиса погубило служение Деметре или Кибеле; Скил погиб от своей ревности к культу Диониса: «он возымел сильное желание быть посвященным в таинства Диониса-Вакха; когда он уже готовился к посвящению, явилось величайшее знамение: в городе Борисфенитов, как я упомянул немного ранее, у него был обширный и дорогой дом, вокруг которого стояли белого камня сфинксы и грифы; в этот-то дом божество ударило стрелой и весь дом сгорел. Тем не менее Скил совершил обряд посвящения. Скифы осуждают эллинов за их вакхические празднества, говоря, что не подобает выдумывать такого бога, который приводит людей в исступление». Один из ольвийских греков и выдал Скила, сказав стоявшим вне города спутникам царя: «вы, скифы, смеетесь над нами, что мы устраиваем вакхические празднества, и что в нас вселяется бог, а вот теперь этот бог вселился в вашего царя: он участвует в служении и находится в исступлении под наитием божества; если вы мне не верите, то следуйте за мной и я покажу вам. Начальники скифов последовали за Борисфенитом, который тайком возвел их на башню и посадил там». Убедившись, что грек был прав, они пришли в негодование. По возвращении Скила из Ольвии, против него было поднято восстание. Скил должен был бежать во Фракию, царем которой был выдан своему брату Октомасаду, воцарившемуся вместо него, и затем убит [1]).

В рассказе Геродота необыкновенно картинно передано то обаяние, которое всегда производит развитая и яркая культура на приобщающихся к ней людей отсталой страны. Это общечеловеческое явление; не всегда, конечно, эллинизованные скифы кончали так печально, как члены их царского дома, о которых шла сейчас речь; влияние эллинизма сказывалось различно, но что оно было сильно и на многих туземцев с повышенными запросами действовало неотразимо, в этом сомнения быть не может.

Эллинское влияние в степях сказывается сильнее всего в эпоху до Р. Х. Мы в состоянии проследить по его материальным следам даже те отдельные влияния, под которыми развивалась сама Ольвия, сначала жившая культурными отзвуками своей метрополии—Ионии, потом подпавшая под влияние Афин и, наконец, отразившая на себе широкую волну культуры эллинистической эпохи. VI—II века до Р. Х., когда мы лучше всего можем изучить культурное влияние Греции на Ольвию и Ольвии на туземцев, живших

[1]) Herod., IV, 78, 79.

вокруг нее, совпадают со сравнительно спокойным состоянием самих степей, когда в них сложились довольно устойчивые формы быта. Позднее обстоятельства меняются; варваризуется сама Ольвия; еще более дичают степные туземцы, сильно изменившиеся в своем племенном составе. Смягчающее влияние цивилизации слабеет; наоборот растет натиск степи на город; от этого натиска Ольвия находит временную защиту у Рима; на время, и в ней водворяется великое благо, данное империей ее подданным: pax romana, римский мир. Но это благо было временным и бури эпохи великого переселения народов не только смели остатки культурного влияния города Борисфенитов, но и прекратили самое его существование.

Влияние, которое оказывало Ольвия на туземное население, в такой же или почти такой же мере, исходило и из других больших греческих городов Черноморья. Поэтому я не буду в дальнейшем на нем останавливаться столь же подробно. Мне придется лишь отмечать его разновидности, особенно заметные в истории Пантикапея и Босфорского царства.

Важнейшая литература:

Гр. А. С. Уваров. Исследования о древностях южной России и берегов Черного моря. СПБ. 1851, гл. II.

В. В. Латышев. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПБ. 1887.

Гр. Толстой и Кондаков. Русск. древности в памятниках искусства, ч. I, стр. 16 — 18. СПБ. 1889.

Ellis H. Minns. Scythians and Greeks. Camb. 1913, chapter XV.

Б. В. Фармаковский. Раскопки в Ольвии в 1907 г. (Гермес 1908, № 1).

Его-же. Olbia. Fouilles et trouvailles 1901 — 1908 (Bulletin de la comission Impériale archéologique, fasc. 33 St. P. 1908).

Его-же. Ольвия (Новый Энциклопед. Словарь Брокгауза и Ефрона).

Его-же. Архаический период на юге России (Материалы по археологии России, № 34. СПБ. 1914).

Его-же. Ольвия (Экскурсионный вестник и отдельно. М. 1915).

Его-же. Ряд специальных статей в Известиях Имп. Археол. Комиссии и в Записках Одесского Об-ва Истории и Древностей.

Э. В. Диль. Ольвия (Гермес, 1914, №№ 1 и 2).

Его-же. Ольвийский Некрополь (Гермес, 1916, № 10).

Древний Мир на Юге России, изборник источников под редакц. проф. Б. А. Тураева, И. Н. Бороздина и Б. В. Фармаковского. М. 1918.

B. Latychew. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini v. I. P. 1885, v. IV, P. 1901.

Его-же. Scythica et Caucasica.

Отчеты Имп. Археологич. Комиссии 1902 — 1916 г.

M. Ebert. Südrussland im Altertum. Bonn-Leipzig 1921.

ГЛАВА XIV.

Херсонес Таврический.

В противоположность местоположению Ольвии, место, занятое Херсонесом, исчезло из памяти людской только на очень короткое, сравнительно, время. Как живой город, он просуществовал почти целое тысячелетие после гибели Ольвии. Херсонес заглох только в конце XV столетия, после окончательного утверждения татарской власти и турецкого суверенитета в горном приморском Крыму. В 1578 г. посланник Стефана Батория, Мартин Броневский, посетив развалины Херсонеса, говорит, что «достойные удивления развалины явно свидетельствуют, что здесь некогда был великолепный, богатый, славный и многолюдный город с отличной пристанью. У самого берега пристани, а также во всю длину перешейка еще и теперь возвышается высокая стена, многочисленные и большие башни из огромных тесанных камней... Город уже много веков стоит пуст и необитаем и представляет одни развалины и опустошения... Прекрасные колонны из мрамора и серпентина, места которых еще и теперь видны, и огромные камни были взяты турками и перевезены за море для их собственных домов и публичных зданий... Дома лежат в прахе и сравнены с землей» [1]). Так польский посол уже не отдавал себе ясного отчета в прошлом погибшего города, хотя и видел его еще очень внушительные остатки. В XVIII столетии сведения о Херсонесе стали еще более смутными. Русские историки этого времени не отдавали себе более отчета о его местонахождении. Татищев знал только, что он был расположен в 30 верстах от Бахчисарая; Миллер искал его около Керчи.

Однако, эпоха забвения города закончилась в конце того же XVIII века. Уже в 1773 г. в реляции кн. Долгорукого-Крым-

---

[1]) Записки Одесского Об-ва Ист. Древн., т. VI, стр. 341 (1867 г.) M. Broniovius de Biezdzfedea, Tartariae descriptio, Col. Agripp. 1595. Его-же. Russia seu Moscovia, Lugd. Bat., 1630.

ского говорится, что рядом с греческой деревушкой Як-Яр или Ахтиар, в бухте того же имени, находится Херсон, «древнейший во всем Крыму город», башни которого еще возвышались в то время над окрестностью. К 1793 г. относится посещение Херсонеса академиком Палласом, и первое ученое его описание: «Окрестности Севастополя или Ахтиара,—пишет Паллас,—представляют поистине землю классическую. На каждом шагу вы наталкиваетесь на греческие древности, которых прежде здесь было гораздо больше, потому что гор. Ахтиар возник из развалин древнего Херсонеса, каковой находится на расстоянии 2-х верст от Ахтиара, на западной стороне Карантинной бухты. При занятии Крыма существовала еще большая часть стен Херсонеса, построенных из прекрасных тесанных камней, прекрасные городские ворота и значительная часть крепких башен, из которых одна стояла над самой бухтой и еще при моем посещении в 1794 г. находилась в порядочном состоянии. Но постройка города Ахтиара была причиной уничтожения этого древнего города...» [1]). Паллас указывает на одно интересное, хотя и очень прискорбное явление: старый, мертвый город стал служить нуждам нового строительства, как только стал воздвигаться Ахтиар, позднее переименованный в Севастополь. Явление это не составляет особенность судьбы Херсонеса; частично его пришлось отметить уже касательно Ольвии, где поднимавшиеся над землей обломки были растасканы на постройки окрестных сел. Трудно сказать, насколько были велики размеры расхищения херсонесских древностей, связанного с постройкой соседнего Севастополя; с одной стороны, большой их об'ем оспаривается некоторыми современными исследователями, с другой стороны, расхищения подтверждаются и другими лицами, посещавшими развалины Херсонеса одновременно с Палласом или вскоре после него—Сумароковым и Кларком [2]). Косвенным подтверждением ограбления Херсонесских развалин для нужд нового города могут служить многочисленные известия о вывозе из Херсонеса камней, практиковавшемся до самого последнего времени. Во всяком случае рисунок, приложенный к книге Сумарокова, дает представление о развалинах гораздо более величественных, нежели те, которые пережили XIX век.

Попытки расхищать развалины вызывали в свою очередь стремление сохранить их для научных исследований. Подобные меры принимались и центральной властью и Новороссийским генерал-губернатором, герцогом де-Ришелье. Первые попытки научных

---

[1]) Паллас, Bemerkungen.

[2]) П. И. Сумароков. Досуги Крымского судьи. Clarke. Travels in various countries of Europe. Pt. I, v. II, London, 1817.

раскопок Херсонеса относятся к 1827 г., когда лейтенант Крузе работал в Херсонесе по поручению главного командира Черноморского флота, адмирала Грейга. В 1846—47 г.г. по поручению министерства императорского двора небольшие раскопки производил Корейша. Немного ранее адмирал Лазарев поручил капитану I-го ранга Аркасу снять план с уцелевших развалин в городе Херсонесе и в его окрестностях. В 1853 г. исследования производил гр. А. С. Уваров: это было первое действительно научное исследование Херсонеса. Главным результатом его было обнаружение в северо-восточной части города на самом берегу моря остатков базилики с прекрасным мозаичным полом, перевезенным в Эрмитаж. Во время Севастопольской войны на развалинах Херсонеса были возведены французские батареи и укрепления, что очень печально отозвалось на состоянии его памятников. Очень грустным явлением в истории исследования Херсонеса надо считать постройку в 60 годах монастыря и храма в память крещения св. Владимира. Хотя во время работ была открыта центральная часть города с остатками семи церквей и даже снят с этой местности подробный план, однако, развалины были беспощадно принесены в жертву новым постройкам, остатки найденных фундаментов были частью искажены, частью засыпаны навсегда и центр города, таким образом, из'ят из области систематических раскопок и исследований. Позднее, такой же участи подверглась значительная часть западной половины города, где были сооружены приморские батареи новой Севастопольской крепости. В 70 и 80 годах ведение раскопок в Херсонесе было поручено Одесскому обществу Истории и Древностей. Однако, средства на это, даваемые синодом и министерством народного просвещения, были настолько малы, что общество должно было обратиться за поддержкой ко вновь построенному монастырю, который по культурному уровню своей братии далеко не оказывался на высоте положения.

Только в 1888 г., после посещения Херсонеса императором Александром III, интересовавшимся русскими древностями, исследования были поручены императорской археологической комиссии, причем для этого были впервые ассигнованы определенные средства, сначала очень небольшие, потом, однако, значительно увеличенные. Уполномоченным комиссии в течение 20 лет был инженер по образованию и археолог по склонности К. К. Косцюшко-Валюжинич, а после смерти его ученый византинист Р. Х. Лепер, преемником которого был А. С. Моисеев. Таким образом, научное и систематическое исследование Херсонеса продолжается более 35 лет. За это время вскрыта и расследована почти полностью восточная часть города и значительная часть его стен. Работы в западной части предпринимались только в связи

с военными сооружениями, там возводимыми. Если к этому прибавить центральную часть, отчасти исследованную в эпоху постройки храма св. Владимира, то можно сказать, что исследованная площадь обнимает несколько менее половины всего городища. Остальному суждено ждать лучших, может быть, очень далеких времен.

Результаты Херсонесских раскопок и исследований ставят нас лицом к лицу с картиной, очень отличающейся от той, какую дает Ольвия. Прежде всего, остатков древнейшего, древне-греческого, Херсонеса найдено очень немного. Открыты цистерны, водопровод, каменные ямы для ссыпки хлеба: наиболее ценные остатки древнейшего периода,—это остатки стен и башен, историю которых можно проследить до V века до Р. Х. Кроме того, найдены погребения и в них некоторое количество предметов утвари и довольно большой эпиграфический материал, однако, меньший относительно, чем в Ольвии. Причина такого явления та, что древний греческий город был покрыт городом византийской эпохи; только полное исследование византийского Херсонеса даст возможность поставить на очередь и выяснить все остатки древне-греческого города. Жизнь Херсонеса продолжалась очень долго и скрыла под собой древнейшие следы его существования. Двойной характер остатков Херсонеса и составляет первую и самую важную особенность этого города в археологическом отношении. Зато систематические исследования Херсонеса дали богатейший материал для знакомства с византийско-христианским Херсонесом с его прямыми улицами, расположенными под прямым углом одни к другим, с его десятками церквей и базилик, с римско-византийскими переделками и пристройками в стенах и укреплениях; со следами не раз бывших пожаров и новых восстановлений и, наконец, со следами последнего долгого и убогого умирания. Для изучения жизни греческих городов юга России более позднего времени Херсонес—лучший и единственный в своем роде памятник.

Другая особенность Херсонеса в археологическом отношении та, что его древности в новое время расхищались и портились гораздо больше, нежели Ольвийские, и что систематические исследования его памятников наступили поздно, не сразу, а после долгого периода исследований частичных, случайных, а еще чаще неумелых и хищнических. В ходе этих исследований не могло быть того единства, какое заметно в исследовании Ольвии, и ученым исследователям последнего времени слишком часто приходилось сталкиваться с неумелой и разрушительной работой своих по большей части незнающих и с точки зрения археологии вредных предшественников.

Мне уже пришлось отметить сейчас, что центр тяжести археологических памятников Херсонеса лежит в поздней Византийской

эпохе, приблизительно начиная с VII—VIII века по Р. Х., эпохи, которая выходит за рамки русской доисторической археологии и, наоборот, соприкасается с ранним периодом исторической жизни русского народа. Мы увидим сейчас, что то же приблизительно придется сказать и об истории самого города. С точки зрения плана всей книги было бы может быть правильным вовсе обойти молчанием историю Херсонеса во второе тысячелетие его существования; однако, принимая во внимание единство и полноту изложения и роль Херсонеса в эпоху переселения народов, в эпоху господства на русском юге Хозар и, наконец, его роль в первые моменты существования русского государства, я решаюсь дать здесь хронологически полный очерк истории этой греческой колонии, рискуя на несколько времени далеко отойти от жизни русского юга раннего железного века.

Об источниках, которые знакомят нас с историей и бытом Херсонеса, можно сделать общее замечание, что состав их тот же, какой мы имели для истории Ольвии, т.-е. самые памятники, в частности памятники эпиграфические, монеты, и письменные свидетельства греческих и римских писателей. Однако, на этом общем фоне выделяются некоторые особенности, свойственные одному только Херсонесу. И здесь прежде всего очень важное значение имеет то, что Херсонес поздний, византийский, затмевает и скрывает от нас ранний, греческий Херсонес. Как архитектурные остатки последнего были засыпаны и застроены зданиями византийского времени, так и древне-греческие надписи также видимо успели исчезнуть и утратиться в позднейшие века. Однако, и в числе ранних херсонесских надписей мы имеем памятники первостепенного значения. Сюда относятся в первую очередь публичные, официальные акты, подобные тем, какие мы отмечали, говоря об Ольвии. На первом месте стоит текст присяги херсонесцев, высеченный на мраморной плите, найденной в раскопках 1890—91 г.г. Он относится к III веку до Р. Х. и вскрывает много интересных подробностей государственного и религиозного быта херсонесцев. Равное, а может быть и еще большее значение имеет найденная в 1878 г. мраморная плита, содержащая декрет в честь Диофанта, полководца понтийского царя Митрадата VI, с перечислением громадных заслуг Диофанта перед Херсонесом. Декрет в честь Диофанта, который можно сопоставить только с Ольвийским декретом в честь Протогена, содержит известия о событиях в истории Херсонеса, каких не дают нам никакие другие источники. Надписи из древнейшего Херсонесского некрополя, равно как надписи, найденные на городской территории, имеющие целью сохранить память о тех или иных событиях и людях, носят тот же характер, что и Ольвийские, но их меньше. Для византийской эпохи эпиграфический материал отступает

на задний план перед известиями писателей. Как и для истории Ольвии Херсонесские монеты являются ценным подсобным источником для некоторых моментов истории Херсонеса.

Письменные источники древнейшего периода говорят о Херсонесе мало. Геродот, например, не упоминает о нем вовсе. Нередко писатели говорят о Херсонесе только мимоходом, уделяя ему внимание попутно, говоря о наиболее крупных событиях, разыгрывавшихся по берегам Евксинского Понта. Более всего известий о Херсонесе сообщает Страбон. Для позднего византийского периода истории Херсонеса письменных известий несравненно более; однако, дело от этого меняется только частично. Сравнительно достаточно освещенные моменты в жизни города сменяются нередко очень длинными периодами, в которые его существование и события, в нем развивающиеся, остаются для нас совершенно темными. Кроме того, мы располагаем некоторым количеством известий легендарных, мало достоверных; таково, например, многое из сообщаемого Константином Багрянородным. Таковы отчасти многочисленные жития Херсонесских святых. При таких условиях изложение истории Херсонеса встречает неменьшие трудности, чем история Ольвии; обо многом приходится лишь догадываться, обо многом говорить предположительно. Остается надеяться, что при полном и окончательном научном исследовании территории Херсонеса, которое когда-нибудь, может быть, осуществится, запас сведений об его истории и быте будет пополнен. Пока же можно только повторить сказанное выше об Ольвии: самый город, его материальные остатки, мы знаем лучше, чем судьбы его в прошлом.

Херсонес был колонией города Гераклеи Понтийской (ныне Эрегли), которая, в свою очередь, была колонией Мегары. Гераклея была основана в 559 году; сначала в ней существовал демократический строй, который вскоре сменился господством аристократов. Точное время, когда Гераклия вывела колонию на берег Таврического полуострова, неизвестно. Документальные известия о Херсонесе не восходят далее IV века; Геродот о Херсонесе, как мы уже знаем, умалчивает. Все же можно предположить, что гераклийцы для своей колонии воспользовались уже известной им местностью, где, до основания постоянного поселения, существовала какая-нибудь торговая фактория, куда может быть и выехали недовольные гераклейские демократы. Таким образом Херсонес своим происхождением обязан не ионийской колонизационной струе, как Ольвия и большинство городов Киммерийского Босфора, а дорийской. Надписи древнейшего периода красноречиво свидетельствуют о том, что дорический диалект оставался долгое время господствующим в Херсонесе. Отношения между Херсонесом и его метрополией были всегда близкими и сердеч-

ными, несмотря на различия во внутреннем строе и на то, что возможной причиной выселения колонистов было их недовольство порядками, установленными гераклийскими аристократами. Близкие отношения к Гераклее должны были способствовать устойчивости дориэма в новой колонии, соседи которой были преимущественно ионийцы.

Новый город был основан на юго-западной оконечности Крымского полуострова, как раз в том месте, где северный берег Черного моря наиболее сближается с южным. На побережьи «малого Херсонеса, составляющего часть большого Херсонеса» (т.-е. всего Крымского полуострова), и был построен город, «носящий одинаковое с полуостровом название Херсонес» [1]). Малым Херсонесом назывался род полуострова, образуемый морем и двумя заливами: Ктенунтским (большая Севастопольская бухта) и заливом «Символов» или «Битв» (Балаклавская бухта). По сведениям, сообщаемым Страбоном, город был сначала заложен где-то по близости от мыса, теперь называемого Херсонесским, но потом перенесен далее вглубь, к выходу из Ктенунтского залива, между двумя бухтами, теперь называемыми Стрелецкой и Карантинной.

Исследование стен города показало, что древнейшие основания их восходят к IV веку до Р. Х. Следовательно перенесение города на новое место, если и было в действительности, то произошло ранее этого времени. Об истории Херсонеса в первые два века его существования мы можем только догадываться. Сохраняя связь с Гераклеей, а через нее с Малой Азией, Херсонес в IV веке испытал на себе довольно значительное культурное влияние Афин, подтверждаемое главным образом керамическими находками. С постепенным падением Афин в эллинистический период, малоазиатское культурное влияние, сказывающееся на вазах, золотых вещах и поделках из терракоты, относящихся к III веку, берет верх. Во II—I веках до Р. Х. преобладает влияние Родоса. К III веку до Р. Х. относится, как я уже отмечал выше, высеченная на мраморной плите присяга херсонесцев, бросающая яркий, хотя и мимолетный, свет на внутренние дела Херсонеса и его положение как среди других колоний, так и среди варваров. Херсонесцы клянутся «Зевсом, Землею, Солнцем, Девою, богами и богинями Олимпийскими, героями, кои владеют городом и землею, и укреплениями Херсонаситов не предавать Херсонеса, Керкинита и Прекрасной Гавани [2]), не нарушать демократии и не сообщать ни эллину, ни варвару ничего вредного для родного города»

[1]) Strabo, VII, IV, 2.

[2]) Городок, точное местонахождение которого не вполне определено. Вероятнее всего, он был расположен у Ак-мечетской бухты к западу от Перекопского перешейка.

а «хлеб, вывозной с равнины, продавать и вывозить только в Херсонес» [1]. Присяга указывает на три очень важных явления: Демократия, во главе которой стояли «дамиорги», продолжала существовать; владения Херсонеса простирались довольно далеко на север, обнимая не только малый «Херсонес», но все западное побережье полуострова; наконец, он вел торговлю хлебом, возделывавшимся на равнине, под которой надо по всей вероятности разуметь плодородную степь, прилегающую к нынешнему Евпаторийскому заливу. Таким образом, Херсонес успел быстро развиться в целое государство, занимавшее сравнительно большую территорию, причем ему были подчинены некоторые из соседних греческих колоний. Что это не было достигнуто без борьбы с туземцами, населявшими соседние горы, показывает относящаяся также к III веку надпись в честь Агасикла, устроителя военной службы граждан, строителя стен и стратига. Впрочем Агасиклу приписываются и другие заслуги, свидетельствующие о продолжавшемся под'еме благосостояния Херсонеса: Агасикл устраивает рынки в городе и межует виноградники на равнине [2]. В начале II века Херсонес даже вступает членом в обширный союз, заключенный царями, странами и свободными греческими городами, прилегавшими к Черному морю. Есть указание, что в это цветущее время в Херсонесе оживляется умственная жизнь. На это намекает надпись в честь Сириска, сына Гераклида, «описавшего чудеса и явления Богини-Девы и правдиво исследовавшего дружественные отношения с народами и царями» [3].

Позднее, положение Херсонеса стало изменяться к худшему. И в Херсонесе, как в других понтийских колониях, чувствуются последствия упадка хлебной торговли. С другой стороны, на самом Крымском полуострове происходит перемена: степные варвары-скифы об'единяются под властью царей Скилура и его сына Палака. Варвары теперь наступают на Херсонес и овладевают большей частью его «равнины». Херсонес в тяжелом положении должен был искать помощи извне и обратился к Понтийскому царю Митрадату VI, имевшему большие политические интересы на северном берегу Черного моря и сумевшему создать хотя и недолговечное, но все же довольно сильное государство. Митрадат отправил в помощь Херсонесу своего полководца Диофанта. Подвиги Диофанта, имевшие место между 111 и 106 годами до Р. Х., рассказаны в упомянутой уже выше надписи, общее содержание которой подтверждается рассказом Страбона [4]. Диофант

[1]) Латышев. Ποντικά, 145 — 146; Inscr. P. Sux, IV, № 79.
[2]) Inscr. P. Eux. I, № 195.
[3]) Inscr. P. Eux. I_2, № 344.
[4]) Inscr. P. Eux. I, № 185; Strabo, VII, IV, 3.

очень успешно справился с Таврами и со скифским царем Палаком, возвратил Херсонесцам их прежние владения на «равнине», после чего предпринял поход на Босфор и утвердил там власть Митрадата. Когда скифы попытались вновь поднять оружие, он вторично предпринял победоносный поход на скифов, после чего снова отправился в Босфорское царство и с большим успехом вмешался в тамошние смуты. Последствием всей деятельности Диофанта было подчинение и Херсонеса и Босфора Понтийскому царю.

В дальнейшее время история Херсонеса снова становится очень темной. Мы не знаем, что происходило внутри государства. Внешние события слагались так, что вовлеченный в орбиту Понтийского царства, он разделил его судьбу. Около времени Р. Х. в Херсонесе, равно, впрочем, как и в Босфоре твердою ногою водворяется римское влияние, которое дало себя чувствовать в Крыму значительно раньше, чем в Ольвии, уединенной и не замешанной в борьбу между Понтийским царством и Римом. Возможно, что в связи с установлением постоянных юридических отношений к Риму, Херсонес, как сообщает об этом Плиний, получил от римлян свободу, т.-е. вернее независимость от Босфорских царей, как наследников понтийских властителей. В память этого события Херсонесцы, вероятно в 24 году до Р. Х., установили новое летоисчисление, которое держалось у них не менее пяти веков. Впрочем, точные причины установления новой эры в Херсонесе остаются доселе не вполне разгаданными.

Известия о событиях в Херсонесе за первые века христианства продолжают быть очень скудными. Свобода продолжается недолго. Уже в царствование Нерона, Херсонес несомненно формально признавал власть империи, что доказывается изображениями императоров Нерона и Веспасиана на Херсонесских монетах. В 62 году легат Мизии Плавций Сильван освободил Херсонес от осаждавших его скифов; в 80 годах I века Херсонесцы поставили статую С. Веттулену Цериалису, другому наместнику Мизии; надпись от нее сохранилась до нашего времени. В гаванях Крыма стояли римские военные галеры. Затем наступает промежуток приблизительно в полвека, совпадающий с правлением императоров Траяна и Адриана, когда Римляне, отвлеченные на северо-восток дакийскими войнами, ослабляют внимание, обращенное на Крымский полуостров. Со времени Антонина опять замечается усиление Римской власти, совпадающее с усилением ее также и в Ольвии. Конечно, отношения к Риму были сложные, подчас очень тяжелые, особенно в связи с тем, что Херсонес был средоточием военных и морских сил империи в Крыму и что римский гарнизон не всегда сохранял сердечные отношения с жи-

телями города, несмотря на то, что при императоре Антонине Херсонес получил права «civitas libera».

Однако, херсонесцев занимали и другие заботы; из отдельных надписей, сохранившихся от этой эпохи, видно, что Херсонесу попрежнему нередко приходилось отстаивать себя от напиравших на него туземцев, горцев с одной стороны, степняков—с другой. Так было, по крайней мере, в первой половине II века, пока Херсонес не получил значения главного Римского опорного пункта. Временами ухудшаются отношения и к соседнему Босфору, с которым у Херсонеса всегда были старые, несведенные счеты. Подробностей мы не знаем, но полулегендарные рассказы, переданные Константином Багрянородным, косвенно подтверждают реальное существование Херсонесо-Босфорских споров, как они косвенно подтверждают и их борьбу с туземцами. Есть, впрочем, даже известие, что император Адриан подтвердил Босфорскому царю Котису сюзеренные права на Херсонес. В экономическом отношении II и III вв. по Р. Х. можно считать для Херсонеса временем умеренного процветания, которое, однако, не достигло той степени развития, как 400 лет назад в эпоху, современную присяге херсонесцев. Характерно, что в это время дорический диалект, так долго державшийся в Херсонесе, исчезает, судя по надписям.

В IV веке для Херсонеса, как, впрочем, и для всего северного побережья Черного моря, наступают бурные времена. Снова защита от варваров делается главнейшей заботой граждан, для чего воздвигаются и исправляются укрепления. Так, в 1899 г. был найден камень с такой надписью: «За господ наших вечных Августов непобедимых и Флавиев, Феодосия и Аркадия, и много потрудившегося над работой Флавия Битта трибуна и рабочих сооружена была стена» [1]). Продолжается также и прежнее соперничество с Босфором, причем перевес остается за Херсонесом, отодвигающим босфорский рубеж до Феодосии.

С окончательным разделением империи Херсонес, вполне естественно, остается в составе восточной ее половины. В состав восточной или Византийской империи он входит за немногими перерывами до самого конца своего существования, что хронологически почти совпадает с падением самой империи. В периоды силы и процветания Византии Херсонес имеет то же значение в Крыму, какое он имел в римскую эпоху: это главный опорный пункт имперской власти и центр северно-Черноморских владений империи. Порою, впрочем, власть Византии, особенно, конечно, в периодически наступавшие времена упадка

[1]) Inscr. P. Eux., IV, № 464.

и смут, сменяется временным господством народов, державших под своею властью русский юг. Так, например, в царствование Юстиниана II (685-695; 705-711) в Херсонесе упоминается тудун, представитель хозарского кагана, а в X и XI веках, некоторую роль в судьбах Херсонеса играют русские князья. Со времени Аморрейской династии Херсонес делается 13-й фемою империи. За ранние века Византийской империи в Херсонесе не сохранилось надписей. Материал эпиграфический перестает быть источником Херсонесской истории; наши сведения теперь мы получаем, главным образом, из письменных источников, как из сочинений светских писателей, так и из агиографических произведений, которые, как отмечено уже выше, имеют большое значение для изучения судеб Херсонеса, начиная со времени распространения там христианства.

Хотя сведения о ссылке в Херсонес христианских подвижников, например, св. папы Климента, идут еще от I-го века, однако, христианство стало пускать живые корни в херсонесском населении, повидимому, только со времени Диоклетиановых гонений. Позднее Херсонес всегда остается местом, где церковная и религиозная жизнь получает большое развитие: это подтверждается богатой агиографической литературой, связанной с Херсонесом и развалинами многочисленных херсонесских церквей. В религиозном отношении Херсонес обнаруживал иногда даже явные признаки оппозиционной самостоятельности. Во время господства иконоборческой ереси, Херсонес был убежищем для иконопочитателей; несмотря на могущество Льва III и его преемников, Херсонес в это время как-будто даже не признавал их власти и отдался под покровительство чуждых распрям христианской церкви хазар.

Как место политического убежища с одной стороны, политической ссылки с другой, Херсонес ясно выступает в различные моменты истории Византии. Так в половине VII века туда был сослан папа Мартин I, удаленный в Херсонес монофелитом императором Константом II. Наиболее, быть может, интересным изгнанником, жившим в Херсонесе, был внук Константа Юстиниан II, отправленный туда после своего свержения в 695 г. Встретив очень несочувственное к себе отношение со стороны жителей Херсонеса, Юстиниан, по легендарным рассказам, дошедшим до нас в позднейших редакциях, жестоко мстил Херсонесу, снова воцарившись 10 лет спустя. Возможно, впрочем, что рассказы о жестокой расправе Юстиниана с херсонесцами, которая будто-бы имела место даже два раза, содержат зерно истины. Во всяком случае, в Херсонес ссылались жертвы Юстиниановой немилости, и оттуда изгнанник Вардан-Филиппик поднял в 711 году восстание, стоившее Юстиниану престола и жизни.

Подводя итоги положению, которое Херсонес занимал в VI-X веках относительно Византии, нужно причислить его к довольно важным пунктам империи; удельный вес его, во всяком случае, много более, чем в ряду древне-греческих колоний или в ряду пограничных городов Римской империи. Иногда он обнаруживает даже признаки какой-то своеобразной независимости, особенно в религиозном отношении. Для империи это место, откуда она ведет сношения с внутренней страной: так при Феофиле Херсонесский претор или стратиг Петрона отправляется строить хазарам крепость Саркел; немного позднее будущий апостол славян Кирилл-Константин, отправляясь в посольство в Хазарию, проезжал через Херсонес.

В X столетии в Крым и на Черное море проникают норманны. Их движение на юг находит наиболее сильное отражение в походах Киевских варяго-русских князей на Царьград. Очень характерно, что в договорах Игоря (944 г.) и Святослава (972 г.) говорится о «Корсунской стране, елико же есть городов на той части да не имать волости князь русский да воюет на тех странах и та страна не покоряется вам» (т. е. русским) [1]). Ясное указание на большое значение крымских владений империи и на особые заботы Византии о их сохранении. Такое же значение Херсонеса, как важного опорного пункта, обеспечивавшего интересы империи на северном берегу Черного моря, выступает в сказании о крещении Владимира Святого, как бы ни смотреть на правдивость сообщаемых им сведений. Русское влияние на Черном море окончательно исчезает с приходом половцев; тогда же и Херсонес перестает быть исходным пунктом путей, ведших далее, чем южно-русские степи. Его торговля, сущность которой не менялась со времени его основания, достигнув еще раз расцвета в IX—X столетиях, теперь постепенно стала суживаться и хиреть.

Два обстоятельства, кроме появления половцев и затем татар, должны были неблагоприятно отозваться на судьбе Херсонеса. Во-первых, завоевание Константинополя крестоносцами и переход Херсонеса под власть Трапезундских императоров лишили город его привычной политической и экономической базы; во-вторых, когда генуэзцы в XIV в. восстановили торговые сношения между Мраморным морем и северными берегами Черного, то сношения эти, очутившись в руках итальянцев, пошли по несколько иным направлениям — не через Херсонес и не через древний Босфор Киммерийский, а через всегда менее значительную в древности Феодосию, теперь Кафу, и через Судак, или как его называли тогда, Сугдею, Сурож. Генуэзцы принимали даже искусственные меры, чтобы принизить влиятельный когда-то Херсонес, который

[1]) Пол. Собр. Русск. Летописей, I, 21, 37.

до XV века оставался резиденцией православного митрополита и даже католического епископа, посаженного генуэзцами. В конце XIV века генуэзцы запрещали грекам вести в Херсонесе какие-бы то ни было торговые дела. Падение Константинополя в 1453 г. подорвало генуэзскую торговлю на Черном море и окончательно доканало захиревший Херсонес. В 1470 г. генуэзский банк св. Георгия мог беспрепятственно ломать стены города. Турецкое завоевание 1475 г. положило окончательный предел обитаемому Херсонесу. Остатки жителей перебрались в Чембало-Балаклаву; из живого город стал мертвым, а сто лет спустя Броневский думал, что уже прошло несколько веков с того времени, как его покинули жители.

Не раз уже было отмечено, что Херсонес долго и упорно сохранял демократический строй. Возможно, что самым основанием своим город обязан уходу демократических слоев из Гераклеи. Демократический строй пережил античный мир, и остатки его можно, кажется, подметить даже в Византийскую эпоху. К сожалению, и всю историю Херсонесского государственного строя можно только подметить или наметить. Как и в Ольвии она нам известна слишком фрагментарно. В общем, государственное устройство Херсонеса должно было представлять картину, схожую с государственным строем Ольвии, с той, вероятно, разницей, что в Херсонесе должны были сказываться особенности дорического склада, тогда как в Ольвии господствовали черты ионического склада. Во главе города с самого начала стояла выборная коллегия дамиургов (δαμιοργοί), председатель которой носил, повидимому, название «δαμιοργῶν τὰν πρώταν αρχάν» Во втором веке по Р. Х. название это было заменено названием первого архонта (πρῶτος ἄρχων), рядом с которым стояли четыре других архонта. Перемена как будто совпадает с исчезновением из употребления дорического диалекта. Позднее, название старшего херсонесского сановника видоизменяется в πρωτοαρχοντεύων, что уже близко к названию, бывшему в употреблении при Константине Багрянородном: «προτεύων» — «первенствующий». Так далеко в византийскую эпоху сохранились пережитки прежнего демократического устройства Херсонеса. Впрочем, в следах той независимости, которую Херсонес не раз пытался проявлять по отношению к Византии, также, может быть, жили последние проблески старинной херсонесской демократии. Однако, в Византийскую эпоху, наряду с первенствующим гражданином, нередко упоминается императорский чиновник—претор или стратиг, а в моменты Хазарского господства такое значение должен был иметь хазарский «тудун». Херсонесские надписи, подобно Ольвийским, упоминают и о других выборных коллегиях, которые ведали различными отраслями херсонесского управления.

Подобно тому как в Ольвии особенно чтили Ахилла Понтарха, Херсонес, наряду с богами Олимпа, имел свое особое чтимое местное божество—Богиню-Деву. Вышеприведенная присяга херсонесцев, наряду с другими надписями и известиями, вполне ясно вскрывает это явление. Само по себе оно не может вызывать удивления. Почти каждый город и каждое государство Греции имело свое местное божество, пользовавшееся преимущественным почетом, но облик херсонесской богини Девы носит некоторые особенные черты, которых нельзя обойти. Древнейшие известия о Крымском побережьи говорят о диких таврах, которые приносили в жертву своей богине Деве попадавших в их руки чужеземцев и потерпевших кораблекрушение мореплавателей. Позднее эту богиню отождествили с Артемидой и связали с ней легенду об Ифигении. Херсонес как раз возник на границе горной области, населенной таврами. Приморское святилище таврической Девы в глубокой древности возвышалось где-то неподалеку от места основания Херсонеса, быть может, где-нибудь около входа в залив Символов—Балаклавскую бухту [1]). Греческие колонисты, заселив часть земли тавров и вытеснив их в этом месте с побережья, тем не менее испытали на себе какое-то их влияние, которое и сказалось на долгое время в особом культе местного, но в значительной степени эллинизованного божества, к которому нам еще придется вернуться, говоря о туземцах, их культуре и религии. Процветание культа Девы в Херсонесе надо считать одним из последствий неизбежного взаимного влияния херсонесских греков и тех туземцев, которых они нашли на Крымском полуострове.

Взаимное влияние греков и туземцев труднее ощутить и исследовать в Херсонесе, нежели в Ольвии. Прежде всего Херсонес не имел непосредственно за собой тех беспредельных степных пространств, которые открывались за Ольвией и которые в перемежку с водной гладью Азовского моря тянулись за греческими колониями Киммерийского Босфора. Область, непосредственно тянувшаяся к Херсонесу, была, сравнительно, ограничена. Это обстоятельство долгое время способствовало поддержанию греческого элемента в Херсонесе, в сравнительно большей чистоте, нежели в Ольвии. За это говорит и устойчивость дорического облика города и полное отсутствие указаний на существование около Херсонеса таких микселлинов или эллино-скифов, каких мы видим в Ольвии и вновь увидим на Босфоре. Наконец, на то же указывает и меньшее количество не греческих имен в Херсонесе, что открывается из надписей. Кроме того, непосредственными

[1]) Herod., IV, 103.

соседями херсонесцев были сравнительно малочисленные крымские горцы, которых древние греки называли таврами и всегда отличали от более сильных, более могущественных и более богатых туземцев, населявших степи. Горный Крым тогда, как и позднее, был скорее убежищем слабых народов, нежели средоточием отпора морским пришельцам. Во всяком случае, кроме очень важного и интересного явления, каким был в Херсонесе культ Девы, едва ли можно указать много других следов влияния Крымских горцев на Херсонес. Что касается самих горцев, то после долгой и упорной защиты, они постепенно уступили напору эллинизма, шедшего одновременно с двух сторон,—из Херсонеса и Босфора, и подчинились ему, пока новая волна, связанная уже с великим переселением народов, не обновила горского населения и не придала ему новых сил. Во всяком случае, в римское время весь южный берег Крыма был унизан городками и укреплениями с римскими гарнизонами и эллинизованным населением. Горные туземцы, подвергаясь с севера натиску степняков, оказались отрезанными от моря.

В Крымскую степь херсонесцы выдвинулись далеко не сразу. В III и II веках до Р. Х., т. е. в эпоху, к которой относится херсонесская присяга, их господство распространялось на западную часть полуострова, тогда как восточная тянула к Босфорскому царству. Страбон, живший позднее и знавший о Херсонесе уже в иную полосу существования этого города, оставил очень отчетливое описание отношений города к его степным владениям. «Что касается Херсонеса, то за исключением горной области на морском берегу до Феодосии вся остальная часть его представляет равнину с хорошей почвой и чрезвычайно богатую хлебом. Жители давали дань Митрадату 180.000 медимнов хлеба и 200 талантов серебра. И в прежние времена отсюда вывозился хлеб к эллинам, подобно тому, как соленая рыба из Меотиды. Жители полуострова нарочито назывались земледельцами, вследствие того, что народы, обитавшие выше их, были кочевники, питавшиеся мясом различных животных, преимущественно же кониной, а также кобыльим сыром, молоком и сывороткой. Кочевники занимаются более войной, чем разбоем, а войны ведут из-за дани: предоставив землю во владение желающим заниматься земледелием, они довольствуются получением условленной умеренней дани... Земледельцы же, хотя и слывут за людей более мирных и более цивилизованных, но будучи корыстолюбивы и соприкасаясь с морем, не воздерживаются от разбоев» [1]). Приводимые слова Страбона помогают нам разобраться в общем укладе жизни,господствовавшем в Крымской степи около времени рождества Христова. Равнина,

[1]) Strabo, VII, 4.

принадлежавшая Херсонесу, давала ему в годы процветания те-же средства для отпускной торговли, какими жили и другие соседние колонии эллинов. Но его сфера влияния была более ограничена и не шла, видимо, далее Перекопского перешейка. Степной Крым ко времени Страбона, а, вероятно, и ранее был обитаем более или менее оседлым туземным населением, которое, с одной стороны, подчинялось Херсонесу, с другой, испытывало власть кочевников, владевших необ'ятными южно-русскими степями. Полуоседлое земледельческое население Крыма не могло не испытывать на себе в известной мере цивилизующего влияния как Херсонеса, так и Босфора.

О качестве этого влияния здесь не приходится говорить очень много. Мы уже знаем его, отчасти, по Ольвии; мы встретимся с ним, говоря о Босфоре и изучая быт самих туземцев. В общем, оно, конечно, было таким-же, как влияние других греческих городов. Однако, очень естественно, что обратное влияние туземцев на Херсонес, отделенный от степи горами, должно было сказываться слабее, нежели в Ольвии или Босфоре. И сам Херсонес влиял на степных туземцев меньше, чем его соседи, потому что область его влияния была уже и ограниченнее, но зато и степь могла оказывать на греческий город менее влияния, потому что отделена была от него горной полосой в несколько десятков верст. Так географические условия оказывали свое неизменное влияние на исторические судьбы людских поселений и соединений.

Влияние Херсонеса на степи значительно увеличилось гораздо позднее, в византийско-христианский период его существования, когда он остался единственным представителем греческой цивилизации и греческого влияния на северном берегу Черного моря, когда ни погибшая Ольвия, ни окончательно варваризованные города Босфора более не могли успешно с ним соперничать. Подобно тому, как вещественные остатки христианского Херсонеса покрывают собой остатки древне-греческого города, так и культурное влияние византийской Корсуни далеко оставляет за собой культурное влияние древнейшего Херсонеса. Сильное влияние, которое позднее Херсонес оказывал не только на степь, но и на страны, лежавшие к северу от нее, продолжалось до тех пор, пока стесненный и татарами, и генуэзцами, и турками, он не пошел по пути бесповоротного упадка. Но об этой поздней, вторичной эпохе корсунского влияния уместнее говорить при изучении культурных явлений времени основания первого русского государства.

Важнейшая литература:

Гр. Толстой и Кондаков. Р. древности в памятниках искусства, ч. I, II, V. СПБ. 1889—1897.

С. А. Селиванов. О Херсонесе Таврическом. Од. 1898.

Brandis, C. G. Chersonnesos (№ 20). Pauly-Wissowa. Real-Encyclopedie der classischen Altertumswissenschaft, VI HB. Stuttgart. 1899.

Бертье-Делагард. Раскопки Херсонеса. Мат. по Арх. России, № 12. СПБ. 1893.

Его-же. О Херсонесе. Изв. Имп. Арх. Комиссии. В. 21. СПБ. 1907.

Ростовцев. Херсонес. Энциклопедич. Слов. Брокгауза, т. XXXVII, 162—165. СПБ. 1904.

Гр. А. А. Бобринский. Херсонес Таврический. СПБ. 1905.

Ю. А. Кулаковский. Прошлое Тавриды. К. 1906.

Памятники Христианского Херсонеса. В. І. Д. В. Айналов. Развалины храмов. М. 1905. В. П. Лавров. Жития Херсонесских святых. М. 1911. В. Ш. Шестаков. Очерки по истории Херсонеса VI—X в. по Р. Х. М. 1908.

Е. Э. Иванов. Херсонес Таврический. Ист.-арх. очерк. (Изв. Тавр. Архив. Комиссии, № 46). Симф. 1912.

Minns. Scythians and Greeks. Cambr. 1913. Ch. XVII.

Древний мир на юге России. Изборник источников под редакц. проф. Б. А. Тураева, И. Н. Бороздина и Б. В. Фармаковского. М. 1918.

V. Latyschev. Scythica et caucasica.

V. Latyschev. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini v. I u IV. P. 1885—1901.

Отчеты Имп. Археологической Комиссии с 1889 года.

Отдельные статьи в Известиях Имп. Арх. Комиссии, в Изв. Таврич. Уч. Арх. Комиссии и в Уч. Зап. Од. О-ва Истории.

M. Ebert. Südrussland im Altertum. Bonn-Leipzig 1921.

ГЛАВА XV.

Босфорское царство.

Киммерийский Босфор, который греки называли так по имени одного из народов, когда-то обитавших в его окрестностях, был не отдельным городом с территорией, пространство которой то увеличивалось, то уменьшалось соответственно могуществу эллинской колонии или ее упадку, а сочетанием нескольких городов, которые очень рано составили одно целое и очень долго сохраняли свою связь. Главою союза был город Пантикапей на месте нынешней Керчи.

Против него на Азиатском берегу, повидимому, имевшем несколько иные очертания, чем теперь, что обуславливается изменением устьев Кубани, лежала Фанагория, расположенная близ нынешней станицы Сенной и Корокондама близ Тамани. В названии последней слышится отдаленный отзвук тут-же по соседству лежавшей позднейшей русской Тмутаракани. Несколько далее к Юго-востоку находилась Горгиппия, место которой занимает современная Анапа. Постоянным членом Союза был также Танаис на устьях Дона. И вокруг Пантикапея в окрестностях Фанагории было еще несколько более мелких поселений: Киты, Киммерик, Мирмекий, Стратоклея, Гермонасса и др., места которых по большей части остаются еще пока неопределенными. На европейском берегу, несколько южнее Пантикапея находился Нимфей, город, как мы знаем, иного и более позднего происхождения, нежели его северный сосед. Нимфей, равно как и Феодосия, присоединились к основному ядру Босфорских городов значительно позже; при этом Феодосия не всегда и не непрерывно входила в его состав. Таким образом, мы имеем дело не с обычным для греческих поселений типом государства-города, а с небольшой страной, в которой находилось несколько городов. В пределы этой страны на Крымском берегу постоянно включалась часть маленького, собственно Керченского полуострова, который был пересечен

валом, упиравшимся на севере в Казантипский залив, а на юге в Узунларское озеро, составляющее род закрытого лимана Черного моря. Вал служил для защиты Пантикапея и его ближайших окрестностей от набегов варваров. На Азиатской стороне постоянная территория Босфора обнимала только дельту Кубани, составлявшую по описанию Страбона и Птоломея группу островов, не связанных непосредственно с материком. За пределами вала на западе и за дельтой Кубани на востоке к Босфору тянуло в обоих направлениях побережье Черного моря; границами Босфорских владений были соответственно Феодосия и Горгиппия—Анапа. На севере опорным пунктом и важной торговой факторией Босфора был Танаис. За черту очерченных сейчас постоянных владений босфорское влияние простиралось иногда очень далеко, как в сторону Крыма, так, в особенности, в направлении Кубанских степей, но влияние это было непостоянным и давало себя чувствовать только в годы процветания Босфора. В периодически наступавшие эпохи упадка, степь освобождалась от преобладания босфорских городов и, переходя в наступление, доводила свое варварское влияние почти до самых ворот Пантикапея. Собственно Босфором назывался первоначально пролив, затем это название было перенесено на город Пантикапей, причем отчасти вытеснило его старинное название. Наконец, название Босфор было присвоено всей стране, центром которой был Пантикапей. Эта страна, в отличие от громадного большинства греческих колоний, очень рано сменила республиканский строй на монархический и удержала последний в течение почти девяти веков. Так явилось Босфорское царство; под этим названием чаще всего и разумеют греческие города Керченского пролива в их многовековом своеобразном развитии.

Вещественные памятники Босфорского царства общим своим характером существенно отличаются от памятников Ольвии и Херсонеса. Несмотря на то, что здесь был не один, а несколько городов, городских развалин на Босфоре менее всего, а если они и существуют, то они почти вовсе не исследованы. Древний Пантикапей лепился вокруг своего Акрополя, занимавшего теперешнюю Митридатову гору, которую почти окружает современная Керчь. Часть площади города Керчи была занята городскими постройками и в древнее время. Исследовать остатки древнего города под современным живым поселением—дело необыкновенно трудное и понятно, что в этом направлении возможно было сделать очень мало. В первой половине XIX века, первые исследователи Керчи, Дюбрюкс и Ашик, еще видели остатки стен Акрополя, но развивающаяся Керчь беспощадно снесла их. «Все склоны холма (т.-е. Митридатовой горы) покрыты насыпной землей, содержащей множество обломков старины; много раз здесь рылись всякого рода

отсюда, не особенно поучительны. Вообще, Босфорские раскопки дали множество прекрасных предметов, но очень мало сведений об истории и топографии различных городов» [1]). В особенности это приходится сказать о Пантикапее—Керчи. О том, что сделано здесь в настоящее время, можно судить по следующим фактам. «Начиная с 1895 года и до 1899 года на восточном склоне Митридата К. Э. Думберг сделал несколько пробных раскопок на террассах древнего города, лепившегося на склонах Митридата. Раскопки эти увенчались успехом: Думбергу удалось найти частью стены, частью фундаменты по крайней мере четырех античных зданий. К сожалению, как ни тщательно с технической стороны велись раскопки, работу К. Э. Думберга нельзя считать удовлетворяющей требованиям научного расследования руин древнего города. Во-первых, вследствие недостатка средств, раскопки остались разведками. Во-вторых, и это особенно важно, раскопка велась без содействия опытного архитектора и привыкшего к расследованиям античных руин археолога. Так как приходится иметь дело с весьма трудным раскопочным предприятием, с руинами города, имевшего многовековое существование и притом еще расположенного не в равнине и не на плато, а по склонам довольно высокого холма, то успеха от раскопок можно ожидать только в том случае, если на раскопки будут ассигнованы достаточные средства и руководить ими будут лица вполне компетентные, подготовленные и научно и технически» [2]).

Если так обстоит дело с развалинами Пантикапея, то еще хуже положение с развалинами Горгиппии—Анапы, где до сих пор разрыто только несколько погребений и найдено несколько надписей, с развалинами Фанагории и Корокандамы, вполне точную топографию которых едва ли можно считать достаточно установленной. Почти такое же замечание приходится сделать о Танаисе. Разведки, произведенные здесь еще П. М. Леонтьевым в 50-х годах прошлого века, наметили два места на дельте Дона, одно близ слободы Недвиговки в северной части дельты, другое неподалеку от станицы Елизаветовской почти против Азова, в южной ее части. В первом из них было найдено несколько надписей первых веков нашей эры, давших основания отождествить это место с позднейшим Танаисом, возникшим вместо более древнего, разрушенного Босфорским царем Полемоном [3]). Раскопки Н. И. Веселовского, исследовавшего погребения вокруг предполагаемого расположения

---

[1]) Minns. Scythians and Greeks, 564.

[2]) Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России, 113.

[3]) П. М. Леонтьев. Пропилеи, т. IV, стр. 397 — 524. М. 1854.

младшего Танаиса, в известной степени подтвердили мнение Леонтьева[1]). Окрестности станицы Елизаветовской были в дальнейшим исследованы А. А. Миллером[2]) в 1908—24 годах. Исследования в общем подтвердили возможность существования древнего поселения около Елизаветовской станицы. Во всяком случае, Танаис еще ожидает настоящих систематических работ.

Несмотря, однако, на плохое состояние исследования развалин Босфорских городов, именно Босфорское царство дало наибольшее количество находок, отражающих быт древних греческих поселений юга России. Дело в том, что ни одна местность, заселенная в древности эллинами, не сохранила таких богатых погребальных памятников, как, именно, территория Босфорского царства. Все окрестности Пантикапея и весь Таманский полуостров покрыты курганами и катакомбными погребениями, в которых хоронили и греков и многочисленных Босфорских жителей негреческого происхождения. В курганах, склепах и катакомбах встречаются ритуалы и греческий и варварский; необозримое количество предметов утвари и в том числе утвари драгоценной дают яркое понятие о быте, нравах и верованиях обитателей Босфорского царства. Богатая и интересная фресковая живопись сохранила нам подлинные изображения и сцены, взятые из жизни античного Босфора. Исследование Босфорских некрополей и составляет сущность всей археологической работы в этой местности. Прежде чем попытаться сделать обзор этой работы, я, однако, считаю необходимым сделать два замечания в целях ее общей характеристики. Непрерывная работа в окрестностях Керчи и Тамани началась едва ли не ранее, чем в Херсонесе. Во всяком случае, в смысле интенсивности она предшествует херсонесским исследованиям; я уже не говорю об Ольвии. Но будучи очень долговременной, она, взятая в целом, не отличалась единством и последовательностью и в этом отношении много уступает Ольвийским раскопкам. Во-вторых, она не всегда была на уровне чистой археологической науки. Вот что поэтому говорит новейший и самый крупный исследователь истории и древностей Босфора, академик М. И. Ростовцев: «По мере сил, конечно, руководители раскопок старались исполнять требования научного расследования, но тут они действовали только как хорошие чиновники, не вполне ясно отдавая себе отчет, для чего это нужно, и что можно из этого вывести. При таких условиях системы в работе в Керчи и на Босфоре не было и не могло быть. Опреде-

---

[1]) Веселовский. Танаис младший. Гермес. 1909. № 6/32.

[2]) Миллер. Арх. исследования в устье Дона. Тр. XIV Арх. С'езда. т. III, стр 83 — 88. Его-же. Отчеты о раскопках в вып. 35 и 56 Изв Арх. Комиссии.

ленных научных задач не ставили. Разрешения определенного вопроса не добивались, копали, чтобы найти «вещи», преимущественно «золотые». Это искание «золотых вещей» пагубно отразилось на отношении ко всему остальному и, главным образом, к сооружениям, где эти вещи находились. К этим сооружениям, и на местах и в Петербурге, относились холодно и равнодушно, не заботились о их охране, не искали для этого денег и полномочий. Результатом была гибель одного памятника за другим» [1]).

Нет сомнения, что века, протекшие от падения Босфорского царства до утверждения русской власти на берегах Керченского пролива, не прошли даром для богатых Босфорских некрополей. В этом месте народы сменяли народы, и в среде каждого должны были находиться охотники узнать, что скрывают под собой рассеянные по всей местности курганы, и поживиться их богатым содержанием. Следы разновременных ограблений слишком часто попадались при исследованиях, как Керченских и Танаисских курганов, так и курганов по устьям Дона. О том, как интересовались курганами генуезцы и венецианцы, владевшие этими местами в средние века, может дать понятие рассказ Иосафата Барбаро, о том, как сам он в 1437 г., в бытность в Тане, венецианской фактории на устье Дона, участвовал в раскопке большого кургана и как раскопщики были разочарованы, наткнувшись на насыпь несомненно обследованную хищниками до них. [2]). Путешественник первой половины XVIII века ла-Моттре [3]) покупал монеты и медали, находимые близ Керчи и Тамани. Несколько таких же монет и медалей было описано академиком Палласом в конце века. Сравнительно редкие путешественники, заглядывавшие в древний Босфор до начала XIX столетия, отмечали почти всегда и наличность интересных памятников древности и предметы, которые им удавалось получить.

Первый опыт научного описания и исследования Босфорских памятников был сделан русским академиком Келером, который в 1805 г. издал описание погибшего с тех пор памятника царицы Комосарии на Таманском берегу [4]). Активные попытки археологических исследований на территории Босфорского царства начались с конца второго десятилетия XIX века. Их первые шаги связаны с именем Керченского градоначальника Стемпковского, искренно интересовавшегося местными древностями, и его приятеля, французского выходца Поля Дюбрюкса, служившего в Керчи с 1817 г. до своей смерти в 1835 году и даже на свои

---

1) Ростовцев. Античн. декорат. живопись на юге России, 3.
2) Русск. перевод Барбаро в Б-ке иностр. писателей о России. СПБ. 1836.
3) Voyages du Sr de la Mottraye. La Haye. 1727. II, 56, 61.
4) Köhler. Dissertation sur le monument de la reine Comosarye.

скромные средства ведшего раскопки и исследования в течение долгих лет. Обремененный летами и движимый единственно любовью к науке, Дюбрюкс отправлялся производить свои исследования от Керчи до горы Опука, на расстоянии 60 верст, с куском хлеба в кармане, проводя две или три ночи в пустынных местах, которые служили ему предметом изысканий; он возвращался домой, истощенный голодом; солдатский табак, по его собственным словам, он покупал только тогда, когда у него были лишние две копейки.[1]). Дюбрюкс оставил обширные рукописные материалы, в которых содержатся результаты его исследований и наблюдений, причем направляющей для него мыслью была: «что после его смерти изыскания его пригодятся ученым, которые употребят их на пользу археологической истины»[2]). Венцом деятельности Дюбрюкса было открытие, правда случайное, и обследование знаменитого Куль-Обского кургана, к которому я вернусь ниже.

Другим обстоятельством, способствовавшим возникновению систематических исследований близ Керчи и Тамани, было учреждение в 1826 г. по мысли Стемпковского, поддержанной Новороссийским генерал-губернатором гр. М. С. Воронцовым, Керченского музея древностей. Исследования, предпринятые первым директором музея, Бларамбергом, который, впрочем, обыкновенно жил в Одессе, шли параллельно деятельности Дюбрюкса. Следующий директор, А. Б. Ашик, был главным руководителем дела в 1830-х и 40-х годах.

Моментом оживления и научного осмысления раскопок на территории Босфорского царства было начало 50-х годов благодаря интересу, проявленному к делу со стороны некоторых влиятельных лиц в Петербурге, например, графа Л. А. Перовского, тогдашнего министра внутренних дел. Кроме исследований и ценных находок близ Керчи, к этому времени относится ученая экспедиция гр. Уварова, которая, впрочем, как мы уже знаем, коснулась главным образом Херсонеса и Ольвии, а также разведочная экспедиция профессора Московского университета П. М. Леонтьева на дельту Дона.

Если развалины Херсонеса пострадали во время Крымской войны 1854—56 гг., то, может быть, еще в большей степени это можно сказать о Керченских древностях. «Не только не были пощажены древние могилы, но даже самый Керченский музей подвергся варварскому разграблению со стороны не только турок, но даже французов и англичан, и масса драгоценных предметов

---

[1]) Гр. Толстой и Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. I, 105.

[2]) Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Имп. Эрмитаже. СПБ. 1854. I, XII — XIII.

была разрушена и уничтожена бесцельно на месте. Двери музея были выломаны, и древние греческие плиты с надписями и барельефами разбиты вдребезги. Ничто, доступное действию огня и молотка, не уцелело, стекло истолкли, статуи разбили молотками; дело разрушения было полное. По счастью все драгоценные изделия из золота были перевезены в Эрмитаж, и союзникам удалось путем раскопок добыть лишь крайне незначительную серию вещей для Лувра и Британского музея» [1]).

В 1859 году была основана императорская археологическая комиссия, которая с первых дней своего существования сосредоточила свое внимание на древностях Босфорского царства. Исследования велись с этого времени и научно и систематически, насколько позволяли отпускаемые средства и поставленные задачи. В них участвовали члены Комиссии, а постоянное руководство на месте возлагалось обычно на директоров Керченского музея, Ряд их завершается В. В. Шкорпилом, которому археологическая наука очень много обязана в деле исследования Босфора.

Несмотря на то, что и в это время исследователи не всегда, может быть, освобождались от влечения к находке драгоценных и художественных предметов, которыми так богат Босфор, за полувековой период деятельности археологической комиссии достигнуты очень большие результаты. Кладбища разнообразных эпох, расположенные и по склонам Митридатовой горы и в окрестностях города, доставили массу драгоценностей и массу предметов утвари, охватывающую почти тысячелетний период. Склепы и катакомбы дали, кроме того, как я впрочем указывал уже выше, большое количество декоративных росписей и фресок, которые помогают нам уяснить очень многое из быта древних обитателей Пантикапея. Босфорские некрополи интересны еще тем, что отражают очень большое разнообразие бытовых явлений. Наряду с чисто эллинскими чертами в одних могилах, в других находима была обстановка варварская, или близкая к ней, свидетельствующая о том, как тесно переплетались здесь греческие формы жизни с иными, туземными, или во всяком случае не греческими. Замечателен и хронологический размах Босфорских некрополей, идущий от времен, когда города Босфора начинали свою жизнь в виде греческих колоний, и доходящий до IV—V веков по Р. Х., когда эта местность сделалась поистине удивительным средоточием и смешением самых разнообразных национальностей и культур.

К этой общей картине следует прибавить, однако, что не вся территория Босфорского царства была исследуема в одинаковой степени. Крымскому берегу посчастливилось гораздо более, нежели Таманскому полуострову, где, кстати, и число хищнически раз-

---

1) Гр. Толстой и Кондаков. Русские древности. I, 106.

грабленных в старое время могил оказалось относительно гораздо более высоким, хотя в свою очередь оно, повидимому, меньше, чем в окрестностях древнего Танаиса, где немногие современные исследователи встретили почти полное расхищение древних могил.

Для более наглядного знакомства с методами, которыми археологи действовали в пределах Босфорского царства и с результатами, которых они достигали в отдельных случаях, я изложу историю двух-трех больших работ в Босфорских некрополях, выбрав такие, которые кажутся мне достаточно показательными. В дальнейшем это поможет нам сделать и некоторые выводы.

В 1864 году член Императорской Археологической Комиссии И. Е. Забелин и директор Керченского музея Люценко раскопали на юго-западной оконечности Таманского полуострова курган в 7 сажен вышины и 160 сажен в окружности, известный под названием Большой Близницы [1]). Сначала у самого основания было найдено кострище, быть может, след погребальной тризны; далее после двухнедельной работы был обнаружен каменный склеп около 5 аршин в квадрате и около 5 аршин высоты с уступчатым верхним покрытием; перед склепом обнаружена была галлерея длиной в 4 аршина, состоящая из двух стен с промежутком между ними без крыши. Стены сложены из штучных камней. В склепе, неразграбленном, был найден богато украшенный гроб с многочисленными золотыми вещами и краснофигурная расписная ваза. Погребение было женским и, возможно, судя по вещам, принадлежало жрице Деметры. При раскопках следующего года были обнаружены второй и третий склепы. Все они были расположены не в середине кургана, а в совершенно эксцентрическом положении. При раскопках второго склепа было сначала обнаружено второе кострище, около которого был найден алтарь или жертвенник, сложенный из двух камней известковой породы со сквозным посредине их отверстием, в форме воронки, которое сверху прикрыто небольшим третьим камнем. Нижний камень украшен карнизом, на котором заметны следы красной и голубой красок. Второй склеп, большего размера, чем первый, и состоявший из двух отделений, был совершенно разграблен; несмотря на это, он оказался чрезвычайно интересным по художественной росписи. Покрытие уступами завершалось плитой, украшенной художественной головой богини Деметры или Коры колоссальных размеров с частью рук поднятых кверху; волосы ее убраны цветами, шея—ожерельем, а левое ухо—серьгой; в правой руке у нее—букет из цветов, в левой—конец повязки или ленты, спускающейся с головы. Верхний ряд стенных камней, образую-

[1]) Близницами обыкновенно на юге называются парные курганы, расположенные поблизости один от другого; и в данном случае, рядом с курганом Большой Близницей находится курган Малая Близница.

щий с обеих сторон обоих отделений—дромоса и усыпальницы—широкий фриз, украшен живописью, представляющей узоры в виде цветов и миртовых ветвей, расположенных симметрически между бордюрами из шариков и овов. Далее вглубь кургана, рядом со вторым склепом, на глубине 7 аршин, был найден третий склеп, подобный первому, с той разницей, что свод был не уступами, а призматическим. Погребение оказалось не разграбленным; оно содержало останки воина с большим количеством оружия и шлемом в виде фригийской шапки, в гробу (разбитом), украшенном слоновой костью и резьбой. Здесь же были найдены обломки желобчатой чернолаковой вазы с золоченой гирляндой вокруг горлышка. Краснолаковая ваза, найденная в первом склепе, позволяет отнести его к концу IV или началу III века до Р. Х.; второй склеп по своей конструкции несомненно одного времени с первым; третий, выстроенный выше первых, в насыпи, судя по чернолаковой вазе, моложе первых. Таким образом в кургане Большой Близницы мы имеем погребения раннего эллинского периода Босфора.

Неподалеку от Близницы возвышаются курганы Васюринской горы. Вот как описываются погребения в склепах этой горы: «Широкая лестница спускается к колонаде перед входом в коридор склепа. По обе стороны ее каменные ящики, в которых погребена была четверка лошадей и остатки колесницы. У входа в склеп принесена была в жертву привязанная к стене на цепочке собака. Широкое дверное отверстие ведет в просто, но изящно, на греческий лад расписанный корридор; из него другая—в богато расписанный склеп. Здесь посредине высится богатейший резной саркофаг, покрытый пурпуровым пологом; над ним живописью брошен на свод голубой ковер с богатым бордюром. По стенам, в момент погребения горели цветные свечи, на крюках развешены были между свечами одежды и вооружение покойника. Перед гробом два мраморных стола—побольше и поменьше, на них десятки бронзовых золоченых сосудов. На полу большие чернолаковые вазы с богатой позолотой» [1]). Картина погребения вскрывает и самый обряд, сложный и в то же время архаичный, в котором, наряду с греческими элементами древнейшей героической Эллады, есть черты местного, туземно-варварского происхождения.

Рассмотрим теперь другой склеп, относящийся к позднему времени, к первым векам после Р. Х. В 1905 г. был обследован курган близ самой Керчи на земле нотариуса Фельдштейна. Обследование кургана, находящегося в нем склепа и 7 погребений в насыпи было произведено директором Керченского музея

[1]) Ростовцев. Босфорское царство и южно-русские курганы, 6.

В. В. Шкорпилом и членом Археологической Комиссии М. И. Ростовцевым. Склеп состоял из небольшого преддверия, небольшой первой комнаты, большого центрального помещения, где у левой от входа стены стоял большой бутовой кладки саркофаг, наконец, из третьей небольшой комнаты с саркофагом у правой стены. Склеп был крыт полуцилиндрическим сводом. В общем, вся архитектура типична для больших курганных погребений Римского времени. Все три комнаты склепа были украшены росписью, сохранившейся, впрочем, очень неравномерно. Особенно типичны для времени фрески боковых стен главной комнаты. Над темно-красным обычным цоколем или панелью идет сплошная узкая черная полоса. Над нею стена разбита на отделения зелеными тирсами, перевязанными бантами. Пространство между ними заполнено как бы вставленными в стену плитами из мрамора разных цветов. В плиту вписан ромб иного чем плита оттенка мрамора, а в ромб в свою очередь вписан круг. Выше идет фриз, состоящий из квадратов и прямоугольников, украшенных розовыми гирляндами. Свод был расписан квадратными кассетами, но сохранился очень плохо. Самый склеп был найден ограбленным, но остальные 7 погребений, найденные в каменных гробах в том же кургане, оказались ненарушенными. Найденные в них разнообразные и многочисленные вещи по стилю своему относятся к I—II векам по Р. Х., что вполне соответствует архитектуре склепа.

Вот описание одной из этих гробниц: «Гробница была построена из плит керченского известняка и имела в длину 3 арш. 8 верш., ширину 1 арш. 8 верш. и глубину 2 арш. 8 верш., пол был земляной. Во всех четырех стенах вырублено было по одной нише. Совершенно истлевший скелет лежал головой на юго-восток в деревянном саркофаге, сильно пострадавшем от сырости. В нише за головой ничего не было; в правой боковой нише лежала бронзовая коробочка, костяной круг, монета, бронзовый ключ, остатки железного замка и разная железная утварь (кольца, мундштуки, стригиль). В левой нише стояли два стеклянных графина и стакан; в нише над ногами стояла глиняная лампочка. Сам покойник был положен в саркофаг на слое лавровых листьев и, повидимому, покрыт какой-то материей, осыпанной листовым золотом. На правой руке нашелся золотой браслет из двух частей, на левой—золотое кольцо с резным камнем, около левого бедра лежал меч, а около правого — нож и позолоченная пуговка. В ногах лежали: шесть слезниц, пряжка, серебряные полукруглые и продолговатые пластиночки. Гипсовые украшения (фигуры Ниобидов) лежали вокруг всего саркофага» [1].

[1]) Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России, 266.

Очень характерно, что общий обряд погребения мало изменился в это время сравнительно с описанным выше обрядом погребения древней эпохи Босфора. В нем можно усмотреть то же сочетание греческого и не греческого, варварского. Обычно, однако, росписи склепов и изображения на надгробных памятниках чаще чем раньше говорят о сильной вере в загробную жизнь и об усилении на Босфоре глубоких мистических влияний, где в свою очередь греческие элементы тесно переплетаются с восточными.

Опишу еще в коротких словах обстоятельства открытия и работы по исследованию одного кургана с чисто варварским погребением. Это знаменитая Куль-Оба, расположенная всего верстах в 6 от Керчи. Открытие этого кургана в 1831 г. составило эпоху в истории исследования древностей южно-русского варварского населения. Вместе с тем, его соседство с древним Пантикапеем показывает, как близко жизнь варваров соприкасалась здесь с греческими поселениями. В сентябре 1831 года производилась ломка камня для постройки казарм в Керчи. На работах присутствовал градоначальник Стемпковский и приглашенный им, быть может, в виду возможности неожиданных находок древности, Дюбрюкс. «Рассматривая,—говорит последний,—вид холма, возвышавшегося на самой вершине горы, я убедился, что тут должна быть гробница, и сообщил мое замечание г. Стемпковскому». На указанное место было обращено особое внимание и несколько дней спустя работавшие солдаты обнаружили каменный склеп, по форме и плану напоминавший очень многие из Керченских склепов: четыреугольная камера с уступчатым покрытием и проход с перекрытием, подпертым деревянными столбами, составляющий преддверие погребального помещения. Направо от входа, внутри, вдоль стены стояли в два ряда сосуды, у двери большой бронзовый котел на ножках, за ним ряд других разнообразных сосудов. За сосудами лежало два наконечника копий по 9 вершков длиной. В юго-западном углу, в полу,—углубление с лошадиными костями, бронзовыми поножами и шлемом. Головой к углублению вдоль южной стены лежал скелет мужчины, вероятно, раба. Слева от головы раба лежали остатки драгоценного погребального ложа и разбитого деревянного гроба, а среди них костяк женщины. Голова ее украшалась электроновой диадемой, на шее золотое ожерелье; костяк сопровождало много других драгоценных вещей, среди которых выделялась электроновая круглая ваза с изображениями скифов—самая замечательная вещь изо всей находки. Направо от женского остова почти все пространство до восточной стены склепа было занято саркофагом из кипарисового дерева, где лежал остов знатного туземца, быть может, царя, с богатыми украшениями, оружием и утварью. Саркофаг низкой перегородкой разделен был на две части; в одной лежал остов

царя, в другой, меньшей,—его оружие—железный меч с рукояткой, покрытой золотым листом с изображением двух животных, золотая пластинка с именем сделавшего ее мастера Πορναχο, украшавшая ножны меча, золотой, круглый поддон, или вернее средина щита, рукоятка нагайки, обвитая золотой лентой, понож и точильный камень в золотой оправе с орнаментом. В отделении, где лежал сам царь, у головы лежали золотые пластинки, вероятно от кожаного башлыка с изображением скифов. На голове царя был остроконечный башлык из тонкого войлока, украшенный двумя обручами из листового золота с тонким художественным рисунком. На шее—большая золотая гривна с изображением конных скифов; на руках кольца и массивные золотые браслеты, кончающиеся сфинксами. Около саркофага с северной его стороны стояло три бронзовых сосуда—2 греческих и 1 варварский котел на ножке, по всему склепу было рассыпано множество золотых пластинок, украшавших одежды и ткани и различные мелкие, частью разрушенные предметы. Среди последних выделяются обломки тонких костяных пластинок от лиры или иного музыкального инструмента с рисунками тонкой греческой работы. Почти при входе в склеп была еще могила, выкопанная в материке; в ней находился человеческий остов с головой, обращенный к западу, также снабженный золотыми украшениями.

Мне придется вернуться ниже к об'яснению значения ритуала Куль-Обского погребения в связи с описанием быта туземцев. Здесь я ограничусь лишь сведениями об окончании раскопок 1831 г. и о дальнейшей судьбе кургана. И то, и другое типично для археологического быта изучаемой местности. Исследование склепа продолжалось 3 дня и все еще не было закончено. Оставалась неисследованной часть пространства вдоль южной и восточной стен, заваленное камнями, упавшими со свода. Для дальнейших работ надо было подпереть обветшавший свод, что было отложено до следующего дня. Руководивший исследованиями самого склепа Дюбрюкс, уверенный, что опасность обвала послужит лучшим препятствием к попыткам проникнуть внутрь склепа, посоветовал Стемпковскому снять караул, охранявший склеп с первого дня его вскрытия. Следствием этого неосторожного шага было сделанное следующей ночью ограбление неисследованных мест склепа и частично могилы, выкопанной в материке. Лишь небольшую часть награбленного удалось потом отыскать. «Что особенно печально, заканчивает свой рассказ Дюбрюкс, склеп мы не могли сохранить. Уже 24 сентября большие камни отделились от свода, южная стена осела и я едва не сделался жертвой моей страсти к древностям и точности в исполнении приказаний г. Стемпковского обследовать склеп и снять с него план. 27 сентября северная стена обрушилась, ранив в ноги двух любопытных,

которые вошли в склеп не для того, чтобы подивиться древней постройке, но чтобы найти золото, ускользнувшее от наших поисков»[1]).

Источники истории Босфорского царства уже отчасти определены предшествующим изложением. Богатейшие некрополи Босфора в своей совокупности дают громадный запас культурного материала, по которому быт и общая физиономия Босфорского царства восстанавливается в очень богатых и интересных рамках. Среди вещественных предметов особенно важное место занимают росписи и рисунки, покрывающие стены склепов и катакомб Босфорского некрополя; это единственный в своем роде источник, который дает возможность наглядно представить себе Босфорцев, их одеяние, их торжественные процессии и печальные церемонии, сцены из быта городского, военного и охотничьего. Не менее важное значение имеют босфорские монеты: достаточно отметить, что за некоторые периоды только монеты позволяют установить имена и последовательность Босфорских властителей. Босфорские некрополи и развалины босфорских городов дали очень большое количество надписей, среди которых преобладают надписи надгробные, посвятительные, почетные, а также списки граждан, позволяющие, опираясь на заключающиеся в них имена, судить о взаимном отношении греческого и негреческого элемента в Босфоре. Однако, приходится сожалеть о том, что надписи дают в общем мало сведений о событиях, происходивших в Босфорском царстве. Чтобы искать ответа на этот вопрос, естественно обратиться к письменным источникам, к свидетельствам античных писателей. Однако, и здесь нас постигнет большое разочарование. Несмотря на свою долгую историческую жизнь, Босфор не имел собственного историка; по крайней мере мы ничего не знаем о каких-либо местных писателях; мы даже не знаем их хотя бы по именам, как, например, херсонесского историка Сириска. Молчит о Босфоре и Геродот. Очень ценные данныя о Босфоре почерпаются из афинских источников, благодаря тому обстоятельству, что Афины были в оживленных торговых сношениях с Босфором. Декрет в честь царя Левкона, начала IV века, упоминания о босфорских людях и делах в речах Исократа и Демосфена—вот неожиданные, но драгоценные лучи света в темной истории Босфорских колоний. Более всего сведений дают поздние классические авторы, которые для событий предшествующего времени пользовались более древними, не всегда нам известными, источниками. Среди этих авторов на первом месте стоят: Страбон, Птоломей, Диодор Сицилийский, Аппиан, Полиэн и другие. Вместе взятые, они дают довольно много ценных отдельных фактов,

[1]) Древности Босфора Киммерийского, I, XIV — XXXV.

но связанного повествования о событиях в этом уголке античного мира извлечь из них нельзя. Как бы ни сопоставлять данные памятников письменности с богатым содержанием памятников вещественных, все же остаются в жизни Киммерийского Босфора неоднократно повторяющиеся периоды, когда судьбы этой страны остаются, вопреки всем усилиям современной науки, темными и загадочными. Конечно, всего чаще это наблюдается в периоды упадка и слабости Босфора.

Довольно плотное гнездо греческих поселений на Киммерийском Босфоре возникло в сравнительно короткий промежуток, повидимому, в течение VI века до Р. Х. и, следовательно, позднее Ольвии. Большинство из них было основано милетцами; остальным местностям Греции принадлежит лишь небольшая доля в колонизации берегов Босфора. Матерью и центром всех греческих городов Босфора был Пантикапей, нынешняя Керчь, город с характерным негреческим именем. Год основания его неизвестен, но можно думать, что он возник не ранее самого конца VII века и не позднее половины VI. Возможно, что первые греческие насельники захватили уже существовавшее на этом месте поселение, которое и удержало свое прежнее название. Первый достоверный факт, касающийся Босфора, относится к 438 году до Р. Х. Диодор Сицилийский сообщает, что в этом году, «когда в Афинах был архонтом Феодор, исполнилось 42 года царствования на Киммерийском Босфоре царей, называемых Археанактидами; после них царскую власть принял Спарток и царствовал 7 лет» [1]). Это краткое известие вскрывает несколько очень важных событий. Во-первых, очень скоро после основания Босфорских колоний они, вероятно в целях лучшей защиты от враждебных туземцев, соединились в один союз, в одно политическое целое, которое никогда потом более не расторгалось: Диодор говорит не об одном каком-либо городе, а о всем Босфоре. Во-вторых, политическое развитие Босфора с самого начала пошло иначе, чем в других греческих колониях, нам знакомых. Не демократическое начало получило там развитие, а наоборот, едва через сто лет после основания Пантикапея, в нем и в соседних городах мы уже видим что-то вроде монархической власти. Кто были Археанактиды, сказать достоверно нельзя. Это, может быть, был аристократический род, или группа родов, которая держала в руках своих власть над страной. В свою очередь это могли быть потомки наиболее влиятельных из первых колонистов; возможно, наоборот, что и в них уже была какая-нибудь примесь негреческих элементов. Во всяком случае, в Босфоре с очень раннего времени существовала

[1]) Diodor, XII, 31, 1.

сильная аристократия. Роскошные погребальные склепы, столь многочисленные для сравнительно маленькой страны, доказывают это с полной очевидностью, а своеобразие погребальных обычаев и обилие негреческих имен заставляют подозревать существование в ее среде варварских, во всяком случае, не эллинских родов. В третьих, переворот 438 года передал власть в руки царя или тирана, носившего фракийское имя, и, следовательно, также лица не эллинского происхождения. Относительно Спартока существует два мнения: или это мог быть наемник фракиец, добившийся власти посредством силы, или это был член местного аристократического рода и именно рода негреческого происхождения.

Спарток I сделался родоначальником династии Босфорских тиранов или царей, которые носили частью фракийские имена—Спарток, Перисад, частью греческие—Левкон, Эвмел и др.; эллинское влияние и эллинская культура оказывали свое действие. Возвышение Спартока совпало с расцветом Афинского могущества при Перикле. Афинская экспедиция, снаряженная в Черное море в 434—3 годах, имела, может быть, в качестве одного из заданий оберегание афинских интересов на Босфоре, где Афины незадолго перед тем основали Нимфей, против нарождавшегося могущества пантикапейских царьков. Как бы то ни было, но в конце-концов Спарток и его наследник и сын, Сатир, поладили с Афинами, и босфорские царьки надолго стали друзьями Афин и поставщиками хлеба в Аттику. Единственное явление, нарушившее эту дружбу, был захват Сатиром афинского города Нимфея, произведенный в разгар пелопоннесской войны. Зато сын Сатира, Левкон, был постоянным другом афинян, которые за оказанные им услуги в деле снабжения Афин хлебом, наградили его почестями и дали ему права афинского гражданства. По словам Демосфена в речи против Лептина, нормальный ежегодный ввоз хлеба из Босфора в Аттику достигал 400.000 медимнов, составляя половину всего хлебного ввоза в Аттику. А весь вывоз хлеба из Босфора, снабжавшего не только Аттику, но и другие области Греции, достигал при Левконе 670.000 медимнов или 1.340.000 пудов. Наряду с хлебом, Босфор, как и Ольвия, доставляли в Грецию рыбу, скот и рабов из Скифии. Положение житницы Греции, достигнутое Босфором в V и IV веках, должно было стать главным источником его процветания и могущества. Основной задачей первых спартокидов было упрочить за собой значение хозяев хлебного экспорта в восточной части северного берега Черного моря. Это дело завершил Левкон, захватив в свои руки Феодосию, после долгой борьбы с Гераклеей Понтийской; экспорт из восточной части Крыма окончательно перешел в руки владык Босфора. Другой заботой Спартока и его преемников было внутреннее упрочение Босфорской державы и установление устой-

чивых и определенных отношений к окружавшим их владения туземцам. И эту задачу Босфорским царям удалось разрешить на довольно долгое время. Их влияние распространялось в IV веке на восточную часть Крыма и на широкие степные пространства к востоку от Азовского моря.

Внешнему могуществу и крепкому положению державы Спартокидов соответствовало ее внутреннее процветание, следы которого очень характерно сказываются на Босфорских некрополях того времени: «В могилу с покойником никогда не клали такого количества дорогих, иногда художественных вещей, как теперь. Особенно роскошен инвентарь погребений богатых людей, местной аристократии. Их величественные каменные склепы под высокими курганами наполнены редким подбором дорогих и художественных вещей: лучшая греческая краснофигурная и многоцветная керамика аттических мастерских, восточное и греческое пестрое стекло, превосходный набор малоазийских ювелирных вещей. Чудесами токарной техники являются саркофаги, в которых покоились бренные остатки пантикапейских и таманских вельмож и их жен» [1]). Очень характерны и показательны также рядовые гробницы. Они неизменно указывают на то, что эллинский элемент в Босфоре продолжал сохранять свою силу. Богатый инвентарь и обряд погребения, удержавшийся на Босфоре и господствовавший над трупосожиганием, — чисто греческий. Чаще всего встречаются предметы, нужные для эллина-атлета.

С конца IV века, после смерти царя Перисада I, в Босфоре пошли смуты. Они начались усобицами между сыновьями царя, спорившими из-за престола. Успевшее окрепнуть царство расшаталось, однако, не сразу. Только во второй половине III века последствия смут отражаются и на внешнем состоянии царства. Соседние туземные племена освобождаются от Босфорского влияния. В Крыму усиливаются скифы. Царство Скилура, притеснителя Херсонеса, представляло опасность и для Босфора. Варварские царьки начинают вести агрессивную политику против Босфора. Влияние их в Пантикапее растет, укрепляемое, может быть, брачными союзами. Скифские гробницы, вроде Куль-Обы, в ближайших окрестностях Пантикапея, косвенно указывают на почет и влияние, какими в то время пользовались варвары в Босфорских городах. Впрочем, мы имеем мало положительных известий о событиях внутри страны и о властителях, правивших ею; о последних говорят почти только их монеты. Однако, судя по погребальным памятникам, материальное состояние Босфора, продолжавшего вести традиционную хлебную торговлю с Грецией, не было низким. Эпоха политического упадка Босфора заканчивается завоеванием

[1]) Ростовцев. Эллинство и иранство на юге России, 94.

страны Понтийским царем Митрадатом, нуждавшимся в прочной базе, которая лежала бы притом вне сферы Римского влияния. Его полководцы, Неоптолем и уже известный нам Диофант, доставили Митрадату власть над Босфором в последнее десятилетие II века. Предлогом вступиться в дела Босфора была для Митрадата просьба о помощи со стороны последнего спартокида Перисада, а убийство Перисада скифами едва ли не вынудило Митрадата окончательно взять в свои руки правление Босфором.

Войдя в состав владений Митрадата, Босфор был тем самым вовлечен в его долголетнюю борьбу с Римом. В конце-концов, жители Пантикапея и других городов, утомленные долголетним напряжением сил, которое вызвано было бесконечными войнами царя с римлянами, восстали против Митрадата под предводительством его сына Фарнака, и старый царь принужден был окончить жизнь самоубийством в Пантикапее в 63 году до Р. Х. Однако, длившаяся полвека борьба Митрадата с Римом оставила глубокие следы на судьбах Босфорского царства. Политика Митрадата ввела Босфор бесповоротно в сферу влияния Рима, в которой он остается в течение более четырех веков и притом гораздо прочнее, чем какое-либо из греческих черноморских поселений. Это сказалось уже при сыне его Фарнаке, которого, после поражения его Цезарем, Босфорские города так же слабо поддержали, как и его отца. По смерти Фарнака, убитого предводителем восставших босфорцев, Асандром, Цезарь поставил Босфорским царем Митрадата Пергамского, знатного и богатого малоазийского грека, считавшегося сыном Митрадата Великого. Есть много оснований думать, что Цезарь носился с мыслью твердою ногою стать на северо-восточном и восточном побережьи Эвксинского Понта, чтобы, может быть, оттуда готовить задуманный им поход на Парфян. Однако, планы Цезаря разбились о национальное сопротивление Босфорцев. Поход Митрадата Пергамского на Босфор неудался; нареченный царь погиб; гибель самого Цезаря положила конец его личному влиянию на дела востока. Для Босфора это кончилось тем, что власть там осталась на долгое время за Асандром. Кто он был, точно установить нельзя; возможно, что он происходил из местных влиятельных эллинов. Как бы то ни было, Асандр, для укрепления своего авторитета внутри страны женившийся на Динамии, дочери Фарнака, был скоро признан Римской властью, сначала в качестве архонта Босфора, а потом, около 41 года до Р. Х., и в качестве царя. Его правление продолжалось более четверти века и было для страны временным отдыхом от долгих смут предшествовавших лет. Отдых, однако, был непродолжителен. В 17—16 году против Асандра выступает поддерживаемый Римом претендент Скрибоний, выдававший себя за потомка Митрадата. Смерть Асандра, может быть, насильственная,

облегчила Скрибонию захват Босфорского престола. После Скрибония, убитого Босфорцами, престол снова получил кандидат выдвинутый Римлянами—знатный малоазийский грек Полемон. Пять лет его правления были временем непрерывной борьбы его с Босфорским населением, и особенно, с туземными племенами сарматов и мэотов, занимавшими страну от устьев Кубани до устьев Дона. Скудные известия об этом времени повествуют, что царица Динамия, овдовев после смерти Асандра, стала женой Скрибония и, наконец, Полемона. Сожительство ее с последним, вызванное, вероятно, исключительно политическими причинами, было, однако, кратковременным. Динамия удаляется из Босфора в Танаис и оттуда, опираясь на сарматов и меотов, ведет войну с Полемоном. Борьба приводит к разгрому Танаиса Полемоном, что можно об'яснить единственно ожесточенной усобицей, так как Танаис, как мы знаем, был главной торговой факторией Босфора в земле скифов и сарматов и, наконец, завершается гибелью самого Полемона, завлеченного в засаду где-то на Таманском полуострове Аспургианами, не то туземным племенем, не то дружиною из туземцев, предводителем которой был Аспург, повидимому, сын или четвертый муж Динамии. Аспург воцарился на Босфоре после гибели Полемона, несмотря на то, что он был врагом и убийцей ставленника Рима; на признание Аспурга царем повлияли вероятно условия римской политики данного момента и желание со стороны Рима признать совершившийся факт скорее чем вести новую борьбу.

С воцарением Аспурга, рядом с которым продолжает править Динамия, начинается новый, более устойчиный и длительный период в истории Босфора. Аспург, захватив власть, должен был считаться с господством Римлян, которые, кроме того, отделили окончательно Босфор от Понта. На зависимость Босфора от Рима упорно указывают босфорские монеты: на них мы видим головы Августа и устроителя дел на востоке—Агриппы, а о существовании местного царя скромно напоминает только монограмма его имени на обратной стороне монеты. Головы босфорских царей наряду с головой римского императора появляются вновь на босфорских монетах только в самом конце царствования Аспурга в 37—38 году по Р. Х.

После смерти Динамии в 7—8 году по Р. Х., Аспург женился на Фракийской царевне Гепепирис. Умирая, он оставил двух сыновей—старшего Митрадата и младшего, несомненно сына царицы Гепепирис, — Котиса. Митрадат пытался было еще раз восстать против Рима и освободить Босфор от власти императоров, но, будучи разбит римским войском под начальством Дидия Галла и не нашедши поддержки ни среди босфорцев, ни среди окрестных

племен, он был выдан своим младшим братом Котисом и отправлен в Рим, где и окончил жизнь пленником.

С утверждением на Босфорском престоле Котиса в 49 году по Р. Х., Босфор на несколько веков вполне подчиняется римской власти. Бо́льшая или меньшая свобода действий Босфора, бо́льшая или меньшая напряженность его отношений к империи зависела от общих условий и положения Рима в данный момент и от личной политики отдельных императоров. Во главе Босфора утвердилась династия Аспурга. Имена ее царей как бы подчеркивают ее не греческий, а сарматско-фракийский характер. Среди них чередуются имена Савромат, Рескупорид и Котис; первое значит «сармат» — в архаическо-греческой форме имя племени, из которого вероятно происходил родоначальник дома, Аспург, второе и третье—фракийские имена, носимые потомками Гепепирис. Среди этих имен попадается один раз также фракийское имя Реметалк. По словам современного исследователя Босфорского царства М. И. Ростовцева, «греческого элемента ни в династических именах, ни во внешнем облике царей незаметно вовсе. Цари первого и последующих веков по Р. Х., на своих медных монетах изображая себя во весь рост на коне во время боевой схватки, позже, на коне в акте адорации божества, являются нам в более раннее время в образе фракийских вассальных династов в полуримском кавалерийском вооружении, позднее в образе и костюме иранских царей» [1]). Но формальное подчинение Риму также находит отзвук в царских именах: Савроматы, Котисы и Рескупориды, все без исключения называются Тибериями-Юлиями в честь императоров дома Августа, при котором произошло подчинение Босфора империи.

Отношение римской власти к Босфору в первое столетие, протекшее со времени свержения Митрадата младшего и воцарения Котиса, в основных чертах напоминает то, что мы уже видели применительно к Ольвии и Херсонесу. Широкие планы Нерона, крупная военная экспедиция легата Нижней Мезии Сильвана создавали приниженное положение Босфора. В 60-х годах царь Котис даже лишился права чеканить монету. Наоборот, затруднения и борьба в конце первого века вновь возвысили положение босфорских царей; это чувствуется и при Траяне, когда, в связи с большими замыслами императора на востоке, Босфорское царство на время получило особенное значение передового опорного пункта империи. С некоторыми колебаниями это положение продолжалось до Септимия Севера и его ближайших преемников. Не следует забывать, что все это время Босфор продолжал

[1]) Ростовцев. Эллинство и иранство. 153.

снабжать римско-греческий мир хлебом из богатых житниц южной России, причем в торговле руководящую роль играл сам царь.

Если обратиться к внутренней жизни Босфорских городов в первые века нашей эры, то их благосостояние, судя по некрополям этого времени, отнюдь не упадало. Богатые склепы и катакомбы с росписями и рядовые могилы более скромных людей неизменно указывают на богатство и роскошь высших слоев и на довольство, царившее в средних классах босфорцев. Власть царя внутри царства была, повидимому, неограниченной и простиралась на все города Босфора; некоторое исключение составляла при первых царях новой династии только Фанагория, но и то это отличие скоро сгладилось. Социальная и экономическая структура страны может быть восстановлена в основных чертах, по крайней мере по отношению к Пантикапею. Рядом с царем, главным хлебным торговцем, работает все население, владельцы хлебных контор, скупщики хлеба, объезжающие сельские экономии, местные ремесленники, работающие на городское население и на степных соседей. Оседлое население Босфора более или менее скученно живет в городах; лишь на лето для сельских работ выезжают с обозами в деревню, где живут, как туземцы варвары, в повозках и шалашах. При этом возможно, что площади обработки не оставались постоянными, а степные пространства засеивались временно на несколько лет, после чего опять обращались в перелог. Необходимость оберегать себя от степи, наседавшей и со стороны Крыма и со стороны Кубани, давала себя чувствовать в эту эпоху; она создавала постоянную военную готовность жителей к бою. Изображения боевых сцен на росписях гробниц нередко рисуют конных рыцарей, копейщиков, лучников, закованных в кольчуги. Описание наряда, в котором, по словам Диона, возвращался ольвиец Калистрат в город, может служить литературным комментарием к Босфорским фрескам.

Устойчивое положение Босфорского царства продолжалось до тех пор, пока сохранила свою силу Римская держава. С началом великой смуты в империи в III веке, известия о Босфоре становятся все реже и реже. Единственными достоверными вехами являются немногие надписи да монеты с именами царей, попрежнему носящих по большей части традиционные фракийские имена. Существование этих царей можно проследить почти до половины IV века. К этому времени на берегах Черного моря появляются новые народы, сначала готы, потом гунны, что временами тяжело отзывается на судьбах Босфора. Среди городских жителей распространяется понемногу христианство, о чем мы знаем из нескольких отрывочных надписей. В VI веке Босфор вновь соединяется с империей, восстановленной Юстинианом.

Босфорские города не закончили своего существования в смутное время переселения народов; в их истории, во второй половине первого тысячелетия нашей эры есть интересные моменты, к которым ниже мне придется вернуться. Но историю старого Босфорского царства можно считать конченной вместе с именами царей фракийской династии. На Керченском проливе закончилась длинная глава истории и началась новая, которую с предыдущей связывают быть может только немногие культурные пережитки.

Внутренний строй Босфора существенно отличается от внутреннего строя Ольвии и Херсонеса. Фактический обзор истории царства мог уже в этом убедить. Если Ольвия и Херсонес представляются нам подобиями греческих демократий, то Босфор можно скорее всего сравнить с эллинистическими царствами наследников Александра. Первые владыки Босфора носили титул архонта. Один из наиболее выдающихся между ними, Левкон, как видно из надписей его времени, назывался «властителем (архонтом) Босфора и Феодосии и царем Синдов, Торетов, Дандариев и Сиссов» [1]). Постепенно название царя, в противоположность тому, что происходило обычно в ранней Греции, брало верх и от варваров распространялось и на греков. Вероятнее всего, что Митрадат Понтийский принес с собою в Босфор облик и привычки настоящего восточного царя, эллинизованного только поверхностно, с внешне-культурной стороны. Облик восточных царей-деспотов сохраняет и большинство его преемников, особенно цари второй династии, потомки Аспурга. Деспотический строй, прочно и последовательно водворявшийся на Босфоре, вытравил следы демократических учреждений, если они вообще когда-либо там существовали. По странной случайности, не поддающейся объяснению при теперешнем состоянии наших сведений, некоторые следы демократических учреждений долгое время сохранялись в Фанагории и Горгиппии. Устройство и состав управления Босфорского царства, известные нам из надписей III века по Р. Х., носят чисто бюрократический характер и напоминают восточные царства или позднейшую Византийскую империю. Все сановники носят название «высоковратцев» (ἀριστοπυλεῖται); гражданское управление находится в руках особого правителя царства (ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας); военное — в руках хилиарха — «тысяцкого» и стратегов. Отдельные области имеют своих особых правителей: ὁ ἐπὶ τῆς νήσου, «правитель острова», ведал Таманским полуостровом, ὁ ἐπὶ τῆς Γοργιππίας — восточную окраину царства; самый Пантикапей был в ведении особого «политарха» — градоначальника. В состав высших сановников входили, кроме того, канцлер (ἀρχιγραμματεύς) и особый заведующий финансами.

---

[1]) Inscr. P. E. II, № 6.

Независимо от перечисленных должностей, существовал особый штат должностей придворных, которые окончательно утверждают за Босфорским царством чисто восточный характер.

История религиозных культов в Босфорском царстве скрывает в себе много невыясненного. За раннее время она особенно мало нам известна. Более ясной она становится в первые века нашей эры, но то, что мы знаем о религиозной жизни Босфора в это время, сообщает ей очень своеобразный характер. Официальное поклонение греческим богам существовало в Босфоре всегда; однако, если в раннее время это поклонение действительно соответствовало воззрениям эллинских колонистов, то позднее, особенно после рождества Христова, оно превратилось в мертвый обряд; религиозная душа страны успела далеко отойти от старых греческих богов. Исключение составляет Афродита Небесная, культ который был также распространен на Босфоре, как культ «Девы» в Херсонесе. Но в сущности, босфорская Афродита и была божеством, близким к Херсонесской Деве, или по крайней мере, аналогичным ей. Босфорская Афродита—не что иное, как местное олицетворение великой богини, великой матери, малоазиатского божества, которое чтили по всему побережью Черного моря. Рядом с нею стоит очень неясно очерченное, но постоянно в позднем Босфоре упоминаемое высшее мужское божество—«высший бог» (θεὸς ὕψιστος). Нам известны религиозные общества, посвященные культу этого единого высшего бога, культу, в котором нет ничего общего с христианством, но возможна связь с иудейской религией. Христианство в Босфоре вообще далеко не имеет того значения, какое оно получило в позднем Херсонесе; его следы в надписях невелики и появляются поздно, не ближе IV века. Зато, и это одна из самых характерных черт религиозной жизни Босфора, в нем очень рано, уже в конце I века по Р. Х., появляется значительное еврейское население, а с ним вместе и иудейская религия. Надписи с этого времени напоминают уже о «синагогах иудеев» [1]). Иудейство прочно утвердилось на Босфоре и имело несомненное и большое значение в позднейших судьбах юго-востока Европы. К этому значению иудейства мне придется еще вернуться; пока ограничусь замечанием, что прилив иудеев на Босфор не может не указывать на очень большую силу восточных влияний, господствовавших там в самом начале нашей эры.

Выше уже неоднократно приходилось касаться мимоходом негреческих влияний на Босфоре. Теперь необходимо обратить на них более пристальное внимание. Прежде всего, босфорские города, в противоположность другим черноморским колониям греков,

[1]) Inscr. P. E. 11, № 52, 53.

сложились в монархическое государство с эллинистическим обликом. Так могло случиться именно потому, что наряду с греческими влияниями, там очень рано стали чувствоваться иные культурные силы и влияния, действовавшие параллельно греческим и часто наперекор им. Основной причиной такого явления следует, может быть, считать географическое положение Босфора. Здешние греческие колонии возникли не в глухом углу мира, как Ольвия, не в укромном уголке Крыма, как Херсонес, а посредине большой дороги, ведшей из цивилизованных стран в южно-русские степи. Босфор был узлом путей: ехавшие с юга могли продолжать путь к устьям Дона и к северным берегам Меотийского озера, но они могли выйти на сушу и вести дела со степью, как к востоку, так и к западу от Босфора. Узел этот, кроме того, лежал в месте соединения Европы и Азии. Изучение неолитической культуры дольменов и бронзовых культур в южно-русских степях и в Предкавказьи уже показало нам, как глубоко заходят корни сношений всей этой местности с южными берегами Черного моря и Малой Азии, причем эти сношения могли вестись и прямо морем и по Азиатскому побережью. Если мы оглянемся назад вглубь веков, то нам станет вполне понятным, что связь Босфора с Понтом была не случайной, что не случайно в нем присутствие явлений, сближающих его не с Грецией, а с востоком.

Греческому населению Босфора пришлось, таким образом, испытывать двоякое давление, парализовавшее его первоначальный эллинизм,—обычное влияние степей и влияние востока, которое должно было существовать там задолго до основания греческих колоний и не исчезало во все время их существования. Никакой писатель древности не говорит нам о существовании определенных миксэллинов на Босфоре; но нет никакого сомнения, что смешанное население и полуэллинизованные туземцы существовали там с очень давнего времени. Еще при Спартокидах, т. е. в золотые времена греческой жизни на Босфоре, крупную роль в царстве играют местные туземцы, представители соседних племен, подвластных босфорским царям. То, что Спартокиды были одновременно архонтами греков и царями туземцев соответствует и их двоякому отношению к подданным и двоякому составу самих подданных. Подданные царей селились в греческих городах и усваивали отчасти греческую культуру; наиболее богатые и могущественные, становились в ряды босфорской аристократии, окружали царя, участвовали в отпускной торговле. Сами Спартокиды были не греками по происхождению, а судя по их именам, фракийцами; аристократия Босфора, оставившая нам свои интересные погребения, также была, вероятно в большей части своей, негреческой. Здесь могли быть и земляки Спартокидов—фракийцы и синды и меоты, жители прикубанских степей, и скифы, соседи

Босфора по Крыму. Напомню еще раз, что чисто варварское скифское погребение в Куль-Обском кургане было устроено всего в нескольких верстах от Пантикапея.

В более позднее время такая картина оттеняется еще резче. Соединение с Понтом должно было усилить азиатские влияния. При Митридате и его преемниках греческий элемент продолжал слабеть, и на поверхность все более и более поднимается элемент местно-варварский, негреческий. Повидимому, особенно сильной становится варваризация при царях второй династии и чем далее уходит время, тем она сильнее. По надписям первых времен христианской эры, более трети имен—не греческие, а фракийские или иранские. Греческий язык остается языком официальным, но можно наверно сказать, что большинство населения уже не считает его своим родным языком. Даже между надписями появляются негреческие, написанные неразгаданными еще знаками. Судя по фрескам усыпальниц, традиционный костюм и тип грека уступает место вооруженным полуварварам, всадникам в шароварах и шапках. Царь Митридат считал себя потомком персидских Ахеменидов; возможно, что соединение с Понтом, продолжавшееся около столетия, дало очень много для водворения на Босфоре традиций и обычаев иранского происхождения. Однако, дальнейшую, более глубокую иранизацию, особенно заметную начиная с II века по Р. Х., нельзя объяснить одними только Понтийскими влияниями. Географическое положение Босфорского царства давало ему возможность особенно широко воздействовать на восточную прикубанскую степь. Крым был тесен, и, кроме того, там оказывали свое влияние и другие греческие колонии во главе с Херсонесом. Северный берег Азовского моря был сравнительно далек; наоборот, прикубанская степь была близка, беспредельна, и там Босфор не встречал соперничающего влияния. Эта степь и подвергалась более всего непосредственному влиянию Босфорского царства, но зато и она в свою очередь влияла на него. Именно в этих степях около времени рождества Христова совершаются крупные этнографические изменения. Новые насельники степи выступают с ясно очерченным иранским характером. Это обстоятельство сказывается определенными последствиями на культурном облике Босфорского царства; особенно в связи с начавшимся в III веке по рождестве Христовом упадком римской власти, долго продолжавшей быть на Босфоре проводником греческой цивилизации. Цари Босфора, как показывают их монеты и надписи (главный за это время источник сведений о Босфоре), принимают титул «Царя Царей». «Как только они получают некоторую свободу действий в эпоху ослабления центральной власти, начиная от Марка Аврелия, они сменяют свой облик римско-фракийского кавалерийского генерала, каковыми они

являются на монетах I века по Р. Х., на облик почтенного и тяжеловесного иранского царя, облеченного в иранскую одежду, вооруженного на иранский лад, с длинным иранским скипетром без бюста императора в руке»[1]). Вместе с обликом царей меняется и облик их подданных. Я уже говорил о перемене в костюме босфорцев, что становится особенно заметным в росписях гробниц первых веков нашей эры. Перемене внешней соответствует и перемена в воззрениях, взглядах и обычаях, что также уясняют нам поздние фрески босфорских склепов и катакомб. В могилы кладут грубые изображения богов; в числе их особенно часто попадаются статуэтки местной Афродиты, т. е. великой богини, почитание которой укрепилось и сменило поклонение олимпийским богам. Насколько для раннего периода истории Босфора типичны росписи могил, изображающие будущую жизнь покойника соответственно греческим представлениям об атлетах, борцах палестры, настолько для более позднего времени типичным является погребение коня или конской сбруи вместе с покойником или появление золотых масок, что сближает босфорские обычаи с обычаями парфян, т. е. иранцев.

Словом в жизни Босфора II—IV веков нашей эры все говорит, если не о исчезновении эллинских черт, то о постепенном поглощении их варварской, азиатской, в частности иранской струей. Новый уклад жизни сказывается здесь гораздо сильней, нежели в поздней Ольвии, и не может вовсе сравниться с устойчиво сохранявшим свой облик Херсонесом соответственной эпохи. Уклон в сторону варварства, точнее иранства, сказывается во всем и на всех: в составе населения, в именах, во внешнем облике местной жизни, в погребальных обрядах, религиозных верованиях, на царях, на богатой торговой аристократии и на рядовом населении. Это не значит, что наследие греческой цивилизации исчезает бесследно. Техника, ремесло, искусство сохранятся очень долго почти в неприкосновенном виде; признаки огрубения сказываются только в самое последнее время самостоятельного существования Босфорского царства. Сохраняется и официальное употребление греческого языка. Но это только внешняя оболочка. По внутреннему укладу босфорские города гораздо менее чем Ольвия и особенно Херсонес сохранили воспоминания о том, что они когда-то были греческими колониями. Степь, варварство овладели Босфором более, чем другими крупными греческими городами северного побережья Черного моря, или, точнее, именно в Босфоре многовековое взаимное влияние и притяжение греческого города и вар-

[1]) Ростовцев. Эллинство и иранство. 170.

варской степи выразилось яснее всего и привело к наиболее оригинальным и сильным формам.

Мне нет нужды говорить здесь о влиянии Босфорских городов на степь. По существу пришлось бы повторять то, что в свое время говорилось применительно к Ольвии, а подробности мы будем изучать, перейдя к жизни самих варварских степей.

Важнейшая литература:

А. Ашик. Воспорское царство. Ч. I — III. Од. 1848 — 49.
Сабатье. Керчь и Босфор. СПБ. 1851.
Древности Босфора Киммерийского. СПБ. 1854. 3 т.
Antiquités du Bosphore Cimmérien, rééditées par S. Reinach. P. 1892.
В. Латышев. Краткий очерк истории Воспорского царства. В сборнике Pontica. СПБ. 1909.
C. G. Brandis. Bosporos, № 3. Pauly-Wissowa Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. St. 1897.
Ю. Кулаковский Прошлое Тавриды. К. 1906.
М. И. Ростовцев. Эллинство и иранство на юге России. СПБ. 1918.
Его-же. Античная декоративная живопись на юге России. 2 т. Пг. 1914.
Его-же. Босфорское царство и южно-русские курганы. СПБ. 1912.
Гр. Толстой и Кондаков. Р. древности в памятниках искусства. В. I. СПБ. 1889.
S. Reinach. Mitridate Eupator. P. 1890.
E. H. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge. 1913. Chapt. XVIII—XIX.
К. Гёрц. Археологическая топография Таманского полуострова. М. 1870 и СПБ. 1898.
К. Гёрц. Истор. обзор археол. исслед. и открытий на Таманском полуострове. М. 1876 и СПБ. 1898.
П. М. Леонтьев. Разыскания на месте древнего Танаиса. Пропилеи, т. IV. М. 1854.
Н. И. Веселовский. Танаис младший. Гермес. 1909. № 6/32.
Mommsen. Römische Geschichte, V, 286 — 294.
Ф. Мищенко. Торговые сношения афинской республики с царями Босфора. Киев. Унив. Изв. 1878.
Ф. Брун. О названиях Керчи и ее окрестностей в ср. века. Черноморье. Ч. II. Од. 1880.
Древний мир на юге России. Изб. источников под ред. проф. Б. А. Тураева, И. Н. Бороздина и Б. В. Фармаковского. М. 1918.
Отчеты Имп. Арх. Ком. с 1859 г.
Отдельные статьи в Известиях Археологической Комиссии, в Учен. Записках Одес. Об-ва Истории и Древностей и в Известиях Таврич. Учен. Арх. Комиссии.
V. Latyschew. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. v. II, IV. P. 1890 — 1901.
V. Latyschew. Scythica et caucasica. T. I. II.
M. Ebert. Südrussland im Altertum. Bonn-Leipzig 1921.

ГЛАВА XVI.

Ранний железный век на юге России. Источники изучения туземной культуры.

Время процветания греческих поселений на северных берегах Черного моря совпадает с развитием в южно-русских степях очень сильной и оригинальной туземной культуры, в основе которой лежит уже умение пользоваться железом. Культуру эту обычно связывают с племенами скифов и сменивших их сарматов. Откладывая пока вопрос об этих народностях, населявших юг России в первом тысячелетии до Р. Х., мы остановимся на памятниках, которые позволяют изучать их культуру.

«За исключением двух-трех прежних попыток, собственно, начало систематическому научному исследованию древностей означенного края (т. е. южнорусских степей) было положено в 1852 г. вскрытием Александропольского кургана в Екатеринославской губернии на правом берегу Днепра» [1]). С конца 50 годов начинается деятельность императорской Археологической Комиссии, в руках которой исследование памятников скифо-сарматской культуры оставалось до последнего времени, равно как и исследование греческих колоний русского юга. Рассказ о том, что сделано было до 50-х годов, не займет много места. В 1763 г. ген.-поручик А. П. Мельгунов, тогдашний новороссийский губернатор, приказал разрыть большой курган, известный под названием Литого кургана, в 30 верстах к западу от Елизаветграда, между верховьями Большого и Малого Ингула, в урочище «Кучеровы Буераки». От XVIII века нельзя было требовать научного и методического расследования; богатые находки Литого кургана, отправленные в Академию Наук, а оттуда частью перешедшие в Эрмитаж, заставляют жалеть, что раскопка этого кургана не имела места в более позднее время. Судя по сохранившейся весьма не-

[1]) Древности Геродотовой Скифии Вып. 1. Спб. 1866, предисловие.

совершенной записи, в черноземной насыпи кургана найдена была каменная баба, а на глубине 6 футов гробница, обложенная каменными плитами. Среди найденных вещей особенно интересны: «золотая цепь из трех рядов сплетенных коленцев с 11 пряжками, из коих в среднюю был вставлен круглый сердолик, в конце цепи висело по 6 шариков, далее золотое кольцо весом почти в 6 золотников», а главное золотые ножны от кинжала, несомненно восточной, вероятно ассирийской или может быть персидской работы. Ножны немногим длиннее фута. К верхней части ножен приделана приставка, окруженная ободком из завитков; в средине ее изображение оленя, лежащего закинув рога за спину—мотив, встречающийся и на других предметах, например, на пластинке, найденной в Куль-Обском кургане. На обратной стороне приставки, повыше оленя—отверстие для привешивания кинжала. На верхней части ножен—мифологическая сцена, в средине ее священное дерево, встречаемое также на ассирийских барельефах, по сторонам его стоят два дерева в кадках, а за ними с обеих сторон крылатые духи с кадильницами. Вдоль самих ножен между меандровыми завитками,—ряд фигур, пускающих стрелы из луков, у них звериные туловища, зубастые рыбы вместо крыльев и головы орлиные, львиные и человеческие, безбородые с повязкой в виде диадемы. Общий облик их очень близок к крылатым чудовищам на ассирийских и персидских барельефах.

Почти шестьдесят лет спустя была раскопана Куль-Обская могила близ Керчи, давшая чисто варварское погребение почти в черте столицы Босфорского царства. Исследование Куль-Обского кургана произошло уже в значительно более благоприятных с научной точки зрения условиях. Так как описание Куль-Обского кургана и его исследование уже изложено мною выше, равно как и значение, какое Куль-Обское варварское погребение имеет по отношению к истории и быту Пантикапея, то возвращаться к нему я не буду. Если к Мельгуновскому и Куль-Обскому курганам прибавить несколько менее богатых курганов, раскопанных случайными любителями до половины XIX столетия в различных местах юга России (большая часть их падает на южную часть Киевской губ. [1]), то этим перечень важнейших находок скифо-сарматских древностей до начала деятельности Археологической Комиссии будет исчерпан.

Переходя к деятельности комиссии, я остановлюсь только на некоторых наиболее важных и типичных памятниках, отсылая желающих познакомиться с предметом более подробно к специаль-

[1]) Подробности см. у гр. Толстого и Кондакова «Русск. Др.» II. 130 — 131.

ным работам [1]). Хотя исследования Александропольского кургана или Луговой могилы имели место до учреждения Археологич. Комиссии, однако они велись по инициативе гр. Л. А. Перовского, так много сделавшего для изучения Босфорских древностей и отчасти благодаря усилиям хранителя Керченского музея древностей—Люценко, и хотя в самом начале были допущены значительные ошибки, тем не менее, раскопку Луговой могилы, продолжавшуюся от 1851 до 1856 г., можно считать началом систематических исследований скифских курганов с царскими погребениями. Курган расположен в Екатеринославском уезде, близ местечка Александрополя, верстах в 60—70 от Днепра на правом его берегу, и достигал 10 сажен высоты. По рассказам жителей на нем некогда стояла каменная баба. По подошве он был обложен огромными камнями; кругом шел ров и вал с двумя перерывами—с восточной и западной стороны. Поводом к исследованию была случайная находка, сделанная в 1851 г. при добывании из кургана камней для фундамента строившейся в Александрополе церкви. В насыпи кургана были найдены два изображения крылатой персидской Артемиды, удушающей животных, из железа, обложенного листовым золотом и серебром, и несколько мелких золотых, серебряных и бронзовых предметов. С 1852 г. начались последовательные систематические раскопки кургана. В самой насыпи кургана, в западной части его, были обнаружены скипевшиеся и перержавевшие обломки железных обручей и полос со множеством медных, бронзовых и серебряных украшений, блях, кружков, бубенчиков и трубочек, которые по большей части были на что-то нашиты или наколочены. Вероятно это были обломки торжественной колесницы, на которой доставлено было к могиле тело царя.

В северной половине кургана было найдено толстое золотое кольцо, обложенное листовым золотом, золотая пластинка—лунница, золотое украшение в виде подковы, полая фигурка кабана из листового золота не греческого, а азиатского типа и несколько других мелких предметов; все предметы были снабжены дырками. Тут же было много маленьких золотых гвоздей, которыми все вещи были прибиты к истлевшему предмету из дерева, остатки которого сохранились тут-же.

В материке под курганом прежде всего была найдена могила лошади, покрытая бревнами; лошадь стояла на коленях, с головой, вытянутой вперед и помещавшейся на особом приступке; поза ее соответствовала позам раненых оленей на скифских изображениях. Сохранившееся убранство лошади состояло из золотых блях

[1]) «Древности Геродотовой Скифии». В. I (1866 г.); в. II (1872 г.). Толстой и Кондаков. Русск. Др., I, 84—125; E. H. Minns, Scythians and Greeks, ch. VIII, Scythic tombs, p. 149—240; отчеты имп. Арх. Комиссии с 1859 г.

и розеток, серебряных бус, бронзовых бубенцов и других металлических предметов. Седло было некогда окрашено в красный цвет и убрано золотыми украшениями; у седла лежал колчан со стрелами. Рядом с гробницей находилось в материке другое углубление, оказавшееся человеческой могилой. Она состояла из двух ям, сообщавшихся между собою подземными галлереями; дно и стены были вымазаны известью. В земле, наполнявшей яму, найдены кости животных, обломки медной и железной посуды и черепки амфор; между последними два от росписных черно-лаковых сосудов. Из ямы коридор вел в обширную катакомбу в форме трапеции с покатым полом. Здесь было найдено два черепа и множество черепков, в том числе один от росписной вазы с позолоченным рельефным орнаментом, наконечники стрел, бронзовые и костяные, и более 700 мелких золотых предметов, главным образом бляшек, пуговок, трубочек, фигур тигров, львов, горгон и т. п. На полу лежали железные полосы, скобы, петли и гвозди от сундука. Пол катакомбы находился на глубине 7—8 аршин от поверхности. Надо думать, что здесь и была главная могила, ограбленная хищниками, которые, однако, всего утащить не успели. Две грабительские мины, открытые в катакомбе, показали ходы и приемы грабителей. В западной стене катакомбы была вырублена ниша, наполненная черепками амфор, здесь же попадались золотые вещицы. В северо-восточном углу катакомбы начинался широкий и длинный в 15 сажен коридор. При входе в него поперек лежал нетронутый скелет с серебряными серьгами, бронзовой гривной на шее и железным браслетом на руке. Он, казалось, оберегал вход в коридор. Кости при вскрытии рассыпались на части. На всем протяжении коридора попадались золотые вещи и масса лошадиных костей, также перемешанных с лошадиными погребениями. Коридор, возвышаясь, исчезал в высоте; здесь дальнейшие раскопки грозили обвалом. В начале только что описанного коридора от него отделялась боковая галлерея, в которой также было найдено несколько мелких золотых вещей. Конец большого коридора был расследован только в следующем 1856 г. Тут была найдена совершенно нетронутая конская могила. Остов лежал на левом боку, обращенный головой к центральной катакомбе; весь конский убор был унизан золотыми и серебряными бляхами и пластинками с изображением человеческих голов варварского типа, скифов, преследующих зайцев, и растительным орнаментом. За конской могилой в коридоре лежали еще три конских остова в уздечках с богатыми украшениями, из которых следует отметить золотые бляхи с изображением головы Афины и Афины во весь рост с совой и золотые ажурные украшения в виде фриза из грифов, терзающих кабанов и оленей. В южной половине кургана была обнаружена еще одна яма, имевшая форму трапеции;

здесь оказались остатки второй колесницы, окованной железом, о шести колесах и при них до 200 золотых блях и пуговиц, служивших для ее украшения. Из этой ямы шел новый коридор в катакомбу, где лежал нетронутый скелет человека большого роста, при нем множество золотых и серебряных украшений и две глиняных амфоры, почти неповрежденные, с Босфорскими клеймами. На этом закончилось исследование Луговой могилы..

Исследование это убеждает прежде всего в чрезвычайной сложности погребального сооружения, прикрытого курганной насыпью: мы имеем дело с целой системой подземных ходов, колодцев и катакомб. Затем поражает невиданное, не встреченное еще нами в южно-русских степях обилие золота и драгоценностей, которое погребено было вместе с покойниками, особенно если принять во внимание, что в Луговой могиле исследователи получили лишь незначительную часть первоначально зарытого сокровища. Луговая могила прекрасно знакомит и с теми опустошениями, которые делали в богатых могилах грабители, действовавшие нередко очень скоро после торжественного погребения. Погребение Луговой могилы было именно таким торжественным погребением, где похороны умершего, богатого и влиятельного вельможи или царя, сопровождались умерщвлением целой группы людей, ему близких, и избиением едва-ли не целого табуна лошадей. Надписи и клейма на винных амфорах и присутствие черепков чернолаковой греческой посуды, изготовление которой прекратилось около II-го века до Р. Х., и наконец близкое сходство и даже тожество некоторых Александропольских золотых блях с такими же бляхами из Куль-Обы позволяет датировать Луговую могилу временем не древнее II века до Р. Х. Сходство Куль-Обинских и Александропольских пластинок, кроме того, указывает на то, что и в далекую Александропольскую могилу золотые бляшки должны были попасть из тех же мастерских, какие дали предметы для Куль-Обинского склепа. Относительно последнего не может быть сомнения, что мастерские эти были в Босфорских городах: так наглядно устанавливается влияние культуры Босфора на быт знатных туземцев, похороненных, а следовательно и живших в глубине Скифии.

Курган, известный под именем Чертомлыцкого, расположен также на правом берегу Днепра в 20 верстах к северо-западу от местечка Никополя, Екатеринославского уезда. Он достигал до раскопки 9 сажен высоты и 165 саж. в окружности; в значительной части он был обложен камнями. На вершине стояла каменная баба. Раскопки производились в 1862 и 1863 гг. под руководством знаменитого русского археолога и историка быта И. Е. Забелина. Раскопка была начата с вершины кургана. С полусаженной глубины начали попадаться различные предметы кон-

ской упряжи и убора, а на глубине около 3 саж. в насыпи оказалась целая куча разных украшений, большей частью конских. Они были все сильно попорчены ржавчиной, особенно отозвавшейся на серебряных вещах. Из золотых украшений здесь были найдены два конских нащечника в виде крыльев и 56 пластинок в виде крыльев, стреловидных листьев и рубчатых ленточек. Они были прибиты золотыми гвоздиками к ремням. Среди множества бронзовых предметов выделялись, во-первых, большая прорезная жаровня, оригинальные конские бляхи в виде звериных голов, указывающие на распространение и популярность того звериного стиля, который уже известен нам по могилам бронзового века на северном Кавказе и в восточной России, и шейная бронзовая гривна в виде гладкого раздвижного кольца. Здесь же находились до 250 железных удил. От времени до времени в насыпи были находимы черепки от разбитых; амфор; некоторые из них были с клеймами.

В первый год работ курган был раскопан до седьмой сажени глубины. Затем работы были прекращены за поздним временем года, причем были приняты меры для сохранения кургана от грабителей и от размыва весенними водами. Работы по снятию кургана обнаружили некоторые особенности самой насыпи, которые потом были неоднократно отмечаемы, и в других курганах, аналогичных по характеру с Чертомлыцким. Оказалось, что северный склон кургана отличался особенно резко выраженной крутизной, почти доходившей до отвесности, причем для поддержания насыпи она была скреплена камнями. Наоборот южный склон кургана гораздо отложе. Это указывает, что насыпание кургана производилось с юга к северу, обстоятельство, которое стояло, быть может, в связи с каким-нибудь требованием обряда.

Когда в 1863 г. были возобновлены работы по исследованию Чертомлыцкого кургана, то для экономии времени и труда выемка производилась далее путем выреза средней части кургана. Когда насыпь снята была до материка, то в нем обнаружилось несколько могил: центральная, ориентированная с востока на запад, и другая рядом с ней; саженях в 7-ми от центральной были три квадратных ямы, вытянутые с севера на юг; к востоку от них были две продолговатых могилы и далее на запад—3 могилы со скелетами и простыми горшками, но без вещей. Такая же могила была, кроме того, обнаружена в восточном крае насыпи: в ней нашли безголовый остов и железный кинжал. Стены и пол могилы были обмазаны известью.

Три квадратных могилы были конские. В первой было три конских остова, на одном убор был с золотыми украшениями, на двух других—с серебряными. По типу украшения были сходны с найденными в насыпи в куче. Во второй и третьей могилах ле-

жало по 4 коня, причем в средней 2 оседланных с золотым убором и два без седел с серебряными уздечками, у одного был, кроме того, бронзовый убор на шее. В третьей могиле лошадиные украшения были такие же, но без седла и с серебряной уздой был только один конь. Все одиннадцать коней головами обращены были к центральной могиле. Рядом с конскими могилами в продолговатых могилах лежали два остова, вероятно, конюших, оба лицом навзничь с вытянутыми руками, у одного была найдена золотая серьга, в виде двуликой человеческой головы и серебряная гривна; золотой витой перстень и кожаный колчан; у другого золотая гривна и колчан с бронзовыми стрелками с остатками тростниковых древков.

Сбоку от крайней северной конской могилы находилась обширная пещера сводом, от которой в сторону шла мина (на плане V и e). Это была пещера кладоискателей, сплошь заваленная землей и наполненная различными предметами, которые грабители не успели вынести, похитив их из центральной и смежных с ней гробниц. В одном пережавевшем ведерке были найдены сотнями золотые бляхи различного вида, в том числе с изображением сидячей богини, в другом месте куча других золотых вещей-бус, трубочек, блях, золотой перстень и т. д. В одном из углублений у стен и были воткнуты 3 меча с золотыми ручками варварской работы, большая золотая пластинка от ножен меча и другие предметы, среди них бронзовый светильник о семи рожках. В самом начале мины лежал скелет одного из грабителей, раздавленного обвалом. Не перечисляя всех предметов, найденных в различных местах подземелья, за исключением черепков греческой чернолаковой чаши, я перехожу к коридору, которым грабительское подземелье сообщалось с основной центральной могилой и ее отделениями, — целью действий хищников. Здесь при входе из коридора в боковую могилу была найдена знаменитая чертомлыцкая серебряная ваза, единственное в своем роде сокровище южно-русской археологии; рядом с ней стояло огромное серебряное блюдо, украшенное растительным орнаментом и фигурными ручками; на блюде лежала серебряная черпалка с ручкой в виде собачьей головы. Центральная могила представляла собой прямоугольник, вытянутый от запада к востоку; в углах ее были устроены четыре дополнительных могилы, в виде таких же прямоугольников, расположенных несколько ниже уровня главной. Вся система в целом напоминала в плане нечто вроде мельничных крыльев. В ту из дополнительных могил, которая была расположена к северо-западу от главной, грабители и провели мину. Главная гробница оказалась почти начисто разграбленной; в ней были найдены только остатки ложа, выкрашенного голубой и красной краской. Лучше обстояло дело в мо-

гилах боковых. Как раз в той, куда проникла мина грабителей, было открыто не успевшее быть ограбленным женское погребение, которое можно считать погребением царицы. На деревянном ложе, окрашенном в синий, зеленый и желтый цвета, лежал женский костяк в богатом убранстве. На лбу была золотая лента с растительным орнаментом, сбоку были две золотые серьги грубоватой работы. Головной убор был украшен 49 золотыми бляшками в виде цветков и розеток. Бляшки расположены были так, что можно было себе представить, что на голове царицы был надет остроконечный колпак с длинными лентами. Головной убор схож с тем, который украшал женское погребение Куль-обинского склепа. Тело и голова были покрыты пурпуровым покрывалом, следы которого сохранились под некоторыми из украшавших его золотых блях, с изображением сидящей женщины с зеркалом и стоящего перед ней скифа. Руки были украшены золотыми браслетами и десятью перстнями, по одному на каждом пальце. Подле правой руки было бронзовое зеркало с костяной ручкой, на нем отпечатался кусок голубой материи. Головой к гробу лежал другой костяк, на руках его были бронзовые и железные браслеты, у левого бока ножик с костяной ручкой, а пониже—куча бронзовых стрел и глиняная амфора. Вдоль северной стены могилы стояло 13 таких же амфор.

В северо-восточной боковой могиле (II) найден был один костяк с немногочисленными предметами из бронзы и золота, схожими с предметами, найденными при конюшем и при скелете, лежащем рядом с царицей. В головах лежало несколько золотых обломков, которые, кажется, составляли ручку нагайки или лука. По всему полу рассыпаны были золотые бляшки и украшения разного вида и рисунка, бусы, подвески и пуговицы, а также ленты из листового золота с изображением битвы зверей, растительным орнаментом и т. п. Все эти украшения были нашиты, как можно думать, на одежды, которые были развешаны на крючки по стенам могилы. Некоторые из крючков еще сохранились. В юго-восточном подземелье (I) был найден скелет совершенно истлевший, при нем было очень много бронзовых стрел и следы кожаных колчанов. В могиле было найдено, кроме того, много украшений от одежды, подобных найденным в предыдущей боковой могиле. В юго-западной боковой могиле (III) лежали два остова, оба с богатыми золотыми вещами-гривнами, бляшками, лежащими так, что можно предполагать головной убор в виде башлыка, браслетами и перстнями; у обоих были мечи; у одного, кроме того, остатки нагайки. Один из остовов, однако, похоронен более богато, чем другой.

Чертомлыцкий курган можно датировать следующими данными: стиль вещей очень близок к Куль-Обе, хотя некоторые гру-

бее и более варварского стиля, что, впрочем, можно об'яснить соседством Куль-Оба с Пантикапеем и отдаленностью Чертомлыка от греческих городов; особенно чувствуется близость в некоторых изображениях на бляхах, доходящая до тожества. Черепок черно-лаковой поливы указывает на время не позднее первых веков до Р. Х. Грубые штампы варварских копий монет Филиппа Македонского, найденные среди блях и украшений Чертомлыка, заставляют относить его ко времени не далее половины II века до Р. Х. III—II в. до нашей эры и надо считать эпохой, к которой относится Чертомлыцкое погребение. Могила, составляющая, как и описанная выше Александропольская, целую систему погребальных камер, интересна еще в Чертомлыке тем, что она наглядно знакомит с приемами грабителей, которые, несомненно, действовали в очень отдаленные от нас и близкие к самому погребению времена. Особенно поучительно вырытое ими подземелье (V), которое служило, как бы опорным пунктом и центральной лабораторией хищников.

В 1875 и 1876 г.г. в Темрюкском округе Кубанской области бар. В. Г. Тизенгаузен исследовал семь курганов, вытянутых в ряд и известных под именем «семи братьев» или «семибратней могилы». Первая дала большую могилу с оштукатуренными стенами, крытую бревнами, совершенно притом разграбленную. На ее каменном полу были найдены только обломки расписного краснофигурного греческого сосуда, костяные наконечники стрел и резное украшение. Вторая оказалась нетронутой; она была обложена каменными стенами, в ней лежали кости тринадцати коней и в особо огражденном месте—остов, одетый в чешуйчатый панцырь, причем некоторые из железных пластинок были украшены золотом. На груди панцыря была серебряная бляха с оленями и летящей птицей. Нижняя часть колчана, вероятно, украшалась золотой треугольной пластинкой с изображением крылатого барса, терзающего каменного барана. Рядом лежали золотые пластинки с изображением дельфинов, обломок железного меча и копья. На шее было три золотых ожерелья. Остатки одежды были покрыты множеством золотых бляшек различной формы, в том числе с головой Афины, головой льва, головой Горгоны, головой Пана, с завитой по восточному бородой и т. д. Близ костяка были найдены ритон—кубок в виде рога, кончающийся львиной головой, серебряная плоская чаша с выпуклостью в центре, так называемый омфалон, который окружали бородатые головы сатира, гладкая серебряная чаша, различные предметы из бронзы и два маленьких сосуда, покрытых черной поливой. Бронзовые украшения сбруи коней отличались большим богатством и разнообразием.

Третья могила небольшая, каменная, покрытая тремя плитами, была нарушена грабителями, которые, однако, оставили или забыли в ней довольно много вещей. В числе их—золотой перстень из проволоки, на которой вращается халцедон с вырезанным вглубь изображением медведя. Рядом с остовом человека—кости нескольких коней; к востоку от главной могилы—другая, где лежали пять коней в уздечках с бронзовыми украшениями.

Четвертый курган, хотя и тронутый грабителями, не был ими разграблен дочиста. В изголовье остова стояли два золотых ритона с головой барана и туловищем собаки и один серебряный с передней частью крылатого каменного барана на конце; кроме того, здесь были найдены золотые пластинки с изображением птиц и животных, амулеты, поврежденная серебряная чаша и золотой браслет со змеиными головами на концах. Тут же в могиле было огорожено особо место, где лежали остатки кожаного панцыря с чешуеобразными бронзовыми бляхами и бронзовой головой Горгоны на груди. Близ панцыря был бронзовый канделябр на трех львиных лапах, бронзовые сосуды и глиняные черепки. Рядом с центральной могилой была конская. Сбруя была украшена бронзой. В пятом и седьмом курганах были найдены только конские могилы; украшения сбруи были сходны с найденными в других курганах.

Шестой курган был нетронут и оказался самым интересным по своему устройству. В его центре была большая каменная гробница, разделенная поперечными стенками на три отделения; в первом лежали скелеты семи коней; в среднем—различная утварь, третье заключало собственно могилу и небольшое отгороженное помещение с утварью. В могиле сохранились остатки деревянного саркофага и остатки обшитой мехом одежды, части чешуйчатого панцыря, железный наконечник копья и бронзовые стрелы. Одежда была украшена множеством золотых бляшек в виде сфинкса, женских голов и головы Горгоны; она застегивалась на груди двумя золотыми пряжками. Тут же был найден прекрасной работы горный хрусталь с вырезанным изображением свиньи и два золотых перстня. В меньшем отделении вместе с бронзовыми предметами утвари был найден в целом виде греческий расписной сосуд с красными фигурами, изображающими эфебов со скребницами и мячами. Общая отличительная черта вещей, добытых из «семибратней могилы» — их сравнительная архаичность, проглядывающая в рисунках бляшек греческого дела. Наиболее древние предметы, найденные во втором и четвертом кургане, позволяют датировать эти могилы V—IV веками до Р. Х. Впрочем, не все могилы одной эпохи; сосуды с красными фигурами, найденные в шестом кургане, заставляют считать его более поздним, чем два его собрата, выше отмеченных; тем не менее

все «семь братьев», несомненно, старше Куль-Обы, Чертомлыка и Луговой могилы.

Следующий памятник, который необходимо отметить в нашем обзоре—это курган Карагодеуашх, расположенный сравнительно недалеко от «Семибратней» могилы, в долине реки Адагума, левого притока Кубани, верстах в двух к юго-востоку от станицы Крымской и приблизительно в таком же расстоянии к северу от станции того же имени на ж.-д. линии, соединяющей Екатеринодар и Новороссийск [1]). Курган, высотою в 5 сажен и диаметром в 30 саж. 1 арш., был раскопан весною 1888 года местным ученым деятелем и исследователем Кубанской старины, покойным Е. Д. Фелицыным. В кургане оказалась продолговатая гробница, состоящая из четырех камер. Гробница начиналась около западной оконечности кургана и шла вглубь почти до его середины. Эта эксцентрическая гробница была выстроена на насыпном грунте, так что ее основание приходилось аршина на 3 выше уровня горизонта. Общая длина ее достигла 29 арш., длина отдельных камер колебалась между 5 и 9 арш., ширина—между 3 и 4¾ арш.; высота первых трех была около 2¾ арш.; высота последней, главной, доходила до 3½ арш. Таким образом здесь, подобно Куль-Обе, мы имеем дело с внушительным и тщательно выполненным погребальным сооружением. В первой камере были найдены остатки поломанной колесницы, далее, ближе к середине ее, лежали конские кости, носившие следы огня; в черепе одного из коней оказались удила. Вдоль правой боковой стены стояли различные предметы утвари, в том числе большая глиняная амфора, полуистлевший серебряный сосуд, три стеклянных медальона, бусы из камня и стекла, пепел и кости домашних животных. На левой стороне камеры, головой на восток, лежал остов молодой женщины, около ее черепа лежала тонкая треугольная золотая пластинка с рельефным изображением царицы и ее людей, триумфа на колеснице и, быть может, богини Победы; по краям пластинки сохранились дырочки, при помощи которых она, вероятно, была пришита к остроконечному головному убору покойной. Около этого украшения найдено было 16 золотых прорезных пластинок в виде голубя и до 50 круглых бляшек тонкого листового золота с тисненым изображением Медузы. Дырочки по краям показывают, что все эти пластинки были также пришиты к головному убору. У висков были две золотые серьги филигранной работы, а на шее золотой обруч и золотое ожерелье с амфоровидными подвесками и головкой быка посредине. Руки были украшены массивными золотыми браслетами с рельефно изображенными

[1]) Ст. Крымская в 81 в. от Екатеринодара и в 46 в. от Новороссийска.

гиппокампами на концах; на одном из пальцев был золотой перстень с врезанной фигурой женщины, играющей на лире. Вокруг остова лежало сгнившее дерево и гвозди, может быть от саркофага. Во второй комнате только в дверях нашлись обломки амфоры; остальная часть ее была пустой.

Третья камера, вернее галлерея, служившая проходом к главной, царской гробнице, была первоначально покрыта фресками; на правой стороне можно было в момент раскопки рассмотреть изображение пасущегося оленя с большими ветвистыми рогами и опущенной головой; но штукатурка с фресками почти тотчас рассыпалась в куски. Эта камера была также почти пустой, лишь в конце ее у правой стороны лежали лошадиные кости с железными и бронзовыми частями конской сбруи.

Четвертая камера была не только выше других, но и более тщательно отделана, чем остальные. На стенах были видны следы фресковой росписи, но о содержании ее уже нельзя было составить никакого представления. В ней стояла одна целая амфора, окруженная обломками нескольких таких же амфор; вдоль правой стены были найдены поломанные медные сосуды, два медных котла и глиняная лампочка. Тут же большое медное блюдо, на котором лежали два крестообразно положенных серебряных ритона; позолоченный ободок одного из них украшен изображениями летящих птиц, а нижние части обоих снабжены наконечниками в виде бараньих головок. Рядом — серебряная чашечка с ручками; далее—еще такой же серебряный сосуд и остатки медной доски, повидимому, щита, рассыпавшейся при извлечении. На щите лежали еще два ритона, похожие на предыдущие. Рядом лежали серебряная черпательная ложка и серебряное ситечко с ручками в виде лебединых головок. Параллельно левой боковой стене лежал мужской остов, головой на восток. Рядом с черепом лежали золотые пластинки, на шее был золотой обруч с концами в виде львов, терзающих кабанов. У левого бока оказался железный меч с золотой рукояткой и оселок цилиндрической формы. Тут же у самого черепа лежали остатки колчана с серебряной пластинкой. То, что от нее осталось, указывает на очень близкое сходство с таким же предметом из Чертомлыцкого кургана. Другой колчан был украшен золотыми бляшками; в обоих было до 150 медных наконечников стрел. У стены над головою были найдены 12 железных наконечников копий. Гвозди и сгнившие остатки дерева указывают, что покойник когда-то лежал в саркофаге.

Наиболее характерными особенностями Карагодеуашхского погребения следует считать фресковые росписи камер с одной стороны, и отсутствие остовов оруженосцев и конюхов, погребенных вместе с главным покойником. И то и другое может быть

следует об'яснить близостью греческих городов Босфора, откуда шли и утонченное искусство и влияние, смягчавшие нравы варваров. Для приблизительной датировки кургана могут служить следующие соображения. Общий стиль драгоценных вещей, напр., треугольной пластины, украшавшей головной убор женщины, ее ожерелья и горита, найденного при мужском остове, заставляют своей строгой выдержанностью и красотой относить эти предметы к лучшим временам греческого искусства—к IV или III векам до Р. Х. В горите, кроме того, поражает его сходство с Чертомлыцким, что также наводит на мысль о приблизительной одновременности обоих курганов. Таким образом, Карагодеуашх следует относить к эпохе современной некоторым другим описанным нами большим курганам—Чертомлыцкому, Куль-Обе, Александропольскому, т. е., примерно, ко времени от конца IV до начала II века до Р. Х.

В 1899 г. была произведена раскопка нескольких курганов у хутора Зубовского, неподалеку от станицы Тенгинской, между реками Кубанью и Зеленчуком. Особенностью находок, сделанных в этом кургане, являются круглые бляхи и украшения из золота со вставленными в них разноцветными камнями, которые, вероятно, нашиты были на пояс. И эти предметы и другие, найденные в Зубовском кургане, по своему стилю относятся к очень поздней эпохе, во всяком случае более молодой, чем наша эра, и значительно более поздней, нежели время, когда воздвигнуты были Чертомлыцкий, Карагодеуашхский и другие подобные им курганы.

Долина реки Келермеса, притока Кубани, впадающего в него неподалеку от Майкопа, довольно богата большими курганами. Один из них был раскопан Д. Шульцем в 1903 г., причем оказалось, что конское погребение было разграблено, могила же человеческая осталась нетронутой. В ней лежал мужской остов в бронзовом шлеме с золотым ободком, украшенным цветами, розетками и птицами; в середине обода был, повидимому, янтарь. Другой золотой обод был также украшен орнаментом из цветов. У правой руки лежал кинжал с рукояткой и ножнами, украшения которых очень близки к украшениям ножен Мельгуновского или Литого кургана или даже с еще более ясно выраженным ассировавилонским характером. Предмет этот можно относить к VII или VI веку до Р. Х. Тут же найден был железный топор, рукоять которого была украшена переплетающимися золотыми зверями и духами. Несколько поодаль оказалось золотое изображение пантеры; у ног лежали бронзовые наконечники стрел. Кроме того, вокруг остова было найдено много мелких золотых украшений. По типу вещей Келермесский курган представляет обра-

зец очень ранних погребений той туземной культуры, которую мы теперь изучаем.

Обзор больших курганов с богатыми погребениями я закончу последним по времени исследования, так назыв., «Солохой» [1]).

Курган Солоха возвышался в той самой местности, которая уже дала русской археологии курганы Чертомлыцкий и Александропольский, а если прибавить и другие, первоначально богатые скифские погребения, которые достались исследователям в разграбленном виде, то можно сказать, что местность эта, соседняя с Днепровскими порогами, представляет какой-то центр, где на небольшом сравнительно пространстве сосредоточено особенно много курганов со сложными и богатыми погребениями. Солоха расположена в ближайшем соседстве с Чертомлыцким курганом, на левом берегу Днепра, верстах в 20 от м. Никополя и в 12 в. от с. Знаменки, Мелитопольского у., Таврической губ. Курган был раскопан в 1912—13 г.г. ныне покойным проф. Н. И. Веселовским, членом Археологической Комиссии и долголетним деятельным участником ее работ. В первый год работ была найдена глубоко в материке под центром кургана почти совершенно разграбленная могила. Остались случайные вещи, которые почему-то не успели захватить хищники: большая жаровня на четырех колесиках, вероятно, для жарения мяса, большой бронзовый котел и в нем деревянная чашка и кости целого барашка, большие глиняные двуручные остроконечные амфоры для вина и масла, небольшой серебряный золоченый сосуд и небольшая золотая игла.

[1]) Богатейший археологический материал, добытый в кургане Солоха, не успел быть ни полностью обработан, ни опубликован. Литература о Солохе состоит пока только из кратких очерков и из отдельных этюдов, касающихся некоторых найденных предметов. Сюда относятся: гр. А. А. Бобринского. Вновь открытая могила скифского царя (Нов. Вр., прибавл. к 19 июня 1913 г. № 13416; Изв. Таврич. Арх. Ком. 1913 г. № 50; прибавление к выпуску 50, Известий Арх. Ком.). Его-же. Le kourgan de Solokha (R. Archéolog. 1914, XXIII mars-avril). Н. И. Веселовского. Золотой гребень и парадный колчан скифского царя (Приб. к Нов. Вр. 1913 г. 19 окт. № 13508 и 30 ноября, № 13540). Его-же. Серебро скифского царя из кургана Солоха (Старые годы, 1914, март). М. И. Ростовцева. Курган Солоха (Гермес. Журн. 1914 г. № 4). Его-же. К вопросу о датировке погребений Куль-Обы, Чертомлыка и Солохи (Изв. Арх. Ком., вып. 60, 1916 г.). С. А. Половцевой. Курган Солоха (Гермес, 1914 г., № 6—8). Ее-же Une Tombe de roi Scythe (Rev. Archéologique. 1914. T. XXIII, mars-avril). Ее-же. Об'яснение изображений на драгоценных вещах из Солохи, проф. Свороносом (Изв. Арх. Ком., вып. 68). М. В. Фармаковского. Горит из кургана Солохи (Изв. Росс. Акад. Ист. Мат. Культ. т. II 1922 г.) J. Svoronos. Explication des tresors de la tombe royale de Solokha (Journal Intern. d'archéologie et de numismatique, t. XVII). B. Pharmakovski. в Arch. Anzeiger. 1913. M. Rostowzew. в. «Mélanges Montelius». Stokholm. 1913.

Последняя находка дала некоторым исследователям древностей Солохи основание думать, что здесь была могила царицы. Есть, однако, другое мнение, по которому в этой могиле был похоронен вождь или царь, причем именно это погребение было первоначальным и основным, а для второго, более позднего царского погребения, о котором речь будет итти ниже, курган был присыпан и увеличен. В пользу второго мнения как-будто говорит конская могила, расположенная выше разграбленного царского погребения, в которой в совершенно нетронутом виде были найдены два остова коней с дорогой сбруей; в составе последней были золотые нащечники и налобник в виде большой чешуйчатой рыбы. Такая находка при лошадиных остовах была сделана впервые и дала возможность установить назначение подобных блях в виде рыбы, которые отдельно были находимы и ранее, но оставались необъясненными.

В следующем 1913 г. в западной части кургана было открыто второе богатейшее и к тому же совершенно нетронутое погребение, которое курган Солоху ставит рядом с Чертомлыцким и Куль-Обским. В материке был вырыт глубокий колодезь, в который вели семь крутых ступеней. Из колодца в северном направлении, слегка опускаясь вглубь, шел коридор. В конце его, налево, были две ниши, а направо открывалась большая пещера, в левой стене которой было вырезано небольшое углубление, тщательно забитое землей, а на правой стороне была устроена еще одна ниша. В могиле лежали три остова: один как бы на страже в коридоре головой на юг, при входе в пещеру, другой у левой стены пещеры, головой на восток, третий—в глубине ее, в средине, головой на запад. Около первых двух найдены только бронзовые стрелы и оружие. Третий, для которого, несомненно, и была приготовлена эта богатая могила, был обставлен со всех сторон различными предметами. У его головы лежали бронзовый греческий шлем, поножи и чешуйчатый железный панцырь, совершенно проржавевший, два копья и два железных меча, лезвие которых распалось на части. Однако, золотая рукоятка одного из них сохранилась, равно, как и художественная золотая оболочка ножен того же типа, какой мы знаем уже по Литому или Мельгуновскому кургану. Вся оболочка покрыта рельефными рисунками, изображающими борьбу архаических грифонов с другими зверями. Тут же были два железных ножа с костяными черенками и бронзовая граненая булава или шестопер, вероятно, служивший символом власти. Подле головы лежал большой массивный золотой гребень, весом около ¾ фунта, не имеющий себе равного среди античных драгоценных предметов. Верхняя часть гребня представляет сцену сражения трех воинов, одного конного и двух пеших, в греческих шлемах, но не в греческих, а в ту-

земных скифских одеждах. Все три фигуры, высотой от 1 до двух вершков, изумляют совершенством своего выполнения.

Одеяние царя и полог, которым он был покрыт, совершенно истлевшие, были сплошь покрыты золотыми бляшками разного вида, которых найдено здесь около трехсот. На шее костяка была золотая дутая гривна, концы которой изображают головы львов, вцепившихся зубами в длинный золотой узел; глаза у львов из эмали. На руках пять золотых спиралевидных браслета, а за головой царя—богатое золотое ожерелье, состоящее из нескольких рядов тонких золотых трубочек с подвешанными к ним грушевидными привесками. Рядом с остовом стояли восемь серебряных сосудов, из них три с изящными гравированными (на двух сосудах рельефными) изображениями охотничьих сцен, и фигур людей или богов. Некоторые из этих сосудов не уступают по исполнению лучшим образчикам, добытым из других курганов. В небольшой нише в левой стене пещеры были плотно забиты два предмета, которые считались, вероятно, особенно драгоценными—золотой жертвенный фиал, весь покрытый снаружи рельефными изображениями, и горит, т.-е. налучье, деревянный остов которого был внутри обшит кожей, а снаружи облицован серебром, покрытым тонкими золочеными рельефными изображениями. Драгоценная обивка горита была найдена в кусках и ее реставрация составляет одно из самых совершенных достижений современной археологической техники. У ног скелета стояла деревянная чаша, края которой были украшены золотыми пластинками с изображением рыб. В больших нишах стояли амфоры с вином и маслом, бронзовые котлы с костями баранов и быка, черпалка-ситечко для процеживания вина и золотая обивка истлевшего деревянного сосуда.

И это погребение сопровождалось конской могилой. В 2,6 метрах от колодца, ведшего в описанную сейчас могилу, была обнаружена яма, покрытая истлевшей деревянной настилкой. Здесь лежали пять лошадиных костяков с богатым бронзовым золоченым убором. Рядом, в особой могиле, был похоронен человек, конюх, около которого лежали несколько бронзовых наконечников стрел.

Вещи, добытые в кургане Солоха, почти все принадлежат к лучшей поре греческого искусства. Их можно относить к IV—III векам до Р. Х.: это определяет и приблизительную датировку погребения, которое, подобно Чертомлыцкому, Куль-Обинскому и некоторым другим из описанных выше, следует относить ко времени не старше самого конца IV и не моложе половины II века до Р. Х.

Если оглянуться назад и попытаться отдать себе отчет в материалах, какие дают большие и богатые туземные погребения

юга России, выдающиеся образцы которых только что мною описаны, и разобраться в хронологическом их размахе, то довольно ясно намечаются несколько последовательных моментов, особенно ярких и интересных. Первая группа погребений, которую можно выделить, обнимает Литой и Келермесский курганы с их архаическими предметами, среди которых на первом месте золотые ножны с ясным влиянием месопотамской культуры. Из других курганов можно указать на Мартоношский (Елисаветгр. у. Херсонской губ.), где в 1870 г. была добыта архаическая бронзовая амфора с изображением головы медузы, датируемая VII веком до Р. Х. Это—погребения, быть может современные, быть может даже предшествовавшие Геродоту. Позднее, количество предметов растет; качество их, в смысле художественной работы и богатства, совершенствуется; впрочем, между первой и второй группами приходится отметить некоторый перерыв, приблизительно определяемый V веком.

К наиболее ранним представителям второй группы относятся некоторые курганы Семибратней могилы Кубанской области, относимые к V—IV в. до Р. Х. За ними на очень коротком расстоянии идут перлы изучаемой культуры — Чертомлык, Солоха, Карагодеуашх, Александропольский курган или Луговая Могила, давшая, к сожалению, лишь остатки, случайно забытые грабителями, и наиболее молодой из курганов этой группы—Куль-Оба. В них заметно особое обилие золотых и серебряных вещей; среди богатой утвари преобладают не случайно привозимые из Греции предметы, а такие, которые специально изготовлялись в греческих приморских городах для богатых туземцев, что доказывается изображениями туземной жизни, так щедро на них рассыпанными: для себя греки не стали бы выбирать сюжеты из быта варваров. Не Ольвия, как в более древний период, а Босфор приобретает теперь значение главного поставщика и насадителя культуры среди варваров. Третью группу составляют некоторые курганы Кубанской области, напр., Зубовский; в них много предметов более грубого типа, сильно отличающихся от предметов лучшей поры греческого искусства; особенно типичны золотые вещи со вставленными в них цветными камнями; в вещах этих чувствуются восточные мотивы, которые не менее заметны в первые века нашей эры в культуре Босфорского царства. Если в этих погребениях попадаются вещи греческой работы, то все они поздние, времени римской империи. Есть и еще одна характерная черта: богатый покойник по большей части лежит один; с ним больше не хоронят ни жены, ни рабов; нет больше и лошадиных кладбищ, столь характерных для более раннего времени. Можно думать, или что изменились нравы, или же, что мы имеем дело с каким-то новым народом, уже

не с тем, который оставил нам курганы вроде Солохи или Чертомлыка.

Географически можно наметить два места, где богатые туземные погребения раннего железного века группируются особенно тесно. Это, во-первых, местность около Днепровских порогов и, во-вторых, край по нижнему течению Кубани. Одиноко стоит Куль-Оба в преддверии Пантикапея. Отдельные погребения того же типа изредка встречаются по всей стране между Днепром, начиная с Полтавской губернии, и Доном, а также в степном Крыму.

Не следует, однако, думать, что изучаемая нами культура оставила нам только такие особенные, исключительные по своему богатству, курганы. Ранний железный век на юге России дал очень много погребений, которые широкой полосой протянулись по южно-русским степям. Общий обзор их можно расположить по трем признакам — по их внутреннему содержанию, в хронологическом порядке и по их географическому распределению. Если рассматривать курганы по их внутреннему содержанию, то прежде всего нужно заметить, что исключив особенно богатые погребения, вроде выше описанных, в которых, несомненно, хоронили вождей и владык, мы имеем целую лестницу погребений от сравнительно очень богатых до почти пустых, лишенных утвари и заключающих только одни костяки. Схематически их можно разделить, приблизительно, на следующие три категории. К первой надо отнести такие, которые до известной степени приближаются к могилам вождей, или, как их чаще всего называют, царским. Обычно они очень велики; насыпь, как, впрочем, и в курганах всех других типов (выше для курганов царских это уже отмечено), более крутая с северного склона, что указывает на ритуальный обычай насыпки кургана с южной стороны. Насыпь обложена частично камнями, камни попадаются и в самой насыпи и иногда в очень большом количестве. И по типу погребений они более или менее подходят к курганам царским. Погребения находятся в катакомбах или пещерах, иногда очень большой вместимости. Могилы обмазаны известью, укреплены деревянными подпорками; вход в катакомбу прикрыт бревнами. Костяки снабжены украшениями и утварью, в той или иной степени приближающимися к тому, что дают большие царские курганы. Нередко в этой категории погребений наблюдается очень характерная особенность: курганы стоят парами, которые у жителей носят название «близницы». В одной из «близниц», обыкновенно большей по размерам, находится главное основное погребение, в другой лежат несколько костяков иногда рядом, со всеми признаками одновременного погребения. Весьма вероятно, что в таких случаях мы имеем дело с ритуальным умерщвлением рабов вместе

с господином. Наличность подобных явлений можно кажется наблюдать и при вскрытии некоторых из мелких курганов, окружающих обыкновенно большие царские могилы. Рядом с главным погребением встречаются погребения конские.

Вторая категория отличается от первой отсутствием сопровождающих могилу дополнительных погребений людей, умерщвленных вместе с главным покойником. Вместо пещеровидной катакомбы мы встречаем здесь прямые могилы, вырытые в материке; они также обычно обмазаны глиной или известкой и первоначально бывали покрыты бревнами. Дно могилы носит следы подстилки из камыша. Параллельные погребения коней, в числе не более 1—2, встречаются в этих могилах довольно часто. Утварь из драгоценных металлов в таких могилах редкость; как лошадиная сбруя, так и предметы, положенные с покойником, сделаны из меди или бронзы, напр., стрелы, копья, или, чаще всего, из железа—шлемы, кольчуги, копья; при покойниках стоят глиняные амфоры, нередко греческого дела. Это могилы рядовых воинов, напутствуемых в лучший мир со своим оружием и конем. Наконец, третья категория могил, имея приблизительно такое же внешнее устройство, почти вовсе не содержит вещей или содержит их очень мало. При покойнике, ориентировка которого, как это часто наблюдается в изучаемой нами культуре, очень различная, находят только медные стрелы и копья, мелкие костяные вещи и грубые горшки из глины. Нередко в одном кургане находят несколько материковых могил, несомненно разновременных, что оставляет впечатление, будто в таких курганах мы имеем дело с чем-то вроде родового кладбища. Обзор могил с точки зрения их устройства и находимых в них предметов отражает таким образом и некоторые социальные явления. Разница в убранстве покойников, из которых одним клали драгоценные предметы, а других хоронили только с самым простым оружием или даже вовсе без вещей, указывает на очень значительное социальное расслоение, на культуру, которая знала царей-владык, вельмож и людей зажиточных и, наконец, простонародие.

Переходя к обзору погребений раннего железного века юга России со стороны их хронологии, нужно сказать, что размах времени, ими обнимаемый, очень велик. Древнейшие погребения относятся ко времени значительно более старшему, чем самые древние из рассмотренных нами царских могил. Они, надо думать, непосредственно примыкают по времени к погребениям со скорченными и окрашенными костяками бронзового века, хотя непосредственной связи между обеими культурами до сих пор установить нельзя, несмотря на то, что могильные памятники и той и другой возвышаются в русских степях нередко одни возле других. Древнейшие курганы железного века отличаются небольшими

насыпями, внутреннее устройство могил, которые часто обложены сверху бревнами или камнями, очень близко к типам описанным выше. Наряду с простым погребением, в них нередко встречаются следы полного или частичного сожжения покойника. Инвентарь состоит из обыкновенных медных, костяных и железных орудий, среди последних особенно часто встречаются ножи, копья, удила; посуда—глиняная, незатейливой формы и вида.

Эпоха, современная большим «царским» погребениям, обнимающая, как мы знаем, время от VI века до Р. Х. до III века нашей эры, оставила не мало памятников, которые за это время представляют как раз ту лестницу оттенков, какую я схематически пытался представить в сделанном выше обзоре их внутреннего содержания.

Однако, местами погребения позднейшей эпохи представляют очень заметные особенности. Так обстоит, например, дело в Прикубанье.

В очень многих курганах этой местности, небольших и не оставляющих впечатления, что в них похоронен какой-либо царек или вождь, могила имеет опять форму небольшой катакомбы. В могилах лежат остовы людей, для которых езда верхом была при жизни основным и привычным делом; при них лежат стремена, удила, вообще, конское снаряжение, но коней на их похоронах не убивали и не зарывали вместе с хозяевами. Нет более и совместных погребений мужчин и женщин: ясный признак того, что жена уже не следовала за мужем в могилу. Инвентарь вещей также представляет много особенностей. Нет более мечей и колчанов прежней формы; рядом с чешуйчатым панцырем появляется кольчатый. Нашивные бляхи более ранних образцов, круглые с штампованными изображениями зверей греческого или местного более грубого стиля, исчезают; появляются мелкие бляшки в виде креста, лилии, стенных зубцов; их очертания носят определенный восточный характер.

Географически, курганы раннего железного века обнимают громадное пространство. На севере они доходят до южных границ Волыни, охватывают Киевскую губернию с юга до Киева, на левом берегу Днепра доходят до южной части Черниговской и Курской губерний, где пределом их распространения являются Десна и Сейм, они тянутся далее на восток до Воронежа и далее за Дон, где, однако, границы их распространения не прослежены с достаточной ясностью. Зато мы хорошо знаем, что ими богата вся Кубанская область; они заходят и далее на юго-восток в пределы Ставропольской губернии. На запад область их распространения прослежена до Карпат и до придунайской низменности, т.-е. до естественного предела южно-русских степей. С юга границей их служит море и Крымская горная цепь, на скло-

нах которой как раз распространен особый вид погребальных памятников, который на несколько минут должен привлечь наше внимание.

Погребения в небольших каменных ящиках, напоминающих своим видом очень маленькие дольмены, обыкновенно наполовину выдающиеся из земли, распространены по всему южному склону Крымских гор от окрестностей Севастополя до Судака; особенно много их в окрестностях Ай-Тодора; возможно, что они существуют и внутри горного Крыма, хотя до сих пор эта область остается не исследованной и лишь немногие погребения в каменных ящиках отмечены в окрестностях Бахчисарая и близ Чатырдага неподалеку от шоссе, соединяющего Симферополь с Алуштой. Обычно, такие погребения встречаются группами, образующими целые обширные могильники или кладбища. Каменный ящик сложен из грубо отесанных камней, преимущественно сланцевой породы и состоит из двух длинных и двух коротких плит, покрытых одною массивною плитою из такого же камня. Отверстие в одной из плит, свойственное дольменам, неизменно отсутствует. Каменные ящики бывают иногда окружены оградой из камней; иногда они засыпаны курганной насыпью; очень многие из них при исследовании оказываются ограбленными. Во многих из тех, которые дошли до нас в нетронутом виде, оказалось по нескольку и даже по многу костяков в скорченном виде, часто с раздавленными черепами, как будто один и тот же ящик служил для многих последовательных погребений, или же в ящики позднее сваливали останки из других могил. Костяки обычно ориентированы на север. Инвентарь состоит из крученых гривен, гладких и спиральных браслетов и витушек. Серьги поражают архаизмом форм. Среди бус преобладают желтые стеклянные; много ожерелий из раковин. Немногочисленное оружие состоит из медных трехгранных наконечников стрел; в единичных случаях попадаются железные мечи, кинжалы и медные панцыри. Немногочисленная керамика сработана от руки из грубой глины и лишена орнамента. Все признаки указывают на самые ранние моменты железного века, на переход от бронзы к железу. Ближе всего к крымским каменным ящикам начала железного века стоят обнаруженные и исследованные на северных предгориях Крымских гор курганы медного века со скорченными костяками. Близость эта наводит на мысль о непосредственном переходе здесь одной и той же культуры из стадий меди и бронзы в стадию железа. Своей архаичностью крымские каменные ящики переносят нас ко времени до появления здесь греков или же по крайней мере ко времени поселения здесь первых колонистов; они свидетельствуют о туземных людях, которые жили здесь до греков и встретились здесь с первыми эллинскими пришельцами.

Среди вещественных памятников остатки жилья, обычно сохраняющиеся в России в виде городищ, нередко занимают столь же важное место, как и памятники погребальные. К сожалению этого нельзя сказать о той культуре, которую мы теперь изучаем. «К отысканию поселений скифов у нас пока не приложено серьезного внимания, тем более, что скифы признавались кочевниками» [1]). Исключение составляют лишь некоторые местности, в которых природные условия способствовали оседлой жизни. Это наблюдается в крайних северных и северо-западных пределах, до которых достигла ранняя железная культура юга России. Так в Немировском городище, Балтского уезда, Подольской губернии «открыт был значительный зольный слой с огромным количеством разбитых костей домашних и диких животных и черепков посуды, тожественной с находимой в древнейших киевских скифских курганах, а также отдельные вещи той же культуры в виде булавок, наконечников стрел, костяных поделок и пр. В древнем поселении на берегу Десны, против Чернигова, найдены скифские черепки и скифские вещи. Среди вещей в Харьковских речных дюнах попадаются предметы скифской культуры, напр., медные булавки, серьги со шляпкою, двойные плоские бляшки, кнопки, стрелки, пряслица» [2]). Следы подобных же поселений были кое-где обнаружены в противоположном конце распространения интересующей нас культуры—в Прикубанье, на границе Кавказских гор и степи. К сожалению и здесь до сих пор сделано очень немного и систематическое исследование городищ раннего железного века, как на северном, так и на юго-восточном рубеже леса и степи, есть дело будущего. Что касается самих южно-русских степей, то вследствие несомненного господства в них кочевой жизни, едва ли можно ожидать здесь встретить значительные остатки оседлых поселений.

Клад—находка случайная, но если клад дает много предметов, то он может быть существенным дополнением к памятникам, добываемым при раскопках правильно устроенных обрядовых погребений. Несколько таких кладов было зарыто кочевниками, населявшими юг России в первом тысячелетии до Р. Х. Случайно найденные, они заслуживают того, чтобы быть здесь отмеченными.

В 1864 г. неподалеку от Новочеркасска, близ берега Дона, был найден богатейший золотой клад, состоявший из ожерелья со звериным средне-азиатского типа орнаментом, очень богатой диадемы, составленной из золотого обруча, со вделанными в него разноцветными каменьями стиля, характерного для первых веков

---

[1]) Спицын. Курганы скифов пахарей. Изв. Арх. Ком., вып. 65, стр. 141.

[2]) Спицын. Там-же, 141, 142.

после Р. Х. Снизу диадема украшена привесками, а верх ее украшен довольно грубо сделанными оленями такого же восточного азиатского стиля, как ожерелье. Олени со своей стороны напоминают многочисленные изображения зверей, находимых в памятнике бронзовой Кобанской культуры. Позднее происхождение диадемы подтверждается еще медальоном из халкедона, изображающим женщину с римской прической императорской эпохи.

Из предметов Новочеркасского клада останавливают внимание, кроме того, золотой кувшинчик с крышкой и на цепочке, с рельефными звериными изображениями и, наконец, гладкий золотой сосуд с ручкой, изображающий зверя со вставленными украшениями из розовой и голубой эмали. Остатки эмалевого ободка идут вокруг верхнего края сосуда; рядом с ободком надпись греческими буквами: Ξεβανόκου Ταρούλας ἐποίει κρ 48, означающую, что Тарул сделал его для Ксебанока, употребив для того 48 каких то единиц золота. В своем целом, Новочеркасский клад дает нам ряд драгоценных предметов самого позднего времени изучаемой культуры, с характерными для первых веков нашей эры сочетаниями греческих линий и отдельных греческих черт с чисто азиатскими восточными влияниями в виде звериного орнамента.

В 1910 г. в с. Казанском, Александровского у., Ставропольской губ., при распашке огорода был найден золотой клад весом около пуда, главным образом состоявший из шейных колец довольно позднего времени с орнаментацией звериного, азиатского стиля.

В 1877 г. где-то на Аму-Дарье был найден клад, часть которого была завезена в Индию и оттуда попала в Британский Музей. Среди вещей этого клада особенно интересна золотая пластинка с изображением воина в кафтане, штанах и колпаке, очень похожем на изображения туземцев юга России, находимых на сосудах Чертомлыцкого Куль-обинского и других курганов. Возможно, что между степями юга России и средней Азии существовала культурная связь, об'ясняемая как прямыми переселениями, так и общностью природных условий. Таков вывод, который можно сделать, изучая предметы Амударьинского клада.

Наконец, в 1882 г. в стране, где никаким образом нельзя предполагать существование племен, сродных обитавшим на юге России, в средней Германии в Нижней Лужице, близ местечка Феттерсфельде, при вспашке поля был найден клад, давший полную экипировку скифского воина лучшей поры, современной Чертомлыку и Солохе, а может быть, и более ранней. Предметы все из золота; особенно интересны золотой нагрудник из четырех круглых блях с изображением зверей, золотая рыба, быть может, того же назначения, как подобные-же рыбы, найденные в Солохе. Сама рыба в свою очередь покрыта рельефными изображениями зверей,

птиц, рыб и рыбы с человечьей головой. Изображения рыбы, льва и кабана покрывают также золотые ножны от меча, совершенно сходные по форме с золотыми ножнами Солохи, Чертомлыка и Литого кургана. Независимо от полноты индивидуального вооружения южно-русского воина Феттерсфельдский клад может служить указанием, как далеко вглубь западной Европы могли быть заносимы отдельные предметы южно-русской железной культуры первого тысячелетия до Р. Х.

Всем хорошо известны так называемые «каменные бабы» — грубые изображения людей, преимущественно женщин, которые украшали многие курганы, как раз в тех местностях, где распространены только что рассмотренные погребения; особенно много было их как раз в окрестностях Днепровских порогов, где возвышаются большие царские курганы. Однако, если я упоминаю о них здесь, то только затем, чтобы отметить, что у нас нет серьезных оснований связывать каменные бабы с погребениями типа Чертомлыка или Солохи. Гораздо вероятнее, что их воздвигали на старых курганах очень поздние кочевники печенеги или половцы в эпоху, современную древней Руси.

Письменных туземных источников русский юг изучаемого времени не знал. Единственное, чем мы располагаем в этой области, заключается в небольшом запасе туземных имен и названий, которые по тем или другим случаям встречаются в греческих надписях Босфора, Ольвии и других городов или же читаются на сосудах, как это мы видели на только что описанном золотом сосуде из Новочеркасского клада. Но греческие, а за ними, отчасти, и римские писатели оставили нам очень ценные сведения о народах, вещественные памятники которых мы только что рассмотрели. Я укажу некоторые наиболее важные произведения, сюда относящиеся.

Первое место среди греческих писателей, сообщающих сведения о туземных южно-русских степях, бесспорно принадлежит Геродоту, который при этом дал полное и всестороннее изображение их жизни в сравнительно раннее время. За Геродотом по степени ценности известий идет география Страбона и география Птоломея, где содержатся важные известия о географическом положении этих стран в начале нашей эры и о составе их населения. Такое же значение имеют некоторые места «естественной истории» римского писателя Плиния старшего и «хорографии» его современника Помпония Мелы. Было бы, однако, ошибкой думать, что только одни упомянутые сейчас писатели дают сведения о варварских народах юга России: такие сведения рассыпаны во множестве дошедших до нас литературных произведений классической древности и заключались в еще большем числе таких, которые до нас не дошли вовсе или сохранились в извлечениях. Собранные вместе,

все уцелевшие известия составляют довольно богатый материал, с помощью которого легче разобрать и об'яснить материал вещественных памятников, молчаливо стоящих в степях. Если к этому мы прибавим, что в эпиграфическом материале, который оставили нам греческие города северного берега Черного моря, есть некоторое количество интересных известий о варварах-туземцах, о их быте и о их сношениях и столкновениях с греческими колониями, то мы более или менее исчерпаем источники для изучения раннего железного века на юге России.

Важнейшая литература:

Гр. А. С. Уваров. Исследования о древностях южной России и берегов Черного моря. СПБ. 1851.

А. С. Лаппо-Данилевский. Скифские древности. СПБ 1887 г.

Гр. И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. Вып. II. СПБ. 1889.

Ю. А. Кулаковский. Прошлое Таврриды. 1889. К. 1906.

М. И. Ростовцев. Эллинство и иранство на юге России. СПБ. 1918 г.

E. H. E. Minns. Scythians and Greeks. Cambr. 1913. Ch. VIII. IX.

Б. В. Фармаковский. Архаический период в России. Мат. по Арх. России, № 34. СПБ. 1914.

Е. М. Придик. Новые кавказские клады. Мат. по Арх. России, № 34. СПБ. 1914.

J. Hampel. Skythische Denkmäler in Ungarn. Bud. 18-5.

P. Reinecke. Die Skythischen Alterthümer im mittleren Europa (Zeitschrift für Ethnologie. 1896).

Древности Геродотовой Скифии. Вып. I. СПБ. 1866. Вып. II. СПБ. 1872.

Гр. А. А. Бобринский. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы, т. I—III. СПБ. 18.

А. С. Лаппо-Данилевский и В. К. Мальмберг. Курган Карагодеуашх. Мат. по Арх. России, № 13. СПБ. 1894.

Древний мир на юге России. Изборник источников под редакц. проф. Б. А. Тураева, И. Н. Бороздина и Б. В. Фармаковского.

Отчеты Имп. Археологич. Комиссий с 1859 г.

Отдельные статьи в Изв. Имп. Археологич. Комиссии в Уч. записках Одесского общества Истории и Древ. и в Изв. Таврич. Учен. Арх. Комиссии.

Известия греческих и римских писателей собраны В. В. Латышевым в издании: «Scythica et Caucasica. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе», т. I и II. 1890—1904. (В приложении к запискам Русск. Арх. Об-ва и отдельно).

M. Ebert. Südrussland im Altertum. Bonn-Leipzig. 1921.

ГЛАВА XVII.

Ранний железный век на юге России. Туземные племена.

Кто же были те туземные племена, которых греки, поселившись на берегах Черного моря, застали в южно-русских и Кавказских степях, туземцы, которые оставили потомству только что изученные нами погребальные памятники? Неизвестное нам и неопределимое при современном уровне наших знаний племя бронзового века, хоронившее своих покойников в курганах с скорченными и окрашенными костяками, уже, видимо, уступило место другим народам.

Греческие писатели и прежде всего Геродот рассказывают, что незадолго до того, когда они сами познакомились с северным побережием Понта, в степных пространствах, а частью и у берегов моря, жило племя киммерийцев, которые вытеснены были оттуда скифами. «И теперь еще, рассказывает Геродот, есть в Скифии киммерийские стены, есть киммерийские переправы, есть и область, называемая Киммерией, есть и так называемый Киммерийский Босфор» [1]). Передав легенду о том, как киммерийские цари, не пожелав под натиском скифов бежать из своей земли, перебили друг друга, Геродот добавляет, что народ киммерийский, предав погребению своих царей у реки Тираса, т.-е. Днестра, «удалился из страны, так что вторгнувшиеся скифы заняли страну, уже лишенную населения» [2]). Переселение киммерийцев рисуется Геродотом в очень туманных красках. По его словам «киммерийцы, бежав от скифов в Азию, поселились на полуострове, где ныне стоит эллинский город Синопа. Видно также, что скифы гнались за ними и вторглись в Мидийскую землю, сбившись с дороги, ибо киммерийцы постоянно бежали вдоль моря, а скифы гнались за ними, имея Кавказ по правую руку, пока не вторглись

[1]) Herod. IV. 12.
[2]) Herod. IV. 11.

в Мидийскую землю, свернувши внутрь материка. Таков рассказ, одинаково распространенный среди эллинов и варваров» [1]). Рассказ этот смутен, но в нем можно уловить, что судьба и переселения киммерийцев представлялись грекам V века очень неясными, но что, однако, киммерийцы побывали и в Мидии и в Малой Азии. О пребывании их в Азии знает и библия, называющая их «гомер» [2]), знают и Ассирийские источники, указывающие, что царь Ассаргадон изгнал народ «гимирри» или «гиммира» из страны около Арарата. Отсюда одна из волн киммерийцев, может быть, и пошла на запад в Малую Азию, где память о них сохранялась довольно долго, что и нашло отражение в рассказе Геродота о поселении их около Синопы. Другие известия, столь же смутные, заставляют предполагать передвижение киммерийцев прямо на запад по южно-русским степям по направлению к Балканскому полуострову. Твердо установить, однако, эти передвижения нельзя. Сколько нибудь достоверного о киммерийцах мы знаем чрезвычайно мало. Топографические названия, которые приводит Геродот и в которых звучит еще имя киммерийцев, все связываются с берегами Керченского пролива, т.-е. с территорией позднейшего Босфорского царства, что показывает, что в этих местах киммерийцы сидели долгое время. Я уже отмечал в свое время, что в именах и названиях босфорских есть несомненное и длительное сходство с именами и названиями фракийскими. Может быть это—след перехода киммерийцев от Керченского пролива на Балканский полуостров. На это указывает и рассказ Геродота о том, что удаляясь над натиском скифов, киммерийцы похоронили своих царей у реки Днестра.

Предания об амазонках, которые можно об'яснить каким-то воспоминанием о племени, в котором положение женщин было очень высоким, связывались в эллинском мире, с одной стороны, с некоторыми местами Малой Азии, где по преданиям побывали киммерийцы, с другой—с берегами Азовского моря, где они жили наверно. Предположительно, значит, можно считать, что киммерийцы и были тем племенем, у которого женщины имели большее значение, чем это обычно наблюдалось у народов той эпохи. Что можно сказать наверное, так это то, что все источники, греческие, ассирийские и иные, всегда отделяют киммерийцев от скифов. Это две разных волны, последовательно появившиеся в юго-восточной Европе и в передней Азии. Когда и откуда пришли первые в южно-русские степи, сказать невозможно при наличности тех сведений, которыми в настоящее время располагает наука. Главное затруднение в деле изучения древних киммерийцев заклю-

[1]) Herod. IV. 12.
[2]) Кн. бытия, X.

чается в том, что до сих пор не открыто никаких вещественных памятников, которые возможно было бы связывать в этим народом. Как мы не можем определить имени древних обитателей южно-русской равнины каменного и бронзового века, так, наоборот, зная о существовании на юге России киммерийцев, мы пока не можем приурочить их ни к каким археологическим памятникам нашего юга. Одною из причин этого явления надо считать, быть может то, что древнейшие археологические наслоения киммерийского Босфора заслонены богатейшим археологическим наследием более поздних греческих колоний и Босфорского царства. В нашей археологической литературе делались попытки связать киммерийцев с древностями бронзового века, с уже известными нам погребениями с окрашенными костяками, но эти попытки критики не выдерживают; в настоящее время они оставлены. Киммерийцы в ожидании каких-нибудь новых данных остаются, с точки зрения археологии, темным и пустым местом. Собирая воедино все, что мы знаем о местах их жительства и о их переселениях, можно предположительно допустить, что в лице их мы имеем дело с одним из народов яфетического племени, игравшего такую большую роль в ранних судьбах ближнего востока и прилегающих к нему стран.

Столь же мало мы имеем сведений о таврах, которых первые греческие насельники застали на крымском побережьи и в крымских горах. В преданиях и рассказах, передаваемых греческими писателями, тавры неизменно представляются диким и жестоким народом, в обычаях которого было приносить в жертву чтимой ими богине Девственнице всех чужестранцев, попадавших к ним или терпевших кораблекрушение у их берегов. В ранних веках греческой истории рассказы о таврах нашли отражение в предании об Ифигении, перенесенной чудесно в Тавриду и ставшей там жрицей Артемиды, с которой греки отожествляли Таврическую богиню Девственницу. Мы видели выше, какое преимущественное значение имел культ богини Девы в Херсонесе, т.-е. той греческой колонии, которая возникла на земле тавров. Вероятно, главный культ местных варваров, видоизменившись и смягчившись под влиянием эллинов, был усвоен греками колонистами. Внедрение культа Девы в Херсонесе об'ясняется, может быть, и тем еще, что главное приморское святилище Таврической богини когда-то находилось неподалеку от того места, где был построен Херсонес. В истории Херсонеса и в истории Феодосии, возникшей на восточном рубеже области Тавров, последние выступают постоянными и ожесточенными противниками греческих колонистов, которых они неизменно тревожат набегами из гор и из своих укрепленных городков. По отношению к Херсонесу таким враждебным городком тавров неизменно является «Гавань Символов»

или Палакий, теперешняя Балаклава. В годы бедствия херсонцев, когда их государство боролось со скифскою державой Скилура, тавры всегда выступают, как союзники последнего. Позднее их военное могущество падает: они сливаются с остатками скифов и в первые века нашей эры исчезают мало по малу, сохраняясь, может быть, в виде остатков в укромных уголках крымского нагорья.

Очень возможно и даже вероятно, что погребения в каменных ящиках, открытые на южном берегу Крыма и относящиеся к раннему железному веку, были, именно, погребениями тавров. Оружие, найденное в них, и умение пользоваться железом указывает на характер народа и на степень его развития. Мы совершенно не можем сказать, кто были тавры по своему этническому происхождению. Некоторое сходство погребений раннего железного века на южном берегу Крыма с погребениями бронзового века на северных склонах Крымских гор, выше мною отмеченное, дает основание предположить, что в обоих случаях мы имеем дело с тем же населением, хотя в несколько различную пору его развития. Если это так, то является возможность допустить связь тавров с населением, жившим в бронзовом веке, т.-е. во втором тысячелетии на рубеже Крымской степи, а может быть, занимавшим и часть южно-русских степей. В таком случае в лице тавров мы имеем древнейшее племя на территории России, которое можно связать с определенными археологическими памятниками.

Киммерийцев, когда-то господствовавших в южно-русских степях, сменили скифы. Греки появились позднее этой смены, и в подробных рассказах Геродота о скифах появление их описывается как нечто не очень древнее, но и не происходившее на памяти греков. С другой стороны, древнейшие царские погребения типов, описанных мною в предыдущей главе, не восходят глубже VII века. Надо, поэтому, думать, что появление скифов в южно-русской пустыне имело место незадолго до прибытия первых греков колонистов и до насыпки древнейших больших курганов, напр., Литой могилы, содержащих, между прочим, предметы азиатского происхождения. Предположительно это время можно определить VIII—VII веками до Р. Х.

О происхождении скифов Геродот приводит два рассказа. Он сообщает, что «скифы говорят, что их народ моложе всех других и произошел следующим образом: в их земле, бывшей безлюдной пустыней, родился первый человек по имени Таргитай, а у него родились три сына: Липоксай, Арпоксай и младший Колаксай. И вот от Липоксая произошли те скифы, которые носят название рода авхатов, от среднего брата Арпоксая те, которые называются катиарами и траспиями, а от младшего те, которые называются паралатами, общее же название всех их сколоты, по имени одного

царя; скифами назвали их эллины. Так рассказывают скифы о своем происхождении; лет им, с начала их существования или от первого царя Таргитая до похода на них Дария, по их словам, круглым счетом не более тысячи» [1]). «Есть, впрочем, и иной рассказ, которому я сам наиболее доверяю. По этому рассказу кочевые скифы, жившие в Азии, будучи теснимы войной со стороны массагетов, перешли реку Аракс и удалились в Киммерийскую землю» [2]).

Далее следует рассказ о киммерийцах, удалившихся на запад за Днестр. Оба рассказа скорее дополняют один другой, чем противоречат друг другу. Основной и положительный факт, который мы узнаем из них, заключается в том, что в южно-русские степи скифы пришли с востока и вытеснили прежних насельников южно-русских степей. Мы как бы видим здесь явление, подобное тем, какие в наших южных степях неоднократно наблюдались и в более поздние времена, кончая нашествием татар. С другой стороны, есть рассказ того же Геродота, подтверждаемый и другими источниками, о вторжении скифов в Иран, Армянское нагорье, Сирию и даже Палестину, куда они будто бы пошли за теми киммерийцами, которые ушли в Азию. Вторжение скифов в Азиатские страны приурочивается к царствованию мидийского царя Киаксара (634-594), причем Геродот даже определенно говорит, что скифы шли вдоль Каспийского моря, имея Кавказские горы по правую руку. Это движение скифов, отрицать которое нет основания, имело место или одновременно или очень скоро после водворения скифов в южно-русских степях. Волна их, заполнив степи, не остановилась и последние отзвуки ее замерли далеко в пределах передней Азии. Неясным остается лишь, откуда пришли скифы; движение от Аракса, как будто, противоречит вскоре затем имевшему место обратному движению скифов через Кавказ на юг. Впрочем, подробности в рассказах Геродота могут и не соответствовать истине, а проверить их очень трудно. Если верить тому, что скифы пришли в движение, потесненные массагетами, обитателями средне-азиатских степей, то переселение скифов должно было действительно зародиться в Азии. Оттуда, огибая Каспийское море с севера или юга, скифы пошли на запад; одна часть их могла при этом отколоться и опустошить цивилизованные страны Азии; другая—надолго осесть в русской степи. Все это, однако, только предположения; определенное решение вопроса, откуда явились скифы, при теперешнем состоянии первоисточников, невозможно. Не менее темен и труден вопрос о племенном происхождении и родстве скифов. В старое время их считали угрофиннами или

[1]) Herod. IV. 5—7.
[2]) Herod. IV. 11.

даже монголами; основанием для этого был только их кочевой образ жизни и появление из Азии. Некоторые русские археологи и историки, увлеченные сходством между дошедшими до нас изображениями скифов и типом русского простолюдина - крестьянина, выступали с предположениями о преемственной связи между скифами и славянами, предками русских. И. Е. Забелин [1]), Д. И. Иловайский [2]) и Д. Я. Самоквасов [3]) употребили много стараний, доказывая родство скифов со славянами. Однако, доводы их, основанные на упомянутом сейчас внешнем сходстве и на произвольных лингвистических толкованиях, в настоящее время совершенно оставлены.

Гораздо позднее явилась несомненно более основательная и доселе не опровергнутая гипотеза об иранском происхождении скифов, впервые выдвинутая немецкими учеными Эдуардом Мейером и Мюлленгофом в 80 годах прошлого столетия, а из русских ученых особенно развитая покойным академиком В. Ф. Миллером. Главные основания, на которых зиждется учение об иранском происхождении скифов, почерпаются из обрывков скифского языка, скифских собственных имен и названий. В целом их язык останется нам навсегда неизвестным, ибо у них не было письменности, но отдельные случайные слова, а главное собственные имена, приводимые Геродотом, и варварские имена, сохранившиеся в надписях греческих колоний, легче и проще всего об'ясняются и истолковываются сближением их с индоевропейскими языками древнего Ирана и отчасти с языком санскритским. Вот примеры: из 100 слишком варварских имен, известных нам из Ольвийских надписей, около половины поддаются объяснению из иранских языков, а из 160 имен в надписях Танаиса иранского происхождения оказываются более ста. Что иранство имело крепкие корни на юге России, доказывается историей Босфорского царства, которую в культурном отношении можно считать последовательной иранизацией греческих городов. Живые следы иранства сохранились на северном Кавказе до нашего времени в лице осетин, которые и теперь называют себя «ир» или «ирон», т.-е. иранцами. Ближайшее родство осетинского языка с языками иранской группы в настоящее время ясно доказано. Наконец, в пользу сильного иранского элемента говорит и археологическое исследование скифских древностей: в богатых скифских погребениях— множество предметов и черт, изобличающих восточное, иранское влияние.

Однако, наиболее ревностные сторонники иранского происхождения скифов не могут утверждать, что под иранские корни

---

[1]) Ист. русс. жизни. М. 1872 — 76, 2 тома.
[2]) Розыскания о начале Руси. М. 1876.
[3]) История русского права.

можно подвести все остатки языка древних скифов. Пример можно видеть в самом названии этого народа, который персы называли саками, а греки скифами. «Конечно, говорит В. Ф. Миллер, нельзя допустить, что имя Σκύθαι, которое греки давали и европейским и азиатским скифам, было изобретено греками. Оно должно было быть действительным народным туземным названием и притом широко распространенным. Если мы допустим это и сравним оба имени Saka и Scythai, то невольно обратим внимание на звуковую близость обоих этнических названий: кажется, будто в имени Scythai мы имеем ту же основу Saka, осложненную каким-то суффиксом ta» [1]). В параллель с этническим именем Scythai исследователь приводит до двадцати этнических названий из той же области и той же эпохи: авхаты, паралаты, меоты, тиссагеты, керкеты, массагеты, сарматы, где встречается тот же суффикс множественного числа ta, который по мнению академика Миллера не может быть объяснен ни из иранских, ни из каких-либо иных индоевропейских языков. Таким образом, этническое имя скифов—не иранское, как не иранские и многие топографические названия в их стране и многие собственные имена, до нас дошедшие.

Это заставляет думать, что едва-ли скифы были народом чисто индоевропейского происхождения. Не было ли в них каких-либо иных элементов? Как раз на этот вопрос пытается дать ответ новейшее исследование академика Н. Я. Марра «Термин Скиф» [2]). Исходя из лингвистического изучения кавказских языков, автор разбирает те остатки скифских имен и слов, которые не поддаются об'яснению из иранских языков и проводит мысль, что та неиндоевропейская основа, к которой приходится возводить таинственное множественное число на ta, равно как и ряд других звуков и слов, должны происходить от группы языков, которые господствовали на пространстве от средней Азии до юго-западной Европы до прочного водворения во всех этих местностях индоевропейцев. Народы, говорившие этими языками, принято называть в настоящее время «яфетическими». Раз в языке скифов были яфетические элементы, то по всей вероятности в их жилах могла течь и яфетическая кровь. Впрочем, автор, убежденный проводник учения о яфетидах и о важном значении их в прошлых судьбах Азии и Европы, не решается утверждать, что скифы были чистыми представителями этой группы народов. Отсюда само собой является мысль о том, что те племена, которые греки называли общим именем Скифов, не имели одного общего происхождения,

---

[1]) Миллер. Эпиграфические следы иранства на юге России. Экскурс. Ж. м. н. п. 1886, октябрь, стр. 283 — 289.

[2]) В «Яфетическом Сборнике». Пгд. 1922 г.

что в них или смешались различные этнические элементы или же они были союзом нескольких племен разного происхождения, причем в лингвистических следах их отразились сложные отношения и их неполное слияние в один народ. То, что рассказывает Геродот о стране скифов и о их подразделениях, до известной степени подкрепляет такую мысль. «От Истра, говорит Геродот, начинается собственная Скифия, обращенная к полудню, до города, называемого Керкинитидою; отсюда страну, прилегающую к этому же морю, гористую и выступающую в Понт, заселяет племя тавров до так называемого скалистого полуострова. Скифия с двух сторон ограничена морем, именно с юга и с востока, подобно Аттике. За Таврикою, выше тавров и на побережьи восточного моря живут уже скифы на западном берегу Босфора Киммерийского и Меотийского озера до реки Танаида, которая впадает в отдаленнейший угол этого озера. А начиная от Истра к северу по направлению внутрь материка Скифия граничит сперва с Агатирсами, затем с Неврами, далее с Андрофагами и, наконец, с Меланхленами. Так как Скифия представляет четырехугольник, две стороны которого примыкают к морю, то линия, идущая внутрь материка везде одинаковой длины с идущею вдоль моря: от Истра до Борисфена 10 дней пути и столько же от Борисфена до Меотийского озера; так же и по направлению от моря внутрь страны до Меланхленов, живущих выше скифов, 20 дней пути, а дневной путь рассчитан у меня по 200 стадий. Таким образом, поперечные стороны Скифии имеют по 4.000 стадий; такой же длины и продольные стороны, идущие внутрь материка. Таков об'ем этой страны» [1]). Отсюда видно, что Геродоту Скифия представлялась в виде четырехугольника. На самом деле, прикидывая на карте юга России пространство, очерченное Геродотом, мы получим примерно страну, идущую от устья Дуная до устья Дона и от Карпат или верхнего Днестра до течения реки Донца и Дона, т.-е. приблизительно, как раз местности, занятые изученными нами археологическими памятниками, за исключением задонского края и прикубанских степей. Археологические памятники, сравнительно, определенно указывают северо-западные границы скифского влияния и скифской власти: скифские погребения доходят до южной Волыни, Киева и на левом берегу Днепра до р. Десны и Сейма. Менее определены Геродотом и менее исследованы археологически северо-восточные пределы их государства. Находки в курганах заставляют думать, что скифская культура вверх по Дону доходила до Воронежа. Далее на восток и северо-восток скифские предметы попадаются все реже и реже, так что трудно провести

[1]) Herod. IV. 99 — 101. Стадия или стадий — мера длины у греков, равняющаяся 600 фут.

границу, где кончалось политическое влияние их державы и где продолжалось торговое и культурное влияние скифского мира. Обозрение населения собственной Скифии Геродот начинает, идя от Ольвии. «Начиная от торжища Борисфенитов первыми живут каллипиды, являющиеся эллинами-скифами, а выше их другое племя, которое именуется алазонами. Эти последние, как и каллипиды, в прочих отношениях живут одинаково со скифами, но сеют и употребляют в пищу хлеб, а также лук, чеснок, чечевицу и просо. Выше алазонов живут скифы-пахари (ἀρωτῆρες), которые сеют хлеб не для собственного употребления, а на продажу. Эти племена живут по реке Гипанису (Бугу) к западу от Борисфена, а если переправиться через Борисфен со стороны моря, то во-первых, будет Гилея (Полесье), а от него вверх живут скифы-земледельцы (γεωργοί). Эти скифы-земледельцы к востоку занимают пространство на три дня пути вплоть до реки, носящей название Пантикапа (трудно определяемая река—быть может Конка, впадающая в Днепр близ его устья), а к северу — пространство 11 дней плавания вверх по Борисфену. К востоку от этих скифов земледельцев обитают уже скифы кочевники (νομάδες), ничего не сеющие и не пашущие. Вся эта страна лишена деревьев за исключением Гилеи (Полесья). Эти кочевники к востоку занимают область на 14 дней пути, простирающуюся до реки Герра (Конские воды, впадающая в Днепр на рубеже Таврической и Екатеринославской губ.). По ту сторону Герра находятся, так называемые, царские владения и живут самые лучшие и самые многочисленные скифы, считающие прочих скифов своими рабами. Занимаемая ими местность простирается к югу до Таврики, а к востоку до торжища при Меотийском озере, называемого Кримнами, частью же их владения простираются до реки Танаида. Местности, лежащие к северу от царских (βασιλήιοι) занимают меланхлены, особое, не скифское племя. За рекою Танаидом уже не скифская земля; первый из участков принадлежит савроматам»[1]). В этом описании Геродот делит население Скифии на пять групп. Это во-первых, каллипиды и алазоны — туземные племена, получившие вследствие соседства с греческими колониями некоторый налет эллинской цивилизации. Во-вторых, скифы-пахари, живущие к западу от Днепра, в третьих, скифы-земледельцы, живущие, главным образом, вверх по Днепру на очень далекое пространство. В четвертых — скифы-кочевники, обитающие в южной части собственной Скифии, примерно, совпадающей с материковой частью Таврической губ. и, наконец, в пятых—скифы царские, занимающие громадное пространство, приблизительно совпадающее с Екатеринославской губ. к востоку от Днепра и с южной

[1]) Herod. IV. 17 — 20.

частью Харьковской губ. Если об'единить первые три группы, а это, повидимому, возможно в виду общности их основного занятия—земледелия, то можно найти и в археологических памятниках некоторое отражение Геродотовского деления. К западу от Днепра и особенно выше, к северу, преобладает тот общий тип простых погребений, который, как я уже отметил выше, составляет постоянную эволюцию от более древних погребальных памятников. Можно думать, что здесь мы по преимуществу имеем дело с оседлым населением, давно сидевшим на привычных местах. Страна скифов-кочевников,—материковая часть Таврической губ. и Крымская степь — страна, отличающаяся сравнительно бедностью ритуала погребений железного века, что легко приурочивается к бедной, слабой и отсталой группе скифов-кочевников. У границ царской Скифии сосредоточены главнейшие богатые царские курганы, что опять-таки соответствует представлению о господствующей группе скифов, здесь обитавших.

Каллипидов и алазонов сам Геродот отделяет от скифов. Но можно ли считать скифов пахарей и земледельцев, с одной стороны, кочевников с другой стороны и, наконец, царских с третьей, непременно одним народом, одним этническим целым? Едва ли на такой вопрос можно ответить утвердительно. Описание Геродота скорее наводит на мысль о том, что сильное племя царских скифов, заняв большую часть наших степей, подчинило себе и тех более слабых кочевников, которых оно здесь нашло и тех оседлых земледельцев, которые сидели далее к западу, в степных местностях, менее открытых для первого сокрушающего натиска завоевателей, приходивших с востока или же населявших порубежные местности леса и степи. Описание Геродота относится к тому времени, когда Скифы уже более трех веков занимали юг России. Их первоначальное продвижение, постепенно задерживаясь, должно было в отдельных случаях проникать очень далеко на запад; именно этим следует объяснить наличность скифских памятников в Венгрии и Румынии. Утвердившись на юге России, скифы образовали державу, просуществовавшую несколько веков. Внешних фактических сведений о ней очень мало. Геродот рассказывает о том, что скифами последовательно правили цари: Спаргапит, Лик и Гнур, правление которых надо относить ко времени не ближе VII века. Преемником Гнура был сын его Савлий и внук Идантирс. По другому рассказу Геродота Савлий был родным братом известного уже нам Анахарсиса, павшего жертвой своей склонности к эллинской культуре. Идантирс был царем во время знаменитого похода на Скифию персидского царя Дария. Все, что мы можем сказать об этом походе достоверного, это то, что он был предпринят в целях ослабления скифской державы, граничившей в это время с персидскими владениями и в Азии и на Бал-

канском полуострове, и что поход этот окончился неудачей. После Идантирса правил Ариапит, при его сыновьях Скиле и Октомасаде разыгралась вторая трагедия в царской семье, поводом к которой была все та же притягательная сила греческой цивилизации, которая сгубила несчастного царя Скила, как она ранее сгубила Анахарсиса. Встречу скифов с греками и с греческой культурой можно считать самым важным явлением истории их державы с самого первого момента появления приморских греческих городов. Есть отдельные отрывочные сведения о военных столкновениях скифов и греков в эту раннюю пору. Так у Страбона мы находим известие, что греки прогнали скифов, появившихся было на Керченском полуострове вблизи Пантикапея. Мы уже знаем отчасти, как греческие города влияли на туземные племена, с которыми они соседили и даже на племена более отдаленные. История Анахарсиса и Скила—не случайное явление, как не случайно и то, что именно с конца VII или VI века, т.-е. с того момента, когда началось цивилизующее влияние греков на скифов, появились первые богатые царские погребения на Днепре и далее к востоку, на Кубани; представителей этих погребений, где предметы греческой техники сочетаются с произведениями более восточного азиатского искусства, мы имеем в Литом и Келермесском курганах.

Скифская держава не была похожа ни на греческие государства, ни на персидское царство. Вероятнее всего, что она своим устройством напоминала особый тип государства, неоднократно образовывавшийся именно здесь, в южно-русских степях. Это господство кочевой орды, хорошо организованного конного войска, над остальными более слабыми и, быть может, более древними степняками, с одной стороны, над оседлым населением прилегающих к степи местностей—с другой. Таково было позднее государство Хазар; такова же была и Золотая Орда. Вещественными памятниками степняков-властителей остались их царские курганы и курганы, близкие к ним по богатству погребальной утвари, погребения вождей и вельмож. О степняках подвластных напоминают многочисленные бедные погребения, рассыпанные в южно-русских степях. Погребения степного пограничья, до некоторой степени совпадающие с Геродотовской территорией скифов-пахарей и земледельцев, имеют много общих черт с чисто скифскими степными курганами. Чувствуется в них и влияние греческой культуры, докатившейся сюда замирающей волной, но в них есть и черты, которые отличают их от собственно степных рядовых погребений. Керамика лучше, попадающееся здесь железное оружие отделано более тщательно. Встречаются именно в этой местности и городища, указывающие на оседлое жилье.

Мы не можем сказать точно, какие отношения существовали между кочевниками покорителями и покоренными оседлыми жите-

лями степного пограничья. Вероятнее всего и они напоминали отношения между хазарами и татарами, с одной стороны, и русскими, с другой. Одни были властители и собирали дань, другие были подвластные и платили дань ценностями, натуральными продуктами, а иногда просто поставляли властителям живую силу—воинов.

Хотя мы и знаем по именам скифских царей, но едва-ли скифская держава составляла в их руках прочное и об'единенное целое. У того-же Геродота есть отрывочные известия о существовании других царьков, о том, что скифское царство состояло из нескольких частей, которые лишь до некоторой степени об'единялись властью верховных царей. Власть этих последних, деспотическая и неограниченная в принципе, на самом деле смягчалась сложной системой племенных и социальных отношений и далеким расстоянием от царской ставки, кочевавшей по центру державы, по стране царских скифов, до отдаленных уголков, где пахари мирно занимались своим трудом, по целым годам не видели грозных отрядов кочевых властителей и встречали их с данью в определенные сроки, когда представители царской власти выезжали на «полюдие».

Со времени царя Октомасада известия о скифских царях становятся реже и отрывочнее, а с конца IV века и вовсе прекращаются. Есть много косвенных указаний на то, что могущество скифов державы клонится к упадку. Их натиски на Балканский полуостров терпят окончательную неудачу вследствие образования македонской державы Филиппа и Александра Великого; растет и укрепляется Босфорское царство Спартокидов, которое об'единило разрозненные греческие города и распространило свою власть вглубь страны. На Таврическом полуострове IV и III века — время наибольшего могущества Херсонеса, а главное, на восточной границе скифов снова замечается движение наступающих на запад племен и начинается нажим на Скифию сарматов, которым принадлежало будущее в русских степях. Вероятно, усилению соседей и облегчению натиска новых кочевых племен способствовали и некоторые внутренние явления среди скифской державы; об этом можно говорить только гадательно, но степные военные державы редко отличаются долговечностью и прочностью, и скифская держава в этом отношении не могла быть исключением. Однако, материальное благосостояние ее сохраняется довольно долго: IV век—как раз время наиболее богатых и интересных царских курганных погребений. Ослабевая, скифская держава уменьшилась в своем об'еме; это сжатие дало ей сил на некоторое время. В III—II веках пределы скифской державы ограничиваются пределами теперешней Таврической и части Екатеринославской губ.; во главе ее мы встречаем очень энергичных и сильных лич-

ностей; к таким принадлежал царь Скилур и его сыновья, от нападений которых Диофант защищал Херсонес. Скифская держава Скилура была последней вспышкой скифской самостоятельности и могущества; памятники этой эпохи убеждают в сильном и продолжающем крепнуть греческом влиянии. В первом веке до Р. Х. известия о самостоятельной державе скифов прекращаются и господство в южно-русских степях безраздельно переходит к сарматам.

Прежде, чем говорить о сарматах, надо сказать несколько слов о тех племенах, которые жили в скифские времена вдоль берегов Азовского моря между Доном и Кавказскими горами. Геродот говорит, что в ближайших местах за Танаисом обитали в его время савроматы; за ними на юг в сторону Кубани и Кавказских гор жили яксаматы, дандарии, фатеи, мэоты, сидевшие по берегам Азовского моря и, наконец, около Таманского полуострова, в ближайшем соседстве с греческими колониями—синды. Все эти племена жили в указанных местах задолго до того времени, когда скифы уступили господство сарматам. О их происхождении и племенном родстве трудно сказать что-либо определенное. О савроматах и яксаматах греки рассказывали, будто у них особенным влиянием пользовались женщины. Сообщаемое Полиэном предание о героине мэотянке Тиргатао, которая не только спаслась от козней царей синдов и Боспора, но даже победила их, может считаться отголоском этого предания. В древностях, оставшихся от этих племен, равно как и в обрывках слов и названий, сообщаемых греческими писателями, есть несомненные признаки иранства или, по крайней мере, иранского влияния, но это не дает еще основания говорить об иранском происхождении этих племен. Весьма возможно, что некоторые из них, по крайней мере, были очень древнего местного происхождения и также принадлежали к так называемой яфетической группе, а черты иранской культуры приобрели или путем смешения с другими племенами или путем заимствования. Мэоты и синды были оседлыми народами и возделывали плодотворную прикубанскую и приазовскую степь. Многочисленные, но совсем не исследованные городища близ Азовского моря и Таманского полуострова составляют следы когда-то бывших здесь мэотских и синдских городов. Не раз они вступали в более тесные отношения с Боспорским царством; были периоды времени, когда мэоты и синды признавали власть Спартокидов; они перемежались с временами полной независимости и даже открытой вражды против Боспорских греков. Не раз туземцы вмешивались в раздоры Боспорских властителей. Так было, напр., с племенами фатеев во время усобицы между Сатиром и Эвмелом, сыновьями Перисада I в конце IV века до Р. Х., когда фатейский царь Арифарн пришел на помощь Эвмелу с 20.000 конницы

и 22.000 пехоты. Рассказывая об этом эпизоде, Диодор Сицилийский дает и описание укрепленного замка, в котором Арифарн и Эмвел укрылись от преследований победившего их Сатира. Это очень интересное описание резиденции кавказского горного царька того времени. Замок «стоял у реки Фата, которая обтекала его и вследствие своей значительной глубины делала неприступным; кроме того, он был окружен высокими утесами и огромным лесом, так что имел всего два искусственных доступа, из коих один, ведший к самому замку, был защищен высокими башнями и наружными укреплениями, а другой был с противоположной стороны в болотах и охранялся деревянными палисадами; притом здание было снабжено прочными колоннами и жилые помещения находились над водою»[1]). Вот таких царьков и хоронили в курганах, подобных Карагодеуашху или Семибратнему, дающих нам представление о таком же смешении варварской культуры и греческой техники, как знаменитые курганы Приднепровья.

Движение новых волн кочевников с востока к западу начались с IV века. Вторгающихся кочевников греки, а затем римляне называют общим именем сарматов и обыкновенно не отличают их от савроматов. Выходит по первому впечатлению, что савроматы, сидевшие у берегов Дона во времена Геродота, и были авангардом кочевых сарматских орд, двинувшихся именно отсюда спустя полтора века. Ближайшее рассмотрение дела колеблет такое предположение. Вот, что говорит по этому поводу современный исследователь вопроса, акад. Ростовцев. «Ни один из античных писателей, говоря о сарматах на основании сведений из первых рук, не упоминает о том, что было для грека главным признаком савроматов,—о роли женщин. Только там, где сведения подлинные подвергались литературной обработке, на сарматов переносится то, что составляет в старом предании особенность савроматов» [2]). Так савроматов, древних обитателей Придонья, по всей вероятности родичей яксаматов, меотов и других тамошних племен, следует повидимому отличать от сарматов, под именем которых греки и римляне разумели большое кочевое племя, широкой волной разлившееся по всей старой Скифии до Дуная и господствовавшее в южно-русских степях более пяти веков. Сарматы подвигались на запад в виде отдельных племен. В первую очередь шли языги, потом роксоланы, за ними сираки и аорсы и, наконец, самое сильное из племен — аланы. Постепенное оттеснение скифов продолжалось в течение III и II веков; к концу II века сарматы заняли почти всю южную Россию, оттеснив скифов в Крым и места, к нему прилегающие, а также ве-

[1]) Diod., XX, 22.
[2]) Ростовцев. Эллинство и иранство, 127 – 128.

роятно, к устьям Дуная. Языги заняли край от устьев Дуная до Днепра; роксоланы сидели от Днепра до Дона, около Дона—аорсы, далее на юг до Кубани—сираки, внедрившиеся среди потесненных ими синдов и мэотов. В противоположность Скифам, одного государства Сарматы не оставили. Большие племена в свою очередь распадались на малые; так языги, по словам Страбона, делились на языгов царских и ургов. К языгам или роксоланам принадлежало вероятно и племя саиев с их царем Сайтафарном, о которых говорит Ольвийский декрет в честь Протогена. Вероятно, сарматскими царьками были и те, которых имена сохранили нам Ольвийские монеты времени упадка этого города—Канит, Сария, Фарзой, Инисмей, за исключением только Скилура, о котором мы знаем, что он был скифом. Сарматское племя аланов выходит позднее других из неизвестности. Ко времени римской империи они овладевают всем пространством степей и подчиняют себе и все другие ранее здесь появившиеся племена сарматов и остатки скифов и делаются властителями русского юга до IV века по Р. Х., сохраняя до конца облик диких кочевников. Переход владычества в степях от скифов к сарматам был в культурном отношении значительным шагом назад. Затронутые и смягченные греческим влиянием, скифы должны были уступить место свежей волне дикарей, вышедших из Азии. Сарматы появляются в Европе в кочевом быту; их отношения к греческим черноморским поселениям прошли все те стадии, какие за несколько веков до того пережили отношения греко-скифские. Вражда, нападения варваров на греческие города, от которых особенно много страдала Ольвия в эпоху Диона, т.-е. в конце I века по Р. Х., затем частичное подчинение греческой культуре. Страбон говорит, что языги и роксоланы «по большей части кочевники, но немногие занимаются и земледелием; эти последние, говорят, живут также по Истру, нередко на обоих берегах его». Оседлые сарматы, следовательно, появляются прежде всего на рубеже степи там, где уж прочно чувствовалась близость римской империи. Сарматы кочевники «носят шлемы и панцыри из сырой воловьей кожи и сплетенные из прутьев щиты, а наступательным оружием служит копье, лук и меч. Кибитки кочевников сделаны из войлока и прикреплены к повозкам, на которых они живут; вокруг кибиток пасется скот, мясом, сыром и молоком которого они питаются. Они следуют за своими стадами, выбирая всегда местности с хорошими пастбищами» [1]).

Если с одной стороны влиянию цивилизации ранее других подверглись самые западные из сарматов—языги, то почти то же самое можно сказать о самых восточных сарматских племенах—сираках и аорсах. Они разместились в местностях, давно заселенных осед-

[1]) Strab., VII, 3, 17.

лыми жителями и притом не на проходной дороге, какой были степи по северному берегу Азовского и Черного морей, а в местах, откуда далее на запад двигаться было нельзя и где волей неволей переход от кочевой жизни к оседлой должен был последовать очень быстро. Тацит и Страбон рисуют Донских и Кубанских сарматов, как племена, имеющие укрепленные города, куда на время осады стекаются и свободные и рабы. Это, следовательно, уже в значительной части оседлые племена с наметившейся социальной дифференциацией. Донские и Кубанские сарматы — сираки, и особенно аорсы, считались племенами очень богатыми; по свидетельству современников, они любили покрывать свое оружие и одежду золотом. Погребения этих богатых сарматов как раз и встречаются в большом числе в нынешней Кубанской области. Это те погребения всадников без намеков на ритуальные убийства жен и рабов, с кольчатым панцырем, стременами и богатыми украшениями из золота и аляповато вставленными цветными камнями,—тип погребений, который выше отмечен мною, как особый тип южно-русских погребений первых веков по Р. Х. Такой тип погребений встречается и в области войска Донского, но далее к западу он мало-по-малу исчезает вовсе. В истории усобиц между Босфорским царем Полемоном и его невольной женою Динамией упоминается племя Аспургиан, в битве с которыми пал Полемон; повидимому, в лице Аспургиан мы имеем дело с сарматами, вероятнее всего с одним из подразделений которого нибудь из больших сарматских племен.

Определению племенного родства и происхождения сарматов очень много содействовало то обстоятельство, что на северном Кавказе в уголках гор до сих пор сохранились остатки древних сарматов. Это—племя осетин, язык которых, научно исследованный, дает полное основание думать, что сарматы, от языка которых, как и от языка скифов, дошли обрывки слов и собственных имен, говорили языком иранского происхождения. Иранство сарматов—не предположение, как относительно скифов, но установленный факт, не подлежащий в настоящее время сомнению. Если принять иранство сарматов, то тогда станет яснее и понятнее одно очень важное культурное явление в истории Босфорского царства, именно его постепенная иранизация, так резко и сильно проявляющаяся в первые века нашей эры. Появление свежей иранской этнической волны способствовало как нельзя более усилению восточного иранского влияния в Босфорских городах и в значительной степени изменило в эти века культурную физиономию древних греческих городов.

Как я уже сказал, в государственном отношении сарматы никогда не создали такой державы, как это удалось в VII веке до Р. Х. сделать скифам. Они всегда оставались раздробленными;

большие племенные ветви не сливались во-едино. В рамках больших племенных делений существовал строй, по всей вероятности очень похожий на тот, который мы отметили у скифов: неограниченного вождя-царя окружает конная дружина, которой порабощено или платит дань все остальное население, кочевое в одних местностях, оседлое в других.

Есть еще одно племя, имя которого встречается в летописях южно-русской равнины как раз в то время, когда там господствуют скифы и сарматы. Это геты, которые произвели в половине I века до Р. Х. разгром г. Ольвии. Геты обитали на Балканском полуострове, в Балканских горах и по правому берегу нижнего Дуная. В племенном отношении можно думать, что они были одного происхождения с фракийцами и, может быть, с даками. I век до Р. Х.—время, когда первая сарматская волна уже успокоилась. Языги и роксоланы уже вошли в берега, а вторая—аланы—еще не докатывалась до юго-западного уголка русских степей. Как раз в это время наблюдается временное возвышение гетов, предводимых царем Биребистой. Это привело к погрому припонтийских греческих городов Балканского полуострова; наряду с ними пострадала и Ольвия. Этим прямое воздействие гетов на южно-русскую равнину ограничивается. Аланы с одной стороны, крепкая римская имперская власть—с другой, положили предел распространению владычества гетов; позднее они подверглись постепенной романизации.

Важнейшая литература:

А. С. Лаппо-Данилевский. Скифские древности. СПБ. 1887.

Гр. И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. Вып. II. СПБ. 1889 г.

М. И. Ростовцев. Эллинство и иранство на юге России. СПБ. 1918 г.

E. H. Minns. Scythians and Greeks. Camb. 1913. Chap. I — VI.

Ф. И. Брун. Опыт соглашения мнений о Геродотовой скифии. Черноморье. Сборник исследований по историч. географии древней России, т. II. Од. 1880 г.

Müllenhof. Ueber die Herkunft und Sprache der Pontischen Scythen und Sarmaten. B. 1886.

Ed. Meyer. Geschichte des Alterthums. B. I 1-e. Hälfte. 2 Auflage B. 1909.

В. Н. Юргевич. О именах иностранных на надписях Ольвии, Босфора и др. греческих городов сев. прибережья Понта Евксинск. (Зап. Од. Об. истор. и др. 1872, т. VIII).

В. Ф. Миллер. Осетинские этюды (Уч. зап. Ист.-фил. ф. Мос. Унив., т. 1, 2, 8. М. 1881 — 1887).

Его-же. Эпиграфические следы иранства на юге России. Ж. М. Н. Пр. 1886, октябрь.

Н. Я. Марр. Термин «Скиф». Яфетическ. сборн. I. Пгд. 22 г.

В. В. Латышев. Scythica et Caucasica. Известия древних писателей. греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I и II. СПБ, 1890 — 1904 г.

M. Ebert. Südrussland im Altertum. Bonn-Leipzig. 1921.

ГЛАВА XVIII.

Ранний железный век на юге России. Быт туземцев.

Если для изучения внешних судеб скифов и сарматов приходится за неимением туземных источников пользоваться чаще всего известиями писателей классического мира, то для знакомства с их бытом археологические памятники выступают на первый план. Они дают основной вещественный материал, который позволяет ставить исследование на очень широких основаниях; известия греческих и римских писателей составляют подсобный материал, давая, главным образом, возможность проверить и дополнить сведения, черпаемые из археологических источников. Перекрестный допрос основного и подсобного материала позволяет в настоящее время дать довольно полную картину жизни и быта скифов и их исторических наследников—сарматов.

Скифия, как мы уже знаем, имела и оседлое и кочевое население, но для скифов, для их быта и для тех памятников, которые они оставили, кочевой элемент несравненно более ярок и типичен. С описания важнейших сторон быта кочевых скифов я поэтому и начну. Скифия была своеобразной державой, центральная власть и влияние в которой принадлежали подвижной орде, кочевавшей в пределах современных Екатеринославской и Таврической губерний. Во главе стояли цари, ведшие такой же образ жизни, как и их подданные, над которыми власть их была неограниченной. Жизнь царя отличалась от жизни простого скифа только большим богатством форм, более ярким проявлением обычаев и обрядов и более ясно выраженным сочетанием туземной основы с налетом греческой культуры. Поэтому, мне кажется, наиболее показательным будет описание быта царей и близкого к ним быта знатных скифов. Познакомившись с этим бытом, будет уже легко отметить те черты разницы, которые отделяют этот быт от быта простолюдинов державы.

У кочевых скифов не было городов, не было у них и столицы. Царь был прирожденным всадником: такими же всадниками были и окружающие его, до последнего раба. Не мало ездили верхом и скифские женщины; однако для женщин и детей, для стариков и старух, для перевозки имущества, незатейливого у простых людей и часто очень богатого у царей, служили повозки, в которых и жили, вероятно, на ночлегах и стоянках наряду с раскидывавшимися для этой цели палатками и шатрами. «Живут они в кибитках, рассказывает о них знаменитый греческий врач Гиппократ, из которых наименьшие бывают четырехколесные, а другие—шестиколесные, они кругом закрыты войлоками и устроены подобно домам, одни с двумя, другие с тремя отделениями; они непроницаемы ни для воды, ни для снега, ни для ветров. В эти повозки запрягают по две и по три пары безрогих волов; рога у них не растут от холода. В таких кибитках помещаются женщины, а мужчины ездят верхом на лошадях; за ними следуют их стада овец и коров и табуны лошадей. На одном месте они остаются столько времени, пока хватает травы для стад, а когда ее больше нет, то переходят в другую местность. Сами они едят вареное мясо, пьют кобылье молоко и едят иппаку (это сыр из кобыльего молока). Таков образ жизни и обычаи скифов» [1]). В Керченском некрополе неоднократно были находимы небольшие терракотовые изображения повозок, бывших в ходу как у степных кочевников, так и у обитателей греческих городов, для их путешествий на степные хутора. Как видно, это были сложные сооружения; по грубоватым моделям можно себе представить, что в подобных подвижных степных домах могли действительно помещаться целые семейства.

Главным источником для существования скифов были их стада. В скифских погребениях более всего находят костей лошадей и овец. О том, что скифы в своих ритуальных обычаях особенно готовы были приносить в жертву лошадей, говорит и Геродот. Наоборот, по греческим источникам, подтверждаемым и впечатлениями от курганных находок, скифы имели сравнительно мало рогатого скота и вовсе не разводили свиней. Скиф был прежде всего и после всего табунщиком и коневодом, как настоящий степняк. Быть может лучшим отражением значения, какое у скифов имело коневодство, следует считать чудесный рельеф Чертомлыцкой серебряной вазы, изображающий необыкновенно живые сцены укрощения и объездки коней скифами. Необозримые степи давали простор и для другого постоянного занятия кочевника — охоты. О занятии скифов охотой неоднократно говорят и Геродот и Страбон. Их известия вполне подтверждаются археологиче-

[1]) Hippocr. De aere, 25.

скими памятниками. Изображение охоты на богатой утвари, находимой в царских погребениях,—явление очень обычное. Стоит взглянуть хотя бы на художественную золотую рукоятку Чертомлыцкого меча, на которой представлены конные скифы, преследующие диких коз или антилоп, или на золотые бляшки Александропольского кургана с изображением скифов, гоняющих зайцев.

Для охотника и для воина, ибо кочевые скифы были воинственным племенем, которое держало в постоянном подчинении другие племена, населявшие степь и ее пограничье, и в случае нужды отлично умело защищаться от нападений врагов, особенно большое значение имело вооружение. Оно было и богато и разнообразно. Курганные находки дают прежде всего копья с медными, бронзовыми и чаще всего железными наконечниками, которые в царских могилах ставились или полагались обычно в головах покойника. Еще чаще встречаются короткие кинжалы и ножи обычно с обоюдоострым лезвием, с рукоятью, нередко богато украшенной. Обычной принадлежностью богатых погребений является меч, называемый греками «акинак», персидского образца, недлинный с обоюдоострым железным лезвием, эфесом и ножнами. В царских погребениях у одного покойника встречаются и по два меча, обычно с художественными рукоятками и ножнами, покрытыми (напр. в Литом Кургане или в Солохе) особенно сложными рисунками и орнаментами. Очень важное место в вооружении скифа занимает секира или топор, который Геродот называет «сагарис»; среди археологических находок встречаются пока только односторонние секиры; примером может служить очень древняя художественная секира из Келермесского кургана. Но по описаниям античных авторов, скифы знали также и двусторонний топор, столь распространенный в древнем эгейском и, кажется, малоазиатском мире. В скифских гробницах почти всегда находили очень много наконечников стрел; возможно, что некоторые из них принадлежали дротикам, которые вместе со стрелами были самыми распространенными метательными орудиями скифов. Геродот называет скифов конными лучниками (ἱπποτοξόται). Погребения сохранили нам несколько колчанов и футляров для лука—«горитов», но самых луков до нас почти не дошло, конечно вследствие того, что дерево, из которого они делались, и тетива не могли сохраниться при долгом лежании в земле. По описаниям древних авторов и по некоторым изображениям лука на скифской утвари (напр. на рукояти Чертомлыцкого меча), он имел кругловатую форму с выемкой или углублением посредине, куда была прикреплена и перекладина, соединявшая лук с тетивой. Последний вид оружия, чисто оборонительный, составляли шлем, щит и латы или панцырь. Можно думать,

что шлем в собственном смысле этого слова был предметом роскоши, который носили только самые знатные и богатые люди. Такие шлемы были греческого дела и ввозного происхождения. Рядовой скифский воин вместо шлема носил войлочный или кожаный башлык или колпак, подобный тем, в которых изображены скифские воины на Куль-Обской вазе. Такой колпак нельзя, строго говоря, относить к вооружению; это был обычный головной убор скифа, который он носил во всякой обстановке. От щитов, которые делались из дерева или из гибких ветвей и обтягивались кожей, не сохранилось ничего, кроме, так называемых «пупков» (umbo), т. е. металлических круглых блях, обычно украшавших средину щита. В богатых погребениях были делаемы находки лат и поножей из бронзы и железа иногда с позолотой; это редкая форма доспехов, которую цари и богатые скифы доставали из греческих приморских городов. Кроме сплошных лат встречаются также бронзовые кольчуги, составленные из бляшек, под которыми иногда сохраняются обрывки материи, к которой они были прикреплены; встречаются, наконец, и кожаные панцыри. Выше мне уже приходилось отмечать, что в более поздних сарматских погребениях Прикавказья попадаются также кольчуги чешуйчатые.

Говоря о военном деле, следует, быт может, сказать несколько слов о скифском способе вести военные действия. Как видно из рассказа Геродота о походе Дария в Скифию, скифская оборона заключалась, главным образом, в налетах небольших конных отрядов, задачей которых было заманить врага в западню и затем засыпать его стрелами.

Одежда скифов-кочевников хорошо нам известна по изображениям, которые дошли до нас на многочисленных вазах, сосудах, бляшках и др. художественных предметах, добытых в царских погребениях. Лучшими из таких изображений можно считать те же Куль-Обскую и Чертомлыцкую вазы. Обыкновенная одежда скифов — кафтан, не доходивший до колен, с узкими рукавами, не стеснявшими свободу движений. Полы кафтана, косые, спереди опускались несколько ниже, чем сзади; полы и рукава украшались пуговицами, а иногда, может быть, и бляшками; возможно, что в некоторых случаях они оторочены были мехом. У некоторых греческих писателей есть известия о том, будто скифы одевались в звериные шкуры. Думается, что в этом нельзя видеть ничего удивительного в виду сравнительно холодных зим Скифии. Меха служили вероятно шубами, которые надевались поверх описанных только что кафтанов. Кафтан стягивался кожаным поясом, к которому привешивались при конной езде все необходимые предметы утвари и снаряжения. Пояс украшался металлическими бляшками. Ноги скифа неизменно облека-

лись в шаровары, иногда, совсем узкие, иногда более широкие; греки называли их «анаксиридами». Шаровары засовывались в кожаные мягкие полусапожки, которые у щиколотки перевязывались ремнями. Мы уже видели, как совместная, по соседству протекавшая, хотя бы и не всегда дружественная жизнь заставила черноморских греков перенять у скифов эту чуждую греческому миру часть одежды.

Женская одежда, если не обычная, то по крайней мере торжественная, состояла из чего-то похожего на русский сарафан, с узкими длинными рукавами. Голова украшалась очень сложным убором в виде остроконечного кокошника, переднюю часть которого составляло золотое украшение; примером может служить треугольная пластинка, найденная при женском погребении в Карагодеушахе. С кокошника назад спускалось покрывало или платок с нашитыми на него золотыми бляшками. Что касается обыкновенного головного убора скифских женщин, то о нем мы достоверного ничего не знаем; думается, что в обыденной жизни они носили кожаные или войлочные кокошники или такие же башлыки, как и мужчины.

Считая скифов полными варварами, а одеяние и внешность их совершенно несоответствующими и чуждыми греческим понятиям о красоте и изяществе, древние эллины представляли их себе очень тучными, уродливыми и поголовно похожими один на другого. «Благодаря тучности и отсутствию растительности на теле, обитатели похожи друг на друга, мужчины на мужчин и женщины на женщин. Делаются они сырыми и слабыми во-первых оттого, что в детстве не пеленаются. Скифы не имеют этого обычая из-за верховой езды, чтобы хорошо сидеть на лошади, во-вторых из-за сидячей жизни: дети мужского пола, пока не могут еще держаться на лошади, большую часть времени сидят в кибитках и мало ходят пешком вследствие постоянных перекочевок; женский же пол отличается удивительно сырою и слабою комплекцией. Все скифское племя—рыжее, вследствие холодного климата, и белый цвет как бы выжигается от холода и переходит в рыжий. При таком физическом сложении народ не может отличаться плодовитостью. Сверх того, между скифами встречается множество евнухов; они занимаются женскими работами и говорят по-женски; называются такие мужчины «энареями». Этой болезни подвержены скифские богачи; причина ее заключается в верховой езде» [1]). Таковы суждения о скифах отца медицинской науки—Гиппократа.

Какие поправки к изложенной картине можно внести применительно к некочевым группам населения Скифии? Напомню,

---

[1]) Hippocr. De Aere, 26 — 30.

что у оседлых жителей западной Скифии, с одной стороны, кавказского предгорья, с другой, существовали города и замки; о них, как уже упомянуто выше, говорят античные авторы и даже приводят их описания; дошли до нас их городища, к сожалению, слишком мало доселе исследованные. Разница в занятиях, конечно, существовала, поскольку существовала разница в формах быта. О западных оседлых жителях Скифии Геродот решительно говорит, что они сеяли хлеб на продажу. Они, следовательно, должны были быть постоянными участниками торгового обмена, совершавшегося между Скифией и Эллинским миром.

В зависимости от этого, можно, кажется, отметить в погребениях скифской эпохи правого берега Днепра следы несколько большей средней зажиточности, большого влияния греческих городов и большого сходства с западными странами, нежели в степном краю, где за выключением изумительных по богатству и роскоши царских погребений, средний уровень погребального инвентаря стоит низко. Аналогичную картину дают погребения земли синдов, мэотов, аорсов и сираков, т. е. Кубанских степей и предгорий.

В вооружении и отчасти одежде можно установить некоторые черты отличия между скифами и сарматами. У последних мечи длинные, почти не в употреблении лук, зато более в ходу длинные копья. Доспехи их чаще всего кожаные или чешуйчатые; на голове колпак несколько иной формы, нежели у скифов.

О торжественных церемониях, пирах, приемах послов и гостей у древних скифов, вообще о таких моментах их существования, когда весь уклад жизни особенно ярко выражается в определенных формах, мы не знаем ничего; о них молчат археологические памятники, о них молчат и греческие писатели. Есть лишь один обряд—обряд погребения, о котором мы знаем очень много, ибо как раз о нем подробно писал Геродот и еще более, может быть, ярко свидетельствуют бесчисленные скифские курганы. Я возьму рассказ Геродота [1]) за путеводную нить и буду сопоставлять его со свидетельством археологических памятников. Это будет взаимной проверкой и дополнением главных источников нашего знакомства со скифским бытом. «Царские гробницы находятся в Геррах, до которых судоходен Борисфен». Это было священное место: «у нас есть могилы предков», велел сказать Дарию скифский царь Идантирс, «попробуйте разыскать их и разорить, тогда узнаете, станем ли мы сражаться с вами из-за гробниц или нет» [2]). Где была эта местность? Геррос, по словам Геродота,—река, впадающая в Борисфен; она должна впадать там, где

[1]) Herod., IV, 71—73.
[2]) Herod., IV, 127.

он перестает быть судоходным, т. е. где нибудь около порогов. Итак, священное место скифских царских гробниц надо искать где нибудь около порогов и около впадения в него какого-то притока. Сейчас же ниже порогов в Днепр справа впадает река Конские воды. Местность около устья Конских вод по обе стороны Днепра есть как раз та, где возвышаются самые интересные и богатые из скифских курганов: Александропольский, Чертомлыцкий, Солоха, давшие так много ценного материала современным исследователям, а также другие, первоначально наверно не менее богатые, но дошедшие до нас в совершенно разграбленном виде—Краснокутский курган, Цымбалка, Чмырева могила, Огуз, Диев курган. Так сопоставление известий Геродота с данными археологии убеждает в настоящее время в верности известий отца истории и позволяет довольно точно определить священное место погребения скифских владык.

«Когда у них умрет царь, они выкапывают большую четырехугольную яму; изготовив ее, намазывают труп покойного воском, разрезывают живот, вычищают его, наполняют рубленым купером, ладаном, семенами сельдерея, анисом, затем снова зашивают, берут труп и на повозке везут к другому племени. Те, к которым привезут покойника, делают все то же, что и царские скифы, отрезывают себе часть уха, обстригают кругом волосы, надрезывают руки, расцарапывают лоб и нос и протыкают стрелы сквозь левую руку. Оттуда везут на повозке труп царя к другому подвластному им племени, причем те, к которым приезжали раньше, следуют за ними. Объехав таким образом с трупом всех, они приезжают к Геррам, которые из всех подвластных народов живут на самой отдаленной окраине и в земле которых находится кладбище. Здесь кладут труп в могилу на подстилке, по обеим сторонам его втыкают копья, на них кладут доски и покрывают их камышом, а в остальном пространстве могилы хоронят, задушив одну из наложниц царя, а также виночерпия, повара, конюха, слугу, вестника, лошадей, по отборной штуке всякого другого скота и золотые чаши (серебро и медь вовсе не употребляются). После всего этого, они все вместе насыпают большой курган, всячески стараясь сделать его как можно больше».

Если с этим рассказом сравнить ритуал, который открывается из изучения больших скифских курганов, то, за исключением некоторых подробностей, получается картина полного совпадения. Да и из тех черт, которые нельзя подтвердить посредством археологии, иные, как например, бальзамирование царского трупа, вполне возможные сами по себе, не поддаются проверке лишь по самому свойству описываемого явления.

Царя возят по подвластным ему племенам. Курган не говорит нам, откуда привозили царя, но подтверждает, что его везли к ме-

сту погребения, и так как дело происходило у кочевников, везли, может быть, очень издалека. На это указывают обломки торжественных, обычно украшавшихся бронзой, колесниц, неизменно находимых при раскопках больших курганов. Колесниц часто не одна, а две; можно предполагать, что во второй за телом царя следовала та из его жен или наложниц, которая обречена была следовать за ним в могилу. Обе колесницы, после того как тело умершего царя и убитой жены бывали похоронены, разламывались и обломки их засыпались в кургане. Геродот говорит о четвероугольной большой яме, служившей могилой. Исследование царских могил вносит некоторые поправки в такое утверждение: могилы бывали очень разнообразны по своему устройству, которое было обычно гораздо сложнее, чем говорит Геродот. Часто мы видим целую систему ходов, катакомб, пещер и склепов. Очень возможно, что скифы рано поняли опасность ограбления, грозившую могилам их царей, и устройством сложных и запутанных погребальных помещений стремились эту опасность отвести. Возможно также, что в Днепровских степях скифы переняли в устройстве могил обычаи племен, живших тут до них и уже хоронивших своих покойников в подземных пещерах и катакомбах. Зато сообщение Геродота о подстилке, на которую клали царя, совершенно верно. Следы камышевой подстилки были находимы в очень многих курганах как царских, так и обыкновенных; видимо это был общераспространенный в Скифии обычай.

Более трудно для объяснения известие Геродота о том, что над телом царя устраивали род сени из копий, накрытых дощатым помостом. Наметить изначальную обстановку погребения, в особенности когда покойник погребался не в склепах, а в могиле, вырытой в земле, очень трудно. В могилах были часто находимы наконечники копий и остатки досок. Существовало ли, однако, над телом царя сооружение, описанное Геродотом, этого раскопки не подтверждают, а погребение в склепах, где деревянные предметы менее подвергались тлению, как будто говорят несколько другое. Так напр. и в Куль-Обе и Карагодеушахе были найдены остатки деревянных саркофагов; в земляных могилах, вроде Чертомлыка или Солохи, отдельные сохранившиеся куски дерева не дают возможности решить вопрос, были ли покойники погребаемы в деревянных ящиках или же они полагались открыто под какой-нибудь деревянной сенью.

Известие об умерщвлении царской жены блестяще подтверждается всеми без исключения большими царскими погребениями, дошедшими до нас в сколько нибудь сохранном виде. Великий мира брал с собой жену, которая ему была нужна, как она была нужна ему на этом свете. Ясное указание на сравнительно низкое понятие о загробной жизни, которое привязывало покойника

к могиле и представляло себе посмертное существование в виде бледной копии жизни земной. И царь и его подруга облекались в торжественные и богатые одежды, на них надевались самые ценные украшения, какие бывали в царской казне. Вся одежда как мужская, так и женская бывала расшита золотыми бляхами с выпуклыми штампованными рисунками, до которых скифы были такие охотники. Бляшками расшивалось также и покрывало, которое окутывало тело царя и головное покрывало царской жены. Это ясно видно из расположения пластинок в нетронутых погребениях. На шею надевались драгоценные гривны и ожерелья, женщина покрывалась всеми украшениями, известными в то время: диадемами, серьгами, браслетами, кольцами. Мужчину снабжали дорогим оружием, художественные образцы которого уже описаны мною выше. Знатные скифы любили и вероятно умели ценить ювелирное искусство, семена которого были принесены к ним греками. Геродот полагает, что в гробницы царей клали только золотые чаши. При этом, для обозначения чаши он употребляет слово «фиал», означавший плоскую, широкую чашу. Быть может, он в данном случае имел в виду те художественные фиалы, образчики которых были найдены в Солохе или Куль-Обе. Вспомним, что в Солохе такой золотой фиал был спрятан отдельно, в особой укромной нише. Во всяком случае, однако, в могилу клали не только одни золотые украшения, надеваемые на покойников. Какие художественные и драгоценные предметы зарывались вместе с царем, кроме сейчас упомянутых, можно судить по совершенно исключительному по красоте золотому гребню, найденному в Солохе. Не совсем правильно и указание Геродота, будто в могилу опускали только золотые вещи, а не серебряные и не бронзовые. Достаточно вспомнить художественные вазы и сосуды, лучшими образцами которых служит Чертомлыцкая серебряная ваза, Куль-Обский кувшин из сплава серебра с золотом, серебряный сосуд, найденный в кургане под Воронежем, и серебряные сосуды из Солохи. Надо думать, что когда умирал царь, то опустошалась вся его сокровищница; брали все ценное и не различали из чего сделаны дорогие и красивые вещи, хранившиеся в казне. И бронза и медь также платили свою дань царской могиле. Кроме бронзовых украшений на колеснице, кроме бронзовых доспехов, мы встречаем медные и бронзовые котлы и другие предметы утвари, которая так же, как жена и оружие, считалось необходимостью для загробного существования скифа.

Считалось необходимостью и продолжение службы приближенных к царю лиц, его слуг и рабов, охранявших его земную жизнь, ходивших за его лошадьми, заведывавших его кухнею и погребом. Геродот перечисляет этих лиц, а раскопки вполне подтверждают его известие, к которому можно внести лишь одну поправку: не

во всех могилах хоронились непременно все переименованные Геродотом лица, но почти везде мы встречаем раба, лежащего на почетной страже и охраняющего покой своего господина, и конюха при убитых конях господина. Мне уже случалось говорить о том, как щедры были скифы коневоды на убийство лошадей при смерти владыки или знатного человека.

Данныя археологии идут в этом случае далее Геродота и показывают, что избиение лошадей, которые при этом украшались почти так же богато, как и сам господин, происходило иногда в чудовищных размерах, что особенно заметно в некоторых из более древних степных Кубанских погребений. Кости других домашних животных почти всегда встречаются в царских погребениях в котлах или сосудах, косвенно подтверждая известие Геродота о том, что в могилу царя клали по одной голове каждого вида разводимого скифом скота; часто встречаемое местонахождение их в сосудах указывает, что убитых животных употребляли для тризны, а в могилу клали лишь некоторые их части. Для обеспечения радостного существования царя на том свете в могилу ставили амфоры с вином, находимые почти в каждом царском кургане.

Описывая святилища скифов, Геродот рисует их в виде курганов с тремя отвесными сторонами и одной, более покатой, по которой влезали на такой курган [1]). Повидимому такую именно форму должны были действительно иметь существующие царские надгробные холмы, северный склон которых, даже теперь, когда они расплылись и изменили свою форму, отличается особой крутизной, а южный скат представляется всегда более отлогим.

Геродот рассказывает, что в годовщину смерти царя на его могиле приносили в жертву 50 человек из его лучших рабов и 50 коней. Убитых сажали на убитых коней, укрепляли этих печальных всадников, втыкая в них копья, и расставляли их вокруг царского кургана. Такое известие Геродота проверить нельзя, так как если этот варварский обычай действительно существовал, то мертвые всадники должны были очень скоро становиться добычей разных степных хищников.

«Так хоронили скифы своих царей», заканчивает Геродот описание царского погребения. «В случае же смерти одного из прочих скифов, ближайшие родственники обвозят покойника на повозке по всем его друзьям; каждый из них устраивает угощение провожатым, причем и покойнику предлагает часть всех яств, которые предлагали другим. Частных лиц возят таким образом 40 дней, а затем хоронят. После похорон скифы очищают себя следующим образом: сначала умащают и обмывают голову, а потом для очищения тела устраивают следующее: поставив три

[1]) Herod., IV, 62.

шеста, наклоненные один к другому, натягивают на них шерстяной войлок и, стянув его как можно плотнее, бросают раскаленные до-красна камни в сосуд, поставленный между этими обтянутыми войлоком местами»[1]). Я оставляю в стороне обычай очищения; проверить его по археологическим памятникам невозможно, но первая часть известия Геродота интересна тем, что рисует картину, повторяющую в меньшем размере один из основных и самых оригинальных моментов в похоронах царя. Можно отсюда заключить, что ритуал погребения царя по схеме своей был тожественен с обрядом похорон простых скифов, разница была только в размахе и в подробностях. Я говорил в свое время, что и археологический разбор не указывает на какие-нибудь существенные отличия между обрядом погребения царя и простого скифа; и здесь исследование убеждает, что разница не в существе обряда, а в его пышности. Так и в этом вопросе археологические памятники и Геродот подкрепляют друг друга.

Я до сих пор говорил главным образом о погребениях скифов-кочевников. Совершенно так же, как кочевники южно-русских степей, хоронили своих властителей и жители прикубанских степей. Карагодеушах, насыпанный, может быть, над сарматским царьком, а, может быть, над владыкой какого-нибудь из более древних жителей этих мест, до мельчайших подробностей повторяет картину Чертомлыка или Солохи. Лишь много позднее, как я уже отмечал выше, в первые века нашей эры, тип погребения несколько изменяется и в богатых могилах видны признаки смягчения погребальных нравов и исчезновения обрядовых убийств. У скифов западных в богатых погребениях мы видим почти везде знакомую картину: богатая утварь, полный хозяйственный инвентарь, много предметов греческого происхождения и дела; однако, богатые погребения,— одиночные, и человеческие убийства как будто не распространены. В этом, может быть, надо видеть следствие более мягких нравов, господствовавших у скифов-пахарей.

Религиозные верования и обряды скифов известны нам только в отрывках. Посмотрим, что нам дают письменные и вещественные памятники. По Геродоту, «они чтут только следующих богов: выше всех Естию, затем Зевса и Землю, признавая последнюю супругою Зевса, далее Аполлона, Небесную Афродиту, Иракла и Арея. Эти божества чтут все скифы, а так называемые скифы царские приносят жертвы еще и Посейдону. Естия по-скифски называется Табити; Зевс, правильно, по моему мнению, называется Папай, Земля—Апи, Аполлон—Гойтосир, Афродита Небесная—Аргимпаса, Посейдон—Фагимасад. Скифы не имеют обыкновения ставить кумиры, алтари и храмы ни одному божеству,

[1]) Herod., IV, 73.

кроме Арея; сооружения же в честь последнего у них в обычае» [1]). Святилище Арея, по описанию Геродота,—не что иное, как большие курганы, отвесные с трех сторон и пологие с одной и напоминающие формой своей царские погребальные курганы. На четвероугольной площадке, составляющей вершину кургана-святилища, водружен старинный железный меч, служащий символом бога. Ему совершались даже человеческие жертвоприношения. Отмечу мимоходом, что Геродот подчеркивает отсутствие кумиров и указывает на меч, как на символ божества. Ясное доказательство того, что так называемые каменные бабы не его времени и не древне-скифского происхождения.

Несмотря на то, что скифы не имели изображений богов в эпоху Геродота, образы их богов все-таки дошли до нас от более позднего времени и в работе греческих мастеров. Одно из таких изображений сохранилось на золотой пластинке греческого головного убора из кургана Карагодеушах. В нижней части этой пластинки мы видим богиню в широком платье и высоком кокошнике с покрывалом, которая держит чашу; к последней протягивает руку стоящий налево от богини человек. Приобщение—мистическое сочетание с богиней—торжественный акт, который изображается и на других произведениях Босфорских греков, работавших на скифов. По правую руку богини стоит жрец энарей-евнух, сзади—жрицы. На ободке серебряного ритона, добытого в том же Карагодеушахе, бог, сидящий на коне, как бы совершает акт какой-то милости по отношению к человеку, вероятно царю, находящемуся перед ним.

Таким образом, мы вправе сказать, что изображения скифских божеств все же были, хотя все дошедшие до нас делались рукою чужеземцев—греческих мастеров и притом во времена, гораздо более поздние, чем те, когда жил и писал Геродот. Явление это можно об'яснить различно: или взгляды и воззрения постепенно менялись, или греческий религиозный антропоморфизм, по крайней мере в искусстве, оказывал свое могучее влияние на постепенно смягчившиеся нравы варваров, или же, наконец, религиозные воззрения синдов и мэотов, в земле которых был насыпан Карагодеушах, отличались, по крайней мере, в вопросе об изображениях богов, от воззрений Днепровских скифов, описанных Геродотом. Что некоторые отличия в религиозных воззрениях и в культах этой местности от других областей Скифии существовали, доказывают известия о больших храмах, существовавших на Таманском полуострове и посвященных именно высшему женскому божеству. По дошедшим до нас поздним свидетельствам, храмы имели большие земельные трритории, владели

[1]) Herod., IV, 59.

рабами, вели хозяйство. Один из таких храмов был около Горгипии (Анапы), другой у Фанагории, третий на теперешнем мысу Бориса и Глеба, вдающемся в Ахтанизовский лиман. Богиню, чтимую в этих храмах, греки отожествляли то с Афродитой, то с Артемидой, но в основе это — древнее местное высшее женское божество, с которым мы неизменно встречаемся, как только из чисто эллинского мира мы переходим в мир переднеазиатский.

По рассказам Геродота, у скифов совершенно не существовало особого сословия жрецов; описывая жертвоприношения, он не определяет приносящего жертву, как особое религиозно-должностное лицо; выделяет он только гадателей, предсказывавших будущее, раскладывая ивовые прутья и собирая их вновь; он говорит, что среди гадателей было много энареев, т.-е. слабых и больных людей, неспособных к военно-походной жизни.

Необходимо, говоря о верованиях скифов, отметить широко распространенный обычай побратимства, запечатлевавшийся питьем крови из общей чаши. Изображения этого обряда очень часто встречаются на золотых бляшках.

Вдумываясь в смутную картину, которая предстает перед нами, когда мы собираем по крупицам материалы для знакомства с религией скифов, кажется возможным уловить в ней два не вполне сливающихся вместе течения, которые, может быть, соответствуют и двум стихиям, из которых, вероятно, сложился народ скифов. Первоначальное отсутствие изображений богов, представление о Зевсе-Папае, как о конном боге войны (поскольку мы можем судить о нем по изображениям, подобным находящемуся на Карагодеушахском ритоне), наконец, культ меча, — все это, повидимому, иранские элементы. Наоборот, почитание высшего женского божества, отмечаемое Геродотом у скифов и еще более заметное у синдов и мэотов, существовавшие по преданию у киммерийцев и тавров, роднит религию скифов с древним яфетическим миром и с современными скифам культами Малой Азии. Так и в религиозных воззрениях и в остатках языка скифов одинаково сказывается то загадочное сочетание иранства и яфетического мира, которое составляет отличительную и интереснейшую черту древней культуры передней Азии и юго-восточной Европы.

О религии сарматов мы знаем еще менее, чем о религии скифов. Самое отсутствие новых сведений о ней дает повод думать, что она немногим отличалась от религии их предшественников, во всяком случае, там, где сарматы вступали в длительное и мирное соприкосновение с цивилизованным миром, как это было, например, в Босфорском царстве, там их религиозные воззрения не оставили каких-либо заметных следов и не были подмечены сторонними наблюдателями из греко-римского мира. Можно, впрочем, думать, что поскольку сами сарматы были грубее и

диче, нежели успевшие в течение нескольких веков смягчиться скифы, настолько должны были быть грубее и их верования. Существовали ли какие-нибудь особенности в верованиях западных скифов-пахарей, этнические элементы которых могли существенно отличать их от скифов-кочевников, мы, по современному состоянию наших знаний, сказать ничего не можем.

Изучая быт греческих черноморских городов, я ставил и пытался посильно разрешить вопрос, насколько влияние степных варваров изменяло характер жизни эллинов-переселенцев. Я думаю, что конечный результат этого влияния можно выразить словом варваризация. Живя целые века бок о бок с варварами скифами и сарматами, греки огрубели и восприняли многое в повседневном обиходе от этих варваров. Простое огрубение более всего сказалось в Ольвии, усвоение греками туземных обычаев и воззрений сказывается более всего в Босфорском царстве, рядом с которым жили оседлые и более культурные соседи. Этим объясняется та сильная иранизация Босфорского царства, которая составляет типичную черту в жизни этой страны в первые века христианства. Теперь настало время рассмотреть обратную сторону процесса и проследить, как влияло соседство греческих народов на быт и нравы туземцев. И на этот вопрос уже можно найти некоторый ответ в предыдущем изложении. Мы видели уже неоднократно, как в самые ранние времена существования скифов с одной стороны, греческих городов с другой, эллинское культурное влияние далеко простиралось вглубь страны, исходя из Ольвии и из Пантикапея.

Но кого оно касалось и можно ли говорить о безраздельном влиянии греческой цивилизации на всех туземцев? Я думаю, что нет. Греческие предметы утвари и драгоценные художественные произведения были находимы повсюду, но, однако, только в богатых погребениях. Рядом с богатыми погребениями существует много скифских курганов с самым бедным инвентарем и с полным отсутствием следов какого бы то ни было влияния греческой цивилизации. Из этого, я думаю, можно сделать тот вывод, что греческое культурное влияние распространялось только на высшие, знатные и богатые круги туземцев. Я думаю, что можно было бы в данном случае сделать следующее уподобление. В Московской Руси в XVII веке можно было уловить период, когда западное культурное влияние проникало в царский двор, в круг московской знати, но в то же самое время широкие массы народа оставались ему глубоко чуждыми. Такую же картину, как мне кажется, можно было наблюдать в Скифии VI—III веков до Р. Х.

Если в первые века существования греческих колоний едва ли не первое место в смысле круга культурного влияния принадлежало Ольвии, то позднее первенство, вне всякого сомнения, перешло к Босфорским городам. В Пантикапее возникает и достигает дли-

тельного и блестящего расцвета местная художественная промышленность, работающая не только на местных богачей, но едва ли не в большей степени на синдских, меотских, а позднее и на сарматских царей, царьков и магнатов. Первоначально предметы, конечно, вывозились из Греции; в архаический период, особенно хорошо прослеженный в Ольвии, лучшие вещи привозились из метрополии, а черноморские колонии давали только торговцев и посредников, сбывавших эти предметы внутрь страны в обмен на хлеб, скот и другое сырье, шедшее из Скифии. Но затем, постепенно, появляются и местные художники, которые гораздо лучше, чем греки в метрополии, знают вкусы варваров и умеют работать специально для них. Они работают, конечно, и на свой местный рынок. В своеобразной туземно-феодальной и вместе с этим эллинско-купеческой среде, какую представляло собой Босфорское царство, было много своих богачей, охотно покупавших драгоценные и художественные вещи. Художники работали на Босфорское государство; это характерно сказывается на Пантикапейских монетах, особенно художественно чеканившихся в IV—II веках до Р. Х. Как раз именно это время и есть время расцвета художественной промышленности, работавшей для скифского рынка. Ведь именно тогда сооружались Чертомлык, Солоха, Карагодеушах, Куль-Оба и др. подобные им курганы. Я не буду вновь перечислять здесь сокровища, добытые в названных сейчас погребальных памятниках, но достаточно взглянуть на Чертомлыцкую вазу с ее поразительными по своему художественному реализму сценами из скифского быта, на мало чем уступающую ей Куль-Обскую вазу, на вазы, добытые в последние годы археологических работ из Воронежского кургана и из Солохи, чтобы убедиться с одной стороны в том, что художники греческих городов работали прекрасно, а с другой стороны, что эти сосуды изготовлялись специально для скифов и, вероятно, по заказу скифских магнатов и царьков. Ведь грек для грека не стал бы на художественной вазе изображать длинногривых скифов в их уродливых, с точки зрения греческих понятий об изящной одежде, шароварах. А художественные золотые ножны из Солохи, Чертомлыка или Карагодеушаха, ведь их также делали нарочито для скифов, по скифским образцам и по скифским заказам. Или, наконец, удивительный золотой гребень, положенный в Солохе вместе со скифским царьком; ведь и он со своей греческой по замыслу сценой конного боя мог быть исполнен только по заказу степного собирателя сокровищ. Способность собирать такие вещи уже требует некоторого художественного понимания, а это, в свою очередь, подразумевает некоторую ступень культурного развития. Скифский царек или богатый купец, ведший торговлю с приморскими греками, оставаясь грубым варваром в повседневном

быту, мог уже во времена Геродота понимать и ценить красоту греческого искусства. Если бы этого не было, то нельзя себе представить, как собирались такие, по истине тонкие и ценные коллекции, которые потом, вместе с обладателем их, зарываемы были в каких-нибудь Чертомлыке, Куль-Обе, Солохе и т. д. Без тонкого понимания со стороны заказчика внутрь страны сбывали бы грубые вещи, богатые по материалу, и только.

Мы совсем не знаем истории центральной скифской державы после половины V века; мы знаем только, что постепенно она слабела под натиском Сарматов, и что во II веке скифское царство Скилура занимало лишь незначительную часть территории прежней скифской державы. А между тем, именно на эту эпоху политического упадка приходятся самые богатые царские погребения. Нельзя ли установить какое-нибудь соотношение между двумя отмеченными сейчас явлениями? Я думаю, что, хотя и гадательно, но это возможно. Развитие художественного вкуса и тонкого понимания искусства у скифских царей могло итти обратно пропорционально их воинственности и внешней дикости, а следовательно, его можно считать косвенным признаком падения прежнего скифского могущества и энергии, так ярко сказавшегося хотя бы в защите скифами своей земли от войск царя Дария. Цари-артисты и подражавшие им вельможи не были прежними доблестными воинами; в роскоши, развившейся под влиянием греческой культуры, слабела прежняя скифская военная доблесть. Это не значит, конечно, чтобы сильно менялись формы быта и нравы. Цари Чертомлыка и Солохи, как и царь Карагодеушаха, как и их предшественники, влекут за собой в могилу и жену и ближайших верных рабов и любимых коней; в этом отношении никакого смягчающего влияния греческая цивилизация не оказывает. То же самое делает и предполагаемый скифский принц-изгнанник, погребенный в Куль-Обе.

Их предки за несколько веков до того погубили Анахарсиса и Скила, слишком смело предавшихся увлечению эллинством. Анахарсис и Скил были в свое время исключениями; не знаю, были ли подобные им исключения в IV—III веках, но думаю, что если бы скифы этой эпохи не погубили бы их, то, в лучшем случае, остались бы равнодушными к их стремлениям.

Наблюдения, сделанные сейчас, одинаково приложимы как к Днепровским скифам, так и к племенам, обитавшим к востоку от Таманского полуострова и Азовского моря. И там мы наблюдаем внешнее художественное влияние эллинского мира, видим его даже в большей, может быть, степени, чем к северу от Крыма, но и там продолжают жить жестокие погребальные обряды и там мэотянка Тиргатао совершает свои бранные подвиги, свидетельствующие о незыблемости местного варварского миросозерцания.

Я бы сказал, что в отношении быта и нравов степь и ее варвары оказывают на босфорскую знать больше влияния, чем греческая культура на знать степную. Кто были артисты, работавшие на варварский рынок? Первоначально это были, конечно, греки; позднее между ними могли быть эллинизовавшиеся в Босфоре варвары или же греки, постепенно варваризовавшиеся. Так было во всяком случае в первые века нашей эры, когда в Босфорском царстве, после периода смут, при новой династии начала все более и более развиваться иранизация, отмеченная нами в своем месте. Напомню сосуд, найденный в Новочеркасском кладе, с его надписью: Xebanoú okTarúlas epoíei» Владелец Ксебанок носит не греческое имя; это не важно, он заказчик. Но Тарул, художник, — тоже не грек, а научившийся греческому мастерству варвар. Впрочем, безразлично, греки или варвары, босфорские художники первых веков христианства продолжали работать на варварский рынок и продолжали уметь чувствовать его желания и вкусы. Теперь в степи обитали сарматы, более отсталые и грубые, нежели скифы последних времен. Им не нужно было тонкое искусство, вдохновляемое образцами классической Эллады; они требовали побольше золота и побольше цветных камней, и художники работали на их грубые вкусы. Создается новый стиль, интересный с точки зрения археологии, но мало удовлетворяющий требованиям тонкого художественного чутья. О самих сарматах мы знаем гораздо меньше, чем о скифах; в своих погребальных обычаях они были как будто менее жестоки, но это обстоятельство мы не имеем никакого основания ставить в связь с греко-римским влиянием. До самого конца, т.-е. до великого переселения народов, они остаются дикарями и, по скудным известиям, которыми мы о них располагаем, не поддаются сколько-нибудь влиянию греко-римской цивилизации. Воздействие последней на них ограничивается чисто внешними чертами, внешними заимствованиями в области материальной культуры и только. Впрочем, наблюдаемая в первые века христианства варваризация [illegible] приморских греческих колоний создавала серьезные затруднения тому, чтобы цивилизующее влияние заключалось [illegible] поставке варварам грубоватых изделий из золота и [illegible].

Проводниками цивилизации в глубь степей кроме художников могли быть [illegible] купцы, езжавшие к скифам и может быть еще [illegible] Ольвию. Они были и оставались до конца посредниками [illegible] цивилизованным миром и варварской страной. Но предприимчивые и энергичные купцы, искатели приключений, не боявшиеся предпринимать далекие опасные экспедиции, преследовали [illegible] наживы, а не цивилизации. После себя они оставляли только [illegible] и наконец, и встречались они единицами, и если [illegible] вспомнить, то только для того лишь, чтобы

еще раз в заключение сказать, что влияние греческой и греко-римской цивилизации на скифов, сарматов и на другие племена, обитавшие к северу от Черного и к востоку от Азовского морей, было главным образом внешним, материальным. Что же касается проникновения в варварский мир идей классического мира, то оно наблюдалось только в единичных случаях, которые, как всякие исключения, только подтверждают общее правило.

Важнейшая литература:

анилевский. Скифские древности. СПБ. 1887 г.
ой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памят-
ства. В. П. СПБ. 1889 г.
thians and Greeks. Camb. 1913.
ев. Эллинство и иранство на юге России. 1918 г.
. Scythica et Caucasica. Известия древних писателей,
римских о Скифии и Кавказе. 2 т. СПБ. 1890—1904 г.
ssland im Altertum. Bonn-Lepzig. 1921.

Издательство БРОКГАУЗ-Е
ЛЕНИНГРАД, Прачешный пер.. 6. Тел. 5

ИСТОРИЯ и АРХЕОЛО

Акад. **Б. А. ТУРАЕВ.** — Классический Вост
смертный труд под редакцией и с
ниями профессора В. В. Струве и проф
Н. Д. Флиттнер).
Т. I.—Введение.—Вавилон. Ц. 3 ру
Т.Т. II и III.—Печатаются.

Проф. **О. А. ДОБИАШ-РОЖДЕСТВЕНСКАЯ.** Истори
в средние века. Ц. 2 руб. 25 коп.

ЕЕ ЖЕ. — Западные паломничества в средни
Ц. 1 руб.

Проф. **О. Ф. ВАЛЬДГАУЕР.** — Римская пор
скульптура (с 40 илл.). Ц. 2 руб.

ЕГО ЖЕ. — Античная скульптура в Эрмитаже (с 38
Ц. 5 руб.

В. А. НИКОЛЬСКИЙ. — Древне-русское декора
искусство (с 24 илл.) Ц. 2 руб.